4/366

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

ПРОВ. 1935
ДБ 400/С30
4366
947 М-77
КАБИНЕТ
ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
182709

МОНАРХИЯ ПЕРЕД КРУШЕНИЕМ

1914—1917

БУМАГИ НИКОЛАЯ II
И ДРУГИЕ ДОКУМЕНТЫ

СТАТЬИ
В. П. СЕМЕННИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Государственное Издательство
Типография
Печатный Двор
Ленинград
Гатчинская 26

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
182709

Гиз № 10559.
Ленинградский Гублит № 19979.
20 л. Тираж 4.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта книга, в основной своей части, состоит из бумаг, входивших в состав личного архива Николая II, хранившегося при нем в его царскосельском дворце. Этот романовский архив, включавший в себе не только бумаги семейного характера, но и некоторые документы крупнейшего государственного значения, был довольно велик и, после Октябрьской революции, поступил в Центрархив РСФСР.

В настоящую книгу вошли некоторые документы лишь из одной части этого романовского архива, изъятой, после Февральской революции, по распоряжению Временного правительства, из дворца Романовых и попавшей «по ошибке» в действовавшую тогда Чрезвычайную Следственную комиссию; [1] через некоторое время после Октябрьской революции эта часть также поступила в законное для своего хранения место — в Центрархив, в особый отдел Архива Октябрьской революции, где и была присоединена к другим романовским бумагам.

Из этой, в общем довольно значительной, группы документов были использованы для настоящей книги лишь те, которые представляли наибольшую историко-политическую ценность и были вообще связаны с теми событиями, или теми моментами, которые казались особенно характерными для истории последнего периода существования русской монархии, — периода империалистской войны и, главным образом, 1916 г.

Кроме бумаг Николая II, в книгу включены также некоторые, в большинстве случаев логически с ними связанные, бумаги Штюрмера, бывшего в 1916 г. (с января по ноябрь) председателем совета министров; [2] правда, этот «глава» правительства был не более как пешкой в руках некоронованного властителя царской России — Распутина, но тем не менее в бумагах «премьера» нашлось все-таки достаточное количество документов, пред-

[1] Именно в качестве о ш и б к и рассматривал факт поступления этих бумаг в комиссию председатель ее Муравьев — см. «Падение царского режима», т. VI, стр. 372.

[2] Он был также некоторое время министром внутренних дел, а с июля по ноябрь — министром иностранных дел.

ставляющих интерес для характеристики работы государственного аппарата в этот последний период.[1]

Помимо этой первой, документальной части книги, довольно значительное место в ней занимают мои статьи, теснейшим образом связанные с печатаемыми документами. Эти статьи имеют целью не только пояснить, комментировать находящиеся в книге документы, но и, путем привлечения целого ряда различных других данных, несколько расширить, в каждом отдельном случае, ту картину, которая вырисовывается из того или иного документа, чтобы таким путем различные факты и штрихи теснее привязать, в качестве материала, к общей истории последнего периода монархии.

Вместе с тем, уделяя значительное место этим статьям, я имел в виду и ту мысль, что такие статьи, написанные, несмотря даже на их недостатки, всё же не казенным, официальным языком, могут несколько оживить это издание, несколько расширить круг его возможных читателей, сделав книгу более доступной даже и для тех лиц, внимание которых обычно не останавливают на себе простые сборники официальных документов.

Несмотря на случайный, в общем, состав материала, книга эта, как мне представляется, затрагивает ряд существенных для истории последнего периода монархии вопросов, — при чем по содержанию своему входящие в книгу документы весьма разнообразны. Они касаются не только внутренней политики России, но и внешней — в книге дано несколько важных документов из области отношений России к Англии, Франции, к Балканским государствам, к Румынии, к Швеции и пр., в двух-трех случаях помещены также документы, касающиеся военных операций, рассматриваемых, впрочем, не с военной, а с историко-политической точки зрения.[2]

В общем, как материал, книга может послужить для обоснования тех или иных выводов по истории падения монархии, но, конечно, уже в силу своего общего характера, не дает возможности, лишь на основании одних здесь напечатанных документов, делать какие-либо общие выводы.

В моей, недавно вышедшей, книге «Политика Романовых накануне революции» основное направление правительственного курса (начиная с того времени, когда у власти фактически стал Распутин) определяется словами: «от Антанты—к Германии». Этому уклону в области «ориентации» внешней политики соответствовала и политика внутренняя, всё более и более тяготевшая к самой крайней реакции, к торжеству ничем неограниченного самодержавия. Само собой понятно, что предлагаемая вниманию

---

[1] Эти бумаги Штюрмера были у него отобраны после Февральской революции; в настоящее время также хранятся в Центрархиве.

[2] Документы на иностранных языках печатаются в тексте книги в русском переводе, но в приложении приведены и подлинные тексты главнейших иностранных документов.

читателя книга, уже по разнообразности своего состава, гораздо шире того, чтобы на основании ее выявлять какую-либо одну, хотя бы и руководящую, линию царской политики; в частности, вопросов, связанных с постепенно обнаруживавшимся после первого года войны тяготением романовской политики к сепаратному миру с Германией, я в этой книге почти не касаюсь, так как всё, что могло быть мной сказано по этому поводу, уже изложено в названной выше работе.

С тем большим, однако, вниманием я останавливаюсь в статьях, помещенных в настоящей книге, — поскольку возможность к этому представляют печатаемые материалы, — на тех вопросах, которые характеризуют зависимость царской России от англо-французского капитала. Война чрезвычайно укрепила цепи, привязывавшие царскую Россию к ее «союзникам», и обязанностью служить им своей армией, в ущерб собственным империалистским целям, несомненно отчасти объясняются и военные поражения России. Факты, свидетельствующие о деспотической власти «союзного» капитала над царской Россией, ярки и общеизвестны,— и те штрихи, которые дает настоящая книга для характеристики этого явления, в сущности, лишь немногое прибавляют к общей, уже вполне определенной картине.

Зато для оценки внутреннего курса правительственной политики, для определения социальных групп, его поддерживавших, и для общей характеристики «работы» государственного аппарата книга представляет довольно много материала.

Рассматривая в отдельных статьях различные, связанные с печатаемыми документами, вопросы, я и здесь, в предисловии, хотел бы остановиться всё же на одном, главном пункте общего характера, — а именно на вопросе о том, к чему вела правительственная политика и каковы должны были быть ее последствия; считаю полезным уделить этим вопросам внимание потому, что книга дает вполне определенные на это ответы.

Возвращение к системе «чистого», неограниченного самодержавия, неприкрытого даже 3-июньской Думой, — вот тот маяк, к которому стремилась итти царская власть. Эта цель была с полной определенностью указана Николаем еще в октябре 1913 г., за девять месяцев до начала войны, в письме его к министру внутренних дел Маклакову. В этом письме Николай сообщал, что он считает необходимым немедленно обсудить в совете министров его давнишнюю мысль об изменении той статьи закона о Гос. Думе, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями, внесенными Гос. Советом в тот или иной законопроект и не утвердит его, то последний уничтожается. «Это, — восклицал Николай, — при отсутствии у нас конституции — есть полная бессмыслица».

Какие же именно конечные перспективы намечал при этом Николай — чрезвычайно ярко видно из дальнейших его слов!

«Представление, — писал он, — на выбор и утверждение государя мнений большинства и меньшинства (Думы) будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, — и при том в русском духе».[1]

Вот идеал правящей клики — «прежнее спокойное течение»!

Эта цель была намечена Николаем еще до войны, но война отнюдь не уничтожила тяготения к этому, — наоборот, чем дольше продолжалась война, тем усиленнее стало проявляться у распутинской власти стремление вести политику к тому руслу, по которому, в конце концов, могло бы пойти это «прежнее спокойное течение».

Книга дает ряд примеров, ярко характеризующих именно это направление правительственного курса, — она же наглядно выявляет и те социальные группы, которые поддерживали и укрепляли такую правительственную политику. Во главе этих групп стояли, конечно, представители крупного дворянского землевладения, — именно на них и строила, например, распутинская власть расчеты, когда вырабатывала план фальсификации выборов в V Гос. Думу. Агентами правительства и крупных дворян-помещиков по одурачению народных масс должны были при этом являться «служители креста», — все, во главе с архиереями и кончая мелкими сельскими попами. Этот новый «крестовый поход» был направлен не против инаковерующих, как это происходило в средние века, а против всех политических «еретиков» — всех «левых». При этом, — согласно взгляду правительства, — к числу этих последних относились все те, кто были левее «правых октябристов».

К отмеченному дворянско-поповскому блоку добровольно примкнули и некоторые, связанные с банками, слои крупной промышленной буржуазии, — это видно уже из того факта, что, когда шла подготовка к упомянутым выборам в V Думу, то банки предложили распутинской власти крупные денежные суммы для ведения совместной кампании.[2]

Но крайняя реакционная политика распутинской власти нашла себе поддержку не только у этих русских групп: она встретила сочувствие и за рубежем — у руководящей группы французской «демократии». Трудно представить себе что-либо общее между фактическим главой России — Распутиным и главой французских империалистов — Пуанкарэ, тем более, что и в основном вопросе — вопросе о войне — их позиции были совершенно различны: Распутин был «пацифистом», Пуанкарэ весь горел пламенем французского империализма, — но, несмотря на это, и Распутин и Пуанкарэ сходились на одном пункте: на вопросе о необходимости реакционного курса романовской политики.

---

[1] См. в тексте книги «Из переписки Николая II с министрами».

[2] См. «Проект выборов в V Гос. Думу».

При этом, в единомыслии с русскими помещиками и попами оказались даже французские «социалисты». Достоверно известно, что именно эти последние, в лице командированных Пуанкарэ к Николаю II Альбера Тома и Вивиани, советовали царскому правительству произвести милитаризацию русских рабочих, — и весьма вероятно, что из того же французского источника шли указания о необходимости введения в России, «по французскому образцу», — предварительной цензуры.[1]

Таким образом, в области воздействия на русскую политику намечался некоторый «контакт» Распутина, Маркова 2-го и т. п. — с одной стороны, Пуанкарэ, А. Тома и К⁰ — с другой. Надо, однако, сказать, что позднее французское правительство стало постепенно переносить свои симпатии от русского правительства в сторону русской либеральной буржуазии, — но причины этой перемены лежали только в том, что французская «демократия», серьезно усомнившись в способности царской власти вести войну, стала видеть теперь в русской либеральной буржуазии более надежную опору для своих империалистских интересов.

Всё сказанное нами намечает, под влиянием каких именно социальных групп направлялся русский государственный корабль к неограниченному самодержавию. Осуществление этой цели виделось уже после войны, т.-е. именно тогда, когда либеральная буржуазия ожидала получить «реформы»...

Что же могла противопоставить эта буржуазия назревавшему штурму реакции? Одни слова, слова об «общественном доверии», ответственном министерстве и т. п. Другого орудия, кроме этих слов, у буржуазии не было, да и не могло быть, так как она сама сознавала двустороннюю опасность даже своих красивых речей, а не только уже каких-либо активных действий.

«Наши способы борьбы (с правительством),—писал в августе 1916 г. Гучков ген. Алексееву, — обоюдоострые и, при повышенном настроении народных масс, особенно масс рабочих, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть ни локализовать»![2]

Возможность «пожара», т.-е. революции пролетарских масс, — вот что более всего парализовало всю «борьбу» с правительством либеральной буржуазии, вот что в тот момент, когда романовская власть кровавой диктатурой стремилась подавить революцию, побуждало буржуазию поддерживать падавшего колосса, называвшегося Российской империей, и стараться подкрепить его чахлыми «вытяжками» из своих либеральных желез.

Когда же безнадежность этой задачи стала ясна даже для буржуазии, — тогда ей не оставалось ничего иного, как, формально приняв участие в революции, приложить вместе с тем

---

[1] См. «Миссия А. Тома».
[2] См. — «Ген. Алексеев и Гучков».

все усилия к тому, чтобы,—по словам Милюкова, — ввести движение в «спокойное русло».

Но по этому «спокойному руслу» — как это показали все послереволюционные действия буржуазии — могло бы пойти нечто иное, чем столь желанное для Николая II «прежнее спокойное течение законодательной деятельности».

Оценивая все это, мы можем сделать вывод, что вся правительственная политика предрешала уже неизбежность столкновения самодержавия, но не с либеральной буржуазией, а с пролетариатом, — победа же последнего означала не буржуазную, а пролетарскую, социалистическую революцию.

Таким образом, в печатаемых документах прошлого обнаруживаются и некоторые корни настоящего: необходимость социалистической революции, кроме общих своих причин, была в известной мере предопределена как всей дореволюционной политикой царского правительства, стремившегося вернуть страну к неограниченному самодержавию, как бессилием русской либеральной буржуазии, так и тем, что основные опоры не только крупнейшей промышленной буржуазии, но и всей русской капиталистической системы, — банки, были не только финансовыми центрами, но и оплотами контр-революции,

В. Семенников.

МОНАРХИЯ ПЕРЕД КРУШЕНИЕМ

МИССИЯ АЛЬБЕРА ТОМА.

(Письмо Пуанкарэ к Николаю II.)

Печатаемое здесь письмо соединяет имена двух лиц, возглавлявших империалистов Франции и России — Пуанкарэ и Николая II; но с этими двумя лицами письмо связывает еще двух: Альбера Тома, одного из главарей II Интернационала, и, хотя менее видного, но тоже «социалиста», Вивиани. Письмо касается командировки, в апреле 1916 г., этих «социалистов» к русскому царю для того, чтобы побудить его напрячь все силы для служения интересам французско-английского капитала, и, помимо своего непосредственного интереса для характеристики этой миссии, представляет яркий штрих для общей оценки того падения, до которого дошли вожди II Интернационала.

Французские «социалисты» не усматривали, надо думать, ничего странного в том, что их посылали к русскому царю в качестве агентов французского империализма,— правда, с такой внешне скромной и вполне, казалось бы, приемлемой для «социалистов» целью, как желание империалистов Франции «засвидельствовать уважение» их к царю России. Однако, Р. Пуанкарэ прекрасно знал, что русский царь, мало разбираясь в том, что представляют собою посылаемые делегаты, мог бы, пожалуй, счесть для себя оскорбительным общение с теми лицами, которые называли себя социалистами.

Поэтому, чтобы не очень растревожить Николая II этой командировкой, французское правительство, в состав которого эти «социалисты» тогда входили, решило предпринять соответствующую подготовку; в первой своей стадии она была поручена французскому послу в России Палеологу, который и рассказывает об этом сам в своих мемуарах. Палеолог гово-

рит, что, узнав о предстоящем приезде А. Тома, он начал подготовлять почву у Сазонова для «наилучшего приема» Тома царем; Сазонов обещал Палеологу постараться это исполнить, но последний заметил, однако, у русского министра «тайное беспокойство», так как, по объяснению Палеолога, «пламенный (!) и заразительный (!) социализм» Тома был не по душе Сазонову. Вследствие этого Палеолог приложил все усилия, чтобы уверить русского министра в патриотизме Тома, в его стремлении «поддержать согласие между рабочими и предпринимателями», — одним словом — «о всем напряжении его сил и таланта для служения священному союзу». [1]

Но этого было еще мало: для большего успеха командировки Тома сам президент Французской республики Пуанкарэ счел нужным дать и от себя личную ему рекомендацию, в особом печатаемом нами письме к Николаю, в котором старался рассеять те предубеждения, какие могли быть у русского царя в отношении к французскому «социалисту».

«Альбер Тома, — писал Пуанкарэ, — помощник государственного секретаря и министр военных снабжений, руководил во Франции с удивительным уменьем и неутомимым рвением производством артиллерийских орудий и снарядов. Лучше чем кому бы то ни было ему известно, что в современной войне решающая роль, на ряду с полевой артиллерией, принадлежит артиллерии тяжелой, дальнобойной и обильному снабжению ее снарядами крупного калибра. Он содействовал развитию во Франции производства, которое, к сожалению, было весьма незначительно, и остается таким до сих пор в союзных с нами странах. Он сумел объединить для этой цели в едином усилии инициативу государства и частной промышленности; он обеспечил себе верную помощь хозяев и рабочих, — и вот уже много месяцев, как все производительные силы страны стремятся к увеличению нашего военного снаряжения...».

Пуанкарэ в этой характеристике не преувеличивал империалистского усердия А. Тома: все эти за слугипо тяжелой, дальнобойной и прочим артиллериям, действительно, числились за этим «социалистом». Что после этого оставалось делать Николаю Романову? Он ласково принял А. Тома и предоставил ему, для успеш-

---

[1] См. П а л е о л о г. «Царская Россия накануне революции», II. 1923 г., Госуд. Изд — во, стр. 107.

ного исполнения его миссии, все возможные удобства, включая сюда и содержание на свой царский счет.[1]

Из печатаемого здесь письма Пуанкарэ цель приезда французских делегатов выясняется только в самых общих чертах. Но словоохотливый Палеолог обо всем этом говорит более определенно. Вот те цели, ради которых, — по словам Палеолога, — прибыли в Россию А. Тома и Вивиани:

«1) выяснить военные ресурсы России и постараться дать им бо́льшее развитие;

«2) настаивать на посылке 400 000 человек во Францию, партиями по 40 000 человек;

«3) повлиять на Сазонова в том смысле, чтобы русский генеральный штаб больше шел бы навстречу Румынии;

«4) постараться получить какие-либо обещания относительно Польши».[2]

Все это достаточно важные пункты; но центральным из них для французских социал-империалистов был, несомненно, вопрос об отправке четырехсот тысяч русских солдат во Францию. Теперь уже всем известно, на какую жалкую роль были обречены посланные во Францию русские войска: они, в сущности, просто были проданы русским царем в рабство французским империалистам. И вот для проведения, главным образом, именно этой сделки по покупке русского «пушечного мяса» на французский рынок и прибыли прежде всего в Россию гг. Тома и Вивиани.

Все усилия приложил А. Тома для достижения этой цели, — и, по словам Палеолога, когда этот французский «социалист» выпрашивал у Николая русских солдат, то все существо А. Тома обладало даже свойством «излучения».[3] Но этот светящийся сиянием капитализма «социалист» не ограничился указанными важными целями. Он, совместно с Вивиани, счел долгом преподать царскому правительству также некоторые советы о том, как надо относиться к русским рабочим и какие вообще мероприятия нужно провести в области внутренней политики.

Крайне характерный в этом отношении эпизод сообщает тот же Палеолог. Дело происходит на каком-то парадном завтраке; А. Тома беседует со Штюрмером; их подслушивает Палеолог.

---

[1] Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 117.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 120.

— Заводы ваши работают недостаточно напряженно, — говорит Альбер Тома (Штюрмеру), — они могли бы производить в десять раз больше. Нужно было бы милитаризировать рабочих.

— Милитаризировать наших рабочих! — восклицает Штюрмер.... — Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас...

«Так, — добавляет Палеолог, — рассуждали в лето 1916 самый яркий представитель социализма и представитель русского самодержавия». [1]

Из этого видно, что русский черносотенный бюрократ оказался в данном вопросе либеральнее французского «социалиста». Но почему? Почему произошло такое странное явление? Этого Палеолог не объяснил. Но мы знаем — почему. Во всяком случае, вовсе не по той причине, что Штюрмер был противником предлагаемой А. Тома меры. Наоборот, реакционный русский министр всегда поддерживал план милитаризации заводов. Это видно хотя бы из переписки Романовых: так 6 марта (ст. ст.) 1916 г. А. Ф. Романова писала Николаю, что Штюрмер в беседе с ней высказывал мысль, что «фабрики следовало бы милитаризировать во время войны; этот проект, — как сообщал Штюрмер, — уже давно лежит в Думе, но его не рассматривают, потому что они (т.-е. члены Думы) против него». [2]

Итак, нельзя сказать, что русское правительство отстало в этом отношении от французского «социалиста». Причина же того, что Романовы, Штюрмеры и К° не приводили в исполнение этой меры, заключалась, однако, вовсе не в Думе, ибо правительство, если бы пожелало, могло провести это мероприятие, подобно многим другим, помимо Думы.

Причина была в том, что царское правительство боялось противодействия этому рабочих масс. И справедливость этого нашего указания подтверждается тем, что, когда, после происходившей в феврале 1916 г. длительной стачки на Путиловском заводе, было решено секвестровать этот завод, то правительству пришлось столкнуться с открытым отпором рабочей массы. Приведенные выше цитаты из письма А. Ф. Романовой как раз и связаны с вопросом о стачке на Путиловском заводе.

---

[1] Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 121.

[2] «Письма императрицы Александры Федоровны к Николаю II». 1922 г., том II, стр. 32. — Далее, при ссылках, обозначаем эту книгу сокращенно: «Письма А. Ф.».

Таким образом, французскому социалисту, агенту французских империалистов, пришлось, хотя и в беседе со Штюрмером, почувствовать голос русских рабочих, парализовавший задания миссии «пламенного социалиста» А. Тома.

Раз мы имеем уже такой колоритный эпизод из области вмешательства французского правительства (и, в частности, А. Тома) во внутреннюю политику царской России, то нам хотелось бы обратить внимание и еще на один факт.

Гг. А. Тома и Вивиани уехали из России, закончив свою миссию, 4 мая (ст. ст.) 1916 г. Едва успели они отправиться на родину, как у того же Штюрмера созрел проект о введении в России предварительной цензуры. Об этом Штюрмер словесно докладывал Николаю 21 мая 1916 г. Если мы ознакомимся с текстом сделанного ему через несколько дней письменного доклада Штюрмера, то увидим, что примером для русского правительства в вопросе о «надзоре» за печатью послужила французская практика.

«Простейшим решением вопроса, — писал тогда Штюрмер Николаю,— явилось бы повсеместное в империи введение предварительной цензуры. Такой прием находил бы себе известное оправдание в исключительных обстоятельствах времени, тем более, что на Западе, например, во Франции, ни правительство, ни сами органы печати не остановились перед этой мерой. В Париже, по соглашению с издателями, производится ежедневно, не позже известного часа, предварительный, в особых комиссиях, пересмотр всего главнейшего газетного материала; что же касается провинциальной печати, то таковая подчинена надзору местной администрации». [1]

Штюрмер, правда, находил, — как это видно из дальнейшего текста доклада, — что применение такой французской практики встретит в русских условиях серьезные затруднения. Но для нас это уже не важно: важнее, что именно пример «передовой» Франции был непосредственным поводом для тех мероприятий, которые намечались в России для обуздания печати. [2]

---

[1] См. ниже «Доклады Штюрмера Николаю II», стр. 126—129.

[2] Отметим здесь, что, когда в Англии возник подобный же план борьбы с печатью, то за образец был также принят французский способ организации предварительной цензуры, при чем Китченер обращался по этому поводу к Мильерану (французскому военному министру, члену того кабинета, в который входили и А. Тома и Вивиани) с просьбой прислать «сведущего человека» (см. М. Н. Покровский. «Внешняя политика. Сборник статей». М. 1919 г., стр. 189).

Мы упоминаем об этом в связи с именами А. Тома и Вивиани, так как простое хронологическое совпадение времени возникновения этого, основанного на французской практике, проекта с моментом их приезда в Россию позволяет считать вероятным, что и в данном случае, равно как и в вопросе о милитаризации заводов, русское правительство не обошлось без указания французских «социалистов».

Письмо Пуанкарэ к Николаю II.

Париж. 25 апреля 1916 г.

Президент
Республики. Личное.

Дорогой и высокий друг.

С тех пор как начались военные действия, члены правительства Республики имели неоднократно случай побывать и в Лондоне и в Риме, подобно тому как члены великобританского и итальянского правительств имели возможность посетить Париж для обсуждения вопросов, интересующих союзные страны. Дальность расстояния и иные трудности мешали до сих пор французским министрам засвидетельствовать свое уважение вашему величеству и побеседовать на месте с их русскими коллегами. Только господину Барку [1] удалось, несколько месяцев тому назад, провести несколько дней во Франции и в Англии. Совещания, состоявшиеся между парижским и лондонским кабинетами, многочисленные свидания между представителями других союзных наций и происходившие между ними частые беседы повлекли за собою тот счастливый результат, что, несмотря на продолжительность такого путешествия, французское правительство сочло полезным дать двум своим членам такое же доверительное поручение и посетить ваше императорское величество. И я благодарю ваше величество, что вы приняли наше предложение с присущей вам обычной доброжелательностью.

Тесное сотрудничество союзных правительств является, — как вы и всегда это полагали, ваше величество, — необходимым условием для координированного и методического ведения войны. Мы обещали друг другу не складывать оружия без взаимного на то согласия и сражаться до победоносного конца. И мы, действительно, заботливо согласовывали до сих пор наши усилия, объединяли наши взаимные стремления и, в пределах возможного, дополняли друг друга в области технических средств. Если ваше

[1] Министр финансов Барк был там для заключения займа.

величество согласится принять господ Вивиани и Альбера Тома и даст им возможность обсудить, сообща с их русскими коллегами, все те вопросы, совместное разрешение которых могло бы быть очень полезным, то их собеседования приведут, без сомнения, к практическим выводам гораздо скорее, чем путем почтовых и телеграфных сношений.

Ваше величество знает господина Вивиани, состоящего в настоящее время министром юстиции и вице-председателем совета министров: он был министром иностранных дел и председателем совета министров в 1914 г. и в этом звании сопровождал меня в Россию, в те дни, когда ваше величество и я еще верили в прочность европейского мира;[1] он участвовал, до и после войны, в обсуждении многих, весьма важных, политических и дипломатических вопросов и может вполне, действуя от имени Французской Республики, разрешить их совместно с министрами вашего величества.

Альбер Тома, помощник государственного секретаря и министр военных снабжений, руководил во Франции с удивительным уменьем и неутомимым рвением производством артиллерийских орудий и снарядов. Лучше чем кому бы то ни было ему известно, что в современной войне решающая роль, на ряду с полевой артиллерией, принадлежит артиллерии тяжелой, дальнобойной и обильному снабжению ее снарядами крупного калибра. Он содействовал развитию во Франции производства, которое, к сожалению, было весьма незначительно, и остается таким до сих пор, в союзных с нами странах. Он сумел объединить для этой цели в едином усилии инициативу государства и частной промышленности; он обеспечил себе верную помощь хозяев и рабочих, — и вот уже много месяцев, как все производительные силы страны стремятся к увеличению нашего военного снаряжения, при чем оно все еще не достигло уровня насущной потребности, беспрестанно возрастающей. Я думаю, что Альбер Тома сможет дать вашему величеству и императорскому правительству ценные сведения относительно тех трудностей, которые мы встретили в этом деле, и тех способов, при помощи которых мы их преодолели, — и я буду счастлив, если наш долгий и трудный опыт избавит Россию от многих испытанных нами неудач и ошибок.

Успех соединенных военных действий, план которых вырабатывают союзные штабы, будет зависеть не только от доблести русских, английских, итальянских, сербских, бельгийских и французских войск: он будет зависеть, в значительной степени, от могущества их артиллерии и от обильного снабжения ее снарядами. Необходимо как можно скорее усилить

[1] Пуанкаре прибыл в Россию 20 июля (н. ст.) 1914 г.; несомненно, что его «беседы» с Николаем были посвящены не мечтам о мире, а как раз противоположной цели: обсуждению вопросов, связанных с предстоявшей войной.

в союзных странах производство артиллерийских орудий и снарядов, ибо это — единственное средство, которое поможет как России, так и Франции, сократить бедствия неприятельского нашествия, приблизить конец войны и придать предстоящим боям решающий характер. Более чем когда бы то ни было Франция полна решимости бороться до конца, но страшное и все усиливающееся опустошение захваченных неприятелем областей, невыносимое бремя военных расходов, понесенные ею кровавые потери, которые не прекращаются ни на один день, истощая сравнительно слабое население страны, постепенное исчезновение значительной части ее молодежи и все возрастающее истощение ее наиболее сильных поколений, — все эти великие жертвы, не ослабляющие, однако, ее мужества, заставляют ее желать, чтобы ее союзники сделали все, что они могут, для ускорения победы. Я знаю, что ваше величество сами проникнуты сознанием необходимости сделать все, что необходимо для достижения этого результата, и я питаю поэтому твердую надежду, что вы окажете благосклонный прием господину Вивиани и Альберу Тома.

Прошу ваше величество, вместе с пламенными моими пожеланиями видеть Россию великой, а ее армию покрытой славой, принять уверение в моей верной и постоянной дружбе.

Раймонд Пуанкарэ.

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ТРЕНИЯ 1916 г.

Отставка министра иностранных дел Сазонова и назначение на его место Штюрмера (7 июля 1916 г.) произвели чрезвычайное впечатление на «союзников». В то время как в лице Сазонова «союзники» видели вполне надежного охранителя своих империалистских интересов, Штюрмер пользовался репутацией «германофила», и на основании этого как «союзные», так и русские империалисты считали возможным, что он будет стремиться придать политике царской России такое направление, которое привело бы к ее отколу от союзников и к сепаратному миру. Именно с этого времени в отношениях английского правительства к русскому начинают встречаться заметные проявления сомнений и недоверия.

Некоторые из печатаемых здесь документов связаны с самим фактом отставки Сазонова; эти документы: 1) секретная телеграмма английского посла Бьюкенена к Николаю, от 6/19 июня 1916 г. по поводу возникших слухов об отставке Сазонова, 2) секретная телеграмма русского посла в Лондоне Бенкендорфа, от 13/26 июля, сообщающая о впечатлении, произведенном в Англии этой отставкой, 3) секретная телеграмма того же Бенкендорфа, от 1/14 сентября, более обстоятельно выясняющая те результаты, которые может иметь перемена правительственного курса, 4) ответная телеграмма на это Штюрмера, от 9/22 сентября.

Но центральное место среди печатаемых здесь документов занимают два другие: это — телеграмма английского короля Георга V к Николаю II и ответная телеграмма последнего. Мы приведем теперь тексты этих документов, а после этого дадим некоторые к ним комментарии.

1.

Телеграмма английского короля Георга V Николаю II.

Телеграмма от его величества короля его величеству императору.

До меня дошли сведения из многих источников, включая сюда один нейтральный, вне всякого сомнения весьма к нам благорасположенный, что германские агенты в России производят большие усилия, чтобы посеять рознь между моей страной и твоей, вызывая недоверие и распространяя ложные сведения о намерениях моего правительства. В частности я слышал, что распространяется и находит себе в некоторых слоях веру слух, что Англия собирается воспротивиться владению России Константинополем или сохранению его за ней. Подозрение такого рода не может поддерживаться твоим правительством, которое знает, что соглашение от марта 1915 г. было выработано моим правительством при участии лидеров оппозиции, которые тогда были специально приглашены в совет и которые теперь являются членами правительства.

Но меня огорчает мысль, что в России могут существовать какие-либо сомнения в искренности и твердости намерений Британии.

Я и мое правительство считаем обладание России Константинополем и прочими территориями, определенными в договоре, заключенном нами с Россией и Францией в течение этой войны, одной из кардинальных и перманентных гарантий мира, когда война будет доведена до успешного конца.

Я самым серьезным образом надеюсь, что, если ты найдешь это желательным, ты дашь инструкции своим министрам, чтобы они, по этому ли вопросу или по каким-либо другим, входили с моим правительством в самые откровенные объяснения, или же ты сам сносился бы непосредственно со мной.

Ты знаешь, мой дорогой Ники, как я тебе предан, и я могу тебя уверить, что мое правительство относится к твоей стране с такими же прочными чувствами дружбы. Мы решили не отступать от обещаний, которые мы сделали, как твои союзники. Так не допускай же, чтобы твой народ был вводим в заблуждение злостными махинациями твоих врагов.

Джорджи.

2.

Телеграмма Николая II английскому королю Георгу V.

Телеграмма на имя его величества короля английского.

Благодарю тебя за откровенность, с которой ты выразил мне твое огорчение по поводу того, что в моей стране могут существовать сомнения в искренности Британии.

Я писал тебе несколько раз, как я счастлив, что чувства глубокой дружбы к Англии все более и более укореняются среди моего народа, моей армии и флота. Конечно, имеются отдельные лица, не разделяющие этого взгляда, но я постараюсь справиться с ними. Я считаю более серьезным явлением, требующим борьбы с ним, влияние некоторых наших банков, которые были до войны в германских руках и влияние которых сильно, но невидимо чувствуется, в особенности в медленном исполнении заказов на изготовление военных материалов, амуниции и пр.

Я уже неоднократно обращал на это внимание моего правительства. Я надеюсь, что г. Барк справится с этою трудностью.

Я убежден, что краткое официальное сообщение моего правительства, устанавливающее, что Англия и Франция рассматривают обладание России Константинополем и проливами как неизменное условие мира, успокоило бы все умы и рассеяло всякое недоверие.

Ники.[1]

3.

Секретная телеграмма Бьюкенена Николаю II.

Британское посольство.
Петроград.
Июня 6/19 1916.

Ваше величество всегда разрешали мне говорить так откровенно обо всех делах, которые могли прямо или косвенно содействовать успешному исходу этой войны и заключению мирного договора, имеющего явиться гарантией против возобновления войны в будущем, что я осмеливаюсь почтительнейше обратиться к вашему величеству по одному вопросу, который, я опасаюсь, может в момент, подобный настоящему, серьезно увеличить затруднения союзных правительств.

Я действую совершенно по собственной инициативе и на свою личную ответственность, и я должен просить у вашего величества прощения за то, что я предпринимаю шаг, противный, как мне известно, всякому дипломатическому этикету.

До меня дошли упорные слухи, что ваше величество возъимели намерение освободить г. Сазонова от его обязанностей

[1] Тексты приведенных двух телеграмм на английском языке. — Первая телеграмма (Георга) имеется в подлиннике, а телеграмма Николая II в собственноручном его черновике (с поправками А. Ф. Романовой) и в копии отосланной телеграммы, сделанной Штюрмером. При этом на особой записке последнего отмечено: «Отправлена при письме министра от 29 августа 1916 г. английскому послу для передачи по высокому назначению. Пакет отослан 30 августа 1916 г.». Данный нами здесь перевод сделан с окончательного текста, который в подлиннике приведен в приложениях.

министра иностранных дел вашего величества. Так как мне невозможно просить об аудиенции, я решаюсь на это личное обращение к вашему величеству и прошу, прежде чем вы примете окончательное решение, взвесить серьезные последствия, которые может иметь отставка г. Сазонова на важные дипломатические переговоры, которые ведутся сейчас, и на еще более важные переговоры, которые не замедлят возникнуть по мере продолжения войны.

Г. Сазонов и я работали вместе почти шесть лет, чтобы создать между нашими странами тесный контакт, и я всегда рассчитывал на его поддержку, чтобы превратить союз, который был закреплен настоящей войной, в союз постоянный.

Невозможно преувеличить услуги, оказанные им делу союзных правительств благодаря такту и способностям, выказанным им во время чрезвычайно трудных переговоров, которые мы вели с начала войны. И я не могу скрыть от вашего величества огорчения, которое я почувствую, потеряв в нем сотрудника в деле, все еще стоящем перед нами.

Разумеется, я мог быть введен в совершенное заблуждение, и, может-быть, г. Сазонов, которого я не видел с тех пор как он уехал в отпуск, вынужден выйти в отставку в силу расстроенного здоровья. В этом случае я буду еще более сокрушаться об его уходе.

Еще раз почтительнейше прошу у вашего величества простить меня за это личное к вам обращение.

Бьюкенен.

4.

Секретная телеграмма Бенкендорфа Штюрмеру.

Секретная телеграмма посла в Лондоне.
13/26 июля 1916. № 429.

Получил вашу телеграмму № 3216.

Копия в Париж.

При опубликовании известия об отставке г. Сазонова, английская пресса в целом и без различия партий выразила свое сожаление по поводу того, что состояние здоровья положило конец деятельности этого государственного человека, популярного в Англии как в силу личных его качеств, так и в силу выдающейся роли, которую он играл до и во время войны, и в связи с его постоянно дружественным отношением к Англии, направленным к теснейшему союзу. Ни одна газета не выразила сомнения в ослаблении уз, связывающих ныне обе империи, и не выразила опасений насчет какого-либо изменения в этом отношении, — тем не менее, чтобы избежать всяких колебаний на этот счет в общественном мне-

нии, я полагаю, что какое-то официальное и гласное обязательство в этом отношении, будь то через прессу или другим путем, необходимо в самом скором времени. Международный обычай так силен, что воздержание вызвало бы удивление; дипломатические декларации достигают здесь публики совершенно косвенным путем, или с большим опозданием.

Бенкендорф.

5.

Секретная телеграмма Бенкендорфа Штюрмеру.

Секретная телеграмма посла в Лондоне.

1/14 сентября 1916 г. № 539 (получена 8-го).

Хотя общий ход дел между союзниками не обнаруживает никаких признаков впечатления, произведенного отставкой г. Сазонова, о которой я вам сообщил телеграммой № 429, тем не менее это впечатление было слишком общим для того, чтобы равновесие было восстановлено в общественном мнении, в той степени, которую я считаю необходимой для наших интересов настоящих и будущих. Дымка, которой подернулось доверие к России,—доверие до сих пор неоспоримое и непоколебимое, — легка, но она существует, и я изменил бы всем своим обязанностям, если б не предупредил вас о ней, так как она служит постоянным оружием нашим врагам, которые не преминут ею воспользоваться при первой возможности.

Для того, чтобы разорвать эту дымку, надо очень немного, и я могу только возвратиться к тому способу, о котором позволил себе намекнуть в предыдущей телеграмме,—к определенной и категорической декларации, вполне естественной при настоящих обстоятельствах, выраженной в той или иной форме, но о которой было бы осведомлено общество. Само собой разумеется, здесь дело не идет о нашей верности союзному договору. Вопрос об этом никогда не поднимался ни в какой области, и не может быть речи об этом. Но дело идет о будущем, о нашем твердом намерении поддерживать после войны принцип англо-русского соглашения и укрепления настоящих отношений, основанных на полном доверии и совместной работе, — другими словами, дело идет о поддержании после войны и в будущем настоящего направления русской политики. По этому вопросу, поскольку мне известно, ничего определенного не было сказано публично. Это — пробел, который, по моему мнению, необходимо заполнить, для того, чтоб заглушить в самом основании могущее возникнуть опасение, что перемена главы нашего министерства иностранных дел была вызвана хотя бы частичным изменением иностранной политики империи. Малейшее сомнение в этом вопросе может превратиться в явную опасность. Потрудитесь припомнить, что в течение долгих лет германская политика

имела только одну настоящую и серьезную цель — сближения с Англией. Германии нужно пространство на суше и свободное пользование морем. Одна Англия может дать ей то и другое. Вследствие этого соседняя с ней Россия может, в действительности, быть рассматриваема, с точки зрения Германии, не иначе, как опасность, которая заставит ее нейтрализовать всеми способами растущую мощь России. Англия, хотя и была расположена к соглашению с Германией, в особенности для того, чтобы заручиться миром по разным вопросам, основанным на экономических началах, все же всегда отказывалась заключить договор, потому что в конце концов Германия требовала каждый раз разрыва с нами под видом обещания безусловного нейтралитета. Одно только доверие к России, ставшее постепенно полным, сделало Англию непоколебимой. Одного уважения к Франции было бы недостаточно. Вывод из этого тот, что, если когда-либо, после заключения мира, эта основа современной английской политики рушится, неизбежно установится англо-германское соглашение, — случайность, о возможности которой в настоящее время не помышляет ни один англичанин. Я стою близко у дел и считаю, что результат будет такой непременно. Это произойдет, как только какая-нибудь государственная причина положит предел английским народным страстям, которые ныне достигли своего апогея. Я сомневаюсь, чтоб этот период долго продолжался. Работа Германии начнется на следующий же день по заключении мира. Припомните также, что если Англия, столь настойчивая в своих традициях, отказалась от своей вековой политики по вопросу о Константинополе, то эта эволюция произошла только параллельно упрочению ее доверия в сношениях с нами. С первой же записки, переданной Извольскому[1] в Лондоне, вопрос был поставлен таким образом, и это до сих пор единственное логическое основание полученного мемуара, радикально разрешающего этот вопрос. Грэй намеренно отметил эту связь. И, действительно, совершенно противно здравому смыслу воображать, что такая уступка могла быть сделана и что такое оружие могло бы быть дано державе, враждебность которой в будущем была бы постоянной угрозой, хотя бы отдаленной. Таковы мои главные аргументы в пользу выступления, которое я еще раз позволю себе вам подсказать. Осмеливаюсь надеяться, что вы придадите им некоторое значение и извините мою смелость. Я нисколько не желаю преувеличивать вещей; я только замечаю зародыш сомнения для будущего и считаю необходимым его уничтожить. Нашими гарантиями служат испытанная лойяльность Англии и доказательства, которые

---

[1] А. П. Извольский — с 24 апреля 1906 г. по 14 сентября 1910 г. мин. ин. дел, а затем, до лета 1917 г., русский посол в Париже. Вопрос об открытии проливов был им возбужден, сперва, и безуспешно, при свидании 15 сентября 1908 г. в Бухлау с австр. мин. ин. дел Эренталем, а затем в октябре 1911 г. перед французским правительством.

она нам дала в своей поддержке. Назначение в России, в разгар войны и при существовании тесного союза, нового министра иностранных дел — событие слишком глубокого значения, чтобы сразу можно было судить об огромном впечатлении, произведенном им, и насколько мир им потрясен. Я предчувствую его дальнейшее отражение и не могу, после зрелых размышлений, не отдать вам подробного и, как я думаю, точного отчета в этом деле.

Бенкендорф.

6.

Секретная телеграмма Штюрмера Бенкендорфу.

Секретная телеграмма послу в Лондоне.

Петроград, 9 сентября 1916 г.

Получил вашу телеграмму № 539.

(Шифром.)

Искренне признателен за сообщение ваших соображений по вопросу, имеющему для нас первостепенную политическую важность. Всецело разделяю взгляд о необходимости рассеять всякие сомнения англичан в неизменности, и после окончания нынешней войны, дружественной Англии ориентировки внешней политики императорского правительства. Поэтому, не ограничиваясь заявлениями, уже ранее сделанными мною в печати, после вступления в должность министра иностранных дел, я предполагаю воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы от имени императорского правительства состоялось заявление в указанном выше смысле, дабы положить предел тайным происканиям наших противников и питаемой ими тревоге английского общественного мнения.

Штюрмер.

Напечатанные документы дают возможность видеть проявления того недоверия к политике царской России, которое стало выявляться в Англии после отставки Сазонова. Предупреждение Бьюкенена Николаю II относительно того, что увольнение Сазонова может иметь «серьезные последствия»[1] (сделанное ровно за месяц до отставки), не помогло, и результаты не преминули сказаться сразу же.

[1] Относительно этого документа Бьюкенен в своих мемуарах сообщает: «Я старался держать в совершенной тайне свою телеграмму к императору, но один из наших тюков с почтой, содержавший частное письмо от лорда Гардинга, в котором имелась ссылка на эту телеграмму, впоследствии попал в руки германцев» («Мемуары дипломата», М. Госуд. Изд-во, стр. 154—155). Добавим к этому, что письмо лорда Гардинга тогда не появилось в немецких газетах, а после февральской революции было напечатано

Необычайно чуткое ко всяким проявлениям антисоюзнических тенденций, английское представительство в России, возглавляемое Бьюкененом, начинает с этого времени обращать внимание на каждый мелкий факт, который мог бы быть истолкован как признак германофильства. Так, например, когда Штюрмер, вскоре после своего назначения, решил взять себе помощником посла в Португалии Боткина, который был известен за «германофила», Бьюкенен выразил по этому поводу свой протест.[1] Точно так же, когда в августе 1916 г. в черносотенной газетке «Российский Гражданин» появилась статья со скептическими отзывами о действиях английской армии, то из этого был сделан целый дипломатический инцидент.[2]

Английский посол Бьюкенен, сразу же по назначении Штюрмера, стал посылать своему правительству тревожные донесения. Так 18 августа (н. ст.) он писал:

«Я никогда не могу надеяться на установление отношений доверия с человеком, на слово которого отнюдь нельзя положиться и единственной целью которого является преследование своих личных честолюбивых целей. Хотя личные интересы заставляют его продолжать иностранную политику своего предшественника, однако, судя по всем данным, он является германофилом в душе. К тому же, будучи отъявленным реакционером, он заодно с императрицей хочет сохранить самодержавие в неприкосновенности... Если император будет продолжать слушаться своих ны-

---

в «Русской Воле» (1917 г. № 11, веч. вып., от 11 марта). Приводим здесь письмо Гардинга по этому последнему тексту:

«Письмо статс-секретаря лорда Гардинга лорду Бьюкенену. 8/21 июня 1916 г.

«Дорогой сэр Джордж. Ваша частная телеграмма от сегодняшнего утра, сообщающая об отставке Сазонова, производит тяжелое впечатление. Воистину печально, что в Петрограде происходит такая серьезная перемена как раз в такой момент, когда переговоры о вступлении Румынии в войну протекают успешно и, вероятно, будут иметь благополучный исход. Поразительно, какую скверную роль играют всегда русские реакционеры. Я рад, что вы послали телеграмму царю, и надеюсь, что она возымеет свое действие».

[1] Штюрмер, кстати сказать, отрекся от самого существования у него мысли о назначении Боткина, хотя ранее и докладывал об этом Николаю. См. здесь «Доклады Штюрмера Николаю II», стр. 142 и 149—150, а также примечание, стр. 169.

[2] См. здесь «Доклады Штюрмера Николаю II», стр. 149 и примечания, стр. 167 — 168.

нешних реакционных советчиков, то революция, боюсь, является неизбежной». [1]

Нет сомнения, что этот отзыв о Штюрмере во многом справедлив. Но дело, конечно, не в этом отдельном лице: усталость народных масс от затеянной империалистами войны, общий развал правительственного аппарата, хозяйственная разруха, наконец, инстинкт самосохранения правящего класса, начинавшего сознавать, что война может привести к революции, — все это, и помимо всяких Штюрмеров, создавало достаточную почву для того, чтобы русские империалисты, во главе с Романовыми, начинали приходить к мысли о необходимости ликвидировать войну и связанную с продолжением ее опасность. Отсюда вытекало и иное отношение к союзникам, настаивавшим на войне «до конца». Настроение англо-французских империалистов стало, в связи с этим, делаться тревожным, — и потому им не оставалось ничего иного, как стремиться теперь, всеми мерами и средствами, подстегивать своего русского союзника к бесконечному продолжению войны.

Одним из употреблявшихся при этом приемов были различные угрозы: самой сильной из них было указание, что Англия в том случае, если царская политика не будет итти согласно ее интересам, в конце концов, отвернется от России и заключит союз с Германией. Угрозы такого рода имеются и в печатаемой здесь телеграмме Бенкендорфа к Штюрмеру (от 1 — 14 сентября), отражающей настроение руководителей английской дипломатии.

При известных условиях — сложись ход военно-политических событий иначе — такая угроза могла бы иметь и практическое значение, особенно, если принять во внимание, что как раз незадолго до войны Англия договорилась с Германией почти по всем острым вопросам. [2]

В связи с тем тревожным настроением, в котором находились английские империалисты, начинавшие сомневаться в способности царской России воевать «до конца», стоит и то, что английский король Георг в своей телеграмме Николаю, здесь напечатанной, счел нужным, во-первых, обратить его внимание на деятельность в России германских агентов, сеющих недоверие к Англии,

[1] Бьюкенен. «Мемуары дипломата», стр. 155.

[2] Впервые этот англо-германский сговор был разоблачен Ф. Ротштейном, который в своем предисловии к книге Гельфериха «Накануне мировой войны» (М. 1924 г.) рассматривает, между прочим, и вопрос, почему эти «новые отношения» Англии с Германией не воспрепятствовали войне.

и затем подбодрить русских империалистов подтверждением обещания об уступке России Константинополя.

Николай в своей ответной телеграмме Георгу (посланной 29 августа) не отрицает, как мы видели, что есть в России «отдельные лица», не относящиеся сочувственно к Англии; но Николай обещает постараться «справиться с ними». Однако, надо заметить, что это было не под силу русскому царю, — и прежде всего потому, что эти отдельные лица, поскольку именно о них идет речь, были в государственном аппарате в некоторых случаях сильнее его, Николая II. Такими лицами, враждебно относившимися к Англии, были, прежде всего, Распутин и А. Ф. Романова. Переписка последней с Николаем дает несколько примеров, которые могут это подтвердить. Мы приведем здесь только один: когда погиб английский фельдмаршал Китченер, имя которого, как организатора трехмиллионной армии, было окружено у английских империалистов необычайным ореолом, то Распутин в таких словах высказал «сожаление» об этой потере:

«...Для нас хорошо, что Китченер погиб, так как позже он бы наделал России вреда...».

Распутин, оказывается, «всегда боится роли Англии по окончании войны, когда начнутся мирные переговоры».[1] Что касается А. Ф., то она не только передавала Николаю этот отзыв Распутина, но и сама, еще в ноябре 1915 г., предупреждала царя о тех «ужасных осложнениях», которые произойдут по окончании войны, когда «эгоистическая политика Англии резко столкнется с нашей».[2]

Эти отзывы, и особенно неприкрытое злорадство, проявленное при известии о гибели Китченера, достаточно ясно показывают, что те лица, которые враждебно относились к Англии, стояли близ самого Николая, — и фактически имели бóльшее, чем он, значение.

Но Николая, — как видно из его телеграммы, — особенно тревожили не интриги отдельных лиц, а «влияние некоторых наших банков, которые были до войны в германских руках, и влияние которых сильно, но невидимо чувствуется». В этих словах Николая были свои основания; но уже вполне траги-комический характер имело то, что некоторые представители этих банков сами, через

[1] «Письма А. Ф.», том II, стр. 109, письмо от 5 июня 1916 г.

[2] «Переписка Николая и Александры Романовых 1914 — 1915 гг.». С предисловием М. Н. Покровского. П. 1923 г., Гос. Изд-во, том III, стр. 424, письмо от 2 ноября 1915 г.

того же Распутина и А. Ф. Романову, оказывали влияние на государственные дела. И, хотя бывали даже случаи, что эти лица обвинялись русскими судебными органами в «государственной измене», тем не менее, они, через Распутина, находили себе покровительство и защиту у самого Николая II.[1]

В конце своей телеграммы английскому королю Николай высказывает мысль, что официальное сообщение русского правительства, открыто устанавливающее, что Англия и Франция признают одним из непременных условий будущего мира уступку России Константинополя и проливов, «успокоит все умы и рассеет всякое недоверие».

Не так много, правда, «умов» было заинтересовано в этом вопросе. Но для империалистской буржуазии и ее прихвостней это имело значение; поэтому, чтобы подбодрить эти слои буржуазии, царское правительство и возбудило тогда вопрос об оглашении тайной сделки о Константинополе и проливах.

Несомненно, в связи с упоминанием в телеграмме Николая (от 29 августа 1916 г.) о Константинополе стоит и то, что незадолго до этого, 21 августа, Штюрмер, на докладе царю, сообщал ему о желательности такого заявления, по связи (весьма странной) с предполагавшимся тогда изданием акта о «польской автономии».[2] В результате, после соответствующих переговоров с «союзниками», сменивший Штюрмера председатель совета министров Трепов объявил 19 ноября 1916 г. в Государственной Думе о том, что заключенное в 1915 г. с Англией и Францией соглашение, к которому присоединилась и Италия, «окончательно устанавливает право России на проливы и Константинополь». «Русский народ, — говорил Трепов, — должен знать, за что он льет свою кровь, и, по состоявшемуся ныне взаимному договору, соглашение наших союзников сегодня оглашается с этой кафедры».[3]

Однако, русский народ, хотя и узнал про это, но вскоре не пожелал проливать свою кровь как за Константинополь, так и за другие стремления своих и «союзных» империалистов.

---

[1] См. мою книгу «Политика Романовых накануне революции (От Антанты—к Германии)». Л. 1926 г., Госуд. Изд-во, очерк «Банки и Распутин».

[2] См. здесь «Доклады Штюрмера Николаю II», стр. 147 — 148.

[3] Стенографический отчет Гос. Думы, 4 созыв, сессия V, 1916 г., стр. 258. — Впрочем, еще 11 марта 1916 г. Милюков, — видимо, не без соответствующей инспирации Сазонова, — в своей речи в Гос. Думе сообщил о состоявшемся соглашении о проливах и Константинополе.

МИРНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО ДАТСКОГО КОРОЛЯ. (1915 г.)

Эпизод, которого касается публикуемый здесь документ, вскрывает попытку возбудить вопрос о мире, предпринятую королем Дании Христианом X в марте 1915 г. Для этой цели датским королем был уполномочен некто Андерсен — человек, лично известный также Вильгельму II.[1] Андерсен, по поручению датского короля, в марте 1915 г. направился в Берлин, где и имел соответствующие беседы как с рейхсканцлером Бетманом-Гольвегом, так и с самим германским императором. Содержание своих разговоров посланец датского короля изложил в особом «Резюме бесед с императором и с рейхсканцлером», которое мы печатаем на настоящих страницах.

Это «резюме» было представлено Николаю II. Вместе с тем Вильгельм передал Андерсену записку относительно тех потерь людьми, которые были понесены воюющими сторонами с начала войны по 1 февраля (н. ст.) 1915 г., эта записка должна была послужить «при информировании царя».

Из текста «резюме» Андерсена видно, что он имел от датского короля поручение «предложить свои услуги для дела о б щ е г о

---

[1] В виду распространенности в Дании этой фамилии трудно установить, кем был этот Андерсен; по некоторым данным мы, однако, предполагаем, что это был, носивший такую фамилию, директор крупнейшего «Восточно-Азиатского Пароходства». Заметим кстати, что гр. Витте в своих мемуарах рассказывает, что когда он, будучи в Дании еще в 1900 г., представлялся датской принцессе Марии, то эта принцесса «очень интересовалась» делами этого «Восточно-Азиатского Пароходства» (см. гр. С. Ю. Витте. «Воспоминания». П. 1923 г., том I, стр. 154). Надо вместе с тем отметить, что упомянутое пароходное общество было теснейшим образом связано с германским капиталом.

мира». Это посредничество датский король, несомненно, принимал на себя вследствие своих близких родственных связей как с русским, так и с английским царствующими домами.[1] Но Вильгельм в своем ответе имел в виду преимущественно русского царя: германский император, — по словам Андерсена, — заявил, что он «охотно выслушает всякое предложение, которое они (т.-е. противники) пожелали бы представить ему через датского короля; он прекрасно знает, что король не может быть заинтересован в сепаратном мире, но, несмотря на все, что произошло, он все еще верит, что лучшая дорога к миру пролегает через доброе сердце царя; он не имеет возражений против того, чтобы начала Англия или последовала».

Таким образом, в этих словах уже заключается намек на то, что в возможность мирных переговоров с Англией Вильгельм верил мало; но «доброе сердце царя» давало ему основание надеяться, что войти с ним в какие-либо переговоры будет возможно.

Вильгельм в своей беседе с Андерсеном указывал, что «только царственная особа может выступить посредником в настоящем раздоре, и из всех царственных особ никто не находится в лучшем для этого положении, чем король Христиан датский» Однако, признание необходимости для такого посредничества только именно «царственной особы» не помешало тому, что как раз в это же самое время, с ведома императора Вильгельма, соответствующими австро-германскими властями было дано фрейлине русских императриц Васильчиковой поручение войти в сношения с Романовыми по вопросу о сепаратном мире.[2]

Надо обратить внимание на хронологическое совпадение этих двух попыток возбудить вопрос о мире: первое письмо Васильчиковой к Николаю II было послано из Австрии 10 марта 1915 г. н. ст., а 16 марта прибыл в Берлин, для переговоров с Вильгельмом, уполномоченный датского короля. Можно было бы думать, что посредничество датского короля было предпринято по просьбе Романовых, в ответ на переданные через Васильчикову предложения. Однако, более точное

---

[1] Датский король Христиан IX (дед Христиана X) был отцом матери Николая II, Марии Федоровны, а также английской королевы Александры, матери короля Георга V; Николай II был, таким образом, двоюродным братом и английского короля Георга V и датского — Христиана X.

[2] Об этом см. подробно в моей книге «Политика Романовых» очерк «Романовы и сепаратный мир», глава I, стр. 10 — 36.

сопоставление дат как будто не подтверждает этой возможности: письмо Васильчиковой, полученное А. Ф. Романовой в Царском Селе, было переслано находившемуся в ставке Николаю 9 марта (т.-е. 22 марта н. ст.), и, очевидно, это было сделано сразу же по получении письма, — но Андерсен был в Берлине уже за 6 дней до этого — 16 марта. Тем не менее не исключена возможность каких-либо более ранних сношений по этому вопросу между, с одной стороны, А. Ф. Романовой и ее германскими родственниками, с другой — между теми же Романовыми и датским королем, близким к ним по родству через мать Николая II, Марию Федоровну.[1]

Во всяком случае, представляется вероятным, что датский король принял на себя посредничество, если не по просьбе, то, хотя бы, с согласия Романовых. Родственные сношения с датской королевской фамилией происходили у них постоянно, — и самое содержание записки Андерсена показывает, что он был осведомлен о некоторых взглядах Николая II. Так, Андерсен заявлял Вильгельму, что у него (Андерсена) «сложилось впечатление, что русский император держится того мнения, что мобилизация была навязана России Австрией, и что Россия обнажила меч только для самозащиты, по объявлении Германией войны». Впечатление это было, очевидно, на чем-то основано.

Что касается содержания тех бесед, которые вели Вильгельм II и Бетман-Гольвег с Андерсеном, то это — обычные рассуждения империалистов. Так, Бетман-Гольвег указывал, что «Германия вступила в войну без всякого намерения расширить свои границы, но единственно ради обеспечения длительного мира и мирного развития своей мировой торговли», — и только, оказывается, «последующий ход событий» показал, что «германский народ вряд ли удовлетворится миром, который не даст Германии компенсаций за принесенные ею великие жертвы».

Все это так наивно, что не заслуживает каких-либо опровержений. Дело, конечно, не в «последующем ходе событий», а именно в предыдущем, предшествовавшем войне: как всем известно, к войне империалисты обеих коалиций готовились задолго до ее возникновения, — и слова о «самозащите» и о «навязанности» войны являются только дешевой и трафаретной декорацией империалистских притязаний.

[1] Отметим, что сам Андерсен в своем «резюме» говорит, что в данном случае он действовал, «продолжая свои прежние усилия».

Но мы остановимся, однако, на некоторых чертах происходивших бесед.

Так, характерно, что германский император счел нужным и здесь в беседе с Андерсеном, предназначавшейся для передачи Николаю II, вспомнить о тех личных мотивах, на почве которых возникло недовольство Вильгельма русским царем: «Император сказал, — пишет Андерсен, — что во время его визита в Россию, в период русско-японской войны, и затем во время свидания в Ревеле, русский император обещал, что Россия никогда не обнажит меча против Германии».

Из упоминаемых здесь Вильгельмом его «свиданий» с Николаем одно из них, состоявшееся в 1905 г. в Бьёрке, несомненно, вызывало у германского императора особенно тягостные воспоминания. Во время этого «свидания» Вильгельм, как известно, добился того, что Николай заключил с ним соглашение, на основании которого, в случае нападения в Европе на одну из держав — Россию или Германию, — другая должна была оказать ей помощь всеми своими вооруженными силами. Когда Витте и министр иностранных дел граф Ламздорф (без ведома которого договор был подписан) разъяснили Николаю, что таким путем, в сущности, разрушается франко-русский союз и заменяется союзом русско-германским, то этот договор с Вильгельмом Николаем ратифицирован не был.[1] Это вызвало тогда исступленные жалобы Вильгельма: «Мы, — писал, например, последний Николаю, — подали друг другу руки и дали свои клятвы перед богом, который слышал наши обеты. Поэтому я думаю, что договор этот можно бы хорошо провести в жизнь».[2]

Витте в своих мемуарах указывает, что Вильгельм никогда не мог ему простить того, что он, Витте, уговорил царя отказаться от ратификации этого договора.[3] Как видно, германский император не мог простить этого и Николаю: об этом Вильгельм сокрушается не только в печатаемой здесь беседе, но и в своих мемуарах.[4]

---

[1] Подробности об этом договоре и подлинный его текст напечатаны в «Красном Архиве», т. V (1924 г.), стр. 5 — 49.

[2] «Переписка Вильгельма II с Николаем II». С предисловием М. Н. Покровского. М. 1923 г., стр. 124 — телеграмма Вильгельма от 29 сентября 1905 г.

[3] Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I, стр. 390 — 394.

[4] См. Вильгельм II. «Мемуары». С предисловием А. В. Луначарского. II. 1923 г., стр. 121.

Отметим также еще одно место из печатаемого «резюме»: уверяя Вильгельма, что русский император держится мнения о том, что мобилизация России «навязана», Андерсен, вместе с тем, приводит те свои впечатления, которые он вынес из бесед с Э. Грэем; на основании этих бесед Андерсен указывает Вильгельму, что «Англия искренно старалась притти к соглашению с Германией, и что для этой цели лорд Холдэн предпринял поездку в Германию».

Это указание относится к известной миссии английского военного министра лорда Холдэна, который, вследствие предложения Германии вступить с Англией в переговоры о соглашении, был послан в 1912 г. с этой целью в Берлин.

Германия предлагала тогда Англии принять взаимное обязательство сохранения «условного нейтралитета» в случае, если одна из этих держав вступит в войну. Английское правительство не согласилось на предложенную Германией форму соглашения, при чем одной из причин неудачи переговоров было то, что Англия добивалась, чтобы Германия ограничила строительство своего военного флота.[1]

Отметим кстати, что Вильгельм в своих мемуарах уделяет несколько страниц миссии Холдэна: бывший кайзер с раздражением говорит о том, как Холдэн, приехав в Берлин и получив, между прочим, разрешение на собирание сведений об организации военного дела, использовал позднее собранные данные в интересах британской армии. В связи с этим Вильгельм высказывает, что это «была лишь разведка короля Эдуарда VII в доме своего германского кузена», и что «Англия отблагодарила Германию мировой войной, которую Холдэн помог подготовить».[2]

Таким образом, как и следовало ожидать, Вильгельм, в ответ на предложение датского короля, никакой склонности к примирению не проявил, а «доброе сердце царя» также не открывало дороги к миру.

---

[1] Относительно миссии Холдэна существует довольно значительная литература. В русском переводе имеется книга самого Холдэна «Перед войной» (1924 г.). Говорят об этом в своих мемуарах: германский морской министр Тирпиц (русский перевод — «Из воспоминаний», 1925 г.), канцлер Бетман-Гольвег (русский перевод — «Мысли о войне», 1925 г.), Гельферих (русский перевод — «Накануне мировой войны», 1924 г.).

[2] «Мемуары», стр. 78.

Записка Андерсена о его беседах с Вильгельмом II и Бетманом-Гольвегом.

Резюме бесед с императором и с рейхсканцлером.

Продолжая мои прежние усилия и согласно желанию его величества,[1] я прибыл в Берлин 16 марта. На следующий день я имел беседу с рейхсканцлером Бетман-Гольвегом, которому я изложил мотивы, заставившие датского короля предложить свои услуги для дела общего мира.

Канцлер ответил выражением благодарности датскому королю, который, по его глубокому убеждению, предложил свое посредничество только в интересах общего мира.

Было очевидно, что канцлер держится прочного и непоколебимого убеждения, что Германия была вынуждена вовлечься в войну ради самозащиты. Он подчеркнул, что Германия вступила в войну без всякого намерения расширить свои границы, но единственно ради обеспечения длительного мира и мирного развития своей мировой торговли. Но последующий ход событий был таков, что германский народ вряд ли удовлетворится миром, который не даст Германии компенсаций за принесенные ею великие жертвы, и он опасается, что бельгийский вопрос будет обременен большими трудностями; кроме того, германскому народу будет трудно примириться со злом, которое было причинено ему в особенности британским народом.

Согласно телеграмме германского императора, я отбыл на следующий день вечером, в сопровождении рейхсканцлера, в главную квартиру, куда мы и прибыли на следующий день около 5 часов пополудни. Император принял меня немедленно и воскликнул: «Сколько бедствий обрушилось на мир с тех пор, как я видел вас в последний раз».

Передав императору приветствие датского короля, я коротко изложил чувства, которые побудили его величество предложить свои услуги в интересах мира. Согласно с желаниями его величества, я просил императора не считать это неподобающим вмешательством, но смотреть на это как на результат искреннего желания короля содействовать, по мере его сил, к восстановлению на свете блага мира. Его величество, находясь в дружеских отношениях с императором, является близким родственником русского императора и английского короля. Этот факт, в связи с пламенным желанием его величества, о котором было уже сказано, достаточно оправдывает его выступление с предложением посредничества.

---

[1] Короля датского.

Император ответил: «Только царственная особа может выступить посредником в настоящем раздоре, и из всех царственных особ никто не находится в лучшем для этого положении, чем король Христиан датский. Прошу вас передать королю мою горячую благодарность за его великодушное предложение».

Император сказал, что во время его визита в Россию в период русско-японской войны и затем во время свидания в Ревеле русский император обещал, что Россия никогда не обнажит меча против Германии. Англия всегда выражала презрение к Германии и систематически старалась изолировать ее с целью остановить развитие ее мирной мировой торговли.

В один из его (императора) визитов в Англию был в одном случае приглашен сэр Эдуард Грэй — для обмена мнениями с императором. Но в течение получасовой беседы речь почти не заходила о политике. В другом случае его (императора) сын имел беседу с лордом Грэем на тот же предмет, для обмена мнениями, и с тем же результатом. Он (император) сам полуангличанин, и его дорогая бабушка[1] умерла на его руках. Если бы она была жива, войны между Германией и Великобританией не было бы.

Я заметил, что у меня сложилось впечатление, что русский император держится того мнения, что мобилизация была навязана России Австрией и что Россия обнажила меч только для самозащиты по объявлении Германией войны. Из моих бесед с сэром Эдуардом Грэем я далее вынес впечатление, что Англия искренно старалась притти к соглашению с Германией и что для этой цели лорд Haldan предпринял поездку в Германию. И я добавил, что мне лично кажется, что война была вызвана недоразумением, и что если ныне существующие чувства будут культивироваться, то до мира будет очень далеко, и Европа может пережить новую семилетнюю войну, если только у воюющих стран хватит ресурсов для этого — людей и материалов.

Император сказал, что я должен был вынести впечатление о превосходном военном и финансовом положении Германии, — при чем, несмотря на все усилия неприятеля, германская армия все еще находится в глубине Франции. Французская почва в тылу германских армий обработана германскими орудиями и под германским наблюдением для снабжения в будущем продуктами германской армии и германского народа. Страна, по которой я проехал сегодня, подверглась «wirtschaftliche Germanisierung» (хозяйственной германизации). Манера, с которой с ним[2] обращались, не дает ему возможности обращаться к врагам, но он охотно выслушает всякое предложение, которое они пожелали бы представить ему через датского короля. Он прекрасно знает,

[1] Английская королева Виктория.

[2] Т. - е. с Вильгельмом.

что король не может быть заинтересован в сепаратном мире, но, несмотря на все, что произошло, он все еще верит, что лучшая дорога к миру пролегает через доброе сердце царя; впрочем, он не имеет возражений против того, чтобы начала Англия или последовала. Император прибавил (дословно): «Но грядущий мир должен быть миром длительным, заключенным на базисе, достойном германского народа и принесенных им жертв».

Я напомнил разговор, имевший место около 10 лет назад, в Бернсторфе, когда император сказал, что соединенная Европа — лучшая гарантия против желтой опасности, и прибавил, что, по моему мнению, это было бы и лучшей защитой против зеленой зависти. Император ответил, что Великобритания, а не он, ввела систему «равновесия сил» в Европе. Я указал, что соединенная Европа явилась бы «равновесием сил» в мире. На это император сказал: «Да, помогите этому осуществиться». Император заключил поручением мне передать королю датскому его привет и искреннюю благодарность за его сердечные усилия в интересах мира и прибавил, что он от глубины души желает, чтобы эти усилия привели к результатам, которых добивается король.

Копия записки Вильгельма II.

Вечером, перед моим отъездом, рейхсканцлер передал мне следующую записку от императора.

«При сем цифры, которыми Андерсен,[1] может-быть, сумеет воспользоваться при информировании царя.

Женевский Красный Крест опубликовал следующие цифры: убитые, раненые, взятые в плен, негодные для службы до 1 февраля 1915 г.

1. Германия и Австрия	2 751 000	чел.
Тройственный союз	6 567 000	»

Значит 1:2,5

2. Здесь не включены потери русских в битве на Мазурских болотах и французов в битве в Шампани; они равняются более чем четверти миллиона человек.

В Германии имеется 10 000 офицеров и 78 000 солдат военнопленных.

3. Франция уже установила 1916 г.[2]

Россия должна установить его с 1 апреля.

Германия установит 1915 г. только в узаконенный срок — 1 октября 1915 г.»

---

[1] Отсюда только выясняется фамилия лица, командированного датским королем для посреднических переговоров.

[2] Говорится о призыве новобранцев, подлежавших, по году рождения, приему на военную службу в 1916 г.

ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ II С КОРОЛЕМ ШВЕДСКИМ ГУСТАВОМ V.

Печатаемые здесь два письма шведского короля Густава V к Николаю II и ответ последнего на одно из этих писем касаются двух довольно любопытных эпизодов.

Первое из этих писем Густава, датированное 16 февраля 1915 г. (н. ст.), непосредственно связано с возбужденным тогда вопросом об обмене между Россией и Германией ранеными военнопленными: шведский король предлагает Николаю оказать свою помощь в осуществлении этого дела. Вскоре после этого (в августе 1915 г.) такой обмен и действительно был начат. Но главною целью письма Густава является не этот вопрос: указывая Николаю на «все ужасы этой страшной войны», шведский король, в очень осторожной форме, предлагает Николаю свои услуги в качестве посредника к скорейшей ликвидации мировой бойни.

«Ты понимаешь, дорогой Ники, — пишет Густав, — как сильно волнуют меня все ужасы этой страшной войны. И вполне естественно, что мои мысли заняты изысканием средств, могущих положить конец этой ужасной бойне. Но я не представляю себе, каким путем этого можно достигнуть, и совесть моя побуждает меня сказать тебе, что в любой момент, раньше или позже, когда ты найдешь это удобным, я готов тебе всемерно служить в этом деле».

Это предложение, по всем вероятиям, связано и с тем мирным посредничеством короля датского, о котором мы сообщали в предшествующем очерке; об этом явно говорит хронологическая близость этих двух мирных попыток: письмо короля шведского Густава относится к 16 февраля 1915 г., а посланец короля

датского, Андерсен, «продолжая свои прежние усилия» по вопросу о мире, прибыл в Берлин для переговоров с Вильгельмом 16 марта. [1]

Таким образом, в данном случае мы, надо думать, имеем проявление коллективных действий правителей Швеции и Дании. Известная часть буржуазии этих государств, а также и Норвегии, постоянно настаивала на «совместных действиях» их во всех основных вопросах политики. Начало этому было положено в декабре 1914 г., когда в Мальме состоялось свидание королей этих государств, и, как можно предполагать, именно на этом свидании, которое должно было урегулировать назревшие политические вопросы, был решен и план мирного посредничества.

Второе письмо короля шведского к Николаю II, от 29 мая 1916 г., касается вопроса об Аландских островах. Как известно, во время войны этот вопрос вызывал большую обостренность в отношениях шведского правительства и шведских «активистов» к царской России.

Для освещения этого вопроса надо отметить, что, согласно Парижской конвенции 1856 г., Россия была лишена права укреплять Аландские острова. Но в 1907 г. царское правительство заявило державам о своем желании возвести на этих островах

---

[1] Мы отмечали (стр. 23), что мирное посредничество короля датского, в свою очередь, хронологически связано с теми предложениями сепаратного мира, которые были сделаны немцами Николаю II при посредстве Васильчиковой. Последняя действовала с ведома Вильгельма II, и герцог гессенский Эрнст-Людвиг (брат А. Ф. Романовой) также принимал в этом деле участие. 17 апреля 1915 г. А. Ф. Романова писала Николаю II о полученном ею от герцога гессенского письме, в котором последний сообщал, что у него (т.-е., в сущности, у Вильгельма II) явился план организовать частным образом свидание русского и германского представителей,—и, как оказывается, не дожидаясь даже согласия Николая, Эрнст-Людвиг уже послал с этой целью в Стокгольм к 28 апреля (15-го ст. ст.) доверенное лицо. Но это свидание не состоялось, так как лицо это могло пробыть в Стокгольме «только неделю», а А. Ф. узнала об этом поздно и не могла сразу же получить на это согласие Николая, так как он находился в данное время в ставке. Поэтому А. Ф. написала сама ответ и «послала этому господину»; в письме своем А. Ф. указывала, что Николай еще не возвращался из ставки, и потому пусть «этот господин» не ждет, тем более, что «хотя все и жаждут мира, но время еще не настало». Ответ этот А. Ф. переслала при посредстве наследной принцессы шведской Маргариты (см. мою книгу «Политика Романовых», стр. 10—36).

укрепления, что уже тогда вызвало со стороны Швеции сильное беспокойство. Однако, происходившие в связи с этим в 1908 г. переговоры между шведским и русским правительствами (на которые ссылается и Николай II в печатаемом здесь письме его к Густаву) закончились в благоприятном для Швеции смысле.[1]

Тем не менее, вскоре после начала империалистской войны царское правительство открыто приступило к укреплению Аландских островов. Правительство Швеции, где это вызвало сильнейшее волнение, выразило после этого протест против нарушения Парижского договора, а затем стало домогаться получить от русского правительства заверения, что укрепления будут срыты по окончании войны. Однако, прямого ответа на это правительство России не давало,[2] хотя и подчеркивало, что укрепления возведены лишь вследствие войны, с оборонительными целями.

В печатаемом здесь письме к Николаю шведский король, ссылаясь на постановление обеих палат шведского парламента, подчеркивает, что «этот вопрос является для Швеции жизненным».

Николай в ответном письме успокаивает Густава и, соглашаясь на переговоры по этому поводу, выражает надежду, что они будут вестись «в примирительном духе». Укрепления на островах, как известно, остались, и лишь после русской революции весь этот вопрос получил совершенно иной исход.[3]

---

[1] 10 (28) апреля 1908 г., в Петербурге, Россией, Германией, Данией и Швецией была подписана «балтийская декларация», устанавливавшая status quo на берегах Балтийского моря.

[2] Русский посланник в Швеции Неклюдов, на успокоительные уверения которого шведскому правительству ссылается Николай в печатаемом здесь письме, в своих мемуарах рассказывает, что ему было поручено сделать эти «уверения» в несколько необычной форме: передать шведскому министру иностранных дел «успокоительный меморандум» (не содержавший никаких определенных обещаний), который министру разрешалось показать некоторым членам парламента, но с тем, чтобы затем этот документ был возвращен Неклюдову; это и было исполнено (см. «Diplomatic reminiscences», London, 1920, p. 416).

[3] Вопрос об Аландских островах рассматривался потом в так называемой «Лиге Наций», при чем решением от 21 июля 1921 г. лига признала, что суверенитет над этими островами должен принадлежать Финляндии. 22 июля последовала нота Советского правительства, заключавшая протест против этого решения. Согласно 6 ст. Брест-Литовского мирного договора 1918 г., укрепления на Аландских островах должны быть снесены «при первой возможности».

Письма Густава V к Николаю II.

Стокгольм.
16 февраля 1915.

1.

Мой дорогой Ники.

Узнав, что возбужден вопрос об обмене ранеными военнопленными между Россией и Австро-Германией, спешу отправить тебе настоящее письмо.

Ты можешь не сомневаться в том, что я испытал бы чувство большого удовлетворения, если бы мог принести какую-нибудь пользу в этом деле, и что я готов сделать все решительно для облегчения этого обмена и дать своему правительству все необходимые инструкции, могущие способствовать осуществлению этого гуманного предприятия.

Ты понимаешь, дорогой Ники, как сильно волнуют меня все ужасы этой страшной войны. И вполне естественно, что мои мысли заняты изысканием средств, могущих положить быстрый конец этой ужасной бойне. Но я не представляю себе, каким путем этого можно достигнуть, и совесть моя побуждает меня сказать тебе, что в любой момент, раньше или позже, когда ты найдешь это удобным, я готов тебе всемерно служить в этом деле.

Если эти строки заставят тебя призадуматься, я буду чрезвычайно счастлив и, на всякий случай, попрошу тебя написать мне несколько слов о том, как ты смотришь на мое предложение услуг.

Я твердо верю, что, из уважения к нашей старой дружбе, ты не истолкуешь ложно мое настоящее письмо.

Глубоко и неизменно любящий тебя и Аликс твой преданный тебе кузен и друг

Густав.

2.

Стокгольм.
29 мая 1916.

Мой дорогой Ники.

Так как ты разрешил мне, каждый раз, когда у меня что-либо будет на душе, откровенно тебе написать, то я посылаю тебе нижеследующие строки.

Прежде всего, позволь поблагодарить тебя за твое любезное письмо, которое мне передал несколько времени тому назад твой посланник,[1] по своем возвращении из Петрограда. Я высоко ценю твои уверения в дружбе и в добрососедских отношениях, на которые готов сердечно ответить тем же.

Я вспоминаю с чувством искренней благодарности, что в 1908 г. нависший над нами щекотливый вопрос об Аландских островах был вполне удовлетворительно разрешен благодаря твоему личному вмешательству. В настоящее время, точно так же, как и в ту пору, обе палаты шведского парламента единодушно выска-

[1] А. В. Неклюдов, русский посланник в Швеции.

зались в том смысле, что этот вопрос является для Швеции жизненным. Я надеюсь поэтому, что ты окажешь теперь такое же дружеское содействие для облегчения предстоящих по этому поводу переговоров, которые нам было бы желательно начать в самое ближайшее время.

Я горячо желаю, чтобы они состоялись в атмосфере взаимного понимания и содействовали бы укреплению добрых отношений между нашими странами.

Глубоко любящий тебя и Аликс твой преданный тебе кузен и друг

Густав.

3.

Письмо Николая II к Густаву V.[1]

Мой дорогой Густав.

Благодарю тебя за твое письмо, как и за уверения в дружбе и в добрососедских отношениях, доставившее мне большое удовольствие.

Я помню переговоры, которые шли в 1908 г. об Аландских островах.

В то время Россия очень близко приняла к сердцу благожелательное обсуждение и решение этого вопроса к полному удовлетворению Швеции.

Когда вспыхнула эта ужасная война, мы были вынуждены принять на этих островах ряд мер предосторожности, повелительную необходимость которых, я уверен, ты хорошо понял. Одновременно с этими мерами, мое правительство, действуя, полтора года тому назад, по собственной инициативе, предупредило о них шведское правительство, дав ему искреннее и исчерпывающее объяснение истинного значения оборонительных сооружений, возведенных на некоторых из этих островов. Недавно, по особому предписанию, мой посланник в Стокгольме повторил те же уверения. Таким образом, кажется мне, у твоей страны нет оснований для беспокойства в связи с этим вопросом.

Если, тем не менее, ты считаешь целесообразным, чтобы шведское правительство начало по этому поводу новые переговоры, я изъявляю на это мое согласие.

Но чрезвычайно важно, чтобы обе стороны вели их в том же примирительном духе; только на почве взаимного понимания можно охранять взаимные интересы в целях укрепления добрососедских отношений.

Ц. Ставка.
4 июня 1916 г.

---

[1] Это письмо является ответом на второе из напечатанных выше писем короля Густава. Печатается с предварительного текста, написанного Николаем; в таком виде письмо, несомненно, и было отправлено.

ИЗ ОБЛАСТИ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ НА БАЛКАНАХ.

I.

Россия и Сербия.

Защита Сербии от посягательств Австрии была одним из тех благородных мотивов, которыми правительства России, Франции и Англии прикрывали империалистские задачи войны. Но «союзники», и в частности царское правительство, и в этом вопросе, как и во многих других, уже в первый период войны наглядно обнаружили всю фальшь тех красивых слов, которыми прикрывали они свои империалистские цели.

Эпизод, которого касается печатаемое здесь письмо главнокомандующего сербской армии королевича Александра к главнокомандующему армии русской в. к. Николаю Николаевичу, непосредственно связан с заключенным союзниками 26 апреля (н. ст.) 1915 г. лондонским тайным договором, который обеспечивал вступление в войну Италии. Это достигалось, как известно, ценою громадных территориальных компенсаций и, в частности, обещанием уступить Италии ряд входивших в состав Австро-Венгрии земель с славянским населением. Эта сделка, естественно, произвела громадное впечатление среди тех славянских народов, которые тяготели к державам «согласия».

Письмо королевича Александра,[1] являющееся откликом на лондонское соглашение, вполне раскрывает то впечатление, которое произвела эта тайная, но тогда же частично раскрывшаяся, сделка «союзников». Королевич Александр справедливо обращает внимание на «нравственную сторону этого дела». Он указывает,

[1] Ныне — король Юго-Славии.

что не может теперь требовать от солдат, чтобы «они продолжали борьбу с той же беззаветностью и с таким же самопожертвованием, которые до сих пор являлись их силою и настоящей причиной достигнутых ими успехов». «Теперь, — говорит Александр, — никому не удастся заставить их понять, что они не брошены своими великими союзниками». Он указывает, что бодрое настроение сербов угрожает теперь смениться отчаянием, и что «армия в таком состоянии духа может считаться уже вперед побежденной, и безнадежно».

Что касается затрагиваемого в письме королевича Александра вопроса о переходе сербской армии в наступление, то на этом настаивало тогда русское верховное командование, в связи с ухудшением положения на русском фронте после дунаецкого прорыва: 4 апреля (ст. ст). 1915 г. в. к. Николай Николаевич обратился к сербскому главнокомандующему, королевичу Александру, с просьбою о немедленном переходе его армии в наступление. Сербское командование ответило тогда, что, несмотря на все желание исполнить это, немедленный переход в наступление невозможен вследствие плохого состояния продовольственных запасов и недостатка транспортных средств, — но, в виду того, что в последнее время положение в этих отношениях стало улучшаться, сербское командование рассчитывало, что армия сможет перейти в наступление после доставки в Сербию закупленных припасов. Об этом королевич Александр сообщал в. к. Николаю Николаевичу телеграммой от 12 апреля (ст. ст.).[1] Однако, переход в наступление сербской армии не состоялся.

Из сказанного видно, что как раз в то время, когда русское командование добивалось перехода в наступление сербской армии, «союзники», в том числе и Россия, заключали договор с Италией, согласно которому последняя получала обещания на присоединение к ней части принадлежавших Австро-Венгрии земель, населенных сербами, хорватами, словенцами.

Государственное объединение всех этих народов не только входило в «национальные чаяния» сербской, хорватской и словенской буржуазии, но было желательно и для трудовых масс, стонавших под властью социальной и политической реакции

---

[1] Н. Валентинов. «Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914 — 1918 гг.». М. 1920 г., стр. 56 — 61. («Труды Военно-исторической комиссии».)

Австро-Венгрии. И потому понятно, что лондонская сделка «союзников» передававшая славянские земли из одних чужих рук в другие, тоже чужие, не могла не произвести решительного удара по настроению как сербской буржуазии, так и народных масс.

В печатаемом письме, несомненно, выявляется и одна из основных причин, почему сербская армия так и не перешла в то наступление, которого требовали союзники; попытки союзного командования побудить позднее сербов к наступлению отклонялись ими по различным мотивам, пока в самом конце 1915 г. и сама русская «ставка» не признала, что «наступление сербской армии является уже запоздалым» — вследствие изменения военно-политической обстановки. [1]

Таким образом, союзники, и в частности русское правительство, считавшее себя призванным особенно заботиться об осуществлении «национальных задач» Сербии, совершили путем договора с Италией явное предательство по отношению к сербам, и результаты этого проявились на отказе сербской армии от активных действий. [2]

Королевич Александр в письме своем к в. к. Николаю Николаевичу предвидит возможность того, что, в случае выступления Румынии на стороне союзников, она получит от них обещания на захват не только Трансильвании, но и Баната, населенного, в значительной части, сербами.

Как известно, позднее, именно это и произошло, когда 18 августа 1916 г. н. ст. был заключен союзниками тайный договор с Румынией.

Что касается ответного письма в. к. Николая Николаевича, то он обещает в нем сделать все, что в его силах, для помощи Сербии; в свое время это обещание исполнено не было, но значительно позже, в декабре 1915 г., для оказания помощи сербам, была предпринята атака на Стрыпе, не давшая, однако, результатов.

---

[1] Валентинов, цит. книга, стр. 63.

[2] Впоследствии, в октябре 1915 г., после вступления в войну Болгарии, соединенные армии немцев, австрийцев и болгар, под начальством Макензена, предприняли наступление на Сербию, которая, как известно, и была вскоре разгромлена. Остатки сербской армии, в количестве около 120 тыс. человек, были затем переправлены на союзных судах на остров Корфу.

1.

Письмо королевича сербского Александра к великому князю Николаю Николаевичу.

Ниш. 22 апреля.[1]

Дорогой дядя.

Я получил ваше письмо, доставившее мне большое удовольствие. Спешу сообщить вам, что все предварительные мероприятия для перехода сербской армии к наступлению приводятся в исполнение.

Я рассчитываю, что в обусловленный срок мы выступим против неприятеля, и что до того времени все затруднения, на которые я указал вам в моей последней телеграмме, будут преодолены.

В тот самый момент, когда я взялся за перо, чтобы поблагодарить вас за лестные отзывы ваши как обо мне, так и о моей армии, я получил известие, что интересы славян, во имя которых и началась эта война, принесены в жертву Италии и являются целью ее вступления в войну. Италия, по договору, заключенному ею с тройственным согласием, — договору, который до сих пор тщательно скрывали от нас, — получит все австрийское побережье с соответствующим ему «гинтерландом». Это обозначает приблизительно более полутора миллионов чистейших славян (сербов, хорватов, словенцев), или 150 000 превосходных солдат и моряков. Это означает также, что Италия получит все гавани, все морские порты и все стратегические пункты и коммерческие дебушэ в Адриатике.

Она по отношению к нам займет во всем место и роль Австрии, а ведь мы надеялись, что эта война окончательно избавит нас от этого.

Не буду вам говорить обо всех затруднениях и опасностях, которыми угрожает в будущем это занятие Италией места Австрии на Балканах.

Я хочу обратить ваше внимание — генералиссимуса российской армии, держащего в своих руках судьбу славян — на нравственную сторону этого дела; она существенна для армии, которая хочет победить и которой факты, подобные настоящему, наносят непоправимые удары.

Моя армия была вначале наэлектризована словами, с которыми вы обратились к народам Австро-Венгрии и которые подали им надежду, что час окончательного освобождения славян этой монархии пробил. Я потребовал от своих солдат, чтобы они объединили свои усилия с могучей русской армией, чтобы

[1] Очевидно, в соответствие с письмом в. к. Николая Николаевича, Александр указывает дату по старому стилю (лондонский тайный договор, которого касается письмо, был заключен 26 апреля н. ст. 1915 г.).

добиться этой священной цели. Ведь для осуществления ее пролилось уже столько славянской крови! Я не могу требовать от своих солдат, чтобы они продолжали борьбу с той же беззаветностью и с таким же самопожертвованием, которые до сих пор являлись их силою и настоящею причиной достигнутых ими успехов.

До сих пор мои солдаты сознавали, что жертвы, которых от них требуют, необходимы, и они храбро переносили все испытания. Теперь никому не удастся заставить их понять, что они не брошены своими великими союзниками, и что славянский идеал не принесен в жертву на пользу Италии.

С другой стороны, Румыния, повидимому, поставит условием своего вступления в войну, чтобы ей гарантировали, помимо Трансильвании, весь Банат, который населен в большей своей части сербами.

До сих пор дипломатия хотела заставить Сербию сделать значительные территориальные уступки Болгарии.

Таким образом, все эти нейтральные государства, которые до сих пор старались оказывать нашим врагам очень крупные услуги и были враждебны нам с самого начала, требуют от держав тройственного согласия и получают от них гарантии, идущие в прямой ущерб их скромному, но верному союзнику, который до сих пор сражался, по мере своих сил и при божьей помощи, с успехом.

Я считаю своим долгом изложить вам все эти вопросы и все эти затруднения, которые возникли как раз в эту минуту, особенно тяжелую для меня и моего народа, когда этот моральный элемент особенно необходим нам, и когда они угрожают сменить бодрость нашего духа отчаянием и унынием. Армия в таком состоянии духа может считаться уже вперед побежденной, и безнадежно.

Тысяча пожеланий счастья и славы от вашего любящего и преданного племянника

Александра.[1]

2.

Письмо великого князя Николая Николаевича к королевичу сербскому Александру.

Ставка.
4 мая 1915 г.

Милый Сандра.

Я получил твое письмо в ответ на мое.

Радуюсь, что положение сербской армии таково, что ты мог отдать соответственные распоряжения для подготовки к началу активных действий.

---

[1] Мать королевича Александра (жена короля Петра I Карагеоргиевича), Зорка, была дочерью черногорского короля Николая; сестра Зорки. Стана (Анастасия) — жена в. к. Николая Николаевича.

Что касается до вопроса об общей политической обстановке, о которой ты подробно говоришь в своем письме, то я ясно понял твой взгляд. Этот вопрос вне сферы моей компетенции. В одном ты можешь быть совершенно уверенным, что все, что будет в моих силах и возможности — все мною будет сделано.

Я твердо верю, что с помощью божией все в конце концов устроится в желательном смысле.

От души обнимаю. Сердечно тебя любящий дядя

Николай.

II.

Россия и Греция.

С самого начала империалистской войны греческое правительство вело упорную борьбу за свой нейтралитет; греческий народ, устав от предшествующих балканских войн, не желал ввязываться в мировую бойню. В первый ее период политика царской России относительно Греции находилась в полной зависимости от дипломатии французской, все усилия которой были направлены к тому, чтобы заставить Грецию вступить в войну; при этом Николай II даже не довольствовался тогда теми мерами, которые в этом отношении принимали англо-французские империалисты. Так, например, 4 ноября 1915 г. Николай писал: «Франция и Англия, повидимому, поняли, наконец, что Грецию надо заставить вести себя прилично по отношению к ним и бедным сербам». [1]

Но такое отношение русского правительства к Греции мало-по-малу стало изменяться. Это было связано с тем, что в процессе войны, под воздействием «союзников», правительственная власть в Греции раздвоилась: часть Греции находилась под властью короля Константина, в другой части (на Салониках) главенствовало правительство Венизелоса. Король Константин подозревался державами «согласия» в германофильстве; с другой стороны, Венизелос, действовавший при помощи получаемых от Франции денежных субсидий, пользовался всемерной поддержкой руководящей группы «союзных» империалистов. При этом отношение последних к Венизелосу стало неожиданно вызывать отрицательную оценку со стороны Романовых и их правительства,—и в результате, к середине 1916 г. в политике царской России начал наме-

[1] «Переписка Н. и А. Романовых», т. III, стр. 432.

чаться значительный откол от тех директив, которые выдвигались французами. Однако, этот откол объясняется вовсе не тем, что правительство России стало бы считать невозможным посягать на суверенные права Греции, вызывающе нарушаемые французами; причины того противодействия, которое русское правительство старалось теперь оказывать французскому, лежали отчасти в интимной плоскости родства царствующих домов России и Греции,[1] отчасти же в том, что Романовы хотели считать себя охранителями монархического начала в Европе. Франция поддерживала «революционера» Венизелоса и стремилась свергнуть короля Константина, — при таких условиях, Романовы находили нужным поддерживать Константина, не только как своего родственника, но и как к о р о л я. Этот мотив ясно выступает в переписке Романовых. Вот некоторые примеры этого.

24 сентября 1916 г. А. Ф. Романова, после разговора с прибывшим в Россию греческим принцем Николаем, пишет своему мужу:

«Я должна сказать, что наши дипломаты поступают п о с т ы д н о,[2] и если Тино[3] выбросят вон, это будет наша вина — это ужасно и несправедливо — как мы смеем вмешиваться в ч а с т н у ю политику страны и заставлять выгонять правительство и интриговать, чтобы революционер[4] вернулся на его место. Мне кажется, что, если бы ты мог добиться, чтобы французское правительство отозвало Саррайля (это мое частное мнение), все бы сразу там успокоилось. Это страшная интрига франк-масонов, к которым принадлежат французский генерал[5] и Венизелос и много богатых греков из Египта и т. д., которые собрали деньги, и даже заплатили «Новому Времени» и другим газетам, чтобы писать дурные и запрещать хорошие статьи, касающиеся Тино и Греции. Гнусный позор!». [6]

---

[1] Отец короля Константина, Георг I, женатый на в. к. Ольге Константиновне, был родным братом императрицы Марии Федоровны; с другой стороны, Константин находился в родстве и с Вильгельмом II: сестра последнего, София, была женой короля Константина.

[2] Здесь и далее подчеркнуто А. Ф.

[3] Семейное имя короля Константина.

[4] «Революционер», это — Венизелос.

[5] Саррайль — генерал, командовавший находившимися в Греции союзными войсками.

[6] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 198.

Через три дня, 27 сентября, А. Ф. вновь внушает Николаю: «Почему ты не можешь попросить Пуанкарэ (президента) отозвать Саррайля и заставить Францию и Англию... отстоять Тино, к о р о л я, а не брать сторону Венизелоса, революционера и франк-масона. Вызови Штюрмера, так как трудно об этом писать. Дай ему строгие инструкции, мы поступаем очень нехорошо, я понимаю, что бедный Тино чуть с ума не сходит».[1]

Из этих выдержек видно, что сочувствие к товарищу по профессии, королю, играло главную роль в направлявших Николая указаниях А. Ф. Романовой. На этой же почве были основаны и директивы для действий русской дипломатии.

Из опубликованных теперь дипломатических документов относительно Греции видно, что Николай II в это время, поскольку мог, старался умерять активность французских империалистов.[2] В этом отношении немалую роль играл, специально для этого прибывший в Россию, греческий принц Николай, письма которого к Штюрмеру ниже печатаются. 8 июля 1916 г. он появился в Петрограде, а уже 15 июля Николай дает Штюрмеру распоряжение запретить «Новому Времени» и другим печатным органам помещать «резкие и неприличные статьи против личности короля Константина греческого».[3] Затем, 1 августа Николай приказывает Штюрмеру «переговорить с послами Франции и Англии о внушении их правительствам мысли (о необходимости) менее резкого обращения их с греческим правительством и меньшего подчеркивания их представителями в Греции сочувствия выборам Венизелоса главой эллинского правительства».[4]

На этих фактах мы сталкиваемся, между прочим, с примерами той роли, которую родственные связи между правителями оказывали на политику царской России. В области балканской политики это проявлялось особенно заметно на отношениях России к Черногории, Сербии и Греции. В частности, принц Николай греческий, письма которого здесь печатаются,

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 205.

[2] См. «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны». По секретным материалам б. мин. ин. дел. Под ред. и со вступительной статьей Е. А. Адамова. Изд. Нар. Ком. Ин. Дел. М. 1922 г., стр. 59 (вступительная статья) и документы, стр. 63 — 165.

[3] См. далее «Из переписки Николая II с министрами», стр. 99.

[4] См. далее «Доклады Штюрмера Николаю II», стр. 142.

уже не раз выступал агентом при таких родственно-дипломатических сношениях: во время балканской войны он приезжал в Петербург, чтобы просить Николая оказать давление в пользу вмешательства Румынии в войну, — и эта миссия не осталась без влияния на печальных плодах тогдашней русской политики.[1]

От этих предварительных замечаний мы перейдем к тем вопросам, которых непосредственно касаются печатаемые здесь письма.

Добиваясь перехода Греции на свою сторону и стремясь обеспечить от всякой опасности свою салоникскую армию, державы «согласия» постоянно, самым грубым образом, нарушали нейтралитет Греции, ссылаясь на то, что правительство короля Константина, — по их сведениям, — нарушает нейтралитет в пользу Германии. В июне 1916 г. союзные державы решили приступить к самым энергичным мерам воздействия на греческое правительство, — и 8 июня (ст.ст.) правительства Франции, Англии и России предъявили греческому правительству ультимативную ноту, в которой требовали смещения кабинета, демобилизации греческой армии, роспуска и переизбрания палаты. Требования эти, в случае упорства греческого правительства, должны были быть подкреплены посылкой военных судов в Салоники и некоторые другие пункты, а также высадкой в Пирее. Греческое правительство вынуждено было исполнить эти требования, — и 8 июня был образован новый кабинет Займиса.

Печатаемое здесь первое письмо принца Николая к Штюрмеру, от 11 августа 1916 г., касается вопроса о греческих выборах и, в частности, той декларации, которую, по имевшимся сведениям, предполагали по этому поводу издать союзники.

Второе письмо принца Николая включает в себя и телеграмму к нему короля Константина, в которой последний высказывает свои жалобы на действия представителей Антанты. Телеграмма Константина датирована 12/25 августа 1916 г.: как раз около этого времени в дипломатических кругах Антанты были получены сообщения, что германские войска приготовляются к движению на Афины, и что с этою целью уже начались соответствующие мероприятия. По сведениям представителей Антанты, в Афинах, для обеспечения успеха германской оккупации, соста-

---

[1] Бьюкенен. «Мемуары», стр. 98.

вился заговор, во главе которого стоит генерал Дусманис. Опровержению этих сообщений и посвящена телеграмма греческого короля (включенная в текст письма принца Николая) и написанная, конечно, для того, чтобы довести ее до сведения Николая II.

Некоторые подробности, связанные с текстом этого письма, находим также в телеграмме из Парижа русского посла Извольского о состоявшемся там заседании совета министров. Так как телеграмма эта не вошла в издание Народного Комиссариата по Иностранным Делам «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны», то приводим здесь ее текст:

Секретная телеграмма посла в Париже.

12/25 августа 1916 г. № 601.

Только-что окончившийся совет министров решил заявить королю Константину, что от него лично зависит не допустить движения германо-болгар на Лариссу и Афины и что, если он этому движению не воспрепятствует, союзники примут надлежащие меры и возложат на него ответственность за таковые. Под надлежащими мерами разумеется посылка соединенной эскадры в Пирей и высадка там союзнического десанта. Бриан телеграфирует инструкции в этом смысле французскому посланнику в Афинах. Здешний морской министр, по соглашению с английским адмиралтейством, еще вчера вечером предписал французскому адмиралу сосредоточить свои суда у острова Мило.

Извольский.[1]

Из другой телеграммы того же Извольского — от 13/26 августа, видно, что Бриан находил необходимым, даже не дожидаясь ответа короля, послать эскадру в Пирей и высадить десант для занятия Афин.[2]

Греческий король в печатаемой здесь телеграмме его к принцу Николаю называет сообщение о намеченной немцами оккупации Афин «курьезной информацией». Все известия о заговоре Константин считает просто интригой «агентов согласия»; с своей стороны, принц Николай уверяет, что все «подобные слухи являются лишь низким и отталкивающим делом одной политической клики, которая не останавливается ни перед какими сред-

[1] Копия этой телеграммы сохранилась в бумагах Штюрмера.

[2] «Европейские державы и Греция», стр. 95.

ствами, даже перед уничтожением собственной родины, чтобы достигнуть своих целей» (речь идет о «венизелистах»). В заключительной части письма к Штюрмеру Николай греческий спрашивает: «Кто может гарантировать нам, что посланники, поддаваясь этим самым причинам и даже пользуясь ими как предлогом, не примут в один прекрасный день мер против Греции, несправедливость которых может равняться только их суровости?».

Этот вопрос был не праздным: такие меры, действительно, были приняты позднее державами «согласия». [1]

Из телеграммы русского посланника Демидова узнаем, что, повидимому, письмо Николая греческого оказало какое-то воздействие: королю была сообщена ответная телеграмма Штюрмера, и Константин был «глубоко тронут» «ценным к нему доверием государя императора» и благодарил Штюрмера за проявленное им «доброжелательство к Греции», о чем ему донес принц Николай. [2]

Несмотря на это «ценное доверие», через несколько дней, когда возник вопрос о предъявлении к Греции новых требований, Николай II, поручил своему посланнику присоединиться к тем энергичным действиям, которые намечались англо-французской дипломатией. [3]

Ограничиваясь пока этими замечаниями, мы дальнейшего хода «греческого вопроса» коснемся еще в статье о союзной конференции 1917 г.

Письма греческого принца Николая к Штюрмеру.

1.

Павловск. 11 августа 1916 г.

Господин министр.

После двух свиданий с вашим превосходительством, которые я имел честь получить, я считаю своим долгом — чтобы устранить и предупредить всякие недоразумения — подтвердить вам письменно заверения, которые я вам сделал уже устно.

---

[1] См. далее «Конференция союзников в Петрограде в 1917 г.», стр. 61 — 63.

[2] «Европейские державы и Греция», стр. 98.

[3] См. далее «Доклады Штюрмера Николаю II», стр. 149 (пункт 3).

Я уполномочен объявить именем его величества короля, что державы, входящие в Антанту, ни при каких обстоятельствах не должны опасаться какого-либо враждебного шага со стороны Греции, и что, каковы бы ни были результаты ближайших выборов, его величество не только не сформирует, но и не потерпит правительства, враждебного Антанте.

Немыслимо даже думать, что выборы могут дать результат, неблагоприятный для Антанты. Надо уметь различать между «партийной политикой» и «антантизмом». У Антанты нет врагов среди политических деятелей Греции.

Я слышу из различных источников, что представители держав Антанты в Афинах намерены, как только выйдет декрет о роспуске палаты, выступить с декларациями к греческому народу, в которых будет указано, что греческий народ свободен в своем выборе, но что вместе с тем он должен иметь в виду тот факт, что, в случае если выборы дадут результат, не благоприятный для Антанты, греческий народ будет ответственен за последствия.

Я считаю своим долгом обратить внимание вашего превосходительства на тот важный факт, что в декларации представителей держав Антанты в Афинах заключается существенное противоречие: вторая половина проектированной декларации, с содержащейся в ней замаскированной угрозой, являлась бы выступлением против всех тех, которые могли бы желать продолжения нейтралитета, и аннулировала бы первую часть той же самой декларации, обещающую греческому народу полную свободу совести при осуществлении им своего права голоса; кроме того, она оказалась бы в полном противоречии с духом ноты держав и с формальными заверениями, данными державам его величеством и г. Займисом.

Такого рода декларация со стороны представителей держав Антанты глубоко задела бы чувство греческого народа и могла бы быть использована обоими противоположными политическими лагерями в направлении, совершенно противоположном интересам самой Антанты.

Постановка выборов на такую почву могла бы легко повести к тому, что создалось бы впечатление, будто голосование греческого народа, или даже части народа, могло бы означать тенденцию, враждебную Антанте, что несколько не соответствует истине.

Примите, г. министр, выражение моего высокого уважения.

Николай, принц греческий.

2.

15/28 августа 1916 г. Павловск.

Новая телеграмма от его величества короля заставила меня отложить еще на несколько дней мой отъезд из Петрограда.

Означенная телеграмма его величества относится к вопросу, который был предметом разговора, который я имел честь вести с вашим превосходительством в прошлый четверг. Не желая затруднять ваше превосходительство моим присутствием свыше меры необходимого, я ограничусь тем, что передам вам суть телеграммы его величества короля. Я буду просить ваше превосходительство обратить всё ваше внимание на следующее сообщение, так красноречиво описывающее положение, создавшееся благодаря скрытой нервозности представителей Антанты в Афинах.[1]

12/25 августа 1916 г.

«Я должен информировать тебя о частых переговорах, которые представители Антанты имели в последнее время с председателем совета. Последние события на балканском фронте, повидимому, вызвали у представителей Антанты такое возбуждение, что они стали склонными верить сообщениям самым невероятным и самым фантастическим. Таким образом, они довели до сведения премьер-министра, что им-де известно из достоверного источника, что немцы собираются оккупировать Афины и немедленно же после этого арестовать сэра Фр. Эллиота,[2] г. Гильмена[3] и г. Венизелоса. Для того, чтобы привести это в исполнение, немцы якобы решили образовать экспедиционный корпус, составленный из германцев и австро-венгерцев. Немецкие офицеры и два австрийских будто бы прибыли уже на автомобилях для рекогносцировки и с секретным поручением минировать порт Пирей и подготовить площадки для тяжелой артиллерии на прилегающем побережьи; в Катерине (маленький порт на восточном берегу, у подножья Олимпа) греческие власти будто бы собирают вагоны в количестве, достаточном для того, чтобы перевезти германскую дивизию в Афины; отряд улан был уже будто замечен около Ларисссы (в центре Фессалии!); германские суда, интернированные в Элевзисском заливе с начала войны, будто бы пополнены, согласно этим же сведениям, тысячами ружей, и за ними наблюдают германские морские офицеры. Г. Демидов, который собирался поехать в Салоники, отложил свою поездку, так как его предупредили, что он подвергает себя опасностям. Убежденные в правдивости этих бессмысленных россказней, посланники осведомились, какие меры намерено предпринять греческое правительство, чтобы воспрепятствовать такой катастрофе и обеспечить независимость столицы.

«Представители Антанты чуть ли не угрожали, а сэр Фр. Эллиот, чтобы придать этому выступлению больше веса, прибавил, что, если Греция не даст необходимых гарантий, он вызо-

---

[1] Далее идет текст телеграммы короля Константина.

[2] Английский посланник в Греции.

[3] Французский посланник в Греции.

вет военные суда, и тогда уже потребует отставки начальника главного штаба и роспуска этого учреждения, в котором-де нет надобности в мирное время!!! Я просил председателя совета поспешить проверить эту столь курьезную информацию. Морской министр немедленно отправил офицера в французскую миссию, чтобы попросить морского атташе в тот же день выехать с ним в Элевзис для осмотра судов. Министр путей сообщения принял аналогичные меры, чтобы проверить известие о концентрации вагонов в Катерине, а также о виденных в Лариссе уланах. Эти приказания были даны, чтобы доказать посланникам источник их информации и чтобы успокоить их возбужденные нервы и смягчить их слишком живое воображение. Тотчас же телеграмма из Катерины удостоверила, что здесь имеются только две открытых платформы — подвижной состав, как мне кажется, недостаточный для перевозки целой дивизии. Уланы в Лариссе оказались чистым оптическим обманом. Сейчас мне донесли о возвращении французского морского атташе, который, лично и весьма обстоятельно осмотрев суда на Элевзисском рейде, не нашел на них ни одного ружья. Сведение о присутствии там германских и австрийских офицеров оказалось тоже неверным.

«Сообщая председателю совета свои тревоги, представители Антанты заявили, что этот заговор ведется, без моего ведома, равно как и без ведома г. Займиса, генералом Дусманисом, который якобы ослеплен ненавистью к г. Венизелосу и поэтому не останавливается даже перед опасностями, которые он может навлечь на свою родину. К несчастью, я вынужден констатировать, что вся эта история, — слишком нелепая для того, чтобы представители Антанты действительно в нее верили, — является просто интригой, чтобы избавиться от генерала Дусманиса. Я отрицаю это утверждение самым категорическим образом и принимаю на себя за это полную ответственность. Не пора ли положить конец всем этим плачевным интригам и серьезно задуматься над вопросом, могут ли дипломаты,—столь скомпрометированные и обладающие такой малой долей хладнокровия, — продолжать занимать свои посты? Мало того, что они вмешиваются во внутреннюю политику страны и потеряли симпатии народа, — и это вопреки всем обещаниям, которые даны были мне при твоем посредстве, — они еще дают веру совершенно фантастическим россказням и накидываются на достойного офицера, оказавшего стране заметные услуги, который по той или иной причине имел несчастье им не понравиться!!».

Столь печальные эпизоды, составляющие предмет телеграммы его величества короля, являются лишь разрозненными примерами в длинной цепи недоразумений и ошибок, которые так сильно содействовали разрыву доверия между Грецией и той из держав, к которой моя страна всегда обращалась за помощью и

защитой.[1] Грубая ошибка представителей Антанты, продолжающих верить, несмотря на доказательства противного, в глухую враждебность к ним некоторых политических и военных кругов и позволяющих вести себя по этому пагубному пути благодаря инсинуациям некоторых политических деятелей,—выставляющих себя единственными друзьями Антанты, но преследующих на деле лишь свои личные цели, — делала невозможной всякую беспристрастную оценку! Несмотря на столь формальные уверения его величества короля, которые должны были бы рассеять все недоразумения и положить конец этой атмосфере сомнений, несмотря на успокаивающие и даже ободряющие слова, сказанные мне его императорским величеством[2] и вашим превосходительством, я должен с сожалением констатировать, что представители Антанты в Афинах продолжают упорствовать на том же пути недоверия, который стоит уже моей несчастной стране таких незаслуженных унижений.

Я сожалею, г. министр, что мне приходится сказать вам в письме то, что я имел честь уже указать вам на словах: все обвинения, выдвигаемые против политических деятелей, против достойных офицеров армии и пр., так же как и эти фантастические истории, которые, повидимому, так смущают и беспокоят представителей Антанты, являются лишь низким и отталкивающим делом одной политической клики, которая не останавливается ни перед какими средствами, даже перед уничтожением собственной родины, чтобы достигнуть своих целей. К сожалению, представители Антанты просто одурачены интригой, столь же ловкой, сколь она безнравственна!

Я предоставляю вашему превосходительству, столь благосклонно выслушивавшему уже три раза сообщения о положении в Греции, которые я имел честь делать, оценить факты так, как я их сейчас изложил, и рассудить, не уместно ли было бы подумать теперь о некоторых переменах в дипломатическом корпусе в Афинах! К несчастью, дело дошло до того, что еще большее напряжение в отношениях между его величеством королем и представителями Антанты угрожало бы самыми серьезными последствиями для интересов не только Греции, но и держав Антанты. Легкость, — я сказал бы даже — охота, с которой посланники принимают как истину самые злостные обвинения и с которой они прислушиваются к самым невероятным россказням, наводит на самые серьезные размышления. Ибо кто может гарантировать нам, что посланники, поддаваясь этим самым причинам и даже пользуясь ими как предлогом, не примут в один прекрасный день мер против Греции, несправедливость которых может равняться только их суровости! Умоляю вас, г. министр, внимательно рассмотреть таковую возможность, которую я считаю весьма

[1] Говорится о России.

[2] Николаем II.

вероятной, и измерить все неисчислимые бедствия, не говоря уже о несправедливости, которые явятся фатальным последствием такого шага посланников.

Я останусь здесь еще несколько дней и буду счастлив получить от вашего превосходительства сообщение, которое вы пожелали бы мне сделать как в письменной форме, так и устно.

Прежде чем кончить, я хотел бы обратить внимание вашего превосходительства на печальный факт, что, несмотря на полученные мною заверения, газеты начали в последнее время помещать статьи, в высокой степени оскорбительные для моей страны: ложь и самая недостойная клевета ежедневно предлагаются публике, а мы даже не в состоянии защищаться. Я полагаю, однако, если мне позволено будет это сказать, что сообщение прессе, в какой бы то ни было форме объясняющее причины моего прибытия сюда и содержащее заверения, сделанные мною его императорскому величеству, как равно и вам, больше всего способствовали бы прекращению этой кампании, систематической и глубоко несправедливой.

Примите, г. министр, уверения и т. д.

Николай, принц греческий.

III.

Россия и Болгария.

Царская политика по отношению к Болгарии, во время, непосредственно предшествовавшее войне, наиболее ярко выявилась в том «наказании», которому подвергло царское правительство в 1913 г. Болгарию как за ее, вызывавшие чувства зависти, победы над турками, так и за нежелание выполнять советы и предписания России. В результате, по бухарестскому миру (август 1913 г.), Болгария была лишена Македонии, на которую она издавна претендовала, а также вынуждена была уступить Румынии, и некоторую часть своей собственной территории. Одним из печальных плодов такой, руководимой «освободительницей», политики было, в известной степени, то, что во время мировой войны Болгария выступила (в сентябре 1915 г.) на стороне центральных держав.

Но, несмотря на близорукость царской дипломатии и на германофильскую ориентацию правительственного курса, направляемого царем Фердинандом и кабинетом «либералов», возглавлявшимся Радославовым, в довольно значительных слоях, преимущественно крупной, болгарской буржуазии существовали течения, политически и экономически тяготевшие к России. Из числа партийных

группировок болгарской буржуазии на руссофильской позиции стояли «народняки», «демократы» и «данковисты», составлявшие оппозицию имевшему в парламенте лишь весьма незначительное большинство кабинету Радославова.

Русская дипломатия, несмотря на то, что военные успехи Германии сильно поколебали руссофильские настроения этих групп, не теряла, однако, некоторой надежды, что, при благоприятных обстоятельствах, можно будет сделать попытку отколоть Болгарию от союза с Германией и привлечь на свою сторону; при этом естественною опорою для такой попытки могли бы явиться те слои буржуазии, которые были представлены партиями «оппозиции». В частности, возможность для этого могло бы создать присоединение к «союзникам» Румынии, длительный торг с которой относительно ее выступления «союзники» (как, впрочем, и австро-германцы) вели с самого начала войны. И когда Румыния, в августе 1916 г., наконец, объявила войну Австро-Венгрии,[1] — что, естественно, чрезвычайно осложняло положение Болгарии, — то у русской дипломатии, действительно, явилась возможность нащупать почву для привлечения последней на свою сторону.

Печатаемые здесь две записки как раз и связаны с этим вопросом; они составлены, видимо, в министерстве иностранных дел для Штюрмера и, как можно думать, были им использованы при докладе его по данному вопросу Николаю II (21 августа 1916 г.). Записки не имеют ни подписей ни дат, но вторая из печатаемых записок, составленная на основании донесений русского военного агента в Румынии полковника Татарипова, может быть датирована довольно точно: она написана, вероятно, между 9[2] — 21[3] августа 1916 г.; что касается первой записки, то она может быть относима и к более раннему времени.

Обе печатаемые записки, рассматривая создающуюся обстановку, намечают планы возможного соглашения с Болгарией, —

[1] Тайный договор об этом был заключен 5 августа (18 н. ст.) 1916 г.

[2] Эта дата определяется на основании того, что в тексте записки упоминается о происходившем 9 августа разговоре между лидером «народняков» Тодоровым и румынским посланником Дерусси; 9 августа здесь, несомненно, указано по ст. ст., так как о выступлении Румынии говорится как уже о решенном, между тем 9 августа по н. ст. тайный договор о выступлении Румынии заключен еще не был.

[3] В этот день Штюрмер докладывал об этом Николаю II — (см. здесь, стр. 149).

при этом в первой записке выдвигается даже проект свержения для этой цели Фердинанда и вообще династии Кобургов.

Мы не будем оценивать значения предполагавшихся планов, так как они остались безрезультатными,—отметим только, что первая записка указывает между прочим на ту особую важность, которую привлечение на русскую сторону Болгарии может иметь для разрешения вопроса о Константинополе и проливах.

Несмотря на то, что обе записки допускают возможность переговоров с самим царем Фердинандом, как Штюрмер, так и сам Николай II сочли невозможным входить в сношения с болгарским царем, объявившим России войну. Это видно из следующей записи, сделанной Штюрмером относительно своего доклада Николаю (21 августа 1916 г.):

«Его величество одобрил мое предположение, что никакие переговоры с Болгарией не возможны, пока на престоле остается король Фердинанд. Инициатива переговоров ни в коем случае не должна принадлежать России. Обращение к переговорам возможно только после нанесения Болгарии поражения на поле сражения. Предпочтительнее, чтобы переговоры велись и не через посредство союзных держав, а через отдельных болгарских подданных из числа оппозиции, преданность коих России удостоверена. Его величество допускает возможность вести переговоры в том случае, если Фердинанд откажется от престола в пользу своего сына Бориса, крестника государя императора». [1]

Естественно, что такая постановка вопроса не могла тогда иметь практического значения.

А между тем, в дни объявления Румынией войны Австро-Венгрии, болгарская буржуазия переживала чрезвычайную тревогу. «Парламентская оппозиция, — говорит относительно этих дней германский министр Эрдбергер, — готовилась к новому натиску; она пугала движением румын через Добруджу и объявлением войны со стороны греков, и тем самым во всех умах оживила тяжелое воспоминание о катастрофе 1912 г.; несчастье, по их мнению, могло бы быть предотвращено только сепаратным миром Болгарии с Россией». «На третий день кризиса,— говорит далее Эрдбергер,— даже среди единомышленников Радославова стали считаться с возможностью сепаратного мира». [2]

---

[1] См. здесь, стр. 149.

[2] Эрцбергер. «Германия и Антанта». Мемуары. II. 1923 г., стр. 94.

Кризис этот был разрешен, в конце концов, царем Фердинандом, по настоянию которого была объявлена война Румынии, и, таким образом, естественно, были пресечены и все планы руссофильской части болгарской буржуазии.

Записки относительно возможности откола Болгарии от Германии (1916 г.).

I.

В настоящее время военная и политическая обстановка складывается так, что вопрос о привлечении Болгарии на нашу сторону приобретает все большее и большее значение. Удачное разрешение его приблизит, с одной стороны, по мнению военных авторитетов, конец войны, а с другой стороны — поможет нам разрешить в желаемом нами смысле вопрос о Константинополе и проливах и обойтись без стеснительных международных сервитутов, неизбежных, если эти важнейшие для нас пункты достанутся нам через завоевание их союзниками.

Судя по некоторым данным, в настроении болгарских общественных и политических кругов замечается теперь поворот в нашу сторону. Воспользоваться этим обстоятельством, по возможности без посредничества третьих держав, является для нас делом первостепенной важности.

Независимо от тех способов, которыми эта цель может быть достигнута, прежде всего необходимо выяснить теперь же максимум и минимум тех условий, на которых, не умаляя нашего достоинства и будущего положения на Балканах, мы могли бы пойти на соглашение с болгарами.

Политический опыт последних десятилетий показал нам, что насаждение в небольших балканских странах, глубоко демократических по своей природе, иноземных, ненациональных династий принесло для нас самые печальные плоды. В серьезнейший момент нашей истории эти народы сделались орудиями личной, враждебной нам, политики их правителей. Отсюда ясно, что одним из непременных условий нашего соглашения с Болгарией должно быть удаление Кобургов из пределов этой страны. Есть основание предполагать, что король Фердинанд, в предвидении рокового для Болгарии исхода затеянной им войны против России, считается с такой развязкой, по крайней мере для себя, но в то же самое время он надеется, в случае своего ухода, поставить на свое место княжича Бориса, относительно которого им, повидимому, приняты были меры к тому, чтобы оградить его от касательства к событиям последнего года. Однако, едва ли было бы для нас желательным повторять историю с Миланом, так как, удалившись в Венгрию, честолюбивый Фердинанд не перестанет оказывать влияние и давление на своего безвольного сына.

По удалении Кобургов, в Болгарии могло бы быть образовано временное правительство, в состав которого, конечно, не должен быть допущен ни один из членов теперешнего. Относительно последних можно было бы потребовать назначения особого судебного следствия. Окончательное же устройство Болгарии было бы отложено до окончания войны и поставлено в зависимость от хода событий внутри Болгарии и в соответствие с видами России. При этом нашим интересам не отвечало бы создание сильной Болгарии. Ей должны быть предоставлены такие условия политического существования, при которых она была бы лишена возможности вести наступательную и захватную политику, но была бы поглощена устройством своих внутренних дел.

Вторым и, повидимому, наиболее трудным, оказывается вопрос о территориальных границах будущей Болгарии. Он находится в тесной связи с сложной задачей определения основ нашей общей политики на Балканах. Повидимому, не в наших интересах допускать образование на Балканском полуострове какого-нибудь слишком сильного государства и способствовать установлению его гегемонии над соседями. Однако, мы должны заранее помириться с мыслью, что ни один из теперешних балканских народов не откажется от стремления к исключительному политическому преобладанию. В этом отношении Македония и Албания, как могущие дать значительный перевес государству, их присоединяющему, еще многие годы будут служить яблоком раздора между балканскими странами, как результат уничтожения над этими провинциями турецкого владычества. Следовательно, мы должны теперь же отказаться от недостижимого идеала найти удовлетворяющее всех балкандев решение македонского вопроса, и задача, в сущности, сводится к тому, чтобы подыскать наименее неудовлетворительное решение.

Рассматривая практически вопрос о будущих государственных границах Болгарии, нам следует иметь в виду два случая. Во-первых, если Болгарии будет нанесен сильный удар, и она окажется во власти союзников, то ей тогда, очевидно, придется подчиниться всем поставленным условиям. В таком случае ей можно было бы оставить болгаро-румынскую и болгаро-греческую границы такими, какими они были установлены Бухарестским договором. Западная же болгаро-сербская граница должна пройти по линии реки Струмы, с некоторым уменьшением территории в пользу Сербии. Со стороны же Фракии Болгарии можно было бы дать границу по линии Дедеагач—Мустафа-Паша—Василио. По военным соображениям, конечно, могли бы быть некоторые изменения в ту или другую сторону.

Положение окажется несравненно сложнее, если союзникам не удастся сломить Болгарию военной силой. В таком случае, уже путем соглашения и переговоров, придется установить максимум наших возможных уступок. При этом надо иметь

в виду, что, если Болгария согласится не только оставить лагерь наших врагов, но и оказать активное содействие нашим войскам в борьбе против турок, то, имея в виду решение важнейшей для нас проблемы о проливах и Константинополе, мы принуждены будем согласиться на значительные земельные приращения Болгарии в западной Македонии и некоторые изменения ее границ во Фракии. При этом, без особенного для нас и наших союзников, сербов, ущерба, мы могли бы остановиться в западной Македонии на линии реки Вардара, оставляя на юге и на севере границы неизменными. Во Фракии же можно было бы предоставить Болгарии линию Мидия — Эргенэ — Энос.

Не надо упускать из вида, что ход военных действий может привести к занятию болгарами некоторой части и греческой территории, как, например, округов Сереса и Кавалы. В таком случае эти пункты могли бы быть также оставлены за Болгарией. Присоединение же к Болгарии земель западнее линии Вардара было бы крайне нежелательно и могло бы быть допущено только в случае увеличения сербской государственной территории за счет австрийских земель с сербо-хорватским населением.

Однако, военная и политическая обстановка в дальнейшем может сложиться так, что привлечь Болгарию на вышеприведенных условиях окажется невозможным. Если, несмотря на это, высшие военные соображения все же потребуют добиться ее перехода на нашу сторону, как единственного способа завладеть Константинополем и проливами, то в таком случае не останется ничего другого, как итти на соглашение даже с Фердинандом. При этом мы должны заранее считаться с чрезвычайно невыгодными для нас последствиями этого шага, как-то: обнаруживанием нашей слабости, отпадением от нас сербов, умалением нашего нравственного авторитета среди балканских народов, и славян в частности, и неудобством иметь рядом сильную Болгарию. Но со всеми этими невыгодами можно помириться только тогда, если мы действительно этой ценой купим активное содействие болгар и при помощи их обеспечим себе обладание Константинополем и проливами.

II.

По мнению полковника Татаринова, переход Болгарии на нашу сторону, под условием устранения от престола Фердинанда, может быть достигнут лишь после нанесения Болгарии чувствительного удара. Только в таком случае внутренняя обстановка в Болгарии настолько изменится, что создастся возможность революционного движения. При настоящих условиях переворот невозможен. Вся страна фактически находится в руках Фердинанда. Не только либеральная партия, но и данковисты, народняки и демократы являются послушными орудиями в руках Фердинанда, пользующегося ими с величайшим искусством. Когда Фердинанду необ-

ходимо было месяца два тому назад, в связи с слухами о выступлении Румынии, требовать помощи со стороны Австрии и Германии, он инсценировал опасность падения кабинета Радославова и замены его министерством из демократов и народняков. Играя в конституционного монарха, Фердинанд ловко пользуется им же инсценируемым парламентским режимом для ограждения своих интересов и интересов своей династии. Если, наоборот, ему самому придется считаться с политическими настроениями в стране, он сумеет их использовать и ими прикрыться. Если же он решит, что изменение курса политики для него выгодно, он устроит падение кабинета Радославова и смену его министерством из состава теперешней оппозиции. Как Фердинанд ни мало любим болгарами, он своим политическим искусством приобрел над ними несомненную власть. Это признается самой болгарской оппозицией, что подтверждается и нижеизложенной беседой Тодорова[1] с румынским посланником в Софии. Нельзя закрывать глаза на то, что до сих пор действительная сила в Болгарии принадлежит Фердинанду. Затем необходимо иметь в виду, что правительственная партия имеет под собой прочную почву; ее поддерживают многочисленные слои лиц среднего достатка. Влияние народняков в стране более ограниченное; партия эта держится главным образом несколькими лицами с крупными состояниями. Влияние же духовенства в Болгарии всегда было незначительное, теперь же оно совсем ничтожно, особенно со времени смерти старого экзарха. Назначения нового экзарха Фердинанд пока не допустил.

Поэтому, пока Болгарии не нанесено будет нами или союзниками сильного удара, по мнению полковника Татаринова, единственный способ достигнуть перехода ее на нашу сторону — соглашение с болгарским правительством и еще лучше с самим Фердинандом. В болгарских политических кругах уже определенно сознается опасное положение, в котором может очутиться Болгария с выступлением Румынии и развитием успехов наших и союзнических. О готовности болгарских политических кругов войти в соглашение с союзными державами свидетельствует, между прочим, состоявшийся 9 августа разговор между Тодоровым и Дерусси,[2] перед отъездом последнего из Софии. Тодоров просил его передать Поклевскому,[3] что Болгария могла бы сговориться с Россией под условием сохранения Македонии, но возможно это, по словам Тодорова, лишь при условии оставления на престоле Фердинанда. Изменение внешней обстановки, несомненно, отразится на положении кабинета Радославова. Не будучи достаточно сильным, чтобы создать возможность революции, это изменение обстановки может, однако, привести к падению каби-

[1] Тодоров — один из главарей партии «народняков».

[2] Румынский посланник в Болгарии.

[3] Русский посланник в Румынии.

нета Радославова. Так как, по настоянию Тодорова, двенадцатые бюджеты вотированы лишь до 1 октября, то в этот день должно собраться собрание. С уходом Геннадиева из состава правительственной партии, Радославов не располагает более прочным большинством в собрании, несмотря на то, что ему удалось приобрести 10 голосов из состава земледельческой партии. Когда соберется собрание, Тодоров, управляющий теперь партией народняков (вместо уехавшего из осторожности в Баден Гешова), будет иметь возможность использовать выступление Румынии и не преминет заговорить другим тоном с Радославовым. Падение кабинета Радославова может содействовать изменению политики Фердинанда, но само по себе еще не поставит этого изворотливого монарха в критическое положение. Вообще, по мнению полковника Татаринова, лучше завязать переговоры с самим Фердинандом, чем с Радославовым.

Установление сношений с Болгарией из Румынии представляет для нас большие трудности, в виду того, что уже теперь между Румынией и Болгарией сообщение почти совершенно прервано, а после выступления Румынии будет совершенно прекращено. Единственным путем для сношения останется фронт нашей армии в Добрудже. Появятся перебежчики. Уже теперь болгарская оппозиция подослала одного унтер-офицера в Румынию. Румыны, конечно, окажутся в лучшем, чем мы, положении для сношений с Болгарами. Нужно думать, что между Румынией и Болгарией, хотя бы для видимости, произойдет дипломатический разрыв. Разрыв необходим румынам, чтобы удалить неприятельских подданных. Между болгарами и румынами теперь, несомненно, происходят переговоры о взаимных отношениях после выступления Румынии, и, как только это выступление состоится, нужно думать, между ними заключено будет соглашение. Не явные отношения между Софией и Бухарестом, очевидно, останутся. Участия румын в наших возможных переговорах с болгарским правительством поэтому весьма трудно будет избежать.

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЮЗНИКОВ» В ПЕТРОГРАДЕ 1917 г.

Конференция держав «согласия», состоявшаяся в Петрограде в январе — феврале 1917 г., не могла уже, конечно, дать каких-либо ощутительных результатов, так как одна из главных, заинтересованных в войне, сторон — русская монархия — находилась на краю гибели. «Союзники» не могли не сознавать также и того, что русский народ, принесший уже бесчисленные жертвы ради интересов отечественных и союзных капиталистов, устал от войны и ждет мира. И сознание безнадежности расчетов на царское правительство ясно отражается в тех отзывах, которые оставили о конференции участвовавшие в ней представители держав «согласия». Так, французский посол Палеолог находил в это время, что в России «перестают интересоваться войной», что «все правительственные пружины, все колеса административной машины портятся одно за другим», что «Россия идет к пропасти». И отсюда следовал, естественный для «союзников», вывод, что необходимо ускорить военные операции, что «надо нам спешить».[1]

В полном согласии с такими взглядами Палеолога стояли и мнения другого делегата французских империалистов, нынешнего президента Французской Республики, Думерга: на аудиенции у Николая Думерг, — по словам Палеолога, — «энергично высказался за необходимость ускорения общего наступления».[2] Действительно, «надо было спешить», ибо вскоре русский народ мог бы отказаться — и, действительно, отказался — служить пушечным мясом для царских «союзников».

[1] Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 309.
[2] Там же, стр. 315.

Столь же пессимистически смотрел на положение русской монархии и участвовавший в конференции английский посол Бьюкенен. В беседе с Николаем относительно созываемой конференции Бьюкенен, переступая, по его собственным словам, «границы отведенной для посла сферы действий», указывал царю, что, если даже конференции удастся установить более тесное сотрудничество между союзниками, то «мы (союзники) не имеем никакой гарантии в том, что настоящее русское правительство останется на своем посту, или что решения конференции будут уважаться его преемниками». [1]

Опасения эти оказались справедливыми только в одной части— относительно близости момента, когда царское правительство сойдет со сцены; что касается другой части этих опасений, то они едва ли были искренни: в ближайших вероятных «преемниках» царизма — «кадетах» и либеральной буржуазии вообще — Бьюкенен мог быть вполне уверен, и недаром он поощрял эту буржуазию к небольшому дворцовому перевороту; что же касается каких-либо более отдаленных этапов развития революции, то мысль об этом едва ли была в пределах умственного горизонта английского посла.

Во всяком случае, несмотря на мрачные перспективы «союзников», петроградская конференция была созвана; она началась 19 января (ст. ст.) 1917 г., и продолжалась по 7 февраля. В ее работах приняли участие представители России, Франции, Англии, Италии, а также, в одном из заседаний, и председатель румынского кабинета министров Братиано.

Как и на всех подобных конференциях империалистов, работа делегатов протекала в двух плоскостях: с одной стороны — официально, с другой — путем закулисным. Сообща обсуждались только те вопросы, которые не представляли особой остроты для империалистов, в них заинтересованных; закулисно, втайне друг от друга, делегаты конференции вместе с тем налаживали разные секретные сделки с представителями умиравшей монархии и старались вырвать от них различные, выгодные для себя, обещания.

Эта закулисная тактика обнаруживается, между прочим, и из печатаемой здесь записки английского представителя, члена кабинета министров, лорда Мильнера. Свою записку он облекает в форму «весьма конфиденциального» меморандума, предназна-

---

[1] Бьюкенен. «Мемуары дипломата», стр. 170—171.

ченного только для Николая II, при чем мотивирует эту таинственность тем, что сказанное на страницах записки не могло бы быть выражено на пленарных заседаниях конференции.

Еще нагляднее подобные закулисные комбинации выясняются из следующего факта.

В печатаемом здесь докладе министра иностранных дел Покровского Николаю II относительно работ конференции говорится о разных, на ней обсуждавшихся, вопросах; но в докладе нет ни одного слова о том, что именно в это время в Петрограде велись чрезвычайно важные переговоры относительно «прав» Франции на некоторые германские территории. Эти переговоры вел, путем личных сношений с Николаем II, втайне от других союзных делегатов, член конференции, тогдашний министр колоний Франции, Думерг. После секретных переговоров с Николаем II, Думерг получил его принципиальное согласие на крупнейшую империалистскую сделку, сущность которой заключалась в том, что Франция приобретала согласие царя на предоставление ей, по окончании войны, Эльзаса и Лотарингии и «особого положения» в долине реки Саар; вместе с тем обеспечивалось отделение в пользу Франции от Германии ее зарейнских областей. В компенсацию за согласие на это царская Россия получила (несколько позднее) согласие на «полную свободу в установлении ее западных границ»; другими словами, России была обещана свобода действий относительно Польши. [1]

Этот последний договор, оформленный 11 марта (н. ст.) 1916 г., был заключен без согласия Англии; после опубликования Советским правительством в 1917 г. тайных договоров, английское правительство поспешило публично заявить об этом. [2]

Все это достаточно ясно обрисовывает самый характер подобных конференций: главнейшие вопросы на них не рассматриваются, они решаются делегатами из-под полы, потихоньку друг от друга. При таких условиях, конференция, естественно, оказалась бледной. Это сказывается и в отзывах Палеолога, который в таких чертах описывает общее настроение.

---

[1] Документы об этом впервые напечатаны в «Изв. ЦИК» 1917 г. № 221 (секретная телеграмма мин. ин. дел Покровского, от 12 февраля 1917 г.). Краткое упоминание об этом же у Палеолога «Царская Россия накануне революции», стр. 315.

[2] Бекер. «Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир». С предисловием М. Павловича. П. 1923 г., Госуд. Изд-во, стр. 91—заявление Бальфура.

«С первых же слов, — говорит Палеолог, — становится ясно, что делегаты западных держав получили лишь неопределенные инструкции, у них нет никакого направляющего принципа для координирования усилий союзников, никакой программы коллективного действия для ускорения общей победы. После длинного обмена многословными фразами, пустоту которых каждый чувствует, скромно соглашаются заявить, что недавние конференции в Париже и в Риме определили с достаточной точностью предмет настоящего собрания. Затем принимают постановления о том, что вопросы политического порядка будут изучены первыми делегатами и послами; планы операций будут согласованы генералами; техническая комиссия рассмотрит вопросы о материале, снаряжении, транспорте и пр.; наконец, окончательные решения будут приняты конференцией в пленарном заседании».[1]

После этих замечаний об общем характере конференции, мы перейдем к обзору тех политических вопросов, которые на ней рассматривались.

Первый из этих вопросов касался позиции союзников относительно Греции. На почве греческой политики между союзниками, после длительных попыток втянуть правительство короля Константина в войну, в конце концов, стали обнаруживаться довольно серьезные расхождения.

Наиболее активную роль играла в отношении к греческому правительству Франция, требовавшая применения самых крайних мер, чтобы побудить Грецию ввязаться в войну. Французская дипломатия, под предлогом охраны своей салоникской армии, стремилась, в действительности, к полному экономическому и политическому порабощению Греции, — в чем были живо заинтересованы французские капиталы. Такие поползновения, естественно, не могли вызывать особенного сочувствия английских и итальянских империалистов, находивших опасными для себя эти французские притязания, и потому старавшихся несколько умерять аппетиты своих французских союзников.

Что касается царской России, то, — как мы уже указывали, — политика Романовых была во многом основана на тех родственных связях, которые существовали между русским и греческим царствующими домами, и на том принципе корпоративной поддержки, которую русский император считал нужным оказывать

---

[1] Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 310.

греческому королю в борьбе последнего с «революционером» Венизелосом. [1]

После тех эпизодов, о которых мы говорили раньше, крупнейшим явлением из области политики держав «согласия» в отношении Греции было предъявление ее официальному правительству 28 сентября (11 октября) 1916 г. ультиматума с различными резкими требованиями, и затем объявление 25 ноября (8 декабря) блокады Греции.

В связи с этими вопросами и шло, главным образом, обсуждение на конференции действий держав «согласия» относительно Греции.

Надо замечать также, что, в результате сложившейся в Греции обстановки, обусловленной борьбой между официальным правительством и «венизелистами», французы возбудили вопрос о свержении короля Константина. Правительство Романовых возражало против этого плана «в виду ясно обнаруживающегося течения в пользу короля среди армии и народа в старой Греции»; в таком же смысле высказывалось и итальянское правительство; в Лондоне к предположениям французов относились сдержанно. [2]

Но пока шли переговоры по этому вопросу, французское правительство, по своей инициативе, объявило упомянутую блокаду Греции.

Англичане, пытавшиеся сначала противодействовать активности французов, теперь решили изменить свою тактику и также к ним присоединиться. Однако, на вопросе о методах «блокады» между союзниками снова возникли разногласия на почве того, надлежит ли применять самые крайние репрессии в отношении Греции, или их несколько ослабить.

«Вопрос этот осложняется на деле еще и тем, — говорит в печатаемом здесь докладе министр иностранных дел Покровский, — что в отношении к нему со стороны отдельных союзных правительств в целом и в оценке ими намечавшихся мероприятий обнаруживалось нередко довольно существенное расхождение взглядов».

При рассмотрении этого вопроса, — как говорит далее Поровский, — некоторые делегаты высказывались за необходимость решительных мер» с целью «надлежащего подчинения дей-

[1] См. здесь — «Из области русской политики на Балканах», стр. 40—45.

[2] «Европейские державы и Греция», стр. 64—68 (статья Е. А. Адамова), и документы, стр. 63—165.

ствий местного правительства воле и интересам союзников».[1] Однако, некоторые другие представители советовали избегать обострять отношения с Грецией. В конце концов, конференция пришла к тому решению, что, при условии выполнения Грецией предъявленных к ней требований, можно было бы разрешить ввоз в нее продовольственных запасов, но в количестве, рассчитанном не более чем на 2 — 3 дня.

Таким образом, практика голодной блокады, позднее примененная «союзниками» к Советской России, имела здесь некоторый прецедент.

Заслуживает быть также отмеченным еще следующее место из доклада конференции относительно греческого вопроса:

«Придя к этим решениям, конференция не могла не отметить, сколь существенные затруднения возникают зачастую на деле из-за недостаточной согласованности, а подчас и полного расхождения, в действиях дипломатических представителей союзных государств в Греции. Во внимание к особливому значению этого дела, предлагалось не останавливаться даже, в случае надобности, перед сменою состава означенных представителей. Конференция не признала возможным преднаметить теперь же принятие подобной меры, но вместе с тем высказалась в пользу осуществления мероприятий, могущих обеспечить вполне согласованную деятельность представителей союзных правительств в Афинах».

Смысл этого постановления открыть нетрудно: французскому правительству прискорбно было видеть, что некоторые из посланников держав «согласия» в Греции позволяют себе проводить линию некоторого противодействия французским интересам, и для «объединения» всех дипломатических представительств на почве полного подчинения их директивам Франции, конечно, и намечалась вышеуказанная мера. И она не осталась только проблематичной: позднее французское правительство потребовало отозвания из Афин русского посланника Демидова, осмеливавшегося, по мере возможности, противодействовать французской политике.[2] Этот, мелкий сам по себе, факт лишний раз характеризует ту необычайную беззастенчивость, с которой проводилась политика французского правительства, требовавшего, чтобы русский посланник выражал взгляды не русского, а французского прави-

---

[1] Это, несомненно, были, главным образом, французские делегаты.
[2] «Европейские державы и Греция», стр. 195.

тельства. И не менее характерно, что это новое требование было предъявлено уже не правительству Романовых, а временному правительству (25 мая — 7 июня 1917 г.).

На конференции был возбужден также вопрос о более широком, чем это было ранее, использовании сотрудничества в военных действиях Японии. Эта мысль особенно поддерживалась французскими делегатами (в частности Думергом), при чем ими, между прочим, имелось в виду добиваться посылки Японией вооруженных сил на театр военных действий.

Но другие (и, вероятно, главным образом — русские) члены конференции находили это труднодостижимым и «не вполне, быть-может, даже желательным», как потому, что подобные попытки уже делались раньше и не увенчались успехом, так, кроме того, и по той причине, что Япония за это «потребовала бы, очевидно, столь существенных себе компенсаций в будущем, что последние не искупились бы, вероятно той пользой, которую можно ждать от сотрудничества японских войск». [1]

Каковы же могли быть эти компенсации? Об этом кое-что мы узнаем из мемуаров Бьюкенена (участника конференции).

В одной из своих бесед с Николаем, месяца за два — за три до конференции, Бьюкенен затронул вопрос о том, что можно было бы понудить Японию послать контингент войск на русский фронт, если бы была предложена за это «существенная компенсация». Такой компенсацией, по словам Бьюкенена, могла бы быть уступка русской, т.-е. северной, половины Сахалина. Однако, против этого восстал даже Николай II. [2] Очевидно, и русские делегаты конференции сумели дать в этом случае соответствующий отпор подобным англо-французским предложениям. Союзным империалистам, как видно, мало было, что русские войска, посылавшиеся во Францию, играли там роль черных рабов; им нужна была для своих целей и желтая армия, а компенсацию за ее посылку должна была дать Россия.

Перейдем теперь к «весьма конфиденциальной» записке лорда Мильнера, представленной им Николаю II.

Первая мысль, которую проводит здесь Мильнер—это о необходимости возможно большего координирования военных действий союзников. «Необходимо,—указывает он,—чтобы каждое из этих

---

[1] См. печатаемый ниже доклад министра иностр. дел Покровского.

[2] Бьюкенен. «Мемуары дипломата», стр. 158.

(т.-е. военных) выступлений доводилось до максимально возможного напряжения. В особенности это относится к русскому выступлению, которое имеет такое огромное значение для дела союзников. Оно должно дать все, что в состоянии дать человеческие силы...». Уже из этих слов одна из целей секретного меморандума делается ясна: надо побудить русского царя напрячь все усилия, чтобы предоставить наибольшее количество того «человеческого материала» (выражение Мильнера), который был бы направлен в бой ради интересов «союзных» империалистов.

Лорд Мильнер переходит затем к вопросам о недостаточности снабжения России военными материалами (главным образом — тяжелыми орудиями и аэропланами) и говорит о том, чем могут помочь России в этом отношении союзники. У Мильнера возникает серьезный вопрос: насколько возможно союзникам снабжать материалами и деньгами русских империалистов, «не проиграв при этом на собственном ослаблении больше, чем выиграет от этого Россия». Мильнер допускает все-таки, что в этом отношении «было бы разумной политикой пожертвовать некоторым усилением мощи западного фронта для удовлетворения насущных нужд России», — но это можно сделать лишь в тех ограниченных размерах, которые не окажут «существенного влияния на результат столкновения гигантских вооружений на западном фронте».

Вопрос этот был, вне всякого сомнения, вполне своевременным для англо-французского империализма: царская Россия уже принесла колоссальные жертвы, и прежде всего именно «человеческим материалом», т.-е. кровью русского народа; исход войны, как это уже становилось тогда ясно, будет, конечно, решаться на западном фронте, и те, кто нанесет последние удары австро-германскому империализму, те урвут и главные куски при дележе добычи.

Но истощались ресурсы и самих западных империалистов, — и относительно этого лорд Мильнер дает некоторые указания.

Свидетельство Мильнера лишний раз подтверждает, что к концу 1916 г. богатейшая Англия, вследствие колоссальных расходов на войну, стояла перед возможностью финансового истощения. Но в следующем году на помощь державам согласия «великодушно» пришла Америка и положила на колеблющиеся чаши весов те гири, под давлением которых, в конце концов, был достигнут разгром Германии.

Констатируя факт финансового истощения Англии, Мильнер вместе с тем указывает на те недостатки организации, которые

были им замечены в России: она еще не использовала всех своих ресурсов, и главным образом в области производства военных материалов. Для достижения более правильной организации в этом отношении Мильнер считает необходимым, чтобы всякий военный материал, поступающий в Россию от союзников, сопровождался бы несколькими их представителями, на обязанности которых лежало бы, между прочим, лично убедиться в целесообразном использовании передаваемых материалов. Таким образом Мильнер намечает нечто в роде контроля союзников над отпускаемыми ими материалами; от России же, вместе с тем, требовалось довести свою производительность «до последних пределов человеческих возможностей».

Из всего этого видно, что, несмотря на все дипломатические ухищрения, голос «союзного» империалиста, требовавшего от Николая II новых энергичных усилий для продолжения войны, звучит в записке лорда Мильнера достаточно выразительно.

К этому можно еще прибавить, что требования усиления кровавой интенсивности войны соединились у Мильнера, как и у других его английских коллег (хотя бы у того же Бьюкенена), с настояниями о том, чтобы Николай дал ответственное министерство. Об этом говорит, между прочим, в своих мемуарах Бетман-Гольвег, ссылаясь на английский источник своих сведений.[1] Оказывается, задача добиваться этого «ответственного министерства» в России также входила в состав тех директив, которые были даны Мильнеру английским правительством.

Вот что пишет об этом Бетман-Гольвег:

«В январе 1917 г., через некоторое время после польского манифеста,[2] Париж и Лондон признали положение России настолько угрожающим, что к 1 февраля созвали в Петербурге конференцию Антанты, с намерением найти наиболее мощные средства для продолжения войны. Лорду Мильнеру, английскому уполномоченному на этой конференции, было поручено склонить царя дать ответственное перед Думой министерство, — это должно было сгладить отношения между царем и Думой, которая не была уверена в исходе войны. Когда царь отклонил это, лорд Мильнер предложил ему назначить Сазонова первым министром и

[1] Бетман-Гольвег ссылается на статью в «Manchester Guardian» 1917 г.

[2] Изданный немцами 5 ноября (н. ст). 1916 г. акт об образовании Польского королевства.

министром иностранных дел. В Сазонове Ллойд-Джордж был уверен.[1] Но и эта попытка потерпела неудачу вследствие упорства царя».[2]

Оба пожелания английского правительства — первое: отдать все, остававшиеся еще у монархии силы для войны, для торжества англо-французского капитала, и второе: приблизить к власти либеральную буржуазию — стоят, конечно, в самой тесной логической связи; ведь именно на либеральную буржуазию возлагались все надежды англо-французских империалистов, уверенных в том, что она, лучше чем ослабевавшее царское правительство, будет верна своим союзникам.

В результате мы видим, что главная «работа» союзных делегатов, участников рассматриваемой конференции, заключалась в том, что эти агенты по покупке «человеческого материала» старались вдохнуть новые, империалистские силы в изнемогавшую от войны царскую Россию, и, кроме того, стремились урвать с умиравшего коллеги различные обещания, которые могли бы стать, и действительно стали, своего рода «духовным завещанием» для нового правительства («временного»). Англо-французские империалисты не учитывали только того, что последнее слово будет принадлежать не русской буржуазии, а русскому пролетариату, выступление которого на арену мировой истории разрушит все надежды, расчеты и соглашения «союзников».

1.

Доклад министра иностранных дел Покровского Николаю II.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

О РАБОТАХ СОЮЗНИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ.

С высочайшего вашего императорского величества соизволения в январе месяце текущего года созвана была в Петрограде, для установления политических и военных мероприятий, связанных с продолжением войны, конференция союзных держав, при

[1] 12 января 1917 г. Сазонов, — очевидно, согласно желанию английского правительства, — был назначен послом в Лондон.

[2] См. Th. Bethman-Hollweg. «Betrachtungen zum Weltkriege». Berlin. 1922. 2 Teil, S. 105.

участии представителей России, Франции, Великобритании и Италии.

В состав конференции, в качестве представителей союзных правительств, вошли: от Франции — министр колоний г. Думерг, французский посол в Петрограде г. Палеолог и генерал Кастельно; от Англии — член кабинета министров и военного совета виконт Мильнер, великобританский посол сэр Джордж Бьюкенен, полномочный министр лорд Ревельсток и генерал Вильсон; от Италии — член кабинета министров сенатор Шалойя, итальянский посол маркиз Карлотти ди Рипарбелла и генерал граф Руджери-Ладерки. В одном из заседаний конференции принял также участие председатель румынского совета министров Братиано. Представителями императорского правительства на конференции вашему императорскому величеству благоугодно было назначить: его императорское высочество августейшего полевого генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем великого князя Сергея Михайловича, министров: иностранных дел, военного, морского, финансов, торговли и промышленности и управляющего министерством путей сообщения,— и. д. начальника штаба верховного главнокомандующего генерала-от-кавалерии Гурко, начальника морского штаба при верховном главнокомандующем адмирала Русина, а также членов государственного совета гофмейстеров Сазонова и Нератова, с возложением председательствования на конференции на меня, а управления делами оной на товарища министра финансов д. с. с. Шателена.

Делегации союзных держав прибыли в Петроград 16 минувшего января, и в тот же день у меня состоялся с главами делегаций предварительный обмен мнений для установления общего плана работ конференции.

В 18 день января ваше императорское величество милостиво соизволили принять членов союзнических делегаций, а 19 того же января состоялось в залах Мариинского дворца первое заседание конференции.

Открыв заседание, я счел долгом, от лица императорского правительства, обратиться к представителям союзных держав со словами приветствия, выразив уверенность, что приезд их явится залогом еще более тесного, чем доныне, единения между союзниками; мною было при этом указано, что центральные державы, благодаря преимуществам своего географического положения, сумели достигнуть ряда успехов, создающих видимость такого положения вещей, что военная удача не находится на стороне союзников. Этому должен быть положен конец, и задача, властно требующая своего разрешения со стороны держав согласия, сводится к тому, чтобы, вырвав из рук противника почин военных действий, нанести ему решительный удар.

Генерал-от-кавалерии Гурко, отметив, с своей стороны, всю важность тесного согласования действий союзников, указал, что Россия доныне лишена была возможности в полной мере проявить свои силы, в виду недостатка в военном снабжении, и ука-

зал при этом, что русская армия должна быть снабжена необходимым военным снаряжением для ускорения успешного конца войны.

Главы союзных делегаций — г. Думерг, лорд Мильнер и сенатор Шалойя — в сердечных выражениях благодарили императорское правительство за оказанный им радушный прием и единодушно указывали на необходимость установления полного между союзниками единства действий, доведения войны до успешного конца и завершения ее миром, но не на тех условиях, которым союзники вынуждены были бы подчиниться, а на условиях, которые они сами властно предъявят врагу.

Перейдя затем к вопросам делового порядка, конференция одобрила представленную ее вниманию программу занятий, предусматривавшую обсуждение вопросов о дальнейшем направлении военных действий, о способах разрешения стоящих на очереди политических задач, об обеспечении русской армии необходимым боевым снаряжением и, наконец, об облегчении нам производства платежей по заграничным военным покупкам и заказам, а равно об упорядочении других наших финансовых потребностей. Имея в виду многообразие и сложность предстоящих ей работ, конференция высказалась за предоставление, для скорейшего и наиболее успешного выполнения этих работ, обсуждения вопросов политического и стратегического свойства в более тесной среде членов конференции, ближайше к ним прикосновенных, а для рассмотрения вопросов по снабжению армии и финансовых постановила образовать отдельные комиссии, с тем, чтобы принятые ими решения были затем представлены на утверждение конференции.

Вслед засим конференция приступила к обсуждению отдельных вопросов, включенных в программу ее занятий, при чем работы ее протекали одновременно в названных двух совещаниях — по политическим и стратегическим вопросам, — и двух комиссиях — по снабжению армии и финансовой. Совещание по политическим вопросам состояло под моим председательством, работами стратегического совещания руководил генерал-от-кавалерии Гурко, в комиссии по снабжению председательствовал военный министр, а в отдельных случаях его императорское высочество великий князь Сергей Михаилович (по вопросам артиллерийского довольствия), морской министр (по вопросам снабжения флота) и помощник военного министра сенатор Гарин. Вопросы финансовые обсуждались под руководством министра финансов.

Независимо от занятий означенных совещаний и комиссий, представители императорского правительства, участвовавшие в трудах конференции, поддерживали тесное личное и деловое общение с членами союзных делегаций и имели непрерывный обмен мнений с ними по вопросам, входившим в круг ведения конференции, что значительно облегчало ход работ последней.

По завершении трудов образованных в ее составе совещаний и комиссий, конференция собралась, 7 сего февраля, в заклю-

чительное заседание, в коем были одобрены разработанные означенными совещаниями и комиссиями предположения, а на следующий день, 8 февраля, союзные делегаты отбыли из Петрограда.

Работы совещания по политическим вопросам сосредоточились на обсуждении некоторых наиболее важных вопросов международной политики, выдвинутых на очередь ходом военных событий и требующих своего разрешения для желательного направления последних; вместе с тем они имели целью создать на будущее время условия, способные обеспечить возможно полное и всестороннее объединение действий союзных правительств.

Первый из вопросов, поставленных на обсуждение совещания, сводился к установлению дальнейшего образа действия союзников касательно Греции.

Ход событий привел за последнее время союзные правительства к необходимости принятия по отношению к Греции чрезвычайных мер, направленных к созданию гарантий безопасности союзных войск на территории королевства и пресечения допускавшихся враждебных союзникам выступлений части местного населения и армии.

Меры эти выразились в предъявлении союзными державами королевскому правительству 28 сентября—11 октября минувшего года ультиматума и в последовавшем, 25 ноября — 8 декабря, объявлении блокады Греции. С тех пор положение вещей в королевстве не утратило своей остроты и неопределенности. Если за это время в стране обнаружились некоторые признаки успокоения и оказалось возможным установить контроль в отношении выполнения местным правительством предъявленных к нему союзниками требований, то, с другой стороны, не было недостатка и в тревожных указаниях на продолжающееся тяготение правящих кругов Греции к Германии и на сношения их с неприятельским правительством. При таких условиях правильный выбор и установление дальнейшего образа действий союзных правительств по отношению к Греции, в сторону ли ослабления принятых репрессивных мер или в обратном направлении, связан. естественно, с значительными трудностями; настоящий вопрос относится в то же время и к числу особо для союзников важных, так как возможное и в будущем проявление недружелюбной к державам «согласия» политики афинского правительства и допущение неприязненных действий состороны греческого войска могли бы представить серьезную угрозу для салоникской армии и предопределить самую ее судьбу и, следовательно, явиться источником крупного ущерба для военных интересов союзных держав вообще. Вопрос этот осложняется на деле еще и тем, что в отношении к нему со стороны отдельных союзных правительств в целом и в оценке ими тех или иных намечавшихся мероприятий обнаруживалось нередко довольно существенное расхождение взглядов. Поэтому греческий вопрос требовал особо

внимательного к себе отношения со стороны конференции и явился предметом весьма подробного на ней обсуждения.

При рассмотрении этого вопроса одни из членов конференции заявили себя сторонниками проведения решительных мер по отношению к Греции с целью надлежащего подчинения действий местного правительства воле и интересам союзников. Поддерживавшие этот взгляд члены конференции отмечали, что греческий двор проявляет одновременно дружелюбие по отношению и к России и к Германии, и если афинское правительство, учитывая силы союзников, стремится уверить их в искренности своего к ним отношения, то это не препятствует ему втайне подготовлять почву для сближения с нашими врагами, дабы при первом удобном случае открыто стать на их сторону.

Согласно другому высказывавшемуся взгляду, выразителем коего явился, главным образом, представитель Италии сенатор Шалойя, державам согласия следует, по возможности, избегать принятия таких мер, которые способны были бы обострить отношения их с Грецией и создать в ее лице лишнего врага, тем более, что такой образ действия мог бы, по мнению итальянского делегата, дать Германии повод к новому нарушению нейтралитета какого-либо государства, например, Швейцарии или Голландии.

Перейдя к обсуждению отдельных сторон этого общего вопроса, конференция остановилась на двух представляющих особливую важность его частностях: на вопросе о блокаде Греции и об объеме полномочий главнокомандующего салоникской армией генерала Саррайля. Оба эти вопроса подвергались уже рассмотрению на последней, перед настоящею, конференции союзных держав в Риме. Согласно состоявшемуся тогда решению, о коем было оповещено и греческое правительство, союзные державы признали возможным ослабить блокаду Греции, в случае лояльного выполнения принятых на себя по отношению к ним эллинским правительством обязательств. Что же касается полномочий генерала Саррайля, то постановлением римской конференции ему предоставлена была полная свобода действий в отношении Греции, в случае возникновения обстоятельств, могущих угрожать безопасности вверенной его командованию армии; в остальных же случаях принятие мероприятий более серьезного значения было разрешено ему не иначе, как с особого каждый раз на то полномочия. После весьма обстоятельного рассмотрения указанных вопросов, при котором некоторыми делегатами поддерживалось мнение о желательности возможно более настойчивого образа действий в отношении Греции и предоставления генералу Саррайлю, поскольку он пользуется доверием союзных правительств, полной свободы почина, конференция признала предпочтительным сохранить в силе в настоящее время изъясненные постановления римской конференции. Но, разделяя в то же время высказанное в ее среде мнение, что, какой бы оборот ни приняли события, представлялось бы во всяком случае неосмо-

трительным дать Греции возможность скопить у себя значительные продовольственные запасы, так как тем самым подрывалась бы возможность наиболее действительного, в случае надобности, на нее воздействия, конференция постановила, что в случае ослабления, и согласно с решением римской конференции и при условии полного выполнения Грецией предъявленных к ней требований, блокады ее берегов, ввоз продовольственных припасов в страну мог бы быть допускаем в количестве, рассчитанном каждый раз на потребление в течение не более 2 — 3 дней и лишь через определенные порты.

Придя к этим решениям, конференция не могла не отметить, сколь существенные затруднения возникают зачастую на деле из-за недостаточной согласованности, а подчас и полного расхождения, в действиях дипломатических представителей союзных государств в Греции. Во внимание к особливому значению этого дела, предлагалось не останавливаться даже, в случае надобности, перед сменою состава означенных представителей. Конференция не признала возможным предпаметить теперь же принятие подобной меры, но вместе с тем высказалась в пользу осуществления мероприятий, могущих обеспечить вполне согласованную деятельность представителей союзных правительств в Афинах.

Следующий вопрос, поставленный на обсуждение совещания по политическим вопросам, касался участи сербской армии. Проявив бесчисленные геройские подвиги, сербская армия с начала войны находится в состоянии неизменного боевого напряжения и понесла столь значительные потери, что дальнейшее ее ослабление могло бы грозить самому ее существованию, а следовательно и будущности Сербии. При таких условиях поддержание сербской армии приобретает серьезное политическое значение, нашедшее себе полное признание со стороны конференции. Обсудив этот вопрос, последняя выразила пожелание, чтобы сербская армия, поскольку то окажется допустимым с точки зрения военных требований, была отведена с фронта, при чем положение это, согласно удостоверению французских делегатов, находит себе уже осуществление. Этою мерою открывалась бы возможность предоставления сербской армии некоторого отдыха. На ряду с этим возникал бы, однако, вопрос о дальнейшем пополнении этой армии, сохранившей из 6 дивизий лишь 3 и могущей, в случае доведения ее до прежней численности, стать важным подспорьем для салоникской армии. По мнению конференции, наиболее естественным и приемлемым способом для достижения означенной цели могло бы служить включение в ряды сербской армии военнопленных славянского происхождения, склонных сражаться в рядах доблестного и родственного по крови войска.

В связи с изложенным пожеланием, совещание конференции для обсуждения политических вопросов остановилось и на общем вопросе о возможности использования, в качестве боевой силы, находящихся в распоряжении союзников военнопленных, готовых,

в силу связи по духу и крови с тою или другою из союзных держав, служить их общему делу. Всяческое в этом отношении содействие со стороны союзных правительств было признано конференциею как нельзя более желательным.

Весьма оживленный обмен мнений и в совещании делегатов для обсуждения политических вопросов и в заключительном заседании конференции вызвал вопрос о желательности использования в более широкой мере, чем это имело место доныне, сотрудничества Японии в общих начинаниях союзников. Мысль эта поддерживалась в особенности французскими делегатами и нашла себе горячего поборника в лице генерала Кастельно, который указывал, что для ниспровержения центральных империй никакая помощь не может быть признана излишнею, и находил, что Япония, посылкой вооруженных сил на театр военных действий, могла бы оказать союзникам не лишенное значения содействие на суше и на море. Поддерживая этот взгляд, г. Думерг, с своей стороны, отметил, что отправка японских войск, например, на берега Персидского залива могла бы иметь решающее значение для исхода борьбы с Турциею и способна была бы, в итоге, разрушить все планы Германии относительно установления своего господства на Ближнем Востоке.

Единодушно отмечая, что Япония могла бы действительно принести существенную пользу делу союзников путем возможно обильного снабжения России предметами обороны и военного снаряжения, в особенности же артиллерии, тем более, что наши западные союзники встречают в выполнении этой задачи немалые трудности, и выразив определенное пожелание по этому предмету, конференция затруднилась поддержать мысль о необходимости домогаться со стороны Японии отправления живой силы на театр войны. Осуществление этой мысли представлялось многим членам конференции трудно достижимым и не вполне, быть-может, даже желательным. Как удостоверил гофмейстер Сазонов, в бытность его министром иностранных дел сделаны были соответствующие попытки, которые не увенчались, однако, успехом. Повторение японским правительством отказа, в случае возобновления этих попыток, могло бы, по мнению некоторых делегатов, произвести весьма невыгодное для союзников впечатление в нейтральных странах. Кроме того, если бы Япония и согласилась на подобное предложение, она потребовала бы, очевидно, столь существенных себе компенсаций в будущем, что последние не искупились бы, вероятно, той пользою, которую возможно ждать от сотрудничества японских войск.

На ряду с разрешением изъясненных вопросов политического свойства, выдвигаемых требованиями времени, конференция остановилась также на соображении весьма важного общего вопроса о создании такого порядка общения между союзными правительствами, который наилучшим образом обеспечил бы на деле полную согласованность и единство их действий. Мысль о необ-

ходимости достижения возможного единения между союзными державами была единодушно отмечена в самом начале работ конференции. При обсуждении вопроса о желательном направлении политики союзников в отношении Греции, жизненная необходимость воплощения этой мысли в действительность нашла себе весьма яркое деловое подтверждение. Тогда же было высказано предположение относительно создания особого постоянного органа из представителей держав «согласия» для рассмотрения греческих дел. Сочувствие, коим была встречена положенная в основу этого предположения общая мысль, позволило дать ей более полное развитие и внести на обсуждение конференции, в более широкой постановке, предложение об устройстве подобного органа для разрешения политических и военных вопросов, связанных с ведением войны вообще.

Означенный орган мог бы быть образован либо под председательством министра иностранных дел той страны, которая была бы избрана в качестве его местопребывания, при участии аккредитованных при правительстве этой страны послов трех остальных, участвующих в настоящей конференции, держав; либо орган этот мог бы состоять из председателей советов министров тех держав, или, в случае необходимости, заменяющих их лиц из числа членов правительств, или особо для того избранных.

Союзные делегаты отдавали решительное предпочтение образованию задуманного органа на последнеуказанных основаниях. Правда, при этом были отмечены некоторые затруднения как общего характера, так и касающиеся в особенности России, которые возникали бы в деятельности предположенного органа. Трудности, с которыми пришлось бы встретиться в этом деле нам, усматривались в том, что Россия, в виду дальности расстояния от западно-европейских центров и при стеснении внешних сообщений, лишена была бы возможности возложить участие в высшем междусоюзническом органе, в отличие от других союзных государств, на кого-либо из членов правительства, и тем более на председателя совета министров; заменяющее же его лицо едва ли могло бы выступать с самостоятельными решениями и было бы, следовательно, вынуждено неизменно испрашивать руководящих указаний у правительства по тем или иным вопросам, что, конечно, значительно затрудняло бы его деятельность и ставило бы его в невыгодное, по сравнению с другими участниками совещания, положение.

С другой стороны было, однако, указано, что высшее направление международной политики России принадлежит вашему императорскому величеству; в виду этого, и при условии возложения участия в предположенном к образованию органе на лицо, пользующееся доверием вашего величества, невозможность сотрудничества в нем председателя совета министров, поглощенного к тому же, по преимуществу, делами внутреннего управления, не могла бы иметь особо существенного значения.

В итоге подробного обсуждения настоящего вопроса конференция находила, что осуществление преднамеченного начинания, в виду того крупного морального значения и тех важных практических последствий, которые, несомненно, имело бы проведение его в жизнь, представлялось бы безусловно желательным. Конференция полагала при этом, что означенный орган должен был бы собираться через короткие промежутки времени и, по возможности, в составе одних и тех же лиц.

Не дерзая утруждать милостивое внимание вашего императорского величества подробным изложением хода работ конференции в области вопросов стратегических, а также касающихся дела снабжения армии и финансовых, каковые вопросы подлежат особому докладу вашему величеству со стороны отдельных, по принадлежности предметов, главных начальников ведомств и и. об.[1] начальника штаба верховного главнокомандующего, приемлю долг всеподданнейше доложить вашему величеству лишь о главнейших итогах означенных работ.

В отношении вопросов снабжения армии трудная и ответственная задача конференции сводилась, прежде всего, к выяснению нашей потребности к предметам и изделиям заграничного производства, которая и была определена путем вычета из общей суммы потребных для армии предметов количества их, могущего быть полученным за счет отечественного производства.

Установленные таким образом, и оказавшиеся весьма крупными, размеры нашей потребности в предметах, подлежащих ввозу к нам из союзных стран, должны были подвергнуться известному сокращению, сообразно довольно ограниченной провозоспособности русских железных дорог и наличного, главным образом в распоряжении Великобритании, морского тоннажа, могущего быть использованным для доставления в наши порты означенных предметов. За всем тем, однако, получение предусмотренных соглашением предметов обороны и воинского снаряжения должно представить, по удостоверению военного министра, весьма существенное значение для поддержания боевой мощи нашей армии. Общая сумма преднамеченных к ввозу в Россию согласно достигнутому соглашению материалов выражается в 4 250 000 тонн (не считая заказов, могущих быть размещенными в Японии и Швеции). Хотя количество это и подразделено по отдельным родам предметов, однако нами выговорено право, не выходя из указанной общей суммы тоннажа, заменять одни предметы другими, что представляет немаловажное, конечно, для нас преимущество.

В области финансовой с нашей стороны были высказаны пожелания о предоставлении нам необходимых кредитов для оплаты наших заграничных заказов и для производства заграничных платежей по государственному долгу, об оказании нам

[1] Т.-е. — исполняющего обязанности.

содействия по делу поддержания курса рубля, и некоторые другие, как-то: об удовлетворении потребности в серебре нашей армии в Персии, о совместном с союзниками изыскании средств для оплаты военных заказов, производимых в Японии. Представители союзных держав, признавая полную основательность наших пожеланий, выразили готовность представить своим правительствам об удовлетворении их в кратчайший срок.

Достижение этих результатов, как то засвидетельствовано министром финансов, облегчалось серьезным отношением к нашим нуждам и благожелательною готовностью со стороны представителей союзных правительств итти нам навстречу, и далеко не представляло тех трудностей, с которыми приходилось встречаться при предшествующих финансовых переговорах, особливо летом минувшего года.[1]

Наконец, переговоры по вопросам стратегическим привели к решению довести боевые усилия союзных армий до возможной степени напряжения на началах тесного взаимного согласования военных начинаний союзных командований.

В заключение настоящего доклада, почитаю долгом высказать перед вашим императорским величеством, что, — независимо от достигнутых на завершившейся конференции положительных итогов, в смысле совместного с представителями верховного командования союзных армий обсуждения плана предстоящих военных действий, обмена мнений с союзными делегатами по связанным с ведением войны крупного значения политическим вопросам, обеспечения нашей армии предметами военного снабжения и обещания нам финансовой поддержки, — созыв настоящей конференции и ее труды должны быть оцениваемы, по моему убеждению, и с другой стороны. Широкое участие, по повелению вашего величества, членов совета министров в работах конференции позволило прибывшим сюда видным государственным деятелям союзных стран и выдающимся военным их вождям войти, в порядке совместных трудов, в непосредственные сношения с русским правительством. Такой способ сношения создал надлежаще широкую, твердую и определенную почву для переговоров с союзными делегатами, и в нем, быть-может, следует видеть одну из причин успешного, в общем, хода этих переговоров.

Благоприятному их течению способствовало, конечно, и искреннее стремление представителей союзных держав к тесному взаимному между собою единению в достижении общих целей. Провозглашенное в приветственных речах, коими обменивались представители союзников, стремление это находило себе подлинное и непзменное подтверждение во всех подробностях делового между ними общения.

[1] Об этих последних «трудностях» см. в документах, напечатанных в «Красном Архиве», т. V (1924 г.), стр. 50 — 81 — «Финансовые совещания союзников во время войны», — а также, отчасти, и в настоящей книге в «Докладах Штюрмера Николаю II» и в примечаниях к ним, стр. 122—130 и 164.

В этом стремлении к единению союзников с Россией я дерзаю видеть залог успеха общего с ними ратного дела и лучшее, в отношении прочности связывающих нас с союзными государствами уз, предзнаменование на будущее.

Об изложенном приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Министр иностранных дел Николай Покровский.

2.

Записка лорда Мильнера Николаю II.[1]

4/17 февраля 1917 г.

Конфиденциально.

Я хочу облечь в форму весьма конфиденциального меморандума некоторые соображения, которые кажутся мне заслуживающими серьезного внимания, если трудам настоящей конференции суждено, как мы все надеемся, увенчаться значительным усилением военного напряжения союзников.

То, что может быть сказано на этих страницах, не может быть выражено на пленарных заседаниях конференции. Это — предметы, не подходящие для журнала заседания или для протоколов официальных отчетов какого бы то ни было рода, но это нечто такое, что должно быть в умах тех, которые принимают то или иное участие в высшем направлении ведения войны. Настоящие соображения обращены только к таковым лицам, и я убежден, что они примут их в том духе, в каком они им представляются мною — как мой вклад, делаемый мною под личную мою ответственность, в дело достижения полного взаимного понимания, для координации всех военных усилий союзников. Поэтому я буду говорить с абсолютной откровенностью, с той откровенностью, с какой я обращаюсь к моим собственным коллегам по кабинету министров, и с такой же полной уверенностью, что все сказанное мною — прав я или не прав — будет выслушано во всяком случае благосклонно.

Моя точка зрения такова. Мы стоим лицом к лицу с величайшей опасностью. Мы все сидим в одной лодке, и мы или вместе выплывем или вместе потонем. Мысли об отдельных интересах какой-либо из союзных наций и быть не может: у всех у них только один высший интерес — победа. Таким образом, здесь нет места ни для дипломатических тонкостей, ухищрений или умолчаний, ни для устройства своих личных дел в ущерб другому союзнику.

В данном случае мы должны рассматривать себя как членов одного и того же правительства, преследующего одну и ту же политику. Вопрос только в том, как провести ее наилучшим образом.

---

[1] На подлиннике Николаем II карандашом надписано: «Записка лорда Мильнера».

С этой точки зрения я и приступаю к предмету. Величайшая цель этой конференции и многих еще, кроме этой, конференций — это координирование всех наших усилий. Это говорилось и повторялось, но необходимо говорить это и повторять это опять. Мы хотим атаковать неприятеля со всех сторон с наибольшей возможной энергией. Это приводит к двум основным соображениям.

1. Наши атаки должны быть максимально одновременны. Для осуществления этого должны уговориться между собою военные власти каждой из находящихся в союзе держав. И я убежден, — поскольку по крайней мере речь идет об операциях, предполагаемых нынешнею весною и летом, — что выдающиеся полководцы, являющиеся членами настоящей конференции, пришли к такому соглашению, каковое обеспечит наибольшую согласованность усилий союзников, в связи с климатическими и всякого другого рода затруднениями. Поэтому я убежден, что по отношению к этому весьма важному вопросу уже достигнуты окончательные и очень ценные результаты.

2. Но есть еще и другой пункт также чрезвычайной важности. Наши, разделенные пространством, выступления должны быть производимы не только максимально одновременно: необходимо также, чтобы каждое из этих выступлений доводилось до максимально возможного напряжения. В особенности это относится к русскому выступлению, которое имеет такое огромное значение для дела союзников. Оно должно дать все, что в состоянии дать человеческие силы. Военное положение России в широких чертах известно нам всем. Главные пункты не подлежат спору. Россия обладает таким же, может-быть, даже большим, количеством человеческого материала, каким располагают все остальные союзники, взятые вместе, и русские солдаты сражаются с поразительной храбростью и выносливостью. Россия обладает также, как доказал опыт, вождями огромной энергии и решительности. Но ее колоссальные армии не так хорошо снабжены военным материалом, в особенности наиболее важными современными усовершенствованиями (я имею в виду главным образом тяжелые орудия и аэропланы), как, например, армии Франции и Великобритании, и России приходится, кроме того, преодолевать специальные затруднения в области транспорта и снабжения. Поэтому Россия, естественно, ожидает от своих союзников, чтобы они помогли ей, если они в состоянии сделать это, справиться с означенными выше затруднениями, и она доказывает с неопровержимой силой, что такое увеличение и улучшение ее военного материала было бы самым большим усилением общесоюзнической военной мощи. Ей уже это увеличение и улучшение военного материала позволило бы использовать с наибольшей пользой весь свой колоссальный людской запас. Вопрос поэтому обстоит так, — это до сих пор не разрешенный важнейший вопрос, — в какой степени и каким образом могут союзники помочь России в этом отношении.

Это не простая задача. Сравнительно легко составить ведомость того, в чем Россия нуждается. Но не так легко это решить, в какой мере физически возможно удовлетворить эти нужды России доставкой ей военного снаряжения из-за границы... И еще труднее сказать, насколько для союзников является возможным снабдить ее этим материалом (натурою ли, или предоставлением ей суммы для покупки упомянутых материалов в других странах), не проиграв при этом на собственном ослаблении больше, чем выиграет от этого усиления Россия.

Единственная точка зрения, с которой мы должны рассматривать это дело, это точка зрения общей силы союзников. Подчиненные железной, физической необходимости, управляющей перевозкой людей и вещей, военные материалы и все деньги, имеющиеся в распоряжении каждого из союзников, должны быть применяемы в том пункте, где они могут быть использованы с наибольшим результатом. Я вполне допускаю поэтому, что, имея в виду сравнительное богатство западных союзников военным материалом и сравнительную бедность в этом отношении России, было бы разумной политикой пожертвовать некоторым усилением мощи западного фронта для удовлетворения насущных нужд России. Ибо во всяком случае возможно, что количество материала, которое не окажет существенного влияния на результат столкновения гигантских вооружений на западном фронте, может явиться на восточном фронте решающим и дать победу вместо поражения. Это весьма веское соображение, и соображение такого свойства, которое, естественно, побудит нас выдвинуть на первое место вопрос о нуждах в данное время в России. Во всем, что мною впоследствии может быть сказано, я должен быть рассматриваем как лицо, оценивающее каждый вопрос под этим именно углом зрения, т.-е. с точки зрения необходимости оказать России максимальную помощь военными материалами или деньгами на приобретение военных материалов (что сводится к одному и тому же).

Но, рассматривая этот вопрос исключительно с установленной уже мною точки зрения максимальной общесоюзной силы, я должен указать на серьезные ограничения. которые должны быть сделаны в вопросе о снабжении России. Ресурсы западных союзников не неисчерпаемы. Их производительные способности напряжены уже до последнего предела, и финансовая проблема, перед которой они стоят, приобрела величайшую серьезность. Необходимо признать, что кредит Великобритании является основным столпом финансового могущества союзников, что этот кредит подвергся самому крайнему напряжению, и что, в целях его сохранения на покупки союзников в нейтральных государствах, поскольку эти покупки будут производиться за счет означенного кредита, должны быть на него положены самые суровые ограничения. Это не специальный интерес Великобритании, — это общий интерес всех союзников. И, если я настаиваю здесь на этом, то только с точки зрения общего дела.

Великобритания с начала войны не только увеличила лежащее на народе налоговое бремя больше чем кто-либо из союзников. Она подняла нормальную ставку подоходного налога с 6 процентов до огромной цифры в 25 процентов, а для самых крупных доходов даже до 40 процентов. Великобритания также возложила на себя для целей войны бремя долга свыше 3000 миллионов фунтов стерлингов, из коих более 800 миллионов истрачены на нужды союзников. Это — колоссальные цифры, но самое серьезное в этой ситуации то, что она заложила теперь почти все свои иностранные ценности, чтобы получить в Америке займы на приобретение военного материала для себя и для союзников, и возможность получить за границей сколько-нибудь значительные новые займы для этой цели становится все более и более сомнительной. Поэтому для всего дела союзников чрезвычайно важно теперь с величайшей осторожностью беречь то, что осталось от британского кредита, потому что, иными словами, это значит — беречь то, что осталось от покупательной способности союзников на нейтральных рынках. Если бы британский кредит оказался исчерпанным, было бы чрезвычайно трудно представить себе, каким образом могла бы продолжаться война.

Если теперь мы рассматриваем требования России как на материалы, так и на деньги, и в особенности на деньги, предназначенные для покупок на нейтральных рынках, с величайшей осторожностью, нас нельзя упрекнуть в том, что мы заботимся о нашем собственном кармане. Мы абсолютно обязаны поступать так. Поступать иначе значило бы нарушить наш долг перед общим делом союзников.

Очевидно, прежде всего надо удостовериться, чтобы Россия не получила от союзников того, что она так же легко или даже легче могла бы произвести для себя сама. Россия, с ее огромным протяжением и разнообразными ресурсами, способна, вероятно, с экономической точки зрения стать наиболее самоснабжающейся страной в мире. Но мы должны признать, что эти ресурсы до сих пор еще в значительной степени не эксплуатируются и что, следовательно, в данный момент есть много предметов, и даже некоторые предметы абсолютной необходимости, которыми Россия сама снабдить себя не может, но я убежден, что даже и теперь она в состоянии делать для себя больше, чем она делает. Для этого нужна лучшая организация.

Я ни на минуту не собираюсь внушить мысль, будто русские власти умышленно просят у союзников помочь им материалом, относительно которого они не убеждены, что он им абсолютно необходим и что он не может быть получен в самой России. Но я полагаю, что русские власти сильно недооценивают, что Россия в состоянии произвести даже в настоящее время. Это явление, свойственное не только русским. Все союзники познали под давлением войны, что их производственные возможности гораздо сильнее, чем они представляли себе это до войны. Все

они колоссально увеличили свою производительность, но производительность Франции и Англии (я не могу говорить с тем же личным опытом об Италии) достигла теперь точки, перейти за которую, если не невозможно, то очень трудно. Энергия и организация сделали все, что было в их силах. Этого, однако, нельзя сказать про Россию. В недостатке доброй воли ее, разумеется, упрекнуть нельзя. Она показала, что она не жалеет себя, — свидетельство этому огромные жертвы людьми, которые она понесла в своих неоднократных выступлениях, направленных к тому, чтобы ослабить напряжение на фронте своих союзников. Но недостаток организации еще налицо. Россия способна еще использовать свои собственные ресурсы. Когда я был в Москве, я слышал о фабриках, закрытых из-за недостатка рабочих рук и в угле. А, однако, мне говорили, что для службы на фронте были призваны миллионы людей, которых невозможно ни обучить, ни вооружить, и которые, таким образом, были отняты у промышленности, но ничего не прибавляют к военной мощи страны. Кроме того, на фронте имеются тысячи людей, которые были бы более полезны на рудниках или на фабриках. России, кажется мне, придется сделать то, что пришлось сделать в большом масштабе Англии, и отозвать с фронта квалифицированных рабочих, которые были слишком поспешно мобилизованы, чтобы вернуть их к деятельности на фабриках и заводах, где они необходимы.

Вместе с тем, хотя заводы и закрываются от недостатка угля, я убежден, что нет абсолютного недостатка угля или подвижного состава для его перевозки, но распределение и циркуляция существующего подвижного состава происходят чрезвычайно неправильно. Я лично не в состоянии подкрепить чем-либо это утверждение. Я могу только указать, что это известно мне из многих независимых источников, достойных доверия и, повидимому, хорошо осведомленных. Этот вопрос, повидимому, нуждается в самом тщательном исследовании, в особенности в связи с предъявленным теперь требованием на большое количество добавочных вагонов, которые должны быть доставлены из Соединенных Штатов. Весьма сомнительно, могут ли добавочные вагоны, заказанные в Америке, прибыть в достаточно короткий срок, раз уже данные ранее заказы на вагоны далеко еще не исполнены, а все существующие в Америке заводы завалены спросом. Если даже заводы сумеют поставить их, транспорт их морем пробьет большую брешь в имеющемся тоннаже, который во всяком случае не сможет справиться с реальными и не подвергающимися сомнениям нуждами России. И, при существующих обстоятельствах, за вагоны придется платить возмутительные цены. Таким образом, очевидно, что с любой точки зрения было бы очень невыгодно заказать в Америке хотя бы один добавочный вагон. Нужда в вагонах должна быть устранена более разумным употреблением имеющегося уже подвижного состава. Заказывать

добавочные вагоны в Америке было бы ничем не оправдываемым расточением союзных ресурсов.

Почти всегда есть два пути, чтобы справиться с недостатком материалов. Один — это увеличить снабжение, другой—это лучше и более экономно использовать уже имеющееся.

Россия, при существующих обстоятельствах, абсолютно обязана прибегнуть к последнему методу. Это предписывает ей неотвратимый факт существующей в данный момент ситуации. Она просто не может ввезти из-за границы весь материал, который ей нужен. Его там не существует, он не может быть в разумно-короткий срок изготовлен, а если бы он мог быть изготовлен, он не может быть провезен в Россию из-за недостатка тоннажа. Россия таким образом вынуждается абсолютной необходимостью к более систематическому использованию своих собственных ресурсов. До некоторой степени, все воюющие нации были вынуждены к тому же. Германия, в особенности, была вынуждена к этому и справилась с представившейся ей колоссальной задачей с очевидным успехом. Франция и Англия в очень большой мере были вынуждены принять такую же линию поведения. Нам всем пришлось ухитряться и выходить из положения с недостаточным по количеству или по качеству материалом, когда мы не могли достать желательного нам количества или качества, всем нам пришлось побеждать недостаточность снабжения изобретательностью и организацией. Россия не может жаловаться, если ей приходится делать то же самое. И она способна сделать это.

При виде великолепной работы новых и добровольных организаций, как земство и союз городов, невозможно сомневаться в способности русского народа подняться до уровня опасности и в способности его импровизировать новые методы для устранения ее. То, что уже сделано в этом направлении в России, произвело на меня особенное впечатление, потому что это повторяет и подкрепляет то, чему мы сами научились в Англии во время войны.

Для старого оборудования явилась непосильная задача. Мы никогда не сумели бы справиться с нею без учреждения большого количества новых организаций, без привлечения на помощь чиновникам правительства общественных добровольцев, и даже без предоставления последним высоких административных постов. Речь идет о людях, которые всю свою жизнь занимались своими частными делами и не обладали никаким официальным опытом.

Война не только колоссально увеличила сферу деятельности британской администрации, но и совершенно изменила ее характер. Я полагаю, никто не станет отрицать, что привлечение целой армии добровольных работников и установление прямой связи между деятельностью правительства и опытом специалистов и деловых людей было огромным успехом. Без этого мы не справились бы. Приведу для подкрепления своей точки зрения

одну иллюстрацию. Одним из величайших затруднений было снабжать наши войска на французском фронте провиантом, военными материалами и т. д. Пути сообщения не могли с этим справиться, железные дороги и порты безнадежно закупоривались, и, повидимому, был огромный недостаток в подвижном составе. Во всяком случае, это была сложнейшая транспортная проблема. Несколько месяцев назад главный управляющий одной из наших железных дорог был назначен директором военного транспорта во Франции, с чином генерал-лейтенанта. Он был штатским человеком, не имевшим раньше официального, не говоря уже о военном, опыта, но он был специалистом по транспорту. Это назначение вначале нанесло удар некоторым предубеждениям, но оказалось впоследствии превосходной мерой, давшей полный успех, и никто так не восхваляет теперь это назначение, как военные авторитеты. Наш главнокомандующий во Франции сам сказал мне, всего лишь несколько недель назад, как он доволен, что это назначение состоялось, и как много выиграла от этого армия. Я могу прибавить к этому, что другое частное лицо — новичек в официальном мире — еще более недавно было назначено главою нашего торгового управления и является теперь ответственным за работу всех британских железных дорог, заведывание которыми взяло на себя правительство. Ему тоже удалось осуществить большие улучшения путем более экономного использования железнодорожного материала. Наши транспортные задачи как в самой Великобритании, так и на севере Франции, на пути к полному разрешению, поскольку, конечно, они могут быть разрешены лучшим управлением и помощью неофициальных специалистов.

Я останавливаюсь на этих иллюстрациях потому, что они выдвигают два великих урока, которые дала нам в Англии война, и я не вижу причин, почему опыт, купленный нами дорогой ценой, не может пригодиться также другим. Эти уроки — огромное значение управления в деле добычи из данного материала значительно увеличенного количества работы, — и мудрость, заключающаяся в привлечении лучших специалистов, где бы они ни находились, и в назначении их, совершенно не считаясь с официальными традициями, на те высокие правительственные посты, где техническая сноровка имеет величайшее значение.

Этот пункт имеет колоссальное значение, ибо техническая сторона — умелое использование последних достижений и изобретательности — играет теперь в ведении войны бесконечно более важную роль, чем в прежнее время. Значение многих новых военных материалов может быть увеличено — или уменьшено — до почти невероятной степени, смотря по тому, как с ними обращаются.

Поэтому мне кажется существенно необходимым, чтобы всякий военный материал, поступающий в Россию от ее западных союзников, сопровождался бы несколькими людьми, опытными

в обращении с каждым видом этого материала; они должны пользоваться свободой действий и возможной поддержкой при наблюдении за транспортированием и сборкой различных орудий и при инструктировании ими тех, кому придется в конечном счете обращаться с этими орудиями на фронте. Тут не может быть речи о вмешательстве в дела русской военной власти. Мы только просим, чтобы нам было дозволено убедиться, что передаваемый нами военный материал передается полностью, что мы передаем России не только машины, но и наш опыт в обращении с машинами, купленный довольно дорогою ценою, что эти машины попадут на фронт в возможно кратчайшее время и в таком состоянии, чтобы они могли дать, очутившись на позициях, максимум работы.

Не следует забывать, что всякая частица нашего материала, передаваемого России, отрывается от какого-нибудь другого фронта. У нас нет ничего лишнего. Западные союзники снабжены лучше чем Россия почти всеми видами военного материала. Но ни один из них не богат им так, как он этого желал бы. Производительные силы этих стран и нейтральных государств не в состоянии создать все, что им нужно, в достаточно недолгий срок. Тем не менее, мы готовы поделиться материалами, без которых и нам самим трудно обойтись. Трудно перевезти их сюда, но мы прилагаем все наши усилия, чтобы преодолеть это затруднение, охранять морские пути и держать порты свободными. Все, о чем мы просим, это — чтобы нам было дозволено убедиться самим, что материалы, когда Россия получит их, будут ей действительно полезны. Иначе перенесение их в Россию будет чистой потерей для военной мощи союза, рассматриваемого как одно целое. Это относится также и к военному материалу, который имеет быть куплен на деньги, предоставленные Великобританией. Изыскать способы для оплаты такого материала в нейтральных странах становится все труднее. То, что осталось от нашего кредита, идет на покупку материалов для нас самих и для других наших союзников. То, что мы тратим на Россию, мы урываем столько же у себя, сколько и у них. Тем не менее, мы намерены использовать наш кредит, поскольку это окажется возможным, чтобы снабдить Россию таким количеством материалов, какое только физически возможно будет достать для нее, — но при этом мы постоянно хотим иметь в виду, чтобы этот материал принес России по крайней мере не меньшую пользу, чем ту, какую он принес бы нам или другим нашим союзникам.

С этой точки зрения должны рассматриваться все просьбы о поддержке, с которыми один союзник обращается к другому. Есть граница тому, что союзники могут получить, в форме снабжения, за пределами своих собственных границ, — граница, которую ставят физические трудности производства и транспорта и емкость покупательных возможностей. Первый долг, лежащий на каждом из союзников, это — развить до максимальных пределов

собственную производительность. Центральные державы, почти совершенно отрезанные от снабжения извне, довели это до почти невероятных размеров благодаря хорошей организации и изобретательности.

Союзникам надлежит, а в особенности надлежит это России, с ее огромными природными богатствами, последовать их примеру до последних пределов человеческих возможностей. А второй долг союзников — распределять материал, который они имеют или еще могут получить, самым лучшим образом, употребляя его на той части фронта, где он может быть использован наиболее успешно.

Говоря о моей собственной стране, я могу сказать, что Великобритания готова сделать для поддержки России все, что только она в состоянии. С открытым сердцем и без всякого ограничения, мы готовы предоставить союзу все наши ресурсы. Единственное, на что мы взамен этого рассчитываем (и не ради нас самих, а ради всего союза), это — чтобы Россия не требовала от нас того, что она может получить сама развитием своей промышленности или лучшим управлением своими богатствами, и чтобы она, получив от нас материал, который мы можем дать ей, обогатилась бы также и нашим опытом, дабы извлечь из этого материала наибольшую пользу. Если эти условия будут осуществлены, нет границ — кроме непреодолимых физических препятствий или окончательного истощения наших ресурсов — помощи, которую мы готовы и желаем оказать союзнику, пользующемуся нашим абсолютным доверием и принесшему такие огромные жертвы на пользу общего дела.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКОЛАЯ II С МИНИСТРАМИ.

Николай II — Витте и Маклаков.

Николай II не любил тех своих министров, которые возвышались над его умственным уровнем, и едва ли не наиболее ненавистным из всех его приближенных был для Николая гр. Витте — крупнейший государственный деятель за последние полвека истории русской монархии. И это была не только зависть малоумного человека к очень умному: в дворянском царе отразилось и то чувство чисто-классовой ненависти, которую феодалы-помещики, виднейшим представителем которых был Николай, питали к буржуазии, дорогу для политической жизни которой открывал данный, в качестве уступки революционному движению, по совету гр. Витте, акт 17 октября 1905 г.

Николай никогда не мог простить гр. Витте участия в этом деле и никогда не мог понять того, что, быть-может, только из-за этого акта 1905 г. русская монархия получила некоторую отсрочку, и что, таким образом, гр. Витте был не только «творцом русской конституции», но и спасителем самого Николая и стоявших за ним помещиков.

Этого никогда не было дано уразуметь Николаю, и не с сожалением, а с нескрываемой радостью встретил он смерть своего верного слуги (гр. Витте скончался 28 февраля 1915 г.). Узнав о смерти Витте, Николай, уезжая в этот день в «ставку», писал жене:

«Хотя мне, разумеется, очень грустно покидать тебя и дорогих детей, но на этот раз я уезжаю с таким спокойствием в душе, что даже сам удивляюсь. От того ли это происходит, что я беседовал с нашим Другом, [1] или же от той газеты, которую Бьюкенен дал мне, от смерти Витте, а может-быть, от чувства,

[1] Т.-е. с Распутиным.

что на войне случится что-то хорошее — я не могу сказать, но в сердце моем царит истинно пасхальный мир».[1]

Итак, радостное спокойствие воцарилось в душе Николая: гр. Витте, в котором Николай, по свойственному ему скудоумию, когда-то видел чуть ли не грядущего президента русской республики (такие опасения были в 1905 г.), ушел из жизни; теперь помощниками Николая будут одни бездарности и ничтожества, — и в этой компании Николай будет себя чувствовать свободно и непринужденно.

Но, умирая, гр. Витте сделал крайне нетактичный шаг: он решил и после своей смерти побеспокоить Николая (конечно, не в виде одного из тех «духов», которых раньше с таким успехом вызывал в придворном кругу какой-нибудь «доктор» Филипп), а иначе — гр. Витте распорядился, чтобы после его смерти было передано от него Николаю «посмертное» письмо.

Повод для этого письма был такой: графу Витте очень хотелось, чтобы графский титул, им полученный, был передан внуку его — Нарышкину; об этом собственно «после смерти» и просит Витте Николая.

Однако, мотивируя свою просьбу, Витте высказал ряд таких соображений, которые едва ли могли побудить Николая исполнить это «загробное моление»[2] графа.

Указывая на то, что история внесет на свои страницы «великие дела» Николая, Витте давал краткий перечень этих дел:

«В ваше царствование, — писал Витте, — Россия получила прочную денежную систему, в ваше царствование расцвела отечественная промышленность и железнодорожное строительство, в ваше царствование с народа сняты многие тяготы — уничтожены выкупные платежи и круговая порука и проч. и проч. Но что русский народ не забудет, покуда будет жить, — подчеркивал Витте, — это то, что император Николай II призвал народ свой к совместным законодательным трудам.

«Это, — восклицал Витте, — ваша бессмертная заслуга перед народом и человечеством!».

---

[1] «Переписка Н. и А. Романовых», т. III, стр. 116. — Циничную радость, вызванную смертью Витте, высказывал Николай также и в разговоре с Палеологом: «Смерть графа Витте, — говорил Николай, — была для меня глубоким облегчением, я увидел в ней знак божий (?)». — (См. Палеолог. «Царская Россия во время мировой войны». II. 1923 г., Гос. Изд-во, стр. 224.)

[2] Так сам Витте в своем письме характеризует свою просьбу.

Правда, все указанные Витте дела были в гораздо большей степени связаны с именем его, Витте, и лишь формально касались Николая. Это, конечно, подразумевалось и самим Витте, но сказать этого прямо было нельзя. Пришлось довольствоваться только скромной ролью:

«Историки, — писал Витте Николаю, — возвеличивая ваши деяния, упомянут о ваших сотрудниках, в числе коих был Витте, которого, в воздаяние заслуг его перед вами и родиною, вы возвели в графское достоинство.

«Передайте, всемилостивейший государь, — просил Витте, — мой графский титул любимейшему внуку моему Л. К. Нарышкину: пусть он именуется Нарышкин граф Витте».

Таково было «посмертное» обращение гр. Витте к Николаю.

Но Витте, обращаясь к царю с этой просьбой, сделал, крупнейшую ошибку: чтобы побудить Николая исполнить эту просьбу, он указывал на такое свое дело, как участие в создании акта 17 октября, что, с точки зрения Николая, было не великое, — как думал Витте, — а презренное, темное дело.

Что Николай ненавидит его за участие в этом деле — Витте отлично знал. И, конечно, если бы причиной этого обращения было только желание передать свой титул внуку, то гр. Витте, наверное, воздержался бы напоминать про то щекотливое дело, за которое его ненавидели. Но, несомненно, «загробное» письмо Витте было вызвано и другою причиною: желанием указать царю на свои заслуги, им непонятые и неоцененные. Громадное самолюбие настойчиво заставляло сказать об этом, хотя бы в час смерти, и напомнить царственному недоумку, что единственный путь (который был в представлении Витте) это — следовать акту 17 октября.

Но, конечно, изложенной в такой форме просьбой Витте не удалось тронуть сердце Николая: маленькой просьбы Витте он не исполнил. А лучшим ответом Николая на мысль Витте о значении «призвания народа к совместным законодательным трудам» было то, что в это приблизительно время царь обсуждал с Маклаковым вопрос, каким путем окончательно упразднить Думу.

Маклаков был, в некоторых отношениях, антиподом Витте: в то время, как последний связывал свое имя с установлением «русской конституции»,[1] — первый, идя по пути Столыпина,

---

[1] Надо, впрочем, заметить, что сам Витте считал, что «манифест 17 октября не устанавливает конституции»: по крайней мере именно так

прилагал все свои усилия к окончательному уничтожению всех последствий акта 17 октября.

Маклаков был исполнителем классовых вожделений крупных помещиков, Витте — в известной мере — отражал стремления прогрессивной буржуазии. К тому же Витте был умен, Маклаков — глуп. Во всем этом была существенная разница между ними не говоря уже, конечно, о том, что в то время, как Витте был исключительно крупным государственным деятелем, Маклаков был, во всех отношениях, полным ничтожеством. Но указанные отличия предопределяли отношение Николая к этим двум министрам: он ненавидел Витте и очень любил Маклакова.

К этой симпатии, внушенной Николаю Маклаковым, присоединялись и другие побуждающие мотивы: этот министр просто, как человек, был очень занимателен в дворцовом обиходе: умел петь петухом, подражать «влюбленной пантере» и другим животным, и вообще не без успеха изображал из себя роль тех шутов, которые забавляли когда-то императрицу Анну Иоанновну.

Но эти свойства Маклакова открылись уже тогда, когда он стал министром; непосредственным же поводом для его назначения на этот пост было, — по простодушному признанию его самого, — то, что, когда Николай, после убийства Столыпина, приехал из Киева в Чернигов, где Маклаков был губернатором, — там была «отличная погода, хорошее, бодрое настроение».[1] Этого было достаточно, чтобы в лице Маклакова созрел кандидат в министры.

В угоду вожделениям крупных помещиков, Столыпин, переворотом 3 июня 1907 г., изменил радикально первоначальный избирательный закон. Но этим стремления крупных аграриев не ограничились: им хотелось добиться совершенного закрытия Думы, или хотя бы отобрания у нее тех законодательных функций, которые у нее еще оставались. Нет надобности говорить, что со стороны самого Николая эти притязания встречали полнейшее сочувствие. И наиболее активным помощником его явился в этом отношении, как и во всех других, Маклаков.

Решительный поход против Думы был начат Маклаковым и стоявшими за ним реакционными помещичьими кругами в октябре 1913 г., перед открытием 2-й сессии 4-й Думы.

высказывался Витте на царскосельских совещаниях в феврале 1906 г. (см. протоколы их в «Былом» 1917 г., №№ 5 — 6, стр. 307).

[1] 1-е показание Маклакова в Следственной комиссии. («Падение царского режима», т. III стр. 85.)

Еще накануне дня ее созыва, 14 октября, ссылаясь на то повышенное настроение, в котором будто бы Дума находилась, Маклаков обратился к Николаю с предложением разрешить правительству сразу же выступить с «решительным предостережением» Думе,—если же таковое не поможет (а большинство Думы тогда и не думало «бунтовать»), Маклаков считал необходимым сразу же распустить Думу и немедленно объявить столицу на положении чрезвычайной охраны. Вместе с тем, на всякий случай, Маклаков просил Николая выдать ему «бланковые указы», чтобы правительство могло привести эти меры в исполнение в тот момент, когда найдет это нужным.[1]

Николаю этого только и было нужно: он, мало того, что оказался «вполне согласен» с предложениями Маклакова, но пошел и далее — вернее продолжил развитие той мысли, которая у Маклакова осталась как бы незаконченной. Вот что высказал, между прочим, Николай в письме от 18 октября 1913 г., в ответ на предложения этого министра:

«Также считаю необходимым и благопамеренным немедленно обсудить в совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи учреждения Госуд. Думы, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями Госуд. Совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это, при отсутствии у нас конституции, есть полная бессмыслица!

«Представление на выбор и утверждение государя мнений, и большинства и меньшинства, будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе».

В этих кратких словах Николай высказывал целую программу государственного переворота. Правда, и эту программу Николай придумал не своим умом: мысль о предоставлении царю на выбор мнений большинства и меньшинства пропагандировалась в «Гражданине» кн. Мещерским, в кружке которого,— где, кстати сказать, вращался и Маклаков,—уже давно мечтали об упразднении Думы и возвращении к неприукрашенному конституционными позументами самодержавному порядку.

---

[1] «Бланковыми указами» назывались такие акты о роспуске, или созыве Думы, которые, будучи подписаны Николаем, не имели, однако, даты, в которую роспуск или созыв Думы должен быть произведен; для этой даты оставлялось пустое место, которое заполнялось соответствующим министром или по его личному усмотрению, или по соглашению с советом министров.

Однако, Маклаков, получив такую инструкцию Николая, видимо, в конце концов, сообразил, что это дело посерьезнее, чем казалось ему самому и царю: опасаясь возражений со стороны других министров, Маклаков не осмелился даже передать это «высочайшее повеление» на рассмотрение совета министров и решил предварительно сделать об этом личный доклад Николаю. При этом Маклаков, несмотря на все свое желание услужить царю, в письме к нему от 21 октября, решился даже доложить, что совет министров (за исключением его, Маклакова, конечно) находит, что, вообще, думские дела выходят из круга ведения министерства внутренних дел и подлежат компетенции председателя совета министров; другими словами — Маклакову пришлось забить отбой.

Эти планы Николая и Маклакова относятся к октябрю 1913 г. Тогда этот вопрос был снят с очереди; но этот проект не заглох окончательно. Перед самой революцией, 8 февраля 1917 г., Николай (под давлением Думы, уволивший в июне 1915 г. Маклакова от должности министра) вновь обратился к нему, поручив ему, как специалисту, ответственное дело — написать манифест о роспуске Думы. Маклаков исполнил волю царя и представил ему, помимо манифеста, целую программу реакционного переворота, посредством которого Дума обращалась в «законосовещательное» учреждение. Но небольшое препятствие — революция — прервала через несколько дней возможность осуществления всех этих планов.

Письма Николая II к Маклакову.

18 октября 1913 г.

1.

Ливадия.[1]

Николай Алексеевич.

Получив ваше письмо от 14-го и прочитав его, я был приятно поражен его содержанием.

Я как раз собирался писать вам, чтобы вы не выезжали из Петербурга до конца октября и чтобы дать вам руководящие указания на случай возникновения осложнений с Госуд. Думой.

С теми мыслями, которые вы желаете высказать в Думе, я вполне согласен. Это именно то, что им давно следовало услышать от имени моего правительства.

Лично думаю, что такая речь мин. внутр. дел своей неожиданностью разрядит атмосферу и заставит г. Родзянко и его присных закусить языки.

[1] Бланк на бумаге.

Если же паче чаяния, как вы пишете, поднимется буря и боевое настроение перекинется за степы Таврического дворца, — тогда нужно будет привести предлагаемые вами меры в исполнение: роспуск Думы и объявление Питера и Москвы на положении чрезвычайной охраны. Переговорите с председательствующим в совете министров об изготовлении и высылке мне указов относительно обеих мер.

Также считаю необходимым и благонамеренным немедленно обсудить в совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи учреждения Госуд. Думы, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями Госуд. Совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это — при отсутствии у нас конституции — есть полная бессмыслица!

Представление на выбор и утверждение государя мнений и большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе.

Итак до скорого свидания.

Дай вам бог сил и успеха.

Николай.

2.

Петергоф. 30 июня 1914 г.

Николай Алексеевич.

Я узнал, что вчера в селе Покровском Тобольской губернии совершено покушение на весьма чтимого нами старца Григория Ефимовича Распутина, при чем он ранен в живот женщиной.

Опасаясь, что он является целью злостных намерений скверной кучки людей, поручаю вам иметь по этому делу неослабное наблюдение, а его охранять от повторения подобных покушений.

Правду ли сообщают газеты о массовых высылках евреев-ремесленников из Киева?

Представьте мне об этом доклад.

Николай.

3.

Ц. С. [1] 21 марта 1915 г.

Друг мой Николай Алексеевич.

Четыре дня раздумывал я о вашей просьбе. Вы поступили честно и благородно, как всегда, но поступили и поспешно.

Оставайтесь на занимаемом вами месте, на котором вы мне нужны и любы. Дай вам бог здоровья, сил и энергии для дальнейшей службы.

Христос воскресе!

Ваш Николай.

[1] Царское Село.

Письма Маклакова к Николаю II.

1.

Ваше императорское величество.

Приемлю долг испрашивать у вашего императорского величества указать, когда угодно будет вам принять меня с докладом по делам министерства. Обстоятельства складываются так, что было бы осторожней отъезд мой из Петербурга отложить еще на неделю. Настроение среди фабрично-заводского люда неспокойное, а в среде так называемой интеллигенции — очень повышенное. Съезжаются в столицу члены Государственной Думы. Собираются в Таврическом дворце думские фракции. Впечатление от того, что там происходит, неотрадное. Готовятся спешно запросы, вырабатывается план ожесточенной борьбы Думы с правительством. С первых же дней Дума резко поднимет общественную температуру, и, если не встретит на первых же шагах сильного отпора от вашего правительства, полное расстройство нашей мирной жизни неминуемо. В эти дни мне нельзя отлучиться из столицы, но, оставаясь здесь, мне, как министру, призванному бороться с внутренним беспорядком в стране в первую голову, необходимо иметь указания вашего императорского величества, благоугодно ли будет вам одобрить тот план действий, который, по своему разумению и совести, я себе намечаю.

Мне казалось бы необходимым сперва попробовать ввести Думу в ее законное русло крепкой рукой. С этой целью я предполагал бы теперь же с кафедры Думы сделать ее членам спокойное, ясное, но решительное предупреждение о том, что путь, на который она опять пытается стать, опасен и недопустим. Смысл учреждения Думы — совместная работа с императорским правительством на благо России. При данных же условиях не благу России служит Дума, а расслаблению своей родины. Жалуясь на нарушение правительством дарованных населению гражданских свобод, Дума на самом деле лишь вступает в борьбу со всякой властью и прокладывает пути к достижению последней свободы — свободы революции. Этой свободы ей правительство самодержца всероссийского не даст. Правительство предупреждает Думу, что дальнейшей работе ее в таком направлении надо положить конец. Правительство надеется, что голос благоразумия и память о принесенной членами Думы присяге удержат их от повторения пагубных ошибок прежних дней, но, если характер думской работы не изменится, правительству придется испрашивать указа вашего императорского величества о роспуске этой Думы. Такое предупреждение мне было бы необходимо сделать не от своего лица, но от имени всего правительства, если бы вам, государь, угодно было разрешить мне это сделать. Такое обращение, быть-может, поможет делу. Может-быть, напротив того, оно вызовет только взрыв негодования Думы

на непривычный для нее призыв к порядку от правительственной власти. Если будет последнее, то это лишь приблизит развязку, которая, повидимому, едва ли отвратима. Если поднимется буря и боевое настроение перекинется далеко за стены Таврического дворца — губернская столичная администрация сумеет подавить все волнения и со смутой, при быстрых и решительных действиях, справится. Но для этого необходимы будут две меры: роспуск Думы и немедленное объявление столицы на положении чрезвычайной охраны. Было бы необходимо потому иметь в Петербурге наготове подписанные вашим императорским величеством указы о том и другом. Время их опубликования могло бы быть поставлено в зависимость от соответствующего постановления совета министров, которому министр внутренних дел представил бы подробный доклад о том, когда, по ходу дел, наступила бы необходимость в этих крайних мерах.

Докладывая о вышеизложенных предположениях моих вашему императорскому величеству, я всеподданнейше испрашиваю указаний ваших по существу моего доклада. Более полные соображения свои по данному делу и подробности дальнейших мероприятий, связанных с перечисленными, я буду иметь счастие доложить вашему величеству при следующем моем всеподданнейшем личном докладе в Ливадии.

Министр внутренних дел Маклаков.

14 октября 1913 г.

2.

Ваше императорское величество.

Долгом считаю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству о том, что приказание ваше о заготовлении указов о роспуске Думы и объявлении Петербурга на положении чрезвычайной охраны мною не было передано председательствующему в совете министров потому что, накануне получения мною всемилостивейшего рескрипта вашего, всеподданнейшее представление совета с проектами таких указов было уже отправлено к вашему величеству.

Что же касается до повеления вашего обсудить в совете министров вопрос об изменении положения о Государственной Думе, то я дерзнул пока не сообщать об этом совету, равно как и не сообщал о самом факте получения мною рескрипта. Счел я себя вынужденным сделать это по следующим соображениям. При обсуждении вчера вопроса о моем выступлении в Думе, громадное большинство членов совета министров высказалось против этого шага, потому что в его обсуждении не приняли участие старейшие отсутствующие министры Коковцов, Кривошеин и Саблер. Члены совета склонны думать, что предлагаемый мною шаг повлечет за собой самые острые последствия, а давать повод к дальнейшим осложнениям во взаимных отношениях

с Думой совет признает — пока этот вопрос не будет всесторонне и всеми обсужден — нежелательным. Так как вашему величеству благоугодно было одобрить мое выступление лишь принципиально, то я позволил себе не настаивать на срочности осуществления этого плана и лишь уведомил совет, что в принципе ваше величество изволили признать мое выступление возможным.

Вместе с тем, однако, из самого характера обсуждения этого вопроса я с очевидностью увидал, что возбуждение другого, главного вопроса громадной государственной важности было бы при данных условиях в этом заседании совершенно невозможным. Оно встретило бы еще более настойчивые возражения, тем более горячие, что совет считает вообще, что думские дела выходят из круга ведомства внутренних дел и относятся до компетенции лишь председателя совета министров, ныне отсутствующего.

Не гневайтесь на меня, ваше величество, за то, что я позволил себе не исполнить немедленно вашего повеления, но я думал, что некоторое промедление в этом деле было бы простительно, а руководило мною при этом, во-первых, то соображение, что в ближайшем будущем я надеюсь иметь счастие лично повергнуть перед вами, государь, все вызванные этим делом размышления, а затем и та мысль, что передача такого повеления вашего председательствующему в совете через меня, — младшего из состава совета, — вызвала бы очень неосновательные, правда, но очень, к сожалению, больные отзвуки личного самолюбия, которые повредят лишь самому делу, столь большому и важному для всей последующей жизни России.

Министр внутренних дел Маклаков.

22 октября 1913 г.

3.

Ваше императорское величество.

Я был в сомнении, беспокоить ли мне ваше величество представлением вам прилагаемой при сем вырезки из газеты «Новое Время», когда получил пакет ваш с милостивым вложением, наполнивший мою душу светлой и благородной радостью. Теперь, смотря на вас, государь, и на наследника вашего, я уже не колеблюсь и пишу то, что хотел.

После тех великих своею простотою слов, твердо сказанных на весь мир, с которыми угодно было обратиться к народу во Львове всероссийскому самодержцу — председателю Государственной Думы нечего больше говорить. Такое чествование нельзя было разрешать. Родзянко, ваше величество, только исполнитель — напыщенный и неумный, а за ним стоят его руководители — гг. Гучковы, кн. Львовы и другие, систематически идущие к своей цели. В чем она? Затемнить свет вашей славы, ваше величество, и ослабить силу значения святой, исконной

и всегда спасительной на Руси идеи самодержавия. Восторг и умиление, оставшиеся во Львове после вашего там пребывания, и радость, вызванная вашими словами, надо было заслонить перед лицом всего народа и надо было покрыть крикливым триумфом чествование Родзянки, который всегда и всюду добивается поставить народное представительство на несвойственную ему высоту, в положение вершителя судеб России и всего мира. Это представительство всемерно и сознательно выдвигают в противовес и противоположность вашей, богом данной вам, власти.

Ваше величество! На Карпатах льется русская кровь, идут ожесточенные бои и гремят вражеские пушки, а во Львове, в присутствии и. д. генерал-губернатора, военных, гражданских властей и учащихся чествуют председателя одной из законодательных палат в России, говорят ему речи, выслушивают его ответ, и не гимн — наша родная молитва за царя — гремит в этом официальном собрании, а какие-то музыкальные номера исполняются до поздней ночи.

Ваше императорское величество! Эти бестактные выходки и неуместные фигурирования нескромного председателя Думы были бы только смешны, если бы наблюдались они в мирное, обыкновенное время, но, когда они происходят в районе пока военной лишь оккупации, они становятся по своим отголоскам в России опасными и нелепыми.

Прошу прощения у вашего величества за смелость этого письма к вам, но я слишком больно ощущаю все эти неуклонные, хотя и замаскированные старательно, течения в рядах нашей воинствующей интеллигенции и чересчур ясно учитываю их значение и смысл, чтобы не дерзнуть повергнуть это на ваше всемилостивейшее внимание.

Министр внутренних дел Маклаков.

27 апреля 1915 г. Петроград.

4.

Ваше императорское величество.

Долгом своим почитаю доложить вашему императорскому величеству, что ваше повеление я в точности исполнил и вчера же сообщил председателю совета министров о том, что вам благоугодно было освободить меня от моих обязанностей министра.

Докладывая вашему величеству о сем, прошу дозволения вашего еще раз принести вам мою горячую верноподданническую благодарность за все милости ваши ко мне, которые я видел от вашего величества во время моей службы. Да благословит господь удачей ваш новый выбор и да поможет вам найти человека, искренне вам преданного и полезного России.

Министр внутренних дел Маклаков.

4 июня 1915 г.

5.

Ваше императорское величество.

Сегодня вечером мне были переданы деньги, которые вам благоугодно было повелеть выдать мне для устройства моей новой жизни в Петрограде. Простите смелость этого письменного обращения к вам, государь, но вся душа просится принести вам мою глубокую, горячую благодарность.

Эта новая милость вашего величества бесконечно драгоценна мне и отрадна именно теперь, и не только тем, что освобождает меня от многих жизненных трудностей, но особенно тем, что, потеряв счастье общения с вами, я почувствовал в ней всю доброту того, кому я служил так убежденно и радостно, кому принадлежит вся моя жизнь и о ком днями и ночами издалека и безмолвно думаю и тоскую.

Да хранит вас господь, государь. Да дарует он вам силы и бодрость. Да пошлет вам счастье и вашей России и да направит он дальнейшую судьбу ее не по руслу временных и преходящих настроений волнующегося, ненадежного общественного моря, а по вековечной правде нашей славной, простой и единственной в мире истории.

Что бы ни было, душа моя молитвенно будет всегда у престола вашего, государь, и со всей вашей царственной семьей.

Вашего императорского величества верноподданный
гофмейстер Маклаков.

Среда 12 августа 1915 г.
Петроград.

6.[1]

9 февр. 1917 г.

Ваше императорское величество.

Министр внутренних дел[2] вчера вечером передал мне о повелении вашего величества написать проект манифеста о роспуске Государственной Думы.

Дозвольте принести мне вам, государь, мою горячую верноподданническую благодарность за то, что вам угодно было вспомнить обо мне. Быть вам полезным всегда такая радость для меня. Быть вам нужным именно в этом деле поистине великое счастье. Да поможет мне господь найти надлежащие слова для выражения этого, благословляемого мною, взмаха царской воли, который, как удар соборного колокола, заставит перекреститься всю верную Россию и собраться на молитву службы родине со страхом божьим, с верою в нее и с благоговением перед царским призывом.

---

[1] Этому письму Маклакова предшествовало другое, не сохранившееся, в котором он высказывал Николаю свои советы; изложение этого письма, сделанное Маклаковым, см. здесь в примечаниях.

[2] Протопопов.

Мы обсудим внимательно и со всех сторон проект манифеста с Протопоповым, и тогда позвольте мне испросить у вашего величества счастья лично представить его на ваше милостивое благовоззрение.

Но я теперь же дерзаю высказать свое глубокое убеждение в том, что надо, не теряя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти для того, чтобы встретить все временные осложнения, на которые Дума и союзы, несомненно, толкнут часть населения в связи с роспуском Государственной Думы, подготовленным, уверенным в себе, спокойным и не колеблющимся. Это должно быть делом всего совета министров, и министра внутренних дел нельзя оставить одного в единоборстве со всей той Россией, которая сбита с толку. Власть больше чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего.

«Смелым бог владеет», государь. Да благославит господь вашу решимость и да направит он ваши шаги к счастью России и к вашей славе.

Вашего императорского величества верноподданный
Николай Маклаков.

Письма Николая II к Штюрмеру.

1.

Борис Владимирович.

Сегодня на докладе статс-секретаря Харитонова он возобновил просьбу об увольнении от должности вследствие ухудшения своего здоровья. Я выразил согласие и спросил его, кого он может назвать в качестве кандидата на место государственного контролера? Он указал на члена Госуд. Совета Покровского — бывшего товарища министра финансов.

Мне он кажется человеком подходящим, но сперва я желал бы знать ваше мнение.

Николай.

Ц. Село. 22 января 1916 г.

2.

Министр внутренних дел докладывал мне о желательности увольнения иркутского генерал-губернатора Князева и о замене его сенатором Белецким. Если вы согласны — я изъявляю на это свое соизволение.

Довольны ли вы вчерашним днем?

Николай.

10 февраля 1916 г.

3.

Прикажите запретить «Новому Времени» и другим печатным органам резкие и неприличные статьи против личности короля Константина Греческого.

Николай.

15 июля 1916 г. Ц. Село.

4.

Борис Владимирович.

23 октября 1916 г.

Я уезжаю во вторник 25-го, провожу сутки на ставке и еду дальше в Киев, где надеюсь провести дня два у моей матушки. Вернусь в Могилев или 30 или 31 октября, что будет поздно для утверждения вопроса о передаче продовольств. дела в мин-во внутр. дел, в виду открытия заседаний Гос. Совета и Гос. Думы. Поэтому предлагаю вам прибыть ко мне сюда 25-го в 12 час. Суть дела мне хорошо известна; решение могу постановить и без журнала сов. мин.

Николай.

Письма гр. Витте к Николаю II.

1.

На письме резолюция Николая II: «*Можно ответить гр. Витте, что я удовлетворен его письмом и приведенными в нем объяснениями.*

Прошу вернуть мне письмо».

Всемилостивейший государь.

По семейным обстоятельствам я должен был провести несколько недель в Биаррице, в сезон, когда он совсем пуст. Ни с кем я там не имел никакой охоты видеться,[1] а особливо с журналистами, которых избегаю как чумы. Там, в Биаррице я получил от Суворина телеграмму, приглашающую меня ответить на интервью князя Мещерского, помещенное в парижской газете, по поводу одной статьи, напечатанной в берлинской газете. Князь крайне резко отзывается обо мне и заявляет, что ему известны неблагоприятные мнения и намерения вашего императорского величества относительно меня. Он вообще имеет против меня зуб с тех пор как я, по повелению вашему, в 1894 г. объявил ему, что ему более не будет выдаваться субсидия

[1] Надо заметить, что гр. Витте иногда делает орфографические ошибки: так здесь он пишет «видиться», а не «видеться»; как здесь, так и в других случаях, мы эти ошибки исправляем.

в 90 тысяч рублей в год, а равно, что ваше величество не желаете иметь с ним какие-либо сношения. Чувствуя, что против меня ведется интрига, я телеграфировал И. Л. Горемыкину, прося доложить вам, государь, что никаких разговоров с газетчиками я не вел, что ко мне приезжал из Берлина промышленник, агент пароходства «Гамбург-Америка», прося от имени берлинских деятелей высказать мое мнение относительно систематически распространяемых на бирже слухов, что уход В. Н. Коковцова и назначение И. Л. Горемыкина и П. Л. Барка поведет за собою для финансов России самые гибельные последствия. Я его успокоил и разрешил передать мое мнение берлинским финансистам, но никому не разрешал что-либо печатать в газетах. Проездом через Берлин я видел Мендельсона,[1] и он мне передал, что мое мнение значительно успокоило биржу.

Приехавши сюда, я прочел приписываемые мне моими недоброжелателями беседы с газетами. Все это выдумки. Мне приписывают такое интервью, в котором даже не упоминается мое имя.

Смею уверить ваше величество, что я всячески избегаю газетных сообщений и журналистов. Если же мне приходится беседовать с знакомыми, то я всегда выражаю мнения, могущие служить на пользу вашему правительству. Я считал бы бесчестным высказывать что-либо, могущее принести малейший вред моему отечеству и правительству вашего императорского величества, коего до гроба я останусь верноподданнейший и всепреданнейший слуга.

Граф Витте.

17 мая 1914 г.

2.

Ваше императорское величество.

Эти строки дойдут до вас, государь, когда я буду на том свете. Припадаю к стопам вашим с загробным молением. Как бы ни судили современники о настоящем, беспристрастная история внесет в свои скрижали великие дела ваши на пользу богом вверенного вашему величеству народа. В ваше царствование Россия получила прочную денежную систему, в ваше царствование расцвела отечественная промышленность и железнодорожное строительство, в ваше царствование с народа сняты многие тяготы — уничтожены выкупные платежи и круговая порука и проч. и проч. Но что русский народ не забудет, покуда будет жить — это то, что император Николай II призвал народ свой к совместным законодательным трудам.

[1] Известный банкир, при посредстве которого царское правительство заключало займы.

Это ваша бессмертная заслуга перед русским народом и человечеством!

Историки, возвеличивая ваши деяния, упомянут о ваших сотрудниках, в числе коих был Витте, которого, в воздаяние заслуг его перед вами и родиною, вы возвели в графское достоинство. Передайте, всемилостивейший государь, мой графский титул любимейшему внуку моему Льву Кирилловичу Нарышкину: пусть он именуется Нарышкин граф Витте. Я не стану утруждать вас объяснением семейных моих отношений, — я заявляю только, что любил этого внука, как только дед может любить своего внука. За такую милость я буду постоянно молить на том свете всевышнего о вашем и благополучии ваших близких.

Будьте счастливы, государь. Да хранит вас Христос!

Ваш бывший всегда и во все времена верный слуга
граф Витте — ныне ваш богомолец.[1]

Петербург.

Письмо Щегловитова к Николаю II.

Ваше императорское величество.

Возвратившись из высочайше разрешенной мне служебной поездки в Архангельск, я имел объяснения с председателем совета министров, которые побуждают меня всеподданнейше ходатайствовать перед вашим величеством об увольнении меня от должности министра юстиции.

Я мог вынести тяжкое бремя девятилетнего управления судебною частью в трудные годы исключительно благодаря счастью, выпавшему на мою долю, быть докладчиком вашего императорского величества в течение столь продолжительного времени. Непосредственное обращение к вашему величеству было для меня живым источником, питавшим меня одновременно бесконечною радостью и исключительною бодростью духа.

Ныне силы мои мне изменили. Простите мне, государь, все невольные мои ошибки, которые присущи каждому работнику в его работе, но верьте одному, что все девять лет, проведенные мною у кормила власти, были проникнуты одною ревностью содействовать всемерно славе моего обожаемого государя.

В заключение всеподданнейше ходатайствую о последней милости — иметь счастье, по возвращении вашего императорского величества, явиться еще раз к вашему величеству со всеподданнейшим докладом, дабы принести лично мою верноподданническую и глубочайшую благодарность за оказанные мне монар-

[1] Даты нет.

шие милости и представить образ, коим наша северная Соловецкая обитель благословляет ваше величество в переживаемую тяжкую годину.

Вашего императорского величества верноподданный
министр юстиции статс-секретарь Щегловитов.

18 июня 1915 г.

Письмо Саблера к Николаю II.

Ваше императорское величество.

Повергаю к стопам Вашего величества выражение моей верноподданнической благодарности за милостивый рескрипт, которым вашему величеству благоугодно было почтить меня.

Я был счастлив, пользуясь вашим доверием, отдавать все свои силы, все помышления сердечные дорогому для меня делу, вами мне порученному. Желание видеть церковь православную в силе и славе и школу церковную, мудро воспитывающую подрастающие поколения, — вот что наполняло мою жизнь за последние 50 месяцев.[1]

Высокомилостивое отношение вашего величества к моим трудам всегда радовало меня и помогало переносить нелегкую служебную тяготу и злобу думских крикунов.

Желание не только точно исполнять ваши предначертания, но, по возможности, не причинять вам каких-либо забот, побуждало меня просить об увольнении от должности обер-прокурора святейшего синода, и мне особенно ценно, что ваше величество изволили объявить мне в столь милостивых словах вашу волю.

Ваш неизменно верный слуга будет счастлив до конца дней своих отдавать свои силы на служение вашему императорскому величеству, святой церкви и родине.

Владимир Саблер.

3 июля 1915 г.

Письмо Джунковского к Николаю II.

Ваше императорское величество.

С сердечной болью прочел я вчера предъявленный мне управляющим министерством внутренних дел[2] суровый приговор вашего величества.

Тяжел, конечно, самый факт отчисления без прошения от ответственных должностей в такое серьезное время, переживаемое Россией, но еще тяжелее полная неизвестность своей вины, невозможность ничего сказать в свое оправдание, невозможность узнать, какой проступок с моей стороны нарушил внезапно то

[1] Саблер считает этот срок со дня своего назначения обер-прокурором синода — в мае 1911 г.

[2] Кн. Щербатов.

доверие, которым во всю свою долголетнюю службу пользовался со стороны вашего величества, которым я так гордился, которое так облегчало тяжелые минуты, которые мне приходилось переживать по роду своей службы.

Ваше императорское величество сообщили князю Щербатову об отчислении меня от должностей, но с оставлением в свите вашей.

Простите, государь, но позвольте мне с полной присущей мне откровенностью высказать вам, ваше величество — ведь, оставляя меня в свите вашей, вы это делаете исключительно по вашей доброте, вашему величеству не может быть приятным, чтоб человек, к которому вы потеряли доверие, находился бы в рядах вашей свиты, а мне было бы очень тяжело быть в свите с сознанием потерянного доверия. Как я буду себя чувствовать среди товарищей по свите? — Это ведь будет пытка. Не усиливайте же, ваше величество, мои нравственные страдания! За всю мою долголетнюю службу ведь принес же я хоть долю пользы, иначе ваше величество не отличали бы меня так исключительно, особенно последние годы.

Разрешите мне подать в отставку, несмотря на военное время,— прошу вас, ваше величество, поверьте, это будет лучше, будет легче вам и мне. А когда я несколько оправлюсь от пережитого, поправлю свое здоровье, разрешите мне вернуться на службу, но уже в действующую армию, в передовую линию — сделайте мне эту великую милость.

Мне крайне тяжело писать, — простите, если пишу нескладно. Я ухожу и передаю обе свои должности с полным сознанием исполненного долга, моя совесть чиста, так как я смело могу сказать, что никогда не преследовал личных целей, а всегда старался делать все для блага вашего величества и нашей великой родины.

Вот почему особенно тяжела неизвестность своей вины.

Простите, ваше величество, мое откровенное письмо. Верьте, государь, что по оставлении, во исполнение державной воли вашей, настоящей моей службы, ваше величество всегда будете иметь во мне того же верноподданного, каким я был до сих пор.

Вашего императорского величества
верноподданнейший слуга
Владимир Джунковский.

16 августа 1915 г.
Петроград.

Письмо Кривошеина к Николаю II.

При милостивом рескрипте вашего императорского величества получил сейчас орден св. благоверного в. к. Александра Невского. До глубины души взволнован и тронут оказанным мне незаслуженным мною вниманием, и трудно мне в такие минуты

выразить все, что желал бы. Вполне сознаю, что оценка вашего величества моих трудов чрезмерно снисходительна. Ведь, если мне и удалось быть сколько-нибудь полезным вам, государь, и России, то потому только, что во всех моих начинаниях я имел великое счастье пользоваться вашей могучей поддержкой. С нею работать всякому легко, а без нее ни у кого ничего не выйдет. И за эту поддержку и за десять незабвенных для меня лет благосклонности вашей дозвольте принести вашему величеству безграничную мою благодарность, а за все, в чем не сумел оправдать ваших ожиданий, или в чем погрешил невольно, — прошу вас, государь, великодушно забыть и простить.

Статс-секретарь А. Кривошеин.

26 октября 1915 г.

Письмо Горемыкина к Николаю II.

Ваше императорское величество.

Исполняя полученное мною приказание, приемлю долг довести до сведения вашего величества, что должность председателя финансового комитета было бы всего лучше соединить с должностью председателя совета министров, так как финансовая политика не может быть в разногласии с общею политикою правительства. На меня председательство в финансовом комитете было возложено после графа Витте, который занимал эту должность во время председательствования в совете министров Столыпина и графа Коковцова, и я не могу признать это разъединение давшим блистательные результаты. Я считал бы соответственным возложить председательство в финансовом комитете на нового председателя совета министров, независимо от его знания финансовой науки и практики, так как заключение финансового комитета все равно возложено на утверждение совета министров.

При сем приемлю долг выразить вашему величеству мою глубокую всеподданнейшую благодарность за высокую награду, мне данную, и за те высокомилостивые слова, которые ее сопровождают, и всеподданнейше испрашивать, благоугодно ли будет вашему величеству принять меня для принесения моей вечной благодарности.

Вашего императорского величества
верноподданный и верноподданный слуга
И. Горемыкин.

21 января 1916 г.

Письмо Сазонова к Николаю II.

Рауха.[1] 7 июля 1916 г.

Ваше императорское величество.

Я только-что получил всемилостивейшее писание вашего величества.

С чувством глубокой благодарности я принял известие об увольнении меня от должности министра иностранных дел. Уже давно я спрашивал себя, могу ли я, не теряя права признавать за собою то качество, которое вашему величеству благоугодно было оценить во мне, а именно откровенность, или, что то же, политическую честность, принимать участие в работах совета министров, при несогласии моем по весьма существенным вопросам со мнением большинства его членов. Решение вашего величества кладет конец моим колебаниям, исключительно вызванным — я говорю это по чистой совести — необычайною серьезностью переживаемых Россиею исторических событий.

Покидая министерство, я уношу с собою дорогое мне воспоминание об оказанном мне вашим величеством в ответственные минуты монаршем доверии.

Не отвергните, государь, моих горячих пожеланий вам долго и славно царствовать, а России — правильного развития своей внутренней мощи и подобающего ее величию международного положения.

С благоговейной преданностью имею счастье быть

вашего императорского величества верноподданнейший

Сергей Сазонов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Письма Николая II к Маклакову.

1. Это письмо Николая представляет, как видно из текста, ответ на письмо к нему Маклакова от 14 октября 1913 г. (напечатано под №1). 2-я сессия IV Гос. Думы, которой касаются оба эти письма, началась 15 октября и была прервана 7 декабря 1913 г. Маклаков, при открытии Думы, не выступал с изложением тех своих «мыслей», о которых здесь пишет Николай: очевидно, выступление Маклакова было отменено по тем соображениям, которые изложены им во 2-м печатаемом здесь письме к Николаю, от 22 октября 1913 г.

2. Покушение на Распутина, которого касается это письмо, было совершено 29 июня 1914 г. в селе Покровском, Тобольской губ. (на родине Распутина), одной из «поклонниц» известного Илиодора, Хионией Гусевой.

---

[1] Пансион в Финляндии.

3. Николай, как видно из письма, отклонил на этот раз просьбу Маклакова об отставке; однако, немного спустя, 5 июня 1915 г., Маклаков был уволен от должности министра внутренних дел, вследствие боязни, что дальнейшее пребывание его в этой должности встретит резкие нападки со стороны Гос. Думы, созыв которой состоялся 19 июля 1915 г.

Письма Маклакова к Николаю II.

1—2. Касаются думской сессии 15 октября — 7 декабря 1913 г.

3. Вырезка из «Нового Времени», которую представлял при этом письме Николаю Маклаков, касается, очевидно, выступлений председателя Гос. Думы Родзянко в занятом русскими войсками Львове.

5. «Для устройства новой жизни» Маклакову было отпущено Николаем 20 тысяч рублей.

6. Приводим здесь, сделанное самим Маклаковым, изложение его письма, посланного Николаю в декабре 1916 г.

«Я просил, — пишет Маклаков, — его величество извинить меня за причиняемое письмом моим беспокойство, но высказывал ту мысль, что сложность и небывалая острота минуты обязывает всякого верноподданного высказать своему государю всю правду положения. Я счел своим долгом, потому, сказать то, что я вижу и то, что предчувствую. Я указал, что направление занятий Государственной Думы и характер произносимых там с самого начала ноября месяца речей в конец расшатывают остатки уважения к правительственной власти и не могут не отозваться пагубно на настроении армии, читающей подробные отчеты газет о заседаниях Думы. Различные общественные организации, учреждения и группы повсеместно и открыто присоединяются к решительным постановлениям Думы. Заседания Государственного Совета, объединенного дворянства, знаменательно тревожны. Наконец, обращает на себя особое внимание открытая в Москве подписка на образование фонда для стипендии имени кн. Ф. Ф. Юсупова.[1] Все это свидетельствует о том, что волна недовольства резко подымается и широко разливается по России, а продовольственные неурядицы, очень волнующие жизнь городов и деревни, подготовляют для общего недовольства исключительно благоприятную почву, которою не преминут воспользоваться враги существующего строя. Здесь, в столице, уже начался штурм власти, и, несомненно, признаки анархии уже показались. Они угрожают всему строю нашему, угрожают и самой династии. А без монархии, которой наша родина на протяжении долгих веков неизменно росла, крепла, ширилась и венчалась, Россия останется как купол без креста. Наступили, я в этом убежден глубоко, решающие дни. Трудно остановить близкую беду, но, думается мне, еще возможно. Для этого надо верить в себя, в непреклонную законность своих прав. Надо перестать правительству расслаблять себя внутренними раздорами и борьбой в своем собственном центре, тогда, когда все кругом шатается. Оно должно быть однородно и единодушно, оно должно знать, куда оно идет, и итти неуклонно, спокойно и решительно восста-

[1] Убийцы Распутина.

навливая развивающийся порядок. Для успеха этого дела, мне кажется, необходимо было бы отложить возобновление занятий Думы, при настоящих условиях, на более отдаленный срок; необходимо было бы тем временем направить все силы власти везде по России на всяческое и быстрое упорядочение продовольственного дела, как на основную задачу данной минуты; было бы необходимо остановить и ввести в рамки закона деятельность общественных учреждений, все смелее и ярче выступающих в открытое море чистой, широкой политики; необходимо было бы так или иначе оказать действительное влияние на деятельность тех общественных организаций, которые, составляя живую связь между тылом и фронтом и работая в области, вызывающей, по самому существу своих задач, общее сочувствие, планомерно преследуют в то же время ярко проявленные цели борьбы с властью и бесспорно обозначающиеся и уже едва скрываемые намерения изменения государственного строя.

«Вот и все письмо, — прибавлял к передаче его текста Маклаков. — Думаю, что передаю его содержание очень близко к подлиннику, хотя не поручусь за полную тождественность, так как после этого я писал еще письмо и проект манифеста, и в памяти не осталось отчетливых следов всех этих документов в их подробностях. Кончил я письмо извинением за смелость моего обращения и надеждой на то, что оправдает меня серьезность положения, которое замалчивать перед государем не позволяет мне моя преданность ему.

(Письмо это изложено Маклаковым в его письменных показаниях в следств. комиссии Временного правительства.)

Письма Николая II к Штюрмеру.

1. Н. Н. Покровский был назначен государственным контролером 25 января 1916 г. и пробыл в этой должности до 30 ноября, когда был, после отставки Штюрмера, назначен министром иностранных дел.

2. Товарищ министра внутр. дел Белецкий был назначен иркутским генерал-губернатором 13 февраля 1916 г., — но уже 15 марта от этой должности он был уволен.

3. Об отношении Романовых к королю Греции Константину см. здесь, стр. 40 — 45; относительно нападок на Грецию печати см. письмо принца греческого Николая — стр. 50.

4. Вопрос о передаче продовольственного дела в министерство внутренних дел рассмотрен здесь в примечаниях к докладам Штюрмера.

Письмо гр. Витте к Николаю II.

Письмо гр. Витте от 17 мая 1914 г. касается появившейся в газете «Vossische Zeitung» статьи, в которой приводилось содержание беседы с Витте. Последний, — как видно из этого письма к Николаю, — опровергает тот факт, что он подобную беседу вел с сотрудником газеты, не отрицая, однако, что у него был разговор (видимо, и послуживший для газетной статьи) с каким-то промышленником, который от имени «берлинских деятелей» запрашивал мнение Витте о некоторых интересовавших Берлинскую биржу слухах.

В газете «Vossische Zeitung»,—как можно судить по сообщению «Гражданина» кн. Мещерского,— было высказано от имени гр. Витте суждение, что если бы Коковцов (только-что уволенный от должности председателя совета министров и министра финансов) остался еще некоторое время у власти, то «финансовый крах России стал бы неизбежен». В этой же статье от имени Витте было высказано, что «внутренняя политика в России вызывает недовольство в стране» («Гражданин», № от 4 мая 1914 г.).

Как указывалось тогда в сообщении берлинского корреспондента газеты «Русское Слово», «заявления гр. Витте произвели огромное впечатление в здешних политических и биржевых кругах; биржа реагировала на них усиленными продажами русских бумаг». («Русское Слово» № 98 от 29 апреля 1916 г.)

Весь этот эпизод послужил лишним поводом для травли Витте, которая особенно настойчиво велась в «Гражданине» кн. Мещерского.

Письма Щегловитова, Саблера, Джунковского, Кривошеина, Горемыкина и Сазонова — Николаю II.

Все эти письма связаны тем, что были писаны этими министрами (Джунковский — товарищ министра внутренних) дел после того, как эти лица изгонялись со своих постов: министрам, получавшим отставку, не оставалось ничего другого, как приносить за это «благодарность» Николаю.

Причины отставки были различные: министр юстиции Щегловитов (уволен 6 июля 1915 г.) и обер-прокурор синода Саблер (уволен 5 июля 1915 г.) были отставлены в связи с необходимостью, в виду предстоявшего созыва Гос. Думы, несколько «почистить» состав «кабинета министров» путем удаления наиболее одиозных «общественности» лиц.

Товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов Джунковский был уволен (15 августа 1915 г.) вследствие того, что он осмелился сделать Николаю доклад относительно различных похождений Распутина; последний, совместно с А. Ф. Романовой, и настоял на увольнении Джунковского.

Главноуправляющий земледелием и землеустройством Кривошеин (уволен 26 октября 1915 г.) и министр иностранных дел Сазонов (уволен 7 июля 1916 г.) были устранены по настояниям Распутина и А. Ф. Романовой: в своих письмах к Николаю последняя вела энергичную против них, особенно против Сазонова, кампанию.

Что касается Горемыкина, то он был уволен (20 января 1916 г.), когда перестал соответствовать интересам распутинской группы, выдвинувшей на его пост Штюрмера.

ДОКЛАДЫ ШТЮРМЕРА НИКОЛАЮ II.

Штюрмер был председателем совета министров в последний предреволюционный год — с 20 января 1916 г. по 11 ноября того же года. Однако, вся правительственная политика за это время ни в какой степени не может быть связана с той или иной инициативой, с тем или иным воздействием самого Штюрмера: если он стал «премьером», то только потому, что через этого «правого» и «пацифистски» настроенного человека Распутин и А. Ф. Романова рассчитывали твердо держать в своих руках внутреннюю и внешнюю политику. По выражению самого Распутина, Штюрмер «должен был ходить на веревочке (которую держал Распутин), а если это не так будет — шея будет сломана».[1]

Штюрмер, как выясняется теперь, помимо председательствования в совете министров, состоял еще «диктатором». Это назначение, остававшееся неопубликованным, состоялось 1 июля. Помимо этого Штюрмер через несколько дней после этого был назначен, вместо Сазонова, также и министром иностранных дел (указ об этом назначении состоялся 7 июля 1916 г.).[2]

В это время в правительственном кругу назрел ряд мероприятий, которые предполагалось осуществить после роспуска Гос. Думы (она была распущена 20 июня).

К этому же времени приурочивалось учреждение военной диктатуры, согласно плану, возникшему в ставке у ген. Алексеева.[3] Благодаря, главным образом, вмешательству Родзянки, сделавшего

---

[1] См. «Падение царского режима», т. II, стр. 54, показания Манасевича-Мануйлова (близкого и к Штюрмеру и к Распутину).

[2] С 3 марта по 7 июля 1916 г. Штюрмер был также и министром внутренних дел.

[3] Об этом см. далее «План военной диктатуры», стр. 255 — 266.

по этому поводу доклад Николаю,[1] военная диктатура введена не была. Но отзвуком этой мысли было состоявшееся 1 июля, по указанию Николая, и им утвержденное, постановление совета министров «о возложении на председателя совета министров объединения мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла». Это и было именно то, что неофициально называлось «диктатурой».

Однако с назначением министром внутренних дел Протопопова (16 сентября) руководящая роль в правительстве, — поскольку оно вообще чем-либо руководило, — перешла, несомненно, от Штюрмера к вновь назначенному министру.

Протопопов стал в самые тесные сношения с центром власти — Распутиным и А. Ф. Романовой, значительно превзойдя раболепством перед ними Штюрмера.

На первом своем представлении, после назначения министром, Николаю (27 сентября) Протопопов получил от него ряд указаний, которые, по существу, касались компетенции председателя совета министров и «диктатора».

Николай не своей головой придумал, какие дать указания новому министру: Распутин сообщил А. Ф. Романовой, о чем именно, прежде всего, должен переговорить царь с Протопоповым, а последняя, записав все это, передала Николаю, так что последнему оставалось только прочесть эти директивы по бумажке, — да и это было пустой формальностью, потому что Протопопов обо всем этом был, конечно, осведомлен Распутиным.

Вот что писала А. Ф. Романова Николаю (27 сентября 1916 г.) относительно того, что он должен сообщить Протопопову:

«Держи перед собой, мой маленький, список — наш Друг[2] просил, чтобы ты обо всем этом переговорил с Протопоповым, и будет очень хорошо, если ты упомянешь о нашем Друге, чтобы он Его слушался и верил Его советам; дай ему почувствовать, что ты не брезгаешь Его именем. Я говорила о Нем очень спокойно. — Он[3] был у него,[4] когда он был очень болен, несколько лет тому назад. Бадмаев его позвал.

---

[1] Берем это указание из «особого журнала совета министров» от 1 июля 1916 г. (копия его, а также печатный экземпляр сохранились в бумагах Штюрмера).

[2] Распутин.

[3] Т.-е. Распутин.

[4] Т.-е. у Протопопова.

Скажи ему, чтобы он остерегался Андроникова и его визитов, и чтобы держал его подальше.

Прости меня, что я тебе надоедаю, душка, но я всегда боюсь, ты так страшно занят, что можешь что-нибудь забыть и потому я являюсь как бы твоей живой записной книжкой.

Переговори с Протопоповым насчет:

1. Сух(омлинов) — приказать найти способ освободить его.
2. Рубинштейн — выслать.
3. Градоначальник.
4. Увеличить жалование чиновникам, как милость для них от тебя, а не от министров.
5. Насчет продовольствия строго ему сказать, что все должно быть сделано, чтобы привести его в порядок, ты так приказываешь.
6. Скажи ему, чтобы он слушался советов нашего Друга, это даст ему Божье благословение и поможет его и твоей работе — пожалуйста, скажи это, дай ему увидеть твое доверие к Нему[1] — он знает его уже несколько лет. Держи эту бумажку перед собой».[2]

Николай, несомненно, все это и передал Протопопову.

Таким образом, роль русского царя упростилась до чрезвычайности и, вероятно, стала под силу даже слабому уму Николая. Его обязанность была простая: передавать, прочтя по бумажке, приказания, полученные от власти законодательной (Распутин) к власти исполнительной (министры). А. Ф. Романова была промежуточной передаточной инстанцией, непосредственно сносившейся с Распутиным, чего не мог часто делать сам Николай, так как большую часть времени находился в ставке.

Однако, Штюрмер был все-таки несколько затронут тем, что его функции остаются при нем только формально, а фактически на его роль призывается Протопопов. Об этом Штюрмер осмелился крайне осторожно намекнуть Николаю. В сводке своего доклада последнему (от 9 октября) Штюрмер относительно указанных выше распоряжений, данных Протопопову, делает следующую запись:

---

[1] К Распутину.

[2] «Письма А. Ф.», т. II. стр. 205.

«Доложено сообщение министра внутренних дел о полученных им, при всеподданнейшем докладе 27 сентября 1916 г., высочайших указаниях о разрешении целого ряда вопросов государственного значения. Мною был поставлен вопрос о том, как понимать эти указания: в смысле ли высочайшей воли, подлежащей немедленному исполнению, или в качестве личных мыслей его величества по отдельным вопросам.

«Его величество, — записывает далее Штюрмер, — изволил указать, что по всем упомянутым выше вопросам он только сообщал новому министру ход своих мыслей, а воплощение их в жизнь должно итти обычным путем». [1]

Из сказанного ранее видно, насколько это были «свои» мысли Николая: первоначальный «ход» их показан выше; но теперь «мысли», как видно, испытали еще новый переход — от Протопопова к Штюрмеру, и затем от него опять к Николаю. Распутин, через некоторое время, велев отстранить Штюрмера, уничтожил эту ненормальность.

Впрочем, и сам Николай также чувствовал, что такой сложный путь сношений с законодательной властью (Распутиным) неудобен. Поэтому он прямо приказал Протопопову (при первом же его докладе) обратиться к первоисточнику власти. А. Ф., приветствуя это, писала своему мужу:

«Я рада, что ты сказал (Протопопову), чтобы он поговорил с Г. (Григорием Распутиным) и Б.» (вероятно, Бадмаевым).

Такой способ, действительно, крайне сокращал методы управления: министр внутренних дел, без всяких посредников, получает прямо указания от руководящего центра — Распутина и Бадмаева.

В таких чертах рисуется система «организации власти» во время пребывания во главе правительства Штюрмера. Роль его была вполне второстепенная, и естественно потому, что через его руки проходили далеко не все важнейшие вопросы: многие из них решались помимо Штюрмера, путем непосредственной передачи директив Распутина А. Ф. Романовой, а через нее Николаю.

Печатаемые здесь документы, выясняющие сношения Штюрмера с Николаем II, разделяются на две группы: в первую входят письменные доклады Штюрмера Николаю, сохранившиеся

---

[1] См. ниже, стр. 156.

в бумагах последнего и частично пополняемые копиями, отобранными у него после революции, ко второй группе относятся «сводки», т.-е. краткие записи содержания тех личных докладов, которые Штюрмер делал царю; записи эти Штюрмер производил, очевидно, сразу же после доклада.[1]

Большая часть печатаемых здесь письменных докладов связана с борьбой правительства против Государственной Думы. За время «премьерства» Штюрмера было две думских сессии: одна — начавшаяся 9 февраля 1916 г. и закончившаяся 20 июня,[2] вторая — открывшаяся 1 ноября и прерванная уже после отставки Штюрмера, 16 декабря.

Правящая клика всегда, как известно, чрезвычайно боялась созывать Думу и старалась всеми мерами отсрочить этот неприятный момент; но так как эти отсрочки нельзя было делать до бесконечности и от времени до времени Думу все-таки приходилось созывать, то правительство старалось к этому моменту придумать какой-либо ловкий маневр, который смягчал бы настроение думской оппозиции. Одним из наиболее характерных в этом отношении приемов был прием, употребленный при открытии сессии 9 февраля. Чтобы парализовать остроту встречи Думы с вновь назначенным Штюрмером, Распутин велел тогда Николаю II лично явиться в Думу в день ее открытия. Это и было Николаем исполнено, что привело в совершенный восторг депутатов «прогрессивного блока». Родзянко, в ответ на сказанные Николаем несколько трафаретных слов, возглашал о том, что «свершилось великое историческое событие — государь впервые посетил Думу.....» и т. д.[3]

Этого «великого события» и касается первый из печатаемых здесь докладов Штюрмера: в ответ на запрос Николая, он сообщает, что не только Дума, но «все общество и вся печать с исключительным единодушием признали день 9 февраля днем огромного внутреннего значения, днем историческим». Придуманный Распутиным маневр, действительно, достиг своей цели: речи «наиболее несдержанных ораторов Государственной Думы, — как отмечает Штюрмер (и как это было в действительности), — были заметно смягчены».

---

[1] Как письменные доклады, так и «сводки» сохранились, очевидно, не все.

[2] Был перерыв с 4 апреля по 9 мая.

[3] См. Стенографический Отчет Гос. Думы 1916 г., заседание 9 февраля.

Из числа всех заседаний Гос. Думы этой сессии наибольшее внимание власти, не без основания, привлекло одно — 7 марта 1916 г., когда, в связи с предъявленным социал-демократической партией [1] «вопросом», обсуждались события, имевшие место на Путиловском заводе. Происходившая там длительная стачка (послужившая поводом для указанного «вопроса») являлась, действительно, грозным голосом рабочего класса, и правительство очень боялось, чтобы это дело, разбиравшееся в закрытом думском заседании, не получило широкой огласки в печати. В связи с этим, Штюрмер просил военного министра Поливанова не касаться рассмотрения этого дела в состоявшем под его председательством «совещании по государственной обороне». Между тем Поливанов не только не исполнил этой просьбы, но разрешил опубликование в печати отчетов о закрытом думском заседании.

«Таким образом, — пишет Штюрмер от 14 марта, в своем докладе по этому поводу Николаю, — настоящее дело получило самую широкую огласку, что, при существующей общей политической обстановке и наблюдаемом в рабочей среде весьма серьезном брожении, не может не быть признано чрезвычайно опасным».

Но этот доклад Штюрмера, являющийся, по существу, доносом на военного министра Поливанова, оказался несколько запоздавшим. Против Поливанова давно уже велась кампания Распутиным и А. Ф. Романовой,[2] и, очевидно, в связи с отмеченными событиями, последняя, в письме к Николаю от 12 марта 1916 г., взывала: «Обещай мне, что ты сразу сменишь министра военного ради самого себя, твоего сына и России».[3] Требование это было исполнено, и на запоздалом доносе Штюрмера Николаю оставалось только написать: «Генерал Поливанов уже уволен».[4]

Дальнейшие доклады Штюрмера связаны с вопросом о роспуске происходившей тогда думской сессии. Вопрос об этом Штюрмер возбуждает уже в докладе от 1 июня, при чем, следуя приему, введенному еще Маклаковым, просит у Николая выдать ему «бланковые указы», имея которые, сам Штюрмер, уже помимо Николая, мог бы в любой момент распустить Думу, а также назначить и срок возобновления ее занятий — «в зависимости от обстоятельств».

---

[1] Т.-е. собственно остававшимися меньшевиками, так как думская большевистская «пятерка» уже давно была из Думы «изъята».

[2] Это видно из «Переписки Н. и А. Романовых», том III.

[3] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 42.

[4] Указ об его отставке состоялся 15 марта 1916 г.

В докладе от 7 июня 1916 г. Штюрмер подкрепляет различными соображениями необходимость скорейшего роспуска Думы: он указывает на подозрительные планы «прогрессивного блока», обращая, в частности, особое внимание на рассматриваемый Думой законопроект о «правах крестьян». Дума, по словам Штюрмера, внесла в свои суждения по этому вопросу «едва ли допустимую страстность, временами переходящую в резкие призывы крестьянских масс против дворянства, как высшего в государстве сословия».

Даже Государственный Совет представляется Штюрмеру ненадежным, так как стремления «прогрессивного блока» находят себе поддержку среди многих его членов, в том числе и среди членов по назначению; при этом, в качестве «особенно непримиримого» сторонника «блока» выставляется граф Коковцов, которому, на положении отставного сановника, теперь действительно пристало играть в «оппозицию».

Интересно отметить, что все свои соображения о вредности дальнейшего продолжения сессии Штюрмер изложил Родзянко, при чем тот «не опровергал справедливости доводов» председателя совета министров и поспешил сообщить ему, что все необходимые законопроекты «могут быть закончены рассмотрением в течение одной недели».[1] Такая поспешность Родзянко, конечно, вполне понятна: выдвинутый Штюрмером мотив опасности продолжения занятий Думы — «наклонность ее к намеренному подчеркиванию розни между интересами дворянства и крестьянства», способная «породить весьма тяжелые последствия» — естественно, затрагивал классовое чувство думских помещиков и они, во главе с Родзянко, поспешили пойти навстречу правительству, несмотря даже на некоторое свое сочувствие к «прогрессивному блоку».[2]

---

[1] Доклады от 7 и от 12 июня 1916 г. (здесь, стр. 125).

[2] Этот поступок Родзянко вызвал, впрочем, недовольство даже со стороны некоторых его товарищей по «блоку», объединявшему представителей разных социальных групп. Об этом недовольстве мы узнаем из письма А. Ф. Романовой к Николаю от 23 июня:

«Он (пишет А. Ф. про Штюрмера) становится гораздо более энергичным теперь и чувствует, что с его плеч спало тяжелое бремя теперь, после перерыва занятий Думы. О чем говорил этот ненавистный Родзянко? Есть много шансов, что он не будет переизбран, так как его партия в бешенстве, что он поступил неуклюже и просил тебя закрыть Думу, так как они устали» (подчеркнуто нами. *В. С.*). («Письма А. Ф.», т. II. стр. 129.)

Впрочем, решающую роль в этом роспуске Думы играли не Штюрмер и не Родзянко, а, как всегда, Распутин. 9 июня он, через Вырубову, сообщил А. Ф. Романовой свою просьбу: «сказать им (членам Думы), чтобы они поскорее кончали и отправлялись к себе в деревню и наблюдали за полевыми работами...» [1]

Еще большую тревогу правящей клики вызывала последняя думская сессия, созыв которой был назначен на 1 ноября 1916 г. Открытию этой сессии предшествовал ряд шагов Штюрмера, намечавших различные стеснения работы Думы, и даже совершенное ее закрытие. Так, еще 9 октября Штюрмер докладывал Николаю, что предстоящая сессия «обещает быть весьма неспокойной», и что для борьбы с «необузданностью речей» правительство располагает только одним средством — «требовать слушания дел при закрытых дверях», — что исключает возможность появления в печати отчетов о думских заседаниях. «В случае невозможности, — докладывал Штюрмер, — этим путем удержать противоправительственные демонстрации в Государственной Думе, останется прибегнуть к ее закрытию». [2]

В докладе Николаю, написанном 31 октября, т.-е. накануне открытия Думы, Штюрмер с тревогой указывает, что этой сессии суждено, «повидимому, быть свидетельницей не только резких выпадов против отдельных представителей власти, но также и открытого выступления против всего существующего порядка образования правительственной власти». Как видно из доклада Штюрмера, он уже заранее был осведомлен не только об общем характере думских настроений, но даже и о содержании того заявления, которое было тогда решено огласить от имени «прогрессивного» блока. Секретным «осведомителем» правительства (и, в частности, департамента полиции) обо всех думских делах был не кто иной, как член Думы и того же «прогрессивного блока», камергер Крупенский, получавший за это соответствующую мзду под предлогом содержания им какой-то думской «лавочки». [3]

В связи с полученной таким путем информацией, Штюрмер в этом же докладе, еще до открытия Думы, опять испрашивает у Николая упоминавшиеся уже «бланковые указы» относи-

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 113.

[2] См. ниже, стр. 161.

[3] 2-й допрос в Следств. комиссии Врем. правительства А. Н. Хвостова, а также письменные показания там же Белецкого.

тельно совершенного роспуска этой Думы и назначения новых выборов. Это было необходимо, правда, на тот случай, если «все прочие способы к устранению ожидающихся думских противоправительственных выступлений окажутся совершенно исчерпанными и не достигающими цели».

Из доклада от 3 ноября 1916 г. видно, что такие «бланковые указы», действительно, были получены Штюрмером 2 ноября; впрочем, Николай, со своей стороны, указал (в резолюции на докладе от 31 октября): «Надеюсь, что только крайность заставит прибегнуть к роспуску Гос. Думы».

В своем докладе о результатах первых трех думских заседаний (доклад от 3 ноября) Штюрмер, указывая на то, что занятия Думы «протекают исключительно в обсуждении необходимости добиться отстранения ныне существующего правительства, неспособного и злонамеренного», вместе с тем справедливо отмечает, что Дума особенно резко нападает именно на него, на Штюрмера. Обвинения против него были тогда сконцентрированы в известной речи Милюкова (1 ноября) об «измене».

Вскоре после этого, 11 ноября, Штюрмер был уволен.

В других докладах Штюрмера и в сделанных им «сводках» (сохранившихся неполностью) найдется еще ряд более или менее ценных фактических указаний для характеристики правительственной политики 1916 г. Часть из возникающих при этом вопросов рассмотрена нами, в связи с другими документами, в особых статьях, — более мелких вопросов касаются, напечатанные после текста докладов, примечания.

Письменные доклады Штюрмера Николаю II.

1.[1]

Запиской, мною 10 февраля полученной, вашим императорским величеством предоставлено мне право высказаться о событии 9 февраля.[2]

Замедлил своим по сему представлением, почитая необходимым выразить не только пережитое счастье первых впечатлений,

[1] Во всех тех случаях, где нет на это особых указаний, доклады печатаются с подлинников, представлявшихся Николаю. Этот первый доклад печатается по копии, сохранившейся в бумагах Штюрмера.

[2] Записку Николая об этом см. здесь, стр. 98.

но и наблюдения над тем, при каких настроениях протекают первые дни работы законодательных учреждений.

Не говоря уже о сих последних, все общество и вся печать с исключительным единодушием признали день 9 февраля днем огромного внутреннего значения, днем историческим.

Под непосредственным влиянием этого дня речи наиболее несдержанных ораторов Государственной Думы были заметно смягчены в тех своих частях, которые, по заранее намеченному плану, должны были способствовать возбуждению общества и печати.

Трехдневные общие прения по вопросу об обращении правительства, на которые со стороны руководителей левых думских групп возлагались особые надежды, протекли без всякого подъема, и прения закончились простым переходом Государственной Думы к очередным делам, без внесения на обсуждение Думы какой-либо формулы.

Речи излюбленных критиков правительственной работы не зажигали сердца, и не чувствовалось тех электрических искр, на искусственное образование которых обычно направлены особливые усилия деятелей левых партий.

Достойно внимания, что среди крайних левых членов Думы, в связи с событием 9 февраля, наметился раскол. Он выразился в том, что против резких заявлений пресловутого Чхеидзе выступили с возражениями его же сотоварищи по фракции.

Со вторника Государственная Дума приступает уже к суждениям о государственной росписи, т.-е. к осуществлению главнейшей своей задачи.

Все это дает мне возможность представить, что те пары, которые в течение ряда месяцев бережно накапливались водителями оппозиции, в значительной мере уже выпущены, и, как показывают все наблюдения, без тех последствий, на которые были рассчитаны.

2.

Вашему императорскому величеству приемлю долгом представить имена трех лиц, которых опыт в административной и общественной службе мог бы быть применен к руководительству министерством внутренних дел.

1. Член Государственного Совета, сенатор, князь Николай Д. Голицын, служил губернатором в Архангельске, Калуге и долго в Твери. Присутствовал тридцать лет в I департаменте правительствующего сената;

2. Член Государственного Совета, сенатор, граф Алексей Ал. Бобринский, пять трехлетий состоял петроградским губернским предводителем дворянства и долгое время председательствовал в петроградской городской Думе;

и 3. В должности егермейстера П. П. Стремоухов, бывший губернатор в Сувалках, Саратове и Костроме, ныне варшавский губернатор.

Председатель совета министров Борис Штюрмер.

1 марта 1916.

Примечание. На обороте этого доклада Николаем II сделана карандашом следующая заметка:

«Танееву — о назначении Б. В. Штюрмера и министр(ом) внутр. дел.

Поливанову — повеление о милитаризации Путиловского зав. и других работающих на оборону».

3.

На подлиннике Николаем II написано: «*Генерал Поливанов уже уволен*».

Долгом поставляю всеподданнейше представить вашему императорскому величеству памятную записку о суждениях, последовавших в особом совещании по обороне в связи с принятою Государственною Думою формулою перехода к очередным делам по делу о приостановлении работ на Путиловском заводе.

Председатель совета министров Борис Штюрмер.

14 марта 1916.

Приложение.[1]

Членами Государственной Думы, принадлежащими к социал-демократической партии, предъявлен был, в порядке статьи 40 Учреждения Государственной Думы, вопрос о приостановлении работ на Путиловском заводе. По особой секретности этого дела таковое рассматривалось Государственною Думою, 7 марта 1916 г., в закрытом заседании, при чем принят был переход к очередным делам, внесенный от имени прогрессивного блока, сущность коего сводится к признанию своевременности и необходимости ряда крупных мероприятий социального характера.

В виду чрезвычайной важности вопросов, затронутых в принятой Думою формуле перехода к очередным делам, председатель совета министров своевременно обратился к военному министру с просьбою не касаться настоящего дела в состоящем под его

[1] Это — «памятная записка», которая была представлена при вышенапечатанном докладе Штюрмера.

председательством совещании по государственной обороне ранее, нежели совет министров выскажется по существу данного вопроса. Тем не менее, вопреки просьбе гофмейстера Штюрмера, дело это уже 9 марта было подвергнуто рассмотрению в особом совещании, при чем лично председательствовавший в заседании генерал-от-инфантерии Поливанов предоставил членам совещания свободу обменяться мнениями по изъясненному предмету, огласив, вместе с тем, имевшие место между ним и председателем совета министров переговоры, что, в свою очередь, послужило для некоторых представителей оппозиционных течений в Государственной Думе, входящих в состав особого совещания, поводом перейти к обсуждению общего вопроса о праве председателя совета министров в какой-либо мере вторгаться в круг деятельности особого совещания. Таковая критика действий совета министров раздавалась не в каком-либо частном помещении или в зале общественного учреждения, а в Мариинском дворце, в зале самого совета министров, в котором происходят заседания особого совещания, при чем прениями руководил один из министров—военный. Осуждение действий правительства велось в самой резкой форме речей, совершенно недопустимых. По обмене мнений, большинство особого совещания пришло к заключению о необходимости создания при особом совещании органа для рассмотрения вопросов, связанных с применением права председателя совещания регулировать размер заработной платы. О таковом решении особого совещания генерал-от-инфантерии Поливанов поставил в известность гофмейстера Штюрмера. Засим, 13 марта, во всех органах повременной печати, с надлежащего разрешения военного министра, последовало опубликование, с небольшими лишь исключениями, происходивших в закрытом заседании Государственной Думы 7 марта 1916 г. прений и принятой формулы перехода к очередным делам. [1]

Таким образом, настоящее дело получило самую широкую огласку, что, при существующей общей политической обстановке и наблюдаемом в рабочей среде весьма серьезном брожении, не может не быть признано чрезвычайно опасным. В силу этих последних соображений, совет министров до последнего времени всемерно предупреждал появление в печати каких-либо сведений о забастовочном движении, полагая, что распространение таковых сведений способно не только возбуждать и без того взволнованное общественное мнение, но также может дать нежелательные сведения нашим противникам. Что же касается до принятого в особом совещании по обороне постановления, то таковое является попыткою подойти к осуществлению задачи, которая не получила еще разрешения ни в одной стране, а именно к введению государственной нормировки заработной платы. Указанное новшество

[1] *Примечание Штюрмера:* Вырезки из газеты «Речь», заключающие в себе изложение происходивших в Государственной Думе по делу о прекращении работ на Путиловском заводе суждений, при сем прилагаются.

коренным образом изменяет весь существующий уклад взаимоотношений работодателей и рабочих, основанный ныне на миролюбивом соглашении сторон, и неизбежно приведет к самым грозным последствиям, так как рабочие, в надежде на благоприятное для их интересов вмешательство государственной власти, тем самым наталкиваются на дальнейшие забастовки, при чем пример предприятий, работающих на оборону, подаст соблазн для вступления на тот же путь рабочим и всех прочих предприятий. Затем в дальнейшем не будет никакой уверенности, что заработная плата, установленная государственною властью и обязательная для предпринимателей, по своему размеру удовлетворит рабочих и что они не предъявят новых домогательств в видах ее увеличения. В этом последнем случае претензии рабочих будут обращены уже не к промышленникам, а к самой правительственной власти, которая взяла на себя регулирование вопроса о заработке.

Указанная деятельность особого совещания по обороне, руководимого его председателем — военным министром, идет в области общеполитических мероприятий в резком несоответствии с видами и намерениями объединенного правительства.

4.

На подлиннике Николаем II написано: «*С — ъ*».[1]

Долгом поставляю всеподданнейше представить к высочайшему вашего императорского величества подписанию проекты двух указов правительствующему сенату о перерыве занятий Государственного Совета и Государственной Думы, испрашивая полномочия вашего величества проставить как сроки таковых перерывов, так и сроки предстоящего возобновления занятий Совета и Думы, впоследствии, в зависимости от обстоятельств, а равно датировать самые указы одним из дней накануне их обнародования.

Председатель совета министров Б. Штюрмер.

1 июня 1916 г.

---

[1] С — ъ — означает «согласен». Штюрмером, как обычно в таких случаях делалось, после резолюции Николая II помечено: «Собственной его императорского величества рукой начертано «С — ъ» (Согласен). В царской Ставке, 2 июня 1916 г. Председатель совета министров Борис Штюрмер». В дальнейшем тексте мы этих пометок не указываем, приводя только дату резолюции.

5.

На подлиннике Николаем II написано: «*Роспуск законодательных учреждений может состояться 20—22-го июня, но не позже*».[1]

Государственная Дума, возобновившая свои занятия 16 мая, за первые 21 день дала всего 4 заседания, при участии в каждом от 150 до 200 членов из общего их числа в 414 человек. Начиная с 7 июня Государственная Дума имеет в виду устраивать от 4 до 5 заседаний в неделю. Для сего на руководителей отдельных фракций возложена обязанность всеми мерами удерживать своих сочленов в Петрограде.

Задача так называемого «прогрессивного блока», опирающегося на большинство Думы, сводится к проведению теперь же, в летнюю сессию, главнейших законопроектов прогрессивной программы, а именно: законопроекта об отмене всех правовых ограничений для крестьян, проекта земской реформы, проекта изменений городового положения, проекта нового закона об обществах и союзах, проекта положения о земском и городском всероссийских союзах, как учреждениях, которые действовали бы не только во время, но и после войны, и притом вне надзора со стороны правительства.

Каждый из означенных законопроектов интересует так называемый «прогрессивный блок» не столько по существу, сколько с точки зрения возможности внушать с думской кафедры обществу, что Государственная Дума исполнена лучших намерений, но что она не в состоянии ничего практически осуществить, ибо правительство, опасаясь вообще всяких преобразований, ведет постоянную борьбу с прогрессивными течениями общественной мысли.

В действительности же, каждый из этих проектов построен на началах, столь несообразных ни с историей, ни с практикой, ни с духом русского законодательства, что, если бы каким-либо образом проекты эти получили силу закона, страна очутилась бы в положении совершенно безысходном.

При образовании постоянно действующих всероссийских земского и городского союзов на основе проекта Думы, в России оказались бы два правительства, из которых правительство общественное, действуя на средства государственного казначейства, было бы независимо не только от государственной власти, но и вообще от государства. При изменениях земского строя, предположенных Думою, земские учреждения из органов местного хозяйства, осуществляемого под надзором правительственной власти, обратились бы в органы местного управления, независимые от власти. При реформе городового строя на основаниях,

---

[1] Последние два слова подчеркнуты Николаем. Штюрмером отмечена дата резолюции: 10 июня 1916 г.

предлагаемых Думой, городская жизнь, во всем ее хозяйственном и административном целом, отдавалась бы в полное распоряжение адвокатов, журналистов, техников и иных наименее устойчивых слоев городского населения.

Такого же характера думский законопроект и о правах крестьян. В основе его лежит указ вашего императорского величества от 5 октября 1906 г., проведенный в порядке ст. 87 основных законов и засим внесенный на общем основании в Думу. В течение восьми лет Государственная Дума, обсуждая его в различных комиссиях, не находила для него окончательной редакции, что показывает, как мало она им интересовалась. В настоящее же время, в связи с войной, когда, казалось бы, наоборот, следует проявлять особливую осторожность в вопросах, способных обострять противоречие классовых интересов, Государственная Дума выдвинула законопроект на первое место и, приступив к его рассмотрению, с первых же речей, произнесенных с думской кафедры, внесла в свои суждения едва ли допустимую страстность, временами переходящую в резкие призывы крестьянских масс против дворянства, как высшего в государстве сословия. Один из ораторов, член Думы Керенский, речь которого была разрешена председателем Думы к опубликованию, заявил, что в течение десяти лет, считая с 1906 г. когда был обнародован обсуждаемый указ, правительство вообще и дворяне в частности «экспроприировали, грабили и расхищали крестьянские земли». В той же речи говорилось о дворянстве и правительстве, как о «земщине и опричнине», при чем говорится, что как десять лет тому назад, так и теперь, эти две группы «разрушали и разрушают страну».

Тем же законопроектом о крестьянах «прогрессивный блок» пытается воспользоваться, как предлогом для проведения еврейского равноправия, а равно и для изменения закона о выборах в Государственную Думу. Делается это путем поправок к отдельным статьям законопроекта, в расчете на то, что статьи будут приниматься в их целом, дабы не задерживать разрешения вопросов, ближайшим образом связанных с неотложными нуждами крестьянства.

Несмотря на все доложенное, положение дел в законодательных учреждениях все же не возбуждало бы опасений, если бы можно было с уверенностью полагать, что Государственный Совет, в его теперешнем составе, является безусловно цельной государственной единицей, вполне обеспечивающей государственные интересы. Но этого, к сожалению, сказать нельзя, так как стремления и задания так называемого «прогрессивного блока» Государственной Думы нашли себе весьма ощутительную поддержку среди многих достаточно влиятельных членов Государственного Совета, в том числе и среди членов Совета по назначению. Хотя лишь немногие из сих последних формально внесли свои имена в список «блока», при чем впоследствии, когда увидели, что такое их действие, грозит им осложнениями, заявили о выходе

их из «блока», однако, приходится признать, что в Совете имеется немалочисленная группа лиц из состава членов по назначению, которая общим направлением своей деятельности, и особенно голосованием в делах политической важности, решительно примыкает к «прогрессивному блоку». Эта группа не только готова своими голосами содействовать прохождению думских законопроектов в духе «блока», но и усиленно побуждает к тому же всех сомневающихся и колеблющихся.

Главою означенного движения в Государственном Совете должно признать графа Коковцова, официально числящегося в группе беспартийных, но, по личным своим теперешним настроениям, всеми суждениями и действиями примыкающего к числу особенно непримиримых сторонников «прогрессивного блока».

Таким образом, общее течение дел в законодательных учреждениях представляется сложным и требующим особого к себе внимания и неослабного наблюдения, тем более, что определившаяся в последних заседаниях Государственной Думы наклонность к намеренному подчеркиванию розни между интересами дворянства и крестьянства способна породить весьма тяжелые последствия.

Я увидел себя поэтому вынужденным объясниться с председателем Государственной Думы и указать ему, в какой мере необходимо теперь же принять меры к тому, чтобы обращающие на себя внимание нежелательные проявления думской деятельности были остановлены в самом начале, пока они не успели разрастись. Председатель Государственной Думы не опровергал справедливости моих доводов.

Как это обстоятельство, так и то, что весьма многим членам Думы, сколько можно наблюдать, представляется бесцельным затягивать летнюю сессию без всякой в том действительной надобности, дают основание надеяться, что роспуск законодательных учреждений может состояться в двадцатых числах июня, и притом без необходимости прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам.

Об изложенном имею счастье представить на благовоззрение вашего императорского величества.

Председатель совета министров Штюрмер.

7 июня 1916 г.

6.

На подлиннике Николаем II поставлен «знак рассмотрения».[1]

Вашему императорскому величеству приемлю долгом всеподданнейше доложить по поводу предстоящего роспуска законо-

[1] Штюрмером проставлена дата: 13 июня 1916 г.

дательных учреждений, что, по выяснении мною с председателем Государственной Думы тех законопроектов, проведение которых в текущую сессию представляется необходимым, оказалось, что проекты эти могут быть закончены рассмотрением в течение одной недели.

В виду сего, а также сделанного председателем Государственной Думы заявления, мною объявлено ему, что роспуск Государственной Думы последует 20 сего июня, а занятия возобновятся 1 ноября текущего года.

В тот же день мною доведено до сведения статс-секретаря Куломзина о том, что роспуск Государственного Совета последует 20 июня, а занятия возобновятся 1 ноября 1916 г.

Председатель совета министров Штюрмер.

12 июня 1916 г.

7.

На подлиннике Николаем II написано: «*С — в*».[1]

Председатель Государственного Совета сообщил мне, что, ознакомившись с перечнем дел, имеющих быть рассмотренными в Государственной Думе в последние перед закрытием ее дни, и в виду заявлений отдельных министерств о крайней необходимости проведения некоторых законопроектов через Государственный Совет в текущую его сессию, он признавал бы желательным продление сессии Государственного Совета на несколько дней после закрытия Государственной Думы, имеющего последовать 20 сего июня.

Признавая с своей стороны существенно важным, чтобы некоторые из внесенных в законодательные учреждения министерских проектов были по возможности скорее облечены в форму законов, и памятуя указания вашего императорского величества, начертанные на всеподданнейшем докладе моем от 7 июня о том, что «роспуск законодательных учреждений может состояться 20 — 22 июня, но не позже», всеподданнейшим долгом почитаю ходатайствовать перед вашим императорским величеством о разрешении прервать занятия Государственного Совета 22 сего июня.

Председатель совета министров гофмейстер Штюрмер.

16 июня 1916 г.

---

[1] Штюрмером проставлена дата: 18 июня 1916 г.

8.

На подлиннике Николаем II написано: «*Приму вас в понедельник, 27 июня, а заседание сов. мин. состоится во вторник, 28 июня.*[1]

Вашему императорскому величеству 21 минувшего мая месяца при всеподданнейшем моем докладе благоугодно было упомянуть о вероятности вызова в царскую ставку всего состава совета министров.

На случай, если бы последовало окончательное по сему решение, долгом почитаю представить вниманию вашего императорского величества, что в среду 22 июня, после вечерних занятий, прерываются заседания Государственного Совета.

Ближайшие за тем дни предполагалось посвятить переговорам между правительством и некоторыми выдающимися деятелями законодательных палат, до их разъезда, по вопросу о предстоящих в 1917 г. новых выборах, организация которых в общих чертах устанавливается за год вперед.

Представляя о вышеизложенном, приемлю долгом ходатайствовать о том, не соизволите ли мне разрешить, в виду сложности некоторых дел по совету министров, приехать в царскую ставку для всеподданнейшего доклада накануне заседания совета министров.

Председатель совета министров Штюрмер.

20 июня 1916 г.

9.[2]

В царской ставке 21 минувшего мая перед вашим императорским величеством мною были изложены соображения, касающиеся необходимости таких мероприятий в деле надзора за печатью, которыми действительно устранялась бы на будущее время возможность распространения в обществе сведений, не только нарушающих военную тайну в широком смысле слова, но и направленных к злонамеренному опорочению деятельности правительственных учреждений.

На время войны, согласно высочайшему указу 20 июля 1914 г., наблюдение за печатью возложено на особые военно-цензурные комиссии, главную и местные, при чем в городе Петрограде высший надзор за деятельностью Петроградской военно-цензурной комиссии осуществляется главным начальником военного округа; в других же местностях, состоящих на театре военных

[1] Штюрмером проставлена дата резолюции: 22 июня 1916 г.

[2] Печатается по копии, сохранившейся в бумагах Штюрмера.

действий, этот надзор принадлежит главной военно-цензурной комиссии.

Сверх сего главным начальникам военных округов предоставлено право брать любое издание под полную предварительную цензуру, запрещать опубликование отдельных известий, по содержанию своему не подходящих под указания перечня неподлежащих оглашению сообщений, налагать на издания очень высокие денежные штрафы и прекращать выход изданий в свет. В городе Москве, а равно в других местностях, находящихся, подобно Москве, на военном положении, высшим органом по отношению к делам о печати являются командующие войсками, которые, хотя и не имеют права брать издания под полную цензуру, но все же располагают достаточными средствами воздействия, ибо, при всяком уклонении органа печати от даваемых ему указаний, они управомочены налагать на него тяжелые кары или вовсе прекращать выход его в свет. Такими же, в общем, правами обладают и генерал-губернаторы в местностях, объявленных на положении чрезвычайной охраны.

Ознакомившись с положением вопроса на практике, я убедился в том, что, поскольку существующая постановка дела неудовлетворительна, постольку встречающиеся в этой области недочеты зависят не от недостатка полномочий у военных и гражданских властей, а от того лишь, что власти, на которых закон возлагает обязанности по осуществлению усиленного, по случаю военного времени, надзора за печатью, до сих пор не выработали достаточно твердого плана действий, равно как и приемов, при помощи которых достигались бы необходимые последовательность и единство.

Многое объясняется тем обстоятельством, что, по условиям, ныне переживаемым, представляется, действительно, затруднительным располагать сколько-нибудь подготовленным составом военных цензоров, тем более, что весьма значительное число таковых отвлекается для надобностей почтовой и телеграфной цензуры в империи. Серьезным препятствием является и невозможность возлагать цензуру на одних военных или на одних гражданских чинов, ибо цензора военные не всегда разбираются в вопросах общеполитических, а чины гражданские мало осведомлены в соображениях военных. Согласование же действий тех и других достижимо лишь при условии учреждения особой на этот предмет организации и настойчивой, неусыпной заботы о проведении сверху до низу одних начал и одного плана действий.

Простейшим решением вопроса явилось бы повсеместное в империи введение предварительной цензуры. Такой прием находил бы себе известное оправдание в исключительных обстоятельствах времени, тем более, что на Западе, например, во Франции, ни правительство, ни сами органы печати не остановились перед этой мерой. В Париже, по соглашению с издателями, производится ежедневно, не позже известного часа, предварительный,

в особых комиссиях, пересмотр всего главнейшего газетного материала; что же касается провинциальной печати, то таковая подчинена надзору местной администрации.

Ближайшее изучение вопроса, однако, наводит на серьезные сомнения в возможности применения такого способа контроля над русской печатью. В отличие от Франции, где имеющие влияние органы печати, за немногими единичными исключениями, сосредоточены в Париже, русская печать за последние годы успела разбиться по областям. Хотя столичные издания и признаются руководящими и расходятся по всей империи, тем не менее давно уже они вынуждены считаться с соперничеством ряда крупных провинциальных газет. Кроме того, к числу особо распространенных изданий относятся не только некоторые петроградские газеты, но и многие московские.

Таким образом, в России, при применении французской практики, явилось бы обязательным учреждение специальных военно-гражданских комиссий по надзору за печатью не в одном Петрограде, и не только в Петрограде и Москве, но и в Киеве, в Харькове, в Одессе, в Саратове, в Тифлисе, в Томске, в Иркутске и, вероятно, еще в некоторых других центрах. Не говоря уже о том, что предложенную меру, не применявшуюся в течение 22 месяцев войны, пришлось бы устанавливать не по соглашению с издателями, как то проведено в Париже, а принудительно, что едва ли не вызвало бы недовольства в обществе, всегда готовом опасаться, не скрывает ли от него правительство тяжелых вестей, определились бы непременно препятствия и технического характера, главным образом, в отношении необходимого личного состава цензурных учреждений. Пример петроградской военно-цензурной комиссии, работающей с начала войны и имеющей все права органа предварительной цензуры, но и поныне допускающей временами серьезные промахи, является, как мне казалось бы, убедительным тому доказательством.

В виду вышеизложенного я предполагал бы целесообразным, впредь до новых указаний опыта, принять по отношению к печати не одну какую-либо меру, а совокупность таковых, положив в основу решительное стремление непременно достичь согласованности и единообразия действий со стороны всех прикосновенных к делу учреждений и лиц на твердой почве уже имеющихся в их распоряжении законных полномочий.

С этой целью я возложил на начальника главного управления по делам печати разработку в кратчайший срок, по соглашению с главным начальником петроградского военного округа и командующим войсками московского военного округа, при участии старших чинов военно-цензурных учреждений и председателей цензурных комитетов, особой инструкции для петроградской и московской печати, а равно тех технических приемов, при помощи которых всякое указание, даваемое в Петрограде и Москве, могло бы одновременно приводиться в исполнение и всеми при-

косновенными к цензуре учреждениями провинции. Вместе с сим я предложил выделить из состава военных цензоров Петрограда и Москвы особую группу, которая специально посвятила бы себя надзору за повременной печатью, и имею в виду принять меры к улучшению материального положения этих лиц, ныне мало обеспеченных, ибо им полагается всего по три рубля в сутки. При себе, под непосредственным моим руководством, я учреждаю особое совещание из небольшого числа должностных лиц, которое, внимательно следя за общим ходом дела, могло бы своевременно направлять деятельность цензурных учреждений в соответствии с видами правительства.

Об изложенном имею счастье повергнуть на благовоззрение вашего императорского величества.

Июня [1] 1916 г.

10.

На подлиннике Николаем II поставлен «знак рассмотрения».

В соединенном заседании совета министров и комитета финансов 27 июля 1916 г. министр финансов сообщил о результатах своих переговоров с великобританским и французским правительствами относительно заключения нового финансового договора. По удостоверению тайного советника Барка, достижение соответствующего соглашения с Францией не представило никаких затруднений, и со стороны французского правительства не встретилось возражений против продления прежнего договора на новый срок. С несравненно большими трудностями пришлось встретиться при переговорах с великобританским правительством. Так, прежде всего, это последнее решительно отказалось связать себя соглашением на сколько-нибудь продолжительный период времени, и лишь путем упорных настояний удалось первоначально намеченный английским финансовым ведомством предельный срок договора с 1 января 1917 г. отдалить до 1 апреля наступающего года, и, таким образом, достигнуть финансового соглашения на полугодовой период. В течение этих шести месяцев великобританское правительство обязуется отпускать нам по 25 миллионов фунтов стерлингов ежемесячно, — всего, следовательно, 150 миллионов фунтов, предоставляя некоторые существенные для нас, по сравнению с условиями предшествующего договора, преимущества, и, между прочим, передает нам известное количество тяжелой артиллерии с материальною частью. На ряду с этим, однако, английское правительство настоятельно требует отпуска нами, хотя и на ссудных основаниях, золота, в размере 40 миллионов фунтов стерлингов. Это условие министр финансов склонен считать чрезмерно для нас отяготительным и угрожающим устой-

[1] Число не проставлено.

чивости нашего денежного обращения. Поэтому тайный советник Барк выразил согласие на отпуск всего лишь 20 миллионов фунтов, притом только при наступлении безусловной в них для английского казначейства потребности. Таковое разномыслие до сего времени и остается неустраненным.

Подробно ознакомившись с намеченными условиями финансового соглашения и выслушав заключения помощника военного министра генерала-от-инфантерии Фролова и начальника генерального штаба генерала-от-инфантерии Беляева, о степени обеспеченности ими наших военных заказов, соединенное присутствие совета министров и комитета финансов признало таковые условия в существе для нас приемлемыми. Что же касается вызвавшего разномыслие между российским министром финансов и великобританским правительством вопроса о выпуске золота, то присутствие, отметив крайнюю опасность для устойчивости нашего денежного обращения всякого ослабления золотой наличности Государственного Банка и необеспеченность обратного получения выпущенного, хотя бы на ссудных основаниях, золота, полагало предоставить министру финансов, при ведении дальнейших переговоров, всемерно настаивать на заявленной им точке зрения о неприемлемости для нас выпуска свыше 20 миллионов фунтов стерлингов золотом.

Соответствующий журнал соединенного присутствия совета министров и комитетов финансов в ближайшее же время будет повергнут на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Председатель совета министров Штюрмер.

30 июля 1916 г.

11.

На подлиннике Николаем II написано: «*Надеюсь, что только крайность заставит прибегнуть к роспуску Гос. Думы*».

Вашему императорскому величеству приемлю долгом всеподданнейше представить о нижеслеующем.

Сессии Государственной Думы, имеющей возобновиться 1 ноября, суждено, повидимому, быть свидетельницей не только резких выпадов против отдельных представителей власти, но также и открытого выступления против всего существующего порядка образования правительственной власти и необходимости коренного изменения всей системы управления страною.[1]

В день открытия предполагается произнесение речи, в которой от имени большинства Государственной Думы будет заявлено, что «в рядах русского правительства гнездится предательство, и роковое слово «измена» ходит по стране и что, вследствие

[1] Такова малограмотная редакция подлинника.

сего, Государственная Дума категорически отказывается работать по законопроектам, представляемым правительством».

Большинство Государственной Думы настаивает на немедленном удалении от власти лиц, дальнейшее пребывание которых во главе управления грозит опасностью успешному ходу нашей национальной борьбы.

Большинство Государственной Думы заявляет, что «оно будет стремиться к достижению этой цели всеми доступными ему законными способами и не остановится в применении их до тех пор, пока лица, вызывающие открытое недоверие, не уступят место людям, объединенным одинаковым пониманием задач переживаемого момента и готовым своей деятельностью опереться на большинство Государственной Думы и провести в жизнь его программу».

Ознакомившись с текстом предполагаемого заявления,[1] члены правительства ныне принимают меры к тому, чтобы разъяснить отдельным представителям Государственной Думы все последствия такого рода выступления. Государственная Дума созывается для созидательной работы законодательного характера, а потому обращение ее на путь систематической борьбы с правительством является не только отступлением от возложенных на нее прямых обязанностей, но и недопустимым стремлением к преступной, с высоты думской кафедры, пропаганде по всей стране изменения существующего строя управления государством. Неминуемым последствием такого выступления должен явиться не только немедленный перерыв занятий Государственной Думы, но даже полное ее закрытие впредь до новых выборов и до созыва новой Государственной Думы.

Возможно, что благоразумие большинства членов Государственной Думы одержит верх, и упомянутое выше заявление не будет оглашено в день открытия Думы.

Удерживающими в сем случае стимулами могут служить также и нижеследующие соображения. Я обратил внимание членов Государственной Думы на то, что ближайшим последствием роспуска Думы явится немедленное отправление на службу, на фронт, всех членов законодательных учреждений, подлежащих по возрасту своему призыву к военной службе. Независимо от сего, членам Государственной Думы, в случае ее роспуска, а не только перерыва, угрожает лишение получаемого ими содержания, впредь до нового избрания в Государственную Думу.

Оба последние соображения, по всей вероятности, получат решающее значение и образумят большинство Государственной Думы.

Вашим императорским величеством мне вручены указы о перерыве занятий законодательных учреждений. В сих указах

[1] Т.-е. заявления от имени «прогрессивного блока», которое было сообщено правительству одним из его агентов, членом Гос. Думы Крупенским.

начертано, что срок возобновления этих занятий назначается в зависимости от чрезвычайных обстоятельств.

Один только перерыв занятий Государственной Думы не возлагает на ее членов обязанности отбывания воинской повинности и не лишает их содержания.

Этих целей можно достигнуть только высочайшим указом о совершенном закрытии Государственной Думы на весь период, оставшийся до времени нового созыва Государственной Думы.

В виду изложенного, если бы вашему императорскому величеству благоугодно было остановиться на сей последней мере, приемлю смелость представить к подписанию вашего величества два проекта указов: 1) о роспуске, в порядке статьи 105 основных государственных законов, Государственной Думы и о сроке назначения новых выборов в Думу, равно как о времени ее созыва, и 2) о перерыве, в связи с сим, занятий Государственного Совета.

Если ваше императорское величество всемилостивейше соизволите начертать высочайшее ваше имя на прилагаемых проектах указов правительствующему сенату, долгом поставляю всеподданнейше доложить вашему величеству, что к приведению в действие означенных указов мною будет приступлено лишь в том случае, когда все прочие способы к устранению ожидающихся думских противоправительственных выступлений окажутся совершенно исчерпанными и недостигающими цели.

Вашему императорскому величеству ведомо, что с самого начала призвания моего к объединению и руководству деятельностью правительства мною были приняты все доступные меры к устранению всяких недоразумений между правительством и Государственною Думою и к совместной с нею работе на пользу государственных дел. Только совершенно исключительные стремления большинства Государственной Думы, ныне угрожающие потрясением государственной жизни во время переживаемых нами военных событий, побуждают меня остановиться на мысли о необходимости предвидеть неизбежность изъясненных выше решительных мер.

Председатель совета министров Штюрмер.

31 октября 1916 г.

12.[1]

Ваше императорское величество.

Высочайшие указы о роспуске Государственной Думы и о приостановлении занятий Государственного Совета получены мною 2 сего ноября.

[1] Печатается по копии, сохранившейся в бумагах Штюрмера. На копии, написанной на машинке и имеющей мелкие поправки, приписано: «Копия. Подлинная докладная записка препровождена в царскую Ставку 4 ноября 1916 г. Помечена 3 ноября.—Б. Штюрмер».

Высочайшими словами, начертанными на моем докладе, определяются дальнейшие мероприятия правительства в отношении к Государственной Думе. Правительством приняты все зависящие от него меры для установления совместной с Думой работы.

Итоги первых трех дней оставляют, однако, мало надежды на возможность достижения такой цели. Государственная Дума до сих пор еще не приступила к рассмотрению внесенных законопроектов. Ее занятия протекают исключительно в обсуждении необходимости добиться отстранения ныне существующего правительства, неспособного и злонамеренного, способов борьбы с ним впредь до его ухода и до замещения кабинета таким составом, который будет опираться на большинство Государственной Думы и будет перед нею ответственным. Дума не критикует отдельных мероприятий правительства, а только огульно и ожесточенно нападает на личный состав совета министров, и в особенности на его председателя. Его обвиняют в государственной измене, в сообщении государственных тайн, в освобождении от заключения генерала Сухомлинова, во взяточничестве полицейского агента Мануйлова и т. д. Возведенные на меня обвинения, первопачально изложенные в речи депутата Милюкова, вынудили меня заявить председателю Думы о возбуждении мною против Милюкова преследования по суду, за клевету. В речи того же депутата Милюкова было допущено и иного рода заявление, по поводу которого я потребовал в тот же день от Родзянко объяснений о том, какие им были приняты меры воздействия на оратора.[1]

Правительство, в пределах, допускаемых его достоинством, спокойно будет выдерживать все разнузданные натиски Думы и будет избегать поводов к дальнейшим с ней недоразумениям. На успешное разрешение предстоящей ему задачи представляется мало данных, так как на правительство возводятся не конкретные обвинения, которые могли бы быть опровергнуты путем объяснений, а ставится принципиальный вопрос: «мы или они», и речь идет о решении Государственной Думы провести в жизнь страны новый правительственный строй.

Затем правительством будет сделана попытка к возврату Государственной Думы на путь исполнения ею ее прямых обязанностей. Совет министров возложил на министров военного и морского поручение выступить в Думе с напоминанием о том, что чрезвычайные обстоятельства военного времени настоятельно требуют принятия неотложных мер к содействию армии и флоту в его борьбе с внешним врагом, и что к разрешению этой первостепенной важности задачи долг патриотизма повелевает немедля обратить все силы законодательных учреждений.

---

[1] Здесь говорится о приведенной Милюковым цитате из немецких газет, где сообщалось об А. Ф. Романовой, как о возглавляющей немецкую партию в России.

Быть-может, струя благоразумия возобладает в настроении Таврического дворца, и обращение правительства сплотит то меньшинство членов Государственной Думы, которое стремится предотвратить необходимость в роспуске Государственной Думы.

13.[1]

Ваше императорское величество.

Вчера, 4 ноября, министры военный [2] и морской [3] выступили в Государственной Думе и заявили о полном обеспечении русских армии и флота всем необходимым для дальнейшей обороны государства и о твердой их уверенности в том, что враг уже надломлен и что окончательное его поражение с каждым днем приближается. Морской министр добавил, что государственная оборона требует совместной работы правительства с Государственной Думой.

Означенные заявления были встречены Думой с единодушным сочувствием и были приняты как свидетельство о том, что война будет продолжаться, и что слухи о сепаратном мире должны рассеяться.

При дальнейшей оценке речей министров, часть Государственной Думы высказалась, что слова о единении правительства с народными представителями должны быть приняты как решение со стороны правительства переменить нынешний состав министерства.

С высоты думской трибуны вновь раздались нарекания на председателя совета министров, и притом попрежнему в огульном виде, исключающем возможность возражений или объяснений.

5 и 6 ноября общих собраний в Государственной Думе не будет. В понедельник, быть-может, установится тот желательный в настроении Государственной Думы перелом, и она перейдет к работе законодательной.

14.

Ваше императорское величество.

Долгом приемлю представить вашему императорскому величеству, что до сих пор не произошло перемены в настроении

---

[1] Печатается по черновому тексту, сохранившемуся в бумагах Штюрмера и написанному им самим. Даты нет, но, очевидно, относится к 5 ноября 1916 г.

[2] Генерал Шуваев.

[3] Адмирал Григорович.

Государственной Думы в смысле возможности для нее обратиться в ближайшие дни к своим законодательным обязанностям.

Встреченные сочувственно выступления министров военного и морского истолковываются только как доказательство того, что эти два министра не солидарны с остальным составом совета.

Работать с сим последним Дума попрежнему отказывается и настаивает на составлении кабинета из лиц, облеченных ее доверием и перед нею ответственных. Убежденность в том, что такое желание ее будет исполнено, настолько укрепилась в сознании большинства Думы, что обычная система ее борьбы с правительством совершенно изменилась.

В прежнее время правительственные мероприятия подвергались критике по мере обсуждения смет отдельных ведомств,— в настоящую сессию Дума, не приступая к отдельным сметам и не обсуждая внесенных законопроектов, прямо обратилась к штурму власти.

В основе плана действий руководителей Государственной Думы лежит соображение о том, что если бы настоящее правительство не было заменено кабинетом общественного доверия, то занятия Думы должны были бы прерваться, и тогда представилось бы возможным вызвать беспорядки среди рабочего населения, учащейся молодежи, и даже в войсках.

Правительством за последние десять месяцев был принят ряд мер, направленных к ограничению деятельности учреждений, созданных особыми совещаниями по обороне государства, по продовольствию, снабжению топливом и по перевозкам, во всех тех случаях, когда деятельность этих учреждений выходила за пределы закона 17 августа 1915 г., и учреждения эти являлись ареной для политической агитации.

Минувшим летом правительством был установлен контроль над расходованием отпускаемых земским и городским союзам казенных сумм, а в сентябре месяце опубликованы данные о том, что деятельность этих союзов поддерживается почти исключительно на казенные средства (свыше 553 000 000 р. казенных субсидий и только 9 362 000 р. местных средств).

Этим объявлением был снят ореол самопожертвования с деятелей земских и городских союзов.

В дальнейшем положен предел политическим агитациям военно-промышленных комитетов и кооперативов, ограничены случаи созвания разного рода съездов и приняты другие меры предупредительного характера.

Усилия руководителей противоправительственного движения в стране — сломить проводимую правительством систему — не увенчались успехом.

Тогда начался другого рода поход на правительство, путем инсинуаций о том, что оно парализует деятельность военных властей в деле борьбы с внешним врагом. Клевета эта нашла себе выражение в письмах Гучкова на имя начальника штаба

верховного главнокомандующего.[1] В них заявлялось о том, что совет министров сознательно нарушает мероприятия, направленные к обеспечению задач обороны государства.

Письма эти получили особое распространение, в виду того, что они были обращены к начальнику штаба верховного главнокомандующего и заключающаяся в них клевета военным ведомством не опровергалась.

В конце октября в Москве собрались съезды председателей губернских управ и представителей городских союзов. Они направили в Государственную Думу заявления о необходимости, в виду безвыходного, по их мнению, положения, призвать к власти лиц, облеченных доверием народа, и добиться создания ответственного министерства.

Изложив перед вашим императорским величеством краткий перечень мероприятий правительства, приемлю смелость доложить, что они и явились поводом для всего, ныне происходящего в Государственной Думе, и для ее стремления провести в жизнь указанные выше изменения в строе государственных учреждений.

Председатель совета министров Штюрмер.

7 ноября 1916 г.

Сводки личных докладов Штюрмера Николаю II.[2]

Доклад 1 августа 1916 г.

1. Вопрос о недостатке металлов. Генерал Мышлаевский, его доклад 23 июля 1916 г. особому совещанию по закону 3 июля — о преждевременности реквизиции металлов; его же доклад о критическом положении металлов для заводов по обороне, сделанный 27 июля в особом совещании по обороне. Разноречие, выяснившееся после свидания с М. В. Родзянко, пославшим государю императору телеграмму о критическом положении заводов, работающих на оборону, за отсутствием металлов. Вызов Мышлаевского и управляющего военным министерством генерала Фролова для объяснений. Заявление Мышлаевского о том, что в первом заседании шла речь о черных металлах, а во втором — о белых и красных металлах; признание его положения заводов критическим. Обращение мое к генералу Фролову с просьбой объяснить, каким образом ни генерал Мышлаевский, бывший на совещании министров, ни генерал Фролов не обратили нашего

[1] Одно из писем Гучкова к ген. Алексееву напечатано ниже: см. «Ген. Алексеев и Гучков», стр. 276.

[2] Сделаны самим Штюрмером; после каждого доклада, он вкратце записывал те вопросы, которых он касался, и отмечал решения по этим вопросам Николая II.

внимания на это. Ответ: металлургия есть область, предоставленная ведению совещания по обороне. Просьба моя обо всем, имеющем общегосударственный характер, немедленно доводить до сведения моего, как главы правительства. Выяснение причин недостатка белого и красного металлов (подробности в прилагаемой записке ген. Мышлаевского, от 30 июля).[1] Доставка из Англии не более 30% заказанных металлов. Причина — недоставление золотой валюты. Вопрос ген. Фролову, присутствовавшему на соединенном заседании комитета финансов и совета министров, на котором выяснилось о направлении в Англию 400 миллионов фунтов стерлингов (200 м. старых и 200 м. новых, после 1 января), сообщил ли он своему представителю в Лондоне ген. Гермониусу о том, что таким образом причина замедления доставки заказа устранена. Обещание Фролова — немедленно телеграфировать. Необходимость выяснения вопроса о том, насколько возможно в остающиеся два месяца навигации доставить в Россию металлы из Англии, потребные для заводов до открытия навигации в 1917 г. Выяснение вопроса о том, почему лежащие во Владивостоке 500 т. пудов меди не вывозятся внутрь России. Министр путей сообщения уведомил меня, что ему не было заявлено о необходимости перевозки этого запаса. Ответ ген. Фролова и Мышлаевского: вывезти этот запас невозможно ранее производства оценки всего реквизированного металла, для чего необходимо обсуждение оценки в особой комиссии, на что потребно немало времени. Мною предложено ген. Фролову немедленно распорядиться об оценке упомянутого металла не по истории его происхождения и доставления во Владивосток, а по существующим на металлы справочным ценам, по которым надлежит немедленно скупить все 500 т. пудов и вывезти их из Владивостока на заводы. Все претензии на дополнительные выдачи по совершенной покупке должны составить предмет особого производства. Такой порядок действия принят представителем военного министерства к исполнению в присутствии министра юстиции Макарова.

2. По вопросу о разгрузке Петрограда доложено: учреждена особая комиссия, под председательством генерала Беляева, для выяснения по каждому отдельному ведомству о возможности выселения из Петрограда отдельных учреждений и групп населения. В основу положен математический расчет, что для удовлетворения потребностей наличного количества населения Петрограда необходима ежедневная доставка 3500 вагонов грузов. Ведомством путей сообщения могут быть доставляемы 2500 — 2800 вагонов. Задача сводится к сокращению числа потребителей разного рода грузов по расчету до 1000 вагонов в день. Намечено выселение из столицы обучающихся новобранцев (до 100 000 человек), беженцев, учреждений императрицы

[1] Записка эта была, очевидно, представлена Штюрмером при докладе Николаю II (при «сводках» ее текста не сохранилось).

Марии; для сего последнего надлежит прежде всего отложить начало занятий до 1 сентября и за август месяц выяснить вопрос о распределении учащихся по России (государыня императрица Мария Феодоровна). Переселить дворянский и крестьянский банки, институт глухонемых, театры, театральные училища и т. п. учреждения, пересмотреть все заводы и мастерские, работающие на оборону, и выселить из Петрограда те из них, которые производят заготовки, могущие быть сделанными вне Петрограда (консервы, сухари, галеты и т. п.). Сосредоточение на немногих заводах тех вспомогательных частей, которые розданы мелким заводам, пользующимся сим для отсрочек служащим по воинской повинности, для получения топлива и других привилегий. Удаление всех таких заводов из Петрограда.

Подводя итоги очертания плана будущей разгрузки Петрограда, мною было доложено его императорскому величеству, что начальствующие лица всех учреждений, разгрузка коих намечалась за последнее время, относятся к такому плану отрицательно, при чем сводят вопрос к таким минимальным цифрам, которые, по их мнению, не могут способствовать целям разгрузки. Так, военный министр, прежде допускавший перемещение из Петрограда 340 т. нижних чинов, сводит их к 100 т. человек. Совещание по беженцам не предвидит возможности вовсе их выселения. Ведомство учреждений императрицы Марии встречает серьезные затруднения к выселению воспитанниц из Петрограда. Мысль об эвакуации сената должна быть оставлена и т. д. Признавая всю справедливость отдельных возражений, правительство не должно, по мнению моему, останавливаться в сем деле на таких соображениях, так как эвакуация даже отдельных, небольших по своей численности, единиц будет способствовать избавлению Петрограда от угрожающего зимою дровяного и продовольственного голода. Принятие, несмотря на возражения, самых решительных мер в этой области является неотложной задачей правительства, и к достижению ее должны быть направлены все его усилия, начиная с ближайших дней. Такой план действия встретил полное одобрение со стороны его императорского величества. (Театры, воспитательный дом, корпуса, приюты.)

3. Комитет о дороговизне. Сахар. Доложено его императорскому величеству о предстоящем прибытии в Петроград членов Государственного Совета Дейтриха и Муратова, на которых возложено выяснение и направление на местах дела о сахарном и кожевенном голоде, при чем члену Государственного Совета Дейтриху, как сенатору, могли бы быть предоставлены полномочия ревизующего сенатора. В частности, доложено о том, что наиболее целесообразный способ регулирования сахарного дела заключался бы в принятии его в руки правительства, с предоставлением главному управлению неокладных сборов производить

продажу сахара в зданиях винной монополии и кадрами служащих, исправлявших эту обязанность в последних учреждениях. Комитетом по дороговизне образованы во всех губерниях совещания под председательством губернаторов для выяснения предметов первой необходимости, в отношении коих наиболее остро сказалась дороговизна. Суждения совещаний поступают в комитет, который разрабатывает мероприятия общего характера и местные, подлежащие неотложному исполнению. Постановка дела под руководительством князя Оболенского представляется вполне целесообразной, и мною представлен его императорскому величеству проект указа совету министров о назначении князя Оболенского председателем особого комитета по борьбе с дороговизной. Его величество таковой указ 1 августа изволил подписать.

4. Доложена шифрованная телеграмма помощника наместника его императорского величества на Кавказе князя Орлова председателю совета министров о порядке призыва мусульманского населения Кавказа для нужд армии и о просьбе великого князя наместника поддержать его ходатайства перед государем императором. Его величество соизволил высказать, что он одобряет предположения наместника кавказского, о чем мне разрешено сообщить его императорскому высочеству. [1]

5. По вопросу о проведении законопроекта об учреждении главного управления государственного здравоохранения. Доложено о том, что новый законопроект ни в чем не нарушает прав верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца Ольденбургского. Права эти, изложенные в статьях 2 — 4 положения 3 сентября 1914 г., остаются незыблемыми на все время войны, и права, предоставленные новым положением главноуправляющему государственным здравоохранением, приобретают полную самостоятельность только после окончания войны. В дальнейшем мною испрошено по этому делу предоставление совету министров права свободного обсуждения вопроса о том, надлежит ли этот закон провести по 87 статье, или же возможно внести его на рассмотрение законодательных учреждений. В сем последнем случае нужно иметь в виду, что в Государственной Думе, в сессию 1916 — 1917 гг., проект закона может остаться без рассмотрения, а с осени 1917 г. Государственная Дума будет действовать в обновленном составе и, по примеру прежних Дум, первый год своей деятельности может и не приступать к рассмотрению столь серьезного государственного законопроекта, и таким образом закон о здравоохранении, неотложность которого была признана еще 8 лет тому назад, останется еще два года без проведения в жизнь. С другой стороны, проведение этого закона по 87 статье может вызвать непринятие его в течение

[1] См. примечания после текстов этих докладов.

первых двух месяцев со дня открытия Думы, и таким образом действие закона прекратится до 1 января 1917 г.[1]

6. Его императорскому величеству мною доложено о том, что ферганский губернатор генерал Гиппиус, при виде волнения населения своей области, возникшего из-за призыва к работам для тыла армии, решился для умиротворения края объявить населению, что высочайшая воля для него необязательна и принудительно им проводиться не будет. Об этом министру юстиции сообщил прокурор ташкентской судебной палаты, и те же сведения сообщил министру внутренних дел и. д. туркестанского генерал-губернатора генерал Ерофеев, который изложил, что ген. Гиппиус, отменяя обязательный наряд рабочих от населения, дошел до того, что появлялся перед народом в халате и тюбетейке с чалмой, а также читал и целовал коран. Ерофеев предложил Гиппиусу изъять из употребления его обращение к народу.

Имея в виду сведения о непрекращающихся дальнейших беспорядках в Туркестанском крае и значение изложенного выше извращения губернатором высочайшей воли, мною предложено военному министру принять безотлагательные меры к немедленному устранению генерала Гиппиуса от исполнения обязанностей военного губернатора Ферганской области; в случае каких-либо со стороны и. об. военного министра затруднений, мною заявлено генералу Фролову, что распоряжение об удалении генерала Гиппиуса мною будет приведено в исполнение в силу особого полномочия, мне высочайше предоставленного, путем телеграммы на имя генерала Ерофеева, которому и будет предложено назначить лицо для временного исполнения обязанностей ферганского губернатора, впредь до приезда на место генерал-адъютанта Куропаткина. Генерал Фролов принял мое указание к исполнению и, как видно из телеграммы генерала Ерофеева от 27 июля, генерал Гиппиус переводится в резерв кавказского военного округа.

Его императорское величество сделанное мною распоряжение высочайше одобрил.

7. Доложено о причинах отказа германским и австрийским сестрам милосердия проезда по Сибири: неуверенность в зорком наблюдении за ними со стороны сопровождающих их представителей Красного Креста, найденные в их вещах при осмотре в таможне брошюры, восхваляющие германские мероприятия во время войны. Его императорское величество изволил указать, что не следует пускать германских сестер, но для австрийских можно сделать исключение.

8. По докладу моему о поступающих заявлениях относительно необходимости отсрочки призыва ополчения, назначенного на 15 августа, его императорское величество соизво-

---

[1] См. примечания.

лил высказать, что он имеет в виду новую отсрочку призыва до 1 сентября 1916 г. По докладе моем о том, что в северном районе, вследствие непрерывных дождей, рожь еще не убрана, и скот на корню, а яровые поля еще совершенно зелены, и что к 1 сентября не представится возможным убрать хлеб, и таким образом для северной полосы России являлось бы существенно важным отсрочить призыв до 15 сентября, его императорское величество соизволил указать обратиться к военному министру для выработки соответствующих предположений, при чем необходимо принять в соображение, что на юге, где уборка хлеба закончена, для отсрочки призыва долее 1 сентября нет оснований.

9. По телеграмме из Тюмени от 12 июля 1916 г. по ходатайству бухарцев не брать на военную службу их единственных сыновей, по грамотам Петра Великого, доложено, что от тобольского губернатора потребованы сведения о положении этого вопроса на месте. Его императорское величество приказал, по получении ответа, представить ему особый доклад.

10. Его императорскому величеству мною доложено, что обер-прокурор святейшего синода Волжин просил меня о том, чтобы, по возвращении его из отпуска, его всеподданнейшее ходатайство об освобождении его от должности, вследствие слабости здоровья, было представлено на высочайшее благоусмотрение.

Его императорское величество соизволил на назначение Волжина членом Государственного Совета, о чем высочайше повелено мне сообщить председателю Государственного Совета на предмет присылки проекта высочайшего указа. По вопросу о заместителе Волжина мною, по ходатайству о сем митрополита петроградского Питирима, доложено, что ему желательно было бы видеть, в качестве заместителя Волжина, одного из следующих четырех лиц: генерала Шведова, вновь назначаемого товарища обер-прокурора св. синода князя Жевахова, директора высших женских курсов Раева и государственного секретаря Крыжановского.

Его величество изволил признать необходимым, что решение данного вопроса надо временно отложить, предоставив исполнение обязанностей обер-прокурора занимающему ныне должность его товарища Зайончковскому.[1]

11. Мною были испрошены у его императорского величества указания относительно судьбы составленного в совете министров в трех редакциях проекта манифеста о польской автономии. Его императорскому величеству благоугодно было указать, что он занят рассмотрением этого вопроса, при чем склоняется к обнародованию манифеста лишь после вступления русских войск в пределы царства польского. Мною

[1] Волжин был уволен 7 августа 1916 г.,—30 августа на его место назначен Раев.

представлено его величеству, что, по телеграфным сведениям, существует предположение о готовности Германии выступить также с манифестом в пользу польского народа. Его величество заявил, что ему это известно.[1]

12. Доложено было содержание телеграммы нашего представителя в Персии Эттора об оставлении русскими войсками некоторых позиций в центре страны и о существующем предположении об оставлении персидским правительством и шахом Тегерана, а также о том, что наместник кавказский, за исключением одного полка, уже посланного генералу Баратову в Персию, более не может доставить других подкреплений, а также не располагает денежными суммами для подкупа кочевых племен. Его императорское величество указать соизволил, что положение дел в Персии должно измениться не позже 6 сего августа, и потому предпринимать ничего не следует.

13. Его императорское величество соизволил указать мне переговорить с послами Франции и Англии о внушении их правительствам мысли о необходимости менее резкого обращения их с греческим правительством и меньшего подчеркивания сочувствия их представителями в Греции выборам Венизелоса главою эллинского правительства.[2]

14. Его императорское величество соизволил указать мне, что в случае получения Боткиным назначения товарищем моим по министерству иностранных дел, на его место посланником в Португалии мог бы быть назначен посланник наш в Сиаме Плансон.

15. Его императорскому величеству мною было доложено, что злобою дня в Петрограде является арест банкира Рубинштейна и производящееся военным ведомством расследование обстоятельств возбужденного дела.[3] Производящий следствие генерал Батюшин, по поручению начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Алексеева, довел до моего сведения, что в числе лиц, так или иначе причастных к этому делу, встречаются имена нескольких служащих по министерству внутренних дел, в бывшем в моем подчинении ведомстве. В числе их значатся имена моих ближайших сотрудников — члена совета министра внутренних дел Гурлянда и директора департамента полиции Климовича. О первом из них я имел неоднократно случай докладывать его императорскому величеству как о талантливейшем деятеле по министерству внутренних дел и моем почти 20-летнем сотруднике по управлению Ярославской губернией и заведыванию департаментом общих дел. По оставлении мною министерства вн. дел и назначении в Государственный Совет.

---

[1] См. далее «Польский вопрос», стр. 172 — 197.

[2] См. здесь «Из области балканской политики», стр. 40 — 45.

[3] О деле Рубинштейна см. мою книгу «Политика Романовых», очерк «Банки и Распутин», стр. 116 — 130.

Гурлянд был ближайшим сотрудником покойного председателя совета министров и министра внутренних дел Столыпина, доверием которого, равно как и моим личным, он пользовался всегда в полной мере. Обвинение, ему предъявленное производящим по делу Рубинштейна следствие генералом Батюшиным, заключается в том, что член Государственного Совета Озеров и корреспондент газеты «Русское Слово» Романов слышали от Гурлянда, что Рубинштейну грозит обыск, и Романов об этом предупредил Рубинштейна. Гурлянд, узнав о таком обвинении, заявил министру внутренних дел Хвостову (который 31 июля лично мне об этом сообщил), что он признает такое обвинение ложным и, состоя членом совета министра, просит своего начальника дать ему возможность в таком обвинении оправдаться путем беседы в его, министра, присутствии с генералом Батюшиным и очной ставкой с упомянутыми выше Озеровым и Романовым. Впредь до оправдания своего в глазах министра, он, Гурлянд, не считает возможным занимать должность члена совета министра, а потому вручает А. А. Хвостову прошение об увольнении от указанной выше должности. Министр внутренних дел высказал Гурлянду, что он получит все способы для уличения взведенной на него клеветы и, до выяснения дела, просьбе об его отставке не будет дано движения. Об изложенном я счел долгом довести до сведения его императорского величества в виду того, что я неоднократно свидетельствовал о выдающейся плодотворной деятельности Гурлянда. В том, что он оправдается от взводимых на него обвинений по делу Рубинштейна, у меня не было никаких сомнений.

Что касается генерала Климовича, то я имел уже случай докладывать его императорскому величеству о том, что, в бытность мою министром внутренних дел, я признал необходимым произвести коренную реформу департамента полиции, но, для приведения этой реформы в исполнение, не мог признать генерала Климовича лицом подходящим. В виду сего я в начале июля месяца предложил ему воспользоваться испрошенным моим предместником А. Н. Хвостовым высочайшим соизволением на назначение его, по оставлении должности директора департамента полиции, к присутствованию в сенате. Генерал Климович вручил мне в первых числах июля прошение об освобождении его от обязанностей директора департамента полиции и ходатайство перед министром юстиции о назначении его сенатором. Прошение Климовича тотчас мною было передано министру юстиции А. А. Хвостову. Сей последний, ранее чем ходатайство это было представлено на рассмотрение его императорского величества, оставил министерство юстиции и был назначен министром внутренних дел.

А. А. Хвостов, которому я напомнил о необходимости дать движение этой просьбе генерала Климовича, просил меня не торопить его принятием такого решения, так как он желает

ознакомиться с деятельностью департамента полиции по докладам самого Климовича и лично убедиться в невозможности для сего последнего продолжать службу по министерству внутренних дел. Через неделю, на вторичное заявление мое по тому же предмету, А. А. Хвостов сказал мне, что он на некоторое время еще отложил свое окончательное по сему предмету решение.

Мною доложено его императорскому величеству, что в настоящее время, в виду заявления генерала Батюшина о добытых, при производстве им следствия, данных о личных сношениях Климовича с Рубинштейном, для меня представляется несомненным, что, по примеру Гурлянда, и генерал Климович должен быть, впредь до оправдания себя, устранен от служебной деятельности по министерству внутренних дел.

Мои доклады об оставлении Климовичем должности директора департамента полиции его императорское величество соизволил вспомнить.

Доклад 21 августа 1916 г. в царской ставке.

1. Вручены два перечня мер по особым полномочиям, за №№ 4 и 5.

2. Доложено о письме генерал-адъютанта Алексеева, касающемся выяснения деятельности объединенной власти по обеспечению промышленности, работающей на оборону. Его величество указал, что он ознакомился с этим из перечней и выслушал доклад, касающийся металлов, с приведением цифр, представленных генералом Мышлаевским, а также данных, приведенных А. С. Стишинским.

Относительно заявления генерала Алексеева о металлах, заказанных в Англии и Японии, доложено, что препятствием к их получению является отсутствие золотой валюты, о коей с Англией еще не окончены переговоры в смысле нового у нее золотого займа.

По вопросу о недостаточности военно-пленных для нужд Донецкого бассейна доложено о всех попытках наладить это дело, отмеченных в перечнях. Металлы, реквизированные во Владивостоке, уже перевозятся в Москву. Прочитан из журнала совета министров 3 июля отдел I, предоставляющий председателю совета объединяющее руководство и наблюдение за мероприятиями по снабжению армии. Доложено, что таким образом на председателя возложены задачи наблюдения и руководства, а исполнение отдельных мероприятий остается на ответственности каждого ведомства.

3. Доложено о том, что для осуществления задач по объединению мною приняты, сверх перечисленных в перечнях, еще следующие меры: а) для руководства сложным делом борьбы с дороговизной в стране мною назначен князь Оболенский; дело это организовано: по губерниям учреждены особые комитеты,

два члена Государственного Совета, получив особые полномочия, выехали: один — Дейтрих — в Киевскую губернию специально для борьбы с дороговизной и недостатком сахара, а второй — Муратов — для урегулирования вопроса о кожах; б) на товарища министра путей сообщения Войновского-Кригера было возложено исследование вопроса о причинах неудовлетворительной добычи каменного угля в Донецком бассейне; данные, обнаруженные им, свидетельствуют о необходимости назначения специального лица, облеченного особыми полномочиями, для восстановления нарушаемого на местах порядка; в) член совета министра путей сообщения Аксенов был командирован для осмотра склада металлических материалов и грузов, эвакуированных из Западной России в Москву, организована ликвидация их; г) установлена необходимость регулирования распределения военнопленных на работы. Несмотря на неоднократные обращения к военному министерству просьб взять это дело в свои руки, оно продолжает оставаться неорганизованным. Вследствие сего я оказался вынужденным просить принять на себя заботу об этом деле, с разрешения его величества, начальника главного управления генерального штаба генерала Беляева; ему же было поручено председательствование в особой комиссии по разгрузке Петрограда. 17 августа генерал Беляев сообщил, что военный министр воспретил ему принимать участие в трудах, мною на него возложенных. Таким образом, из двух сотрудников, мною избранных для содействия мне в выполнении обязанностей по особым полномочиям, на меня возложенным, мне пришлось одного лишиться, и притом в такую минуту, когда вопрос о регулировании дела с военнопленными является особенно спешным и жгучим, равно как и вопрос о разгрузке Петрограда. Такого рода поступок военного министра генерала Шуваева я не могу признать оправдываемым тем соображением, что генерал Беляев не может исполнять чужие поручения, будучи назначен с должности начальника генерального штаба членом военного совета, ибо те же поручения он исполнял с разрешения его величества, будучи начальником генерального штаба.

Вообще я должен был доложить его величеству, что за последнее время военный министр открыто выступал против всех распоряжений, которые проводятся советом министров. Так, например, вопреки высочайше одобренному журналу совета министров о сокращении деятельности военно-промышленных комитетов по военным заказам, и несмотря на одобрительную отметку его величества, оглашенную в совете министров, генерал Шуваев в заседании особого совещания, при участии министров, 17 августа заявил, что он заказы попрежнему оставил за военно-промышленными комитетами, так как он не имеет в своем распоряжении тысячи чиновников, которые могли бы заменить общественных деятелей, работающих в военно-промышленных комитетах.

4. Мною было доложено, что исполнение обязанностей, на меня возложенных по особым полномочиям, в течение 6 недель убедило меня в том, что делу снабжения армии и флота и организации тыла надлежало бы придать большее объединение и совместить хотя бы некоторые отдельные его части, ныне разбросанные по разным ведомствам, в руках одного лица. В этом отношении можно было бы итти двумя путями. С одной стороны, возможно, по примеру Франции, образовать отдельное министерство снабжений. Однако этот способ потребовал бы значительного времени на создание как центрального органа, так и местных организаций. Поэтому предпочтительнее было бы приурочить новое построение к существующим уже организациям. Первое и главнейшее дело снабжения — продовольственное дело, ныне сосредоточенное в министерстве земледелия, должно быть отдано в исключительное распоряжение особого товарища министра, с освобождением его от всяких других занятий по ведомству; на него могли бы быть возложены и другие обязанности по снабжению страны, как, например, борьба с дороговизной, ведение угольного дела, распределение военнопленных. Вопрос о том, надлежит ли сюда присоединить интендантскую часть, а также металлургическую и артиллерийскую — подлежит особому обсуждению.

5. По вопросу об урегулировании положения дел в Донецком бассейне его величеству благоугодно было согласиться на назначение туда особого лица, в виде временного генерал-губернатора.

6. Мною было доложено, что по вопросу о премировании заводов, работающих на оборону, за увеличение их производительности, особое совещание признало премировку нецелесообразной, в виду чего мною предложено было военному министру предположение об этом оставить без движения. Решение особого совещания было основано на данных, представленных министром торговли и промышленности, который свидетельствовал, что премировка назначается не по сравнению с тем, что заводы должны были поставить, а по сравнению с тем, что они фактически поставили, безотносительно к их неисправности. Премировка справедлива, если завод, взявшийся поставить в июне месяце 1000 снарядов и исправно их изготовивший, в июле месяце выработает не только прежние 1000, но 1200 снарядов. Лишние 200 снарядов подлежат премировке. Если же завод, взявшийся в июне поставить 1000 снарядов, изготовил всего 200, то-есть не исполнил контракта, а в июле выработал 210 снарядов, то эти последние 10 не подлежат премировке. Совещание согласилось с этим и признало дело премирования неправильно поставленным.

Его величество соизволил указать, что, согласно докладу генерала Алексеева, военный министр сообщил ему о своем опасении, что запрещение премирования отразится на производительности Тульских заводов. Мною было доложено, что о неисправности Тульских заводов не было никаких указаний, а дело

касалось целого ряда других более мелких заводов, которые допускали злоупотребления в этой области, безмерно обременяя казну. Изложенные соображения находятся в соответствии и с заключением совета министров, от 22 июля, об образовании при государственном контроле особого совещания для урегулирования цен на казенные заказы, в виду роста военных расходов, достигающих $33^1/_2$ миллионов в день и грозящих совершенным финансовым истощением империи. При этом мною было оговорено, что, если штаб верховного главнокомандующего усматривает какую-либо опасность от отмены премировки, в смысле ослабления снабжения армии боевыми средствами, то военному министру могло бы быть указано на допустимость премирования, но при условии систематического и сурового преследования тех заводских предприятий, которые не выполняют контрактных условий. Его величество на это соизволил, о чем мною перед отъездом из ставки было сообщено генерал-адъютанту Алексееву. Вместе с тем мною было обращено внимание его величества на то, что в решении совещания участвовал помощник военного министра Гарин, который, хотя и указывал на преимущества премирования, но постановление совещания подписал без оговорок.

7. Мною была доложена его величеству памятная записка, представленная мне графом Велепольским, в которой он, от имени всей русской Польши, ходатайствует о скорейшем обнародовании государственного акта, определяющего план и основание будущего устройства Польши, а также представленная мне графом Велепольским телеграмма из Evian les Bains, подписанная Piltz, которая утверждает о необходимости, в виду германских происков, знать, когда и какого рода государственный акт будет обнародован. Его величество изволил мне указать, что он еще не ознакомился с проектами манифестов, выработанными членами совета министров. Коснувшись вопроса о времени обнародования манифеста, то-есть немедленно, или при вступлении победоносных русских войск в пределы русской Польши, я осмелился высказать его величеству следующие соображения.

Обнародование в настоящее время манифеста о даровании царству польскому автономии встретит недоумение в народе, который не поймет, чем вызван такой манифест, относящийся только к одной народности империи. Если причину искать в разорении Польши германскими войсками, то такому же разорению подверглись и другие национальности: латыши, эсты и проч., которые никаких льгот за это не получают. Весь русский народ принес одинаковые жертвы своим достоянием и сынами на защиту родины. Мне лично представлялось бы желательным, чтобы высочайший манифест об автономии Польши совпал со вступлением русских войск в ее пределы, или же, чтобы этому манифесту предшествовал другой государственный акт, относящийся ко всей державе Российской. Мне казалось бы возможным ныне же объявить России и Европе о состоявшемся договоре с нашими

союзниками — Францией и Англией — об уступке России Константинополя, проливов и береговых полос. Впечатление, которое произведет в России осуществление исторических заветов, будет огромное. Известие это может быть изложено в виде правительственного сообщения. На другой же день, в том же «Правительственном Вестнике», может появиться манифест о даровании автономии полякам, то-есть наиболее многочисленной национальности, обитающей в России, и притом славянского происхождения. Его величество осведомился относительно способов возможного выполнения проектированного оглашения уступки нам Константинополя и проливов. Я имел случай обменяться мнениями с послами великобританским и французским, которые не встречают к сему препятствий. Ныне, в виду окончательного вступления Италии в союз с нами, предстоит выслушать заключение итальянского посла. По получении согласия правительств всех трех держав, мною будет представлен его величеству проект правительственного сообщения.[1]

8. Доложено было всеподданнейшее ходатайство екатеринославского губернского предводителя дворянства, сенатора князя Н. П. Урусова об освобождении его от заведывания беженцами юго-западного фронта. Князь Урусов вместе с тем ходатайствовал о том, чтобы причитавшееся ему жалование за 14 месяцев исполнения им должности главноуполномоченного, по 1000 рублей в месяц, всего 14 000 рублей, ему было разрешено предоставить в распоряжение его величества на нужды войны. Его императорское величество всемилостивейше соизволил как на увольнение князя Урусова, так и на обращение на нужды войны 14 000 рублей, жертвуемых им, и, по моему заявлению, высочайше соизволил на разрешение мне переговорить со статс-секретарем Куломзиным относительно назначения в будущем сенатора князя Урусова членом Государственного Совета.

9. Относительно замещения вакантной должности обер-прокурора святейшего синода его императорское величество приказал вызвать к нему на 25 или 26 августа члена совета министра народного просвещения Н. П. Раева.[2]

Доклад 21 августа 1916 г.

По министерству иностранных дел.

1. Доложено о заявлениях короля Николая Черногорского о возможности для него отречься от престола в Черногории с тем, чтобы Черногория объединилась с Сербией под скипетром королевича Александра сербского, но при условии, чтобы наследником его был сын Николая Черногорского, королевич Данило. Мною

[1] См. примечания.

[2] 30 августа 1916 г. Раев был назначен обер-прокурором.

было при этом доложено, что прежде всего не выяснены окончательно причины, заставившие короля Николая сделать приведенное заявление; затем, для его осуществления и для возведения королевича Александра на соединенный престол Сербии и Черногории, необходимо еще и отречение от престола короля Петра сербского. Его величество, с своей стороны, не видел возражений к такому объединению двух сербских государств, но о королевиче Даниле отозвался весьма неодобрительно.[1]

2. В отношении Болгарии его величество выслушал мой доклад, основанный на заявлениях, идущих из Румынии, о том, что между представителями румынских и болгарских властей происходят переговоры относительно перехода Болгарии на сторону России и ее союзников. Его величество одобрил мое предложение о том, что никакие переговоры с Болгарией невозможны, пока на престоле остается король Фердинанд. Инициатива переговоров ни в каком случае не должна принадлежать России. Обращение к переговорам возможно только после нанесения Болгарии поражения на поле сражения. Предпочтительнее, чтобы переговоры велись и не через посредство союзных держав, а через отдельных болгарских подданных, из числа оппозиции, преданность коих России удостоверена. Его величество допускает возможность вести переговоры в том случае, если Фердинанд откажется от престола в пользу своего сына Бориса, крестника государя императора.[2]

3. В отношении Греции его величество соизволил разрешить нашему посланнику в Афинах присоединиться к посланникам Франции и Англии в предъявлении к греческому правительству, в виду удостоверенного факта сигнализации греческого штаба германско-болгарскому штабу о военных действиях союзников, требования предоставить заведывание почтами и телеграфом союзным правительствам, немедленно выслать из Афин всех германских подданных и выдать союзникам все находящиеся в греческих водах суда воюющих с нами держав.[3]

4. Доложен инцидент о напечатании в газете «Российский Гражданин», издаваемой Булацелем, порицания действий английского правительства и о том впечатлении, которое эта критика произвела в Англии и выразилась в заявлениях лорда Грэя. Мною доложено, что Булацель напечатал извинение, вполне удовлетворившее английского посла и его правительство, и что, по моему распоряжению, на журнал «Российский Гражданин» наложена предварительная цензура.[4]

5. Доложено о заявлении, сделанном мне английским послом Бьюкененом относительно дошедших до него слухов, что пред-

---

[1] См. примечания.

[2] См. здесь «Из области балканской политики», стр. 50 — 53.

[3] См. там же, стр. 40 — 45.

[4] См. примечания.

стоит назначение на должность товарища министра иностранных дел посланника в Португалии Боткина. Бьюкенен заявил, что, лично знакомый с Боткиным по одновременному их пребыванию на Западе и лично ценя его таланты и способности, он вместе с тем не может не вспомнить о неоднократно высказывавшихся Боткиным симпатиях к Германии и приверженности его к союзу с нею. Возможность назначения его в настоящее время товарищем министра иностранных дел могла бы возбудить в Англии подозрение в изменении прежних сердечных отношений к тройственному союзу. Ответ мой был, что я не предполагал расстаться с кем-нибудь из моих двух товарищей, и таким образом о назначении Боткина не было и речи.[1]

6. Было доложено о деятельности директора второго департамента барона Нольде и о предполагавшейся поездке его в Англию с Милюковым и Струве для чтения лекций о России.

Доклад 10 сентября 1916 г.

10 сентября в царской ставке было доложено его императорскому величеству о нижеследующем.

1. Представлены два перечня совещания по особым полномочиям, от 25 августа и 2 сентября (остались у его величества).

2. Наиболее жгучий современный вопрос о дороговизне. Доложено письмо генерал-адъютанта Алексеева, от 30 августа (№ 4714), в котором выражено сомнение в пользе труда комиссий и совещаний и указывается на необходимость смелых и решительных мероприятий, а также на настоятельность неумолимой борьбы со спекуляциями банков, несомненно направляемых чьей-то злою рукою. Его императорскому величеству мною доложено, что меры общегосударственного характера должны быть подвергнуты обсуждению сведущих и ответственных лиц, и так как проявления современной жизни тесно переплетены между собой, то решительная мера в одном направлении должна быть соображена с последствиями ее в других областях.

Особый комитет по борьбе с дороговизной был высочайше утвержден 29 июля с. г., деятельность его началась в первых числах августа; за истекшие 5 недель ему пришлось снестись со всеми губерниями для выяснения предметов, дороговизна которых наиболее чувствительна для населения. Разработка полученного материала, законченная к 10 сентября, выяснила, что дороговизна отражается на следующих предметах первой необходимости: 1) продовольствии, 2) отоплении, 3) освещении, 4) мыле, 5) тканях, 6) обуви, 7) железе и гвоздях и 8) кормовых средствах.

Первопричиною дороговизны является падение курса рубля, вызванное обилием денежных знаков. За предмет, за который до войны уплачивалась одна рублевая бумажка, теперь требуются

[1] См. примечания.

две рублевые бумажки. Изучение материала, присланного из губерний, убеждает в том, что от дороговизны страдают города, благосостояние же сельского населения всё растет. Вследствие сего деревня продукты своего хозяйства не продает, не нуждаясь в деньгах, или задерживает продажу в ожидании подъема цен. С другой стороны, благодаря обилию денег, деревня приобретает предметы городского обихода, прежде для нее недоступные, и этим еще увеличивает цены на такие предметы. Торговцы также задерживают продажу, ожидая повышения цен.

Борьба с дороговизной со стороны центральной власти выражается в установлении предельных цен, в образовании запасов и в кредитовании местных общественных учреждений. Мероприятия местных начальств сводятся к запрещению вывоза из губернии, к таксировке предметов первой необходимости и к изданию обязательных постановлений для урегулирования торговли. Запрещения вывоза оказались не всегда целесообразными; таксы ведут к исчезновению товара; обязательные постановления оказываются несостоятельными. Наиболее существенными мерами для борьбы с дороговизной особый комитет признал: 1) установление твердых цен на зерновые продукты. Это мероприятие проведено через особое совещание по продовольствию и по обороне и, накануне настоящего доклада, а именно 9 сентября, пересмотрено в совете министров и получило окончательное утверждение; 2) проведение закона об уголовной ответственности за чрезмерное повышение цен на товары, за их сокрытие и отказ в продаже. Выработанный на сей предмет закон высочайше утвержден 6 сего сентября и ныне приводится в действие по всей России. На обсуждение в ближайшие дни поставлены вопросы о мероприятиях для облегчения железоделательной и мануфактурной промышленности, для образования субсидируемого казною торгового товарищества, для учреждения в каждой губернии уполномоченных министерства торговли по каждой отрасли промышленности и учреждения на местах, под председательством губернаторов, комитетов для борьбы с дороговизной. Главное внимание, по заключению комитета, должно быть обращено на борьбу со спекуляцией. Выполнение этой задачи исключительно силами полиции, повсеместно недостаточной в числе и переобремененной другими обязанностями, малоуспешно, и надлежит к этому делу привлечь в местные комитеты само население, лучше осведомленное и заинтересованное в обнаружении скрываемых товаров. Необходима также реквизиция товаров, с предоставлением этого права местной власти. Применение к жизни уже установленных мероприятий и дальнейшая разработка намеченных мер является ближайшей задачею деятельности комитета по дороговизне. Что же касается экстренных мероприятий против зловредной спекуляции банков, указанной в письме генерала Алексеева, то преследуемая в этом отношении цель могла бы быть достигнута только путем предоставления министру финансов права

ревизии и контроля деятельности всех банковых учреждений. Вопрос этот возбуждался в правительственных сферах минувшею весною, при чем признано было соответственным провести его разрешение законодательным порядком. Имелось в виду, что проведение по 87 ст. мер, которые должны произвести такой переворот во всем финансовом строе империи, может вызвать со стороны Государственной Думы возражение и отмену правительственного мероприятия, удостоившегося высочайшего утверждения. Ныне генерал Алексеев, в упомянутом письме от 30 августа, указывает, что преступная деятельность банков в области спекуляции самым серьезным образом отражается на настроении армии и угрожает принять размеры государственного бедствия. В виду такого рода заявления председателем совета министров немедленно был внесен и 6 сентября проведен через совет министров проект закона о предоставлении министру финансов права банковских ревизий в известных пределах.

На это его императорское величество соизволил указать, что накануне министр финансов о таковом постановлении совета министров ему докладывал, и оно встречает со стороны его императорского величества полное одобрение.

Вся программа правительственной деятельности по борьбе с дороговизной удостоилась высочайшего его императорского величества одобрения.

Мною также было доложено его величеству о ценах на хлеба, как по сравнению с прошлым годом, так и о тех твердых ценах, которые были утверждены в особом совещании по продовольствию и затем понижены по постановлению совета министров, от 9 сентября.

3. Его императорскому величеству было мною представлено, что, — во исполнение высказанного им минувшим летом взгляда, о желательности обнародования во всеобщее сведение данных, доказывающих, что успешность деятельности общественных учреждений по обслуживанию нужд армии обеспечивается исключительно средствами казны, — 3 июля сего года в газетах был напечатан отчет государственного контроля о хозяйстве военно-промышленных комитетов. Следуя по тому же пути, предстояло бы ныне обнародовать сведения об ассигновании средств из казны, предоставленных правительством в распоряжение земского и городского союзов. При этом надлежало бы отметить, что размер ассигнований земских учреждений на дело помощи больным и раненым воинам ограничился по всей России суммою 12 миллионов рублей, из которых на самом деле было израсходовано около 4 миллионов рублей, городами же пожертвовано всего . . .[1] рублей. Что же касается до общей суммы воспособлений, оказанных из казны общественным организациям, то они к 1 сентября 1916 г. достигли цифры 534 548 656 р.

[1] Цифра пропущена в подлиннике.

Его императорское величество соизволил одобрить предположенное обнародование приведенных цифр.

4. Доложен вопрос о трудах комиссии по разгрузке Петрограда. Возможность эвакуации войсковых частей из столицы окончательно установлена в размере 60 000 чел., которые могут быть переведены в ближайшие к Петрограду местности, в коих с лета 1915 г. сооружаются бараки для расквартирования местных войск. Вопрос об эвакуации из Петрограда лазаретов, признаваемый осуществимым генерал-адъютантом Алексеевым, встречает возражения со стороны верховного начальника санитарной и эвакуационной части его высочества принца Ольденбургского и может быть разрешен на ближайших днях. Совещание по особым полномочиям высказалось за создание нового распределительного пункта в Новгороде и за более рациональное перераспределение окружных эвакуационных пунктов, так как, при ныне существующем порядке, к петроградскому распределителю отнесены, например, Пермь и Вятка.

По вопросу об эвакуации фабрично-заводских предприятий совещание по особым полномочиям, соглашаясь с заключением начальника штаба верховного главнокомандующего, высказалось за возможность эвакуации только тех предприятий, которые не работают на дело обороны государства. Перечень таковых поручено составить министерству торговли и промышленности.

Вопрос об эвакуации учебных заведений решен всеми ведомствами в отрицательном смысле.

Эвакуация беженцев признана возможной в размере выселения 20 000 чел.

5. Испрошены указания его императорского величества о назначении главноуправляющего вновь учрежденным ведомством государственного здравоохранения. Высочайше повелено назначить члена Государственного Совета почетного лейб-хирурга, академика Рейна. О назначении ему товарища предоставлено доложить самому Рейну.

6. Доложен особый журнал совета министров 23 августа о составлении наказа члену Государственного Совета Дейтриху и члену того же Совета Муратову по возложенным на них обязанностям обследования сахарной и кожевенной промышленности и торговли. На журнале государь император изволил отметить «согласен», а на проектах наказов обоим упомянутым лицам — «утверждаю».

7. Его величеству вручен проект манифеста польскому народу, составленный согласно высочайшим указаниям, с исключениями из проекта большинства членов совета министров, зачеркнутыми синим карандашем собственною рукою его императорского величества. На второй странице манифеста, после слов о закреплении даруемой народу польскому широкой свободы в строении его внутреннего быта, добавлены слова: «во всех делах местного значения». Его величество такое добавление одобрил.

Манифест его величество оставил у себя, высказав при этом, что он предполагает его обнародовать только по вступлении русских войск в занятые неприятелем пределы Польши.[1]

8. Мною был затронут вопрос о том, получает ли осуществление проект об учреждении особого управления по снабжению армии и тыла. Его императорское величество соизволил ответить, что эта мысль оставлена.

9. Мною было доложено, что, по полученным мною от управления Таврического дворца, а также от министра внутренних дел, сведениям, 6 сентября в Государственной Думе, в кабинете ее председателя и под председательством М. В. Родзянко, состоялось совещание членов Думы, сделавших постановление о необходимости перемены состава нынешнего правительства, неспособного справиться о полным развалом тыла. Совещание поручило М. В. Родзянко испросить высочайшую аудиенцию и доложить государю императору о необходимости образования нового кабинета в составе лиц, облеченных общественным доверием, а также о необходимости ускорить срок созыва Государственной Думы. При этом мною было доложено его императорскому величеству, что в Учр. Гос. Думы (Св. Зак. т. I, изд. 1906 г.) заключается только одна ст. 10, предоставляющая председателю Государственной Думы всеподданнейше повергать на высочайшее благовоззрение о занятиях Думы.

Его императорское величество высказал, что он до настоящего времени никакого ходатайства от председателя Государственной Думы не получал и в свое время о принятом им решении мне сообщит.

10. Было доложено о моем ходатайстве, представленном мною в бытность министром внутренних дел, о приведении в действие высочайшего соизволения, объявленного моему предместнику А. Н. Хвостову, относительно назначения директора департамента полиции Климовича к присутствованию в правительствующем сенате. О получении на сие высочайшего разрешения мною было тогда же сообщено бывшему министру юстиции А. А. Хвостову, которому мною было передано и прошение генерала Климовича об увольнении его от занимаемой должности и назначении сенатором. Ранее, чем Хвостов, как министр юстиции, успел войти с докладом о сем к его императорскому величеству, он был перемещен на должность министра внутренних дел. Он заявил мне, что должен повременить с освобождением Климовича от обязанностей директора департамента полиции, за неимением подходящего кандидата и в виду необходимости ближайшим образом познакомиться с настоящим делом. При моем напоминании ему, через месяц, о необходимости представить упомянутый всеподданнейший доклад, он ответил, что ожидает назначения нового товарища министра Бальца для приискания, по его совету, заместителя генерала Климовича. С этого времени прошел еще месяц,

[1] См. далее — «Польский вопрос», стр. 172 — 197.

и, повидимому, всякая мысль об удалении Климовича оставлена. Между тем 4-месячное мое служение с названным лицом в министерстве внутренних дел категорически убедило меня в том, что Климович никак не может считаться в переживаемых нами современных условиях настоящим руководителем столь важного дела. Замещение его другим более способным лицом является для меня неотложно необходимым.

Его величество соизволил указать, чтобы, по моем возвращении в Петроград, мною было предложено министру юстиции Макарову безотлагательно выслать его величеству проект высочайшего указа о назначении генерала Климовича сенатором.[1]

Доклад 9 октября 1916 г.

В царской ставке было доложено его императорскому величеству о нижеследующем:

1. Вручены его императорскому величеству перечни мер, принятых за время с 17 по 24 сентября 1916 г. совещанием по особым полномочиям (зак. 3 июля 1916 г.).

Государь император изволил эти перечни оставить у себя для прочтения.

2. Доложено о положении продовольственного дела в империи и, в первую очередь, об обеспечении продовольствием Петрограда и Москвы. Доложена переписка с главнокомандующим армиями северного фронта генерал-адъютантом Рузским относительно продовольствия Петрограда. Генерал Рузский обратился за содействием к председателю совета министров для преподания указаний отдельным ведомствам о принятии мер против надвигающегося продовольственного кризиса и его последствий. Мною было изложено, что, в ответ на это письмо, я должен был разъяснить генералу Рузскому, что продовольственное дело, по закону 17 августа 1915 г., передано всецело в ведение особого совещания по продовольственному делу, состоящего под председательством министра земледелия, при чем в законе указано, что контроль над этим совещанием не предоставляется никакому правительственному учреждению. Таким образом, со стороны правительства в деле облегчения продовольственных задач возможны только отдельные мероприятия общего характера для содействия обеспечению продовольствием населения. Правительством проведены за последнее время следующие меры: 1) запрещение вывоза яиц из России, 2) издание закона о беспошлинном привозе сахара из-за границы, 3) издание закона об уголовных карах за спекуляцию, 4) установление надзора м-ва финансов за деятельностью банков, 5) согласование деятельности железнодорожных путей, 6) расширение водных перевозок товаров, 7) разрешение вопроса о частичной разгрузке Петрограда, 8) принятие мер к отмене запрещения

[1] См. здесь, стр. 142 — 144, «сводка» Штюрмера от 1 августа, п. 15.

вывоза из Финляндии молочных продуктов и т. д. За всем тем остальная деятельность по обеспечению продовольствием империи находится в руках министерства земледелия и его специальной организации, на которой всецело и лежит ответственность за положение продовольственного дела.

Его императорское величество повелел изготовить для него краткую записку с изложением продовольственного дела к 15 октября с. г., с указанием распределения продовольственных обязанностей между правительством и общественными организациями.

Было доложено мною, что неоднократно возбуждавшийся вопрос о предпочтительности возвращения всего продовольственного дела в ведение министерства внутренних дел встречает сочувствие большинства министров, и на это перемещение прежде всего согласен министр земледелия, которым и выработана для сего особая схема организации деятельности органов по продовольствию. [1]

Его императорское величество к такой новой постановке дела отнесся сочувственно. Мною было доложено, что мероприятие это должно быть проведено по 87 ст. Осн. Зак., и в этом же порядке должно произойти изменение закона 17 августа 1915 г. в смысле передачи председательствования в особом совещании по продовольствию из рук м-ва земледелия в руки м-ва внутренних дел.

3. Доложено сообщение министра внутренних дел [2] о полученных им, при всеподданнейшем докладе 27 сентября 1916 г., высочайших указаниях о разрешении целого ряда вопросов государственного значения. Мною был поставлен вопрос о том, как понимать эти указания: в смысле ли высочайшей воли, подлежащей немедленному исполнению, или в качестве личных мыслей его величества по отдельным вопросам.

Его величество изволил указать, что по всем упомянутым выше вопросам он только сообщал новому министру ход своих мыслей, а воплощение их в жизнь должно итти обычным путем.

По отношению к данному его императорским величеством указанию об усилении власти губернаторов доложено, что губернаторам циркулярно сообщено о необходимости в своей деятельности руководствоваться статьями 270 и след. Общ. Учр. Губ., в силу которых губернаторы, являясь представителями высочайшей власти в губернии и отвечая за спокойствие в ней, должны иметь наблюдение за всеми отраслями управления в пределах губернии и не должны ограничиваться только одними административными функциями.

Заботы об обеспечении населения продовольствием и запасами должны быть соображены с имеющим быть установленным порядком заведывания продовольственным делом.

4. Относительно расходов на предстоящие выборы в законодательные учреждения и испрошенного министром внутренних

---

[1] См. примечания.

[2] Протопопов.

дел согласия на проведение всех расходов по настоящему делу через государственный контроль, мною было высказано опасение, что, при таком порядке отчетности, требующем личной подписи в получении денег, весьма многие будут отказываться от содействия правительству в деле выборов, опасаясь, что участие их в этом деле будет обнаружено благодаря их подписям.

Его величество изволил указать переговорить о сем с министром внутренних дел.

По делу о будущих выборах в Государственную Думу доложено о деятельности А. Н. Хвостова. [1]

5. По просьбе министра внутренних дел мною доложено, что министр финансов, соглашаясь обеспечить пенсией в 6000 руб. всех губернаторов, кои будут признаны подлежащими отставлению от должности, а также членов совета министра вн. дел, бывших губернаторами, не соглашается на обеспечение пенсией в 3 — 4000 руб. в год имеющих быть освобожденными от службы вице-губернаторов.

Его величество разрешил мне переговорить по сему предмету с министром финансов.

На доклад мой о намерении министра внутренних дел назначить генерал-лейтенанта Курлова командиром отдельного корпуса жандармов и поручить ему высшее руководство департаментом полиции, для чего он предполагает освободить от должности командира корпуса графа Татищева, с назначением его финляндским генерал-губернатором, его величество указал, что в настоящее время он не предполагает увольнять генерала Зейна от должности финляндского генерал-губернатора, и что генералу Курлову в настоящее время может быть поручен объезд различных местностей империи для объединения мероприятий по продовольственной части, о чем ходатайствовал управляющий министерством внутренних дел в первый свой доклад.

6. По делу о разгрузке Петрограда доложено, что особое совещание, ознакомившись с трудами комиссии генерала Беляева, пришло к заключению, что удалить из столицы, в виду продовольственных ее затруднений, возможно только не свыше 80 000 нижних чинов и около 20 000 беженцев.

7. Доложено, что заем на покрытие расходов на железнодорожное строительство, объявленный на сумму 350 миллионов, в три дня подписки, 27 — 29 сентября, достиг суммы свыше 1 миллиарда 400 миллионов, вследствие чего между подписчиками была произведена разверстка, и они получат лишь 23% подписанной ими суммы. [2]

8. Доложено о положении металлургического дела. Разверстка металлов между артиллерийским ведомством и министерством

---

[1] См. далее «Проект выборов в V Думу», стр. 223 — 225.

[2] Подробности об этом см. в моей книге «Политика Романовых», стр. 130 — 140.

путей сообщения на октябрь месяц выполнена согласно плану артиллерийского управления; на ноябрь же месяц для нужд артиллерийского ведомства обнаружится недохватка в 1 200 000 пуд. металла, необходимого для выработки тяжелых снарядов, что может быть устранено только путем уменьшения количества изготовляемых для ведомства путей сообщения рельсов. Военный министр, препровождая мне копию письма своего на имя начальника штаба верховного главнокомандующего, обращается к сему последнему с просьбою дать указания о том, возможно ли, сохраняя норму выпуска металла для м-ва путей сообщения, сознательно итти на уменьшение выделки снарядов для действующей армии.

Его императорское величество соизволил указать, что он на другой день переговорит о сем с генералом Алексеевым.

9. Представлена была его императорскому величеству составленная министром путей сообщения записка о целесообразности образования особого учреждения для проведения в жизни реформ, необходимых для оживления и использования нашего Севера. Предварительно проведения необходимых мероприятий в законодательном порядке, представлялось бы желательным образовать междуведомственное совещание, под председательством особого лица по избранию его величества, в составе представителей ведомств: внутренних дел, военного, морского, путей сообщения, финансов, торговли и промышленности и земледелия.

Его величество одобрил представленное предположение, указав, что назначение председательствующего должно быть отложено впредь до выяснения положения на Севере русских рабочих и военнопленных, для чего, вследствие дошедших до него слухов, он признал необходимым командировать для проверки оных свиты генерал-майора князя Багратиона. На докладе сделан его императорским величеством знак рассмотрения.

10. Доложено его величеству об опубликовании в газетах сведений относительно ассигновки из государственного казначейства денег, свыше $^1/_2$ миллиарда рублей, на осуществление земскими и городскими союзами задач лечения и призрения раненых воинов и их семейств. Текст, опубликованный в «Сельском Вестнике», его величество изволил оставить у себя. [1]

11. Доложены данные главного управления генерального штаба об общем числе военно-пленных в пределах империи к 7 октября 1916 г. Общее число их 1 276 762 чел. Изложено распределение их по роду работ.

12. Представлен доклад министра юстиции о назначении товарища министра внутренних дел Степанова к присутствованию в правительствующем сенате и приложенный к сему докладу указ сенату.

Его императорское величество изволил указ подписать.

13. Представлен мой всеподданнейший доклад о назначении ст. сов. Фогеля начальником отделения канцелярии совета мини-

[1] См. примечания.

стров с оставлением в должности чиновника особых поручений IV класса, сверх штата, при министре внутренних дел и членом консультации, при министерстве юстиции учрежденной.

Его императорское величество изволил поставить на докладе отметку «согласен».

14. Его величеству передана докладная записка главноуправляющего государственным здравоохранением Рейна, просившего разрешения представить доклад его величеству.

На докладе рукою его величества отмечено «12 октября в 6 часов». Его величество поручил мне уведомить о сем Рейна.

15. По просьбе министра путей сообщения Трепова, мною представлена была его величеству копия с письма названного министра на имя начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Алексеева, в коем А. Ф. Трепов заявляет о неспособности генерала Ронжина и инженера Паукера вести железнодорожное дело в районе военных действий и указывает на необходимость контроля над ними со стороны особого, поставленного им, Треповым, лица. Таковым лицом он признает товарища министра путей сообщения Войновского-Кригера.

Его императорское величество высказал, что это дело ему уже знакомо, и выразил желание на другой день переговорить о сем с генералом Алексеевым.

16. Его императорскому величеству мною представлен экземпляр письма на имя генерала Алексеева от члена Государственного Совета А. И. Гучкова с изветами на генерала Беляева, министров: путей сообщения — Трепова, торговли и промышленности — князя Шаховского, земледелия — графа Бобринского, а также на председателя совета министров. При этом его величеству мною доложено, что, по полученным мною из департамента общих дел сведениям, копии этого письма распространяются в десятках тысяч экземпляров по всей России, о чем, между прочим, утром свидетельствовал также витебский губернатор.

Его императорское величество соизволил указать, что экземпляр такого же письма находится у него в руках. По этому поводу он спрашивал объяснения у генерала Алексеева, который представил его величеству, что он никогда ни в какой переписке с Гучковым не состоял и что о данном письме он узнал в то же утро из письма своей жены, затем из письма генерала Эверта, который, присылая ему экземпляр того же письма, распространяемого в подведомственных ему войсках, упрекал его, Алексеева, в ведении переписки с таким негодяем, как Гучков; наконец, он об этом письме узнает от его величества. Прислал ли ему Гучков лично такое письмо — ему, Алексееву, неизвестно, и, по осмотре им ящиков своего стола, такого письма им не найдено. Его величество изволил указать Алексееву на недопустимость такого рода переписки с человеком, заведомо относящимся с полной ненавистью к монархии и династии.

Мною было изложено, что лично я ни малейшим образом не смущен указанием в письме на способность мою стать предателем отечества, так как, если бы такое обвинение остановило бы на себе внимание его императорского величества, то я не имел бы в настоящее время счастья представлять ему доклад по государственным делам. Государь император изволил прервать меня словами: «Б. В.,[1] ведь вы знаете, с каким доверием я отношусь к вам. Какие же у вас могут быть сомнения? В чем же дело? Посмотрите мне в глаза прямо, открыто. Ну что, теперь верите вы мне?». На это я мог выразить его величеству лишь мою беспредельную благодарность. Вместе с тем мною было доложено, что Гучков рассылает, а также представил генералу Алексееву письма с противоречащим истине изложением моего отношения к вопросу о премировании заводов, работающих на оборону. Письмо же на мое имя генерала Алексеева, признающего, что такое толкование есть результат досадного недоразумения, остается неопубликованным. При таких условиях, обвинение меня должно быть признано неопровергнутым и восстановить истину может только один генерал Алексеев, который, однако, этого не делает. Мною испрошено разрешение государя императора изыскать способ опровержения ложных указаний путем распространения об этом факте правды в военных сферах.

Его величество изволил одобрить высказанные мною предположения.

Для характеристики Гучкова мною был представлен препровожденный мне из министерства внутренних дел отчет о заседаниях происходившего 26 — 27 сентября в Петрограде съезда представителей областных военно-промышленных комитетов, на коих Гучков изъявил согласие ополчиться на борьбу с правительственной властью, а также было признано необходимым спасти Россию от продовольственного кризиса путем организации общественных сил: съезд, под председательством Гучкова, принял резолюцию о борьбе против власти.

Его величество изволил высказать, что, для прекращения подобных выступлений достаточно предупредить Гучкова о том, что он подвергнется высылке из столиц.[2]

17. Его императорскому величеству мною было подробно изложено о необходимости принятия мер к введению печати обеих столиц в более строгие рамки и к соблюдению цензурного устава. В Петрограде, находящемся на театре военных действий, действует временное положение о военной цензуре, а на самом деле, с первых же дней военного времени, предварительная цензура к газетам не применяется; в Москве же военной цензуры вовсе не существует, так как этот город не находится на театре войны. Представлялось бы необходимым прежде всего

---

[1] Борис Владимирович Штюрмер.

[2] См. далее — «Ген. Алексеев и Гучков», стр. 276 — 283.

ввести военную цензуру в Москве, без объявления последней состоящею на театре войны. Возможность сего указывается в ст. 12 правил о местностях, объявленных на военном положении (прил. к ст. 23 Общ. Учр. Губ.). Такое нововведение лучше всего было бы провести путем всеподданнейшего доклада через военного министра.

Его величество на сие соизволил, приказав мне войти в сношение с генералом Шуваевым.

18. По вопросам, касающимся Государственной Думы, мною было доложено о переписке председательствующего в бюджетной комиссии относительно приглашения представителей правительства для объяснений по поводу мер для правильного снабжения войск и населения предметами первой необходимости, при чем представлено подробное объяснение о причинах отказа правительства.

По представлении в таком порядке своих объяснений, прочтено письмо председателя Государственной Думы от 6 октября, о признании им необходимым созыва Государственной Думы ранее 1 ноября.

Его величество изволил ответить категорическим отказом на созыв Государственной Думы ранее определенного в высочайшем указе 18 июня 1916 г. срока — 1 ноября.[1]

Мною представлено его императорскому величеству, что предстоящая сессия Государственной Думы обещает быть весьма неспокойной. С критикой всех мероприятий правительства, особенно по продовольственной части, готовятся выступить все члены Государственной Думы, побуждаемые соображениями о предстоящих в 1917 г. новых выборах в Думу и желанием отличиться перед своими выборщиками в видах своего переизбрания. Рассчитывать на регулирование прений со стороны председателя Думы не представляется возможным в виду нравственных качеств последнего. Правительство располагает только одним средством для борьбы с необузданностью речей: оно может требовать слушания дела при закрытых дверях. Закрытие дверей исключает возможность опубликования стенограмм и появления их в печати. О сем мною будет внесено на ближайших днях на обсуждение совета министров. В случае невозможности этим путем удержать противоправительственные демонстрации в Государственной Думе, останется прибегнуть к ее закрытию. О неизбежности такой меры мною будет представлено на благоусмотрение его императорского величества.

19. Вслед за сим мною было доложено государю императору о серьезных затруднениях, встречаемых правительством в проведении государственных мероприятий. Государственная Дума с самого начала своей законодательной деятельности никогда не представлялась для правительства точкой опоры. Сия последняя существовала только в лице Государственного Совета, кото-

[1] См. примечания.

рый, под председательством покойного М. Г. Акимова, давал отпор несдержанности Государственной Думы. С назначением председателем Государственного Совета Куломзина, внутренний строй Государственного Совета преобразился. Первую роль в нем играет так называемый блок, руководимый В. Н. Коковцовым. При таких условиях и при существующем настроении в Государственной Думе, представляется несомненным, что правительству нельзя будет опираться на Государственный Совет; личный состав сего последнего должен подвергнуться коренным изменениям. Прежде всего, А. Н. Куломзин должен быть заменен другим, более энергичным лицом.

На вопрос государя императора, кого бы я мог предложить на место председателя, мною было названо два имени: статс-секретарей Рухлова и Щегловитова.[1]

Его величество изволил в принципе признать обоих лиц подходящими на роль председателя и соизволил поручить мне вступить с Куломзиным в переговоры на предмет сохранения им, в виду слабости здоровья, только звания председателя Романовского комитета, оставаясь членом Государственного Совета. Увольнение его от должности председателя Государственного Совета ранее нового года могло бы последовать путем высочайшего рескрипта. По всеподданнейшем докладе моем о состоявшемся между ним и мною разговоре, он мог бы быть вызван в царскую ставку для личной передачи ему этого рескрипта.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К докладу № 1 (стр. 117 — 118).

О том, как созрела мысль о посещении Николаем Думы, очень хорошо (и, видимо, вполне правдоподобно) рассказано в показаниях, данных в Следственной комиссии Врем. правительства А. Н. Хвостовым (см. «Падение царского режима», т. I, стр. 35).

По словам Милюкова (2-е показание в той же Следств. комиссии), придуманный Распутиным маневр был для «прогрессивного блока» «совершенно неожиданным сюрпризом» — счастье от лицезрения «обожаемого монарха» в значительной степени парализовало оппозиционное настроение.

В Думе в этот день выступил с «декларацией» Штюрмер, а также с официальными речами Сазонов, Поливанов и Григорович. В ответ на выступление правительства октябристом Шидловским от имени «прогрессивного блока» было оглашено заявление с пожеланием, чтобы было организовано «правительство из лиц, сильных доверием страны».

Прения по поводу правительственной декларации продолжались три дня. Упоминаемый в докладе Чхеидзе (с.-д. меньш.) выступил 11 февраля с речью, где, между прочим, выразил сочувствие некоторым поста-

[1] Председателем Гос. Совета 1 января 1917 г. был назначен Щегловитов.

новлениям Циммервальдской конференции. Внесенная 11 февраля Скобелевым (с.-д. меньш.) резолюция по поводу правительственной декларации не была допущена председателем Думы даже к оглашению с трибуны.

Тот «раскол» среди «крайних левых», о котором упоминает Штюрмер, заключается в том, что с.-д. — плехановец Бурьянов поспешил отмежеваться от выраженного Чхеидзе сочувствия некоторым циммервальдским лозунгам.

К докладу № 2 (стр. 118 — 119).

Записка о кандидатах в министры внутренних дел (от 1 марта) связана с увольнением в отставку А. Н. Хвостова (назначенного на этот пост при посредстве авантюриста кн. Андроникова, поддержанного Распутиным и потом пытавшегося организовать покушение на последнего). А. Н. Хвостов был уволен от должности 3 марта; выставленные Штюрмером на его место кандидаты не прошли, а министром внутр. дел был назначен (3 марта) сам Штюрмер.

К докладу № 3 (стр. 119 — 121).

Непосредственным поводом для думского «вопроса» о приостановке работ на Путиловском заводе был секвестр этого завода военным министерством 28 февраля 1916 г. Эта мера была первой попыткой на пути к более широко задуманному плану «милитаризации заводов»; план этот был усердно поддержан Штюрмером («Письма А. Ф.», т. II, стр. 32, письмо от 6 марта). Мудрый советник Романовых Распутин также находил, что «это хорошо, что Путиловский завод взят военным министерством» (там же, стр. 30 письмо от 5 марта). Относительно проведения плана милитаризации заводов давали позднее русскому правительству советы также и французские «социалисты» (см. здесь — «Миссия А. Тома», стр. 5 — 6).

Вкратце происходившие на Путиловском заводе волнения заключались в следующем.

3 — 4 февраля 1916 г. возникла забастовка в электрическом цехе. Заводоуправление не пошло ни на какие уступки, которых требовали рабочие, при чем, в ответ на требования рабочих, командующим войсками петрогр. военного округа было объявлено, что все военно-обязанные рабочие будут взяты на службу и будут работать на заводе как солдаты. В связи с этим возникла общая забастовка, но 10 февраля это распоряжение командующего петрогр. военным округом было отменено, и завод был открыт. Однако, 12 февраля вспыхнула новая забастовка в туроинной мастерской, которая к 22 числу перешла в общую забастовку всего завода. Тогда, 23 февраля, завод был закрыт.

В течение всего этого времени происходили массовые аресты; число арестованных было свыше 250 человек. 2 февраля завод был секвестрован военным ведомством; после этого был объявлен общий расчет рабочих, и военно-обязанных велено было привлечь к отбыванию воинской повинности. Вместе с тем военными властями был учрежден военный суд над рабочими, «учинившими насилие».

В Государственной Думе это дело обсуждалось 7 марта (в закрытом заседании), вследствие внесенного с.-д. фракцией «вопроса». От с.-д. (меньш.) выступили Хаустов и Скобелев; объяснения давал военный министр Поливанов.

Кадеты и правые произнесли обычные речи о необходимости «благожелательно» отнестись к ликвидации этого дела, попутно кивая на то, что эта забастовка вызвана «провокацией» и «немцами».

В результате, Гос. Дума (т.-е. ее большинство) приняло формулу октябриста Шидловского (от имени «прогрессивного блока»), где рабочие призывались к «всевозможным жертвам и уступкам». В конце резолюции говорилось о необходимости «регулирования размеров заработной платы в целях приведения ее в соответствие с общими условиями экономической жизни страны», — упоминалось также об устранении препятствий к легальной деятельности профессиональных организаций и об учреждении «примирительных камер для регулирования столкновений рабочих и капитала».

К докладу № 10 (стр. 129 — 130).

Вопрос о займе, которого касается этот доклад, обсуждался в соединенном заседании совета министров и комитета финансов 27 июля 1916 г. Как видно из печатного журнала этого заседания, — которым мы пользуемся, — некоторыми его членами были высказаны здесь мнения, что требования великобританского правительства относительно отпуска 40 миллионов фунтов стерлингов из золотой наличности Гос. Банка «до некоторой степени, быть-может, объясняются и желанием всемерно ослабить финансовую мощь нашей родины, дабы, к моменту ведения будущих мирных переговоров, обеспечить себе наиболее действительные способы и средства воздействия на русское правительство в видах достижения своих специальных целей, не отвечающих нашим государственным интересам».

Этот отзыв тем более справедлив, что английское правительство пользовалось каждым случаем для перекачивания к себе русского золотого запаса. Много характерных в этом отношении черт представляют напечатанные в «Красном Архиве» (1924 г., том V, стр. 50 — 81) доклады Барка относительно его финансовых совещаний с «союзниками» во время войны.

На основе приводимого нами одного доклада, мы не будем, конечно, рассматривать здесь весьма важного для характеристики отношения «союзников» к России вопроса об условиях заключавшихся ею займов. Мы отметим только, что крупная часть занимавшихся у «союзников» сумм обычно возвращалась вскоре к ним же обратно, в качестве уплаты за покупавшиеся у них металлы и выполняемые ими военные заказы. Так, из «сводки» Штюрмера, от 21 августа, пункт 2 (см. здесь, стр. 144), видно, что заказанные в Англии и Японии металлы не могли быть тогда получены, и «препятствием к их получению является отсутствие золотой валюты, о коей с Англией еще не закончены переговоры в смысле нового у нее золотого займа».

Таким образом, как здесь, так и во многих других случаях, «союзники» просто шантажировали царское правительство: они требовали перевода денег из русского золотого запаса, отказывая, в противном случае, в отпуске пушек и снарядов, которые, в значительной степени, служили для их же собственных целей.

К сводке от 1 августа, пункты 4 и 6 (стр. 139 — 140).

Произведенный в июле 1916 г., вопреки существовавшему закону, призыв мусульманского населения для работ на нужды армии, вызвал значительные волнения как на Кавказе, так в Ферганской области и других областях, населенных мусульманами. Об этом свидетельствует, между прочим, и 6-й пункт настоящей сводки, где рассказывается комическая история, как ферганский генерал-губернатор, генерал Гишиус, при виде волнения мусульман, дошел до такой растерянности, что, переодевшись в халат и тюбетейку с чалмой, стал публично читать и целовать коран.

Что касается Кавказа, то упомянутая в 4-м пункте сводки шифрованная телеграмма помощника кавказского наместника кн. Орлова также, несомненно, касается возникших там на этой почве волнений. Еще ранее этого, 24 июля, сам наместник в. к. Николай Николаевич сообщал Николаю II шифрованной телеграммой о том «глухом брожении», которое вызвало среди мусульман известие о предстоявшем призыве. Ссылаясь на то, что он не был о последнем заранее осведомлен, наместник указывал, что такой призыв мог бы быть осуществлен не принудительно, а «только в форме как бы добровольного обращения к населению». «Проведение в иной форме этого мероприятия, — писал наместник, — вызовет, безусловно, беспорядки, одна из опасных форм коих — порча железных дорог». Для предотвращения таких последствий, Николай Николаевич просил царя разрешить произвести призыв в предлагаемой им форме, — т.-е. в сущности, отменить первоначальный обязательный призыв (эта телеграмма напечатана в вышедшей под моей редакцией книге «Николай II и великие князья», Л. 1925 г., Гос. Изд-во, примечания, стр. 138 — 140).

Эта просьба наместника была исполнена, и о благоприятных результатах этой отмены он сообщал Николаю в своем письме от 17 октября 1916 г. (см. ту же книгу, стр. 36 — 37).

К сводке от 1 августа, пункт 5 (стр. 139 — 140).

Вопрос об учреждении главного управления государственного здравоохранения возбудил в свое время большое внимание в Гос. Думе и в печати, так как законопроект об учреждении этого отдельного министерства был проведен помимо Думы, в порядке 87 ст. Вопрос этот имел поэтому принципиальное значение.

Ход этого дела, в кратких словах, заключается в следующем. «Междуведомственная комиссия для пересмотра врачебно-санитарного законодательства», председателем которой состоял член Гос. Сов. Рейн, выработав этот законопроект в 1914 г., внесла его в совет министров, где он и был рассмотрен. Но дальнейшее движение этого дела задержа-

лось; вследствие этого Рейн возбудил вопрос об ускорении проведения законопроекта, и 10 ноября 1915 г. совет министров обсуждал этот вопрос, но отверг необходимость проведения этого законопроекта по 87 ст. Тогда Рейн через министра внутр. дел А. Н. Хвостова обратился с докладом к Николаю, — и на этом докладе Николай написал: «Внести в порядке статьи 87 после окончания первой думской сессии». В это время против законопроекта выступил начальник санитарной части принц Ольденбургский, и Николай велел отложить это дело. Но Рейн, на этот раз уже лично от себя, представил новый доклад Николаю, — и он снова распорядился организовать это учреждение в порядке 87 ст. Совет министров, обсудив это 23 августа 1916 г., остался при прежнем своем мнении. Однако, Николай написал на докладе: «Настаиваю на точном исполнении моей воли». После этого законопроект был принят советом министров (31 августа 1916 г.), и появилось новое «главное управление государственного здравоохранения». После созыва Гос. Думы, Рейн (ставший главноуправляющим этого учреждения) вошел в Думу с законодательным представлением об этом учреждении, но, узнав об отрицательном к нему отношении Думы, взял законопроект обратно. Таким образом, это учреждение должно было фактически прекратить существование.

Скрытой целью проведения этого проекта было стремление подчинить медицинскую часть «союзов» и прочих организаций ведению правительства. (См. показания Рейна в Следственной комиссии Врем. правительства — допрос 27 мая 1917 г.)

К сводке от 21 августа по министерству иностранных дел, пункт 1 (стр. 148 — 149).

Черногорский король Николай, которого Александр III называл «единственным другом России», уже в 1907 г. заключил тайный договор с Австрией, по которому он обязывался «не разрешать на территории княжества какой-нибудь политической или религиозной агитации, стремящейся устроить беспорядок в какой-либо части Австро-Венгерской монархии»; вместе с тем, по этому договору Черногория отказывалась от всякой политической солидарности с Сербией, где «преобладают революционные элементы», и обязывалась, без разрешения Австрии, не вступать в какие-либо переговоры с Россией, Сербией и Италией. Этот договор, существовавший, впрочем, недолго, не мешал Николаю черногорскому получать постоянные миллионные подачки от Николая II из русской государственной казны. Эта двухсторонняя игра достаточно ясно показывает полнейшую продажность черногорского Николая. Такой же двухсторонний характер носило поведение Николая и во время империалистской войны. Уже с начала 1915 г. черногорский двор находился в сношениях с Австрией. После разгрома австро-германцами и болгарами Сербии, когда и черногорская армия едва не попала в плен к австрийцам, Николай, в декабре 1915 г., решил пойти, не предупредив «союзников», на сепаратный мир с победителями. Для этого он обратился к австрийскому императору, который потребовал безусловной капитуляции всей черногорской армии. Николай сперва согласился на это, но позднее австрийские условия были еще

отягчены (так, например, требовалось выселение из Черногории всех вообще мужчин, способных носить оружие; совершенная неприемлемость таких требований заставила Николая в январе 1916 г. бежать в Италию, — черногорская же армия была захвачена в плен.

После этого князь Мирко, второй сын короля, отправился в Вену с целью хлопотать об образовании, под главенством Австрии, вассального юго-славянского государства, из состава Сербии и Черногории. Однако, Мирко вскоре в Вене умер, Николай же перебрался во Францию. Проект объединения Черногориии и Сербии не был, тем не менее, оставлен. Отражением этого проекта является и комментируемое место доклада Штюрмера; Николай черногорский, как отсюда видно, решил теперь на этой почве начать заигрывать с Романовыми.

В конце концов, Николай потерял всякий кредит у черногорцев; в 1917 г. был образован в Швейцарии «черногорский комитет национального объединения», а позднее, в июле 1917 г., созвана особая конференция на Корфу, на которой делегаты сербов, хорватов, словенцев и черногорцев согласились на образование единого королевства под властью Карагеоргиевичей. Вступление войск «союзников» в Черногорию, после поражения австро-болгар, помогло скорому осуществлению этого решения. В Черногории были объявлены выборы в «великое национальное собрание», которое 26 ноября 1918 г. (н. ст.) окончательно низложило Николая и провозгласило союз с Сербией. Затем, под надзором английских представителей, были произведены выборы в сербско-хорватско-словенское учредительное собрание. Николай черногорский умер в Антибе, близ Ниццы, 1 марта 1921 г.

К сводке от 21 августа по министерству иностранных дел, пункт 4 (стр. 149).

Инцидент, о котором говорится в этом пункте доклада, заключается в том, что в черносотенной газетке «Российский Гражданин», издававшейся (при помощи правительственной субсидии) «союзником» Булацелем, была 6 августа 1916 г. помещена статья с довольно скептическими отзывами об английском премьер-министре и об английской армии. Из-за этого ничтожного факта и возник целый дипломатический инцидент.

Английский посол Бьюкенен (уделяющий этому эпизоду внимание и в своих «Мемуарах дипломата», стр. 156—159) потребовал от Булацеля извинения, принесение которого было сделано в особо торжественной обстановке. При этом Бьюкенен счел долгом произнести соответствующую речь, которая предназначалась, очевидно, не для виновника инцидента, а для «общественных кругов».

Так как этот инцидент (вне всякой зависимости от ничтожной личности Булацеля) имеет значение для общей характеристики того, какой начальнический тон усвоило себе, в качестве «союзника», английское правительство по отношению к нежелательным для него явлениям русской жизни, мы считаем нелишним привести небольшую цитату из этой речи-декларации Бьюкенена:

«Первый раз в жизни, — говорил Бьюкенен, — чувствую себя вынужденным требовать извинения за выражения, которые одна из русских газет позволила себе употребить по отношению к моей стране. После тех жертв, которые она принесла с самого начала настоящей войны, и после всех услуг, оказанных России, этого я никак не ожидал. Статья, появившаяся в «Российском Гражданине», меня сильно огорчила и принесла моему правительству жестокое разочарование. Она была составлена в выражениях очень несправедливых по отношению к нашему премьер-министру и весьма оскорбительных для нашей армии. Она вдохновлена ненавистью к Великобритании и симпатией к Германии, — и в Берлине, несомненно, будет принята с восторгом. Целью Германии всегда было сеять раздор между Россией и Великобританией. Она в праве теперь радоваться, так как нашелся русский, вполне присоединяющийся к ее политике. Вы говорите, что с начала войны британская армия успела продвинуться всего на несколько сот метров. Это утверждение ложно и звучит недружелюбно. Достаточно читать телеграммы, появляющиеся в русской печати, чтобы убедиться в этом. С самого начала наших действий во Франции мы уверенно и безостановочно подвигаемся вперед, принося огромные жертвы, и если наше наступление шло медленным шагом, это потому, что каждая пядь земли покупалась ценою нашей крови, а германские окопы во Франции являются, в сущности, маленькими крепостями, и под защитой своих лабиринтных окопов германцы считают себя непобедимыми. Между тем мы заняли первые две линии германских позиций и в настоящий момент схватились с третьей» и т. д. («Новое Время», 1916 г., 11 (24) августа, № 4523.)

Как видим, Бьюкенена и английское правительство особенно задело указание на то, что английская армия с начала войны продвинулась всего «на несколько сот метров». Подобные упреки были широко распространены и имели за собой значительные основания (подобные же отзывы о действиях армий союзников цитированы в книге М. Павловича «Советская Россия и Франция» — М. 1924 г., стр. 27).

Весь этот инцидент закончился следующим сообщением английского правительства русскому послу в Англии Бенкендорфу (даем текст в переводе с английского языка):

2 сентября 1916 г.

Его превосходительству графу Бенкендорфу.

Ваше превосходительство.

Имею честь подтвердить, с искренней благодарностью, получение ноты вашего превосходительства, от 26 числа последнего месяца, по поводу статьи, появившейся в «Российском Гражданине», в коей комментируется в неблагоприятном свете деятельность правительства его величества и британской армии.

Правительство его величества весьма ценит дружественную и лойяльную позицию, занятую в этом деле правительством, представляемым вашим превосходительством, и я могу заверить ваше превосходительство, что инцидент этот будет вспоминаться лишь как эпизод, давший повод к лиш-

нему изъявлению российским правительством и народом симпатии и дружбы, которые они так давно уже выказывают Англии.

Имею честь пребывать и т. д.

За государственного секретаря Гардингс-оф-Пенхёрст.

К сводке от 21 августа по министерству иностранных дел, пункт 5 (стр. 149—150).

Вопреки заверению, сделанному Штюрмером Бьюкенену, что о назначении Боткина товарищем министра иностранных дел «не было и речи»— речь об этом была, и не где-либо на стороне, а именно на докладе самого Штюрмера Николаю 1 августа 1916 г. (см. здесь стр. 142, «сводка», пункт 14). Но, испугавшись Бьюкенена, Штюрмер поспешил отказаться даже от мысли о том, что такое предположение существовало.

В своих воспоминаниях Бьюкенен упоминает об этом эпизоде, но не указывает фамилии Боткина, означая только одну букву — Б., при чем характеризует этого Б., как «отъявленного германофила» (см. Бьюкенен, «Мемуары дипломата», стр. 159).

К сводке от 9 октября, пункт 2 (стр. 156).

Вопрос о передаче продовольственного дела из министерства земледелия в ведение министерства внутренних дел возник по инициативе Распутина, который велел Николаю сообщить об этом Протопопову при первой, после назначения его министром внутренних дел, с ним встрече. В связи с этим А. Ф. писала (27 сентября 1916 г.) Николаю о необходимости «строго сказать» Протопопову, «что все должно быть сделано, чтобы привести его (продовольственное дело) в порядок; ты так приказываешь». («Письма А. Ф.», т. II, стр. 205.)

Вне всякого сомнения, в план Распутина входило нажиться на этом деле, — очевидно, при участии Бадмаева, который также очень интересовался этим вопросом, и даже писал относительно организации снабжения в своей (немного позднее изданной) книжке «Мудрость в русском народе», где предлагал себя в руководители этого дела (см. мою вступительную статью к книге «За кулисами царизма. Архив Бадмаева». Л. 1925.) Все эти аферы Бадмаеву было очень удобно проделывать при передаче дела в руки Протопопова, ставленника Распутина и его самого.

Вопрос о передаче продовольственного дела в министерство внутренних дел, как видно из настоящего доклада, намечено было провести по 87 статье, помимо Думы. Но Дума собиралась 1 ноября, а потому с проведением этого дела спешили.

Эта спешка отражается и в письме Николая к Штюрмеру от 23 октября 1916 г., касающемся этого же вопроса и напечатанном в настоящей книге (стр. 99).

Однако, в назначенный Николаем день (указываемый в письме к Штюрмеру) соответствующий указ подписан не был. Повидимому, Протопопов испугался Думы и пытался подсунуть Николаю другое решение. Но 30 октября 1916 г. А. Ф. писала об этом вопросе Николаю:

«Наш Друг сказал, что это (т.-е. передача продовольственного дела Протопопову) безусловно необходимо. Протопопов в отчаянии, что он дал тебе эту бумагу при свидании, он думал, что действует правильно, пока Григорий не сказал ему, что это было совершенно неправильно. Так вот я вчера говорила со Штюрмером, и оба они теперь верят в чудесную, богом посланную мудрость нашего Друга. Штюрмер посылает тебе с этим курьером на подпись новую бумагу, передающую сразу все продовольствие министру внутренних дел. Штюрмер просит подписать ее и сразу вернуть поездом в четыре с половиной. Тогда она придет во-время, прежде чем Дума соберется во вторник. Мне пришлось принять этот шаг на себя, так как Григорий говорит, что у Протопопова будет все в руках, и он покончит со всеми союзами и, таким образом, спасет Россию...». («Письма А. Ф.»., т. II, стр. 221.)

Очевидно, соответствующий указ и был теперь подписан Николаем, но Протопопов, несмотря на это, боялся его распубликовать.

Это видно опять из письма А. Ф. (от 1 ноября):

«Наш Друг, — пишет она, — был страшно сердит на Протопопова, который из трусости не хочет, чтобы было объявлено о переходе продовольствия в его руки — из-за Думы, и Друг наш сказал ему, что он мог бы объяснить, что он его взял и что надеется приблизительно в неделю все устроить, как следует. Протопопов просит взять его (т.-е. продовольственное дело) только через две недели, а это глупо». («Письма А. Ф.», т. II, стр. 225.)

Вследствие всех этих колебаний Протопопова, намеченный Распутиным план выполнен своевременно не был.

К сводке от 9 октября, пункт 10 (стр. 158).

Опубликование сведений о той финансовой поддержке, которая была оказываема правительством «союзам» и «военно-промышленным комитетам», было предпринято по приказанию Распутина, с целью дискредитировать деятельность этих учреждений. Распоряжение Николая об этом было отдано еще летом 1916 г., и тогда же — 3 июля — был напечатан в газетах первый отчет о хозяйстве военно-промышленных комитетов (см. здесь, стр. 152, сводка от 10 сентября, п. 3).

Опубликование этих сведений стоит в непосредственной связи со следующим распоряжением Распутина, переданным им непосредственно Вырубовой, от нее — Александре Федоровне, и уже ею Николаю (это было 9 июня): «Следует, — передает А. Ф. слова Распутина относительно «союзов», — найти способ теперь же опубликовать все, что они делают, и особенно подчеркнуть, что деньги поступают от тебя и от правительства, и что они широко расходуют деньги твои, — а не их».

При этом А. Ф. прибавляет: «Публика должна это знать, я несколько раз разговаривала об этом со Штюрмером, как бы об этом осведомить — твоим ли приказанием Штюрмеру, или бумагой от него к тебе, — я с ним об этом переговорю. Они стараются играть слишком большую роль, это становится политической опасностью, которая уже теперь должна быть принята во внимание, иначе сразу придется слишком много возиться». («Письма А. Ф.», т. II, стр. 114.)

Это писалось 9 июня, а 3 июля, как мы видели, появилось в газетах соответствующее сообщение о военно-промышленных комитетах.

Что касается денежных ассигнований союзам, то об этом было опубликовано уже по назначении Протопопова. В письме от 20 сентября А. Ф. пишет Николаю что в ее голове явилось несколько идей, «чтобы сделать контр-пропаганду против союзов городов на фронте, чтобы за ними наблюдали и чтобы те, которые попадутся, сейчас же были выгнаны». «Министр внутренних дел,—прибавляет А. Ф.,—должен достать хороших, честных людей, которые будут там его «глазами», с помощью военных они посмотрят, что там можно сделать—мы не имеем права позволить им дольше наполнять уши (солдат) вредными идеями,—их доктора жиды и сестры ужасны» и т. д. («Письма А. Ф.», т. II, стр. 187.) Протопопов должен был обдумать, какие практические мероприятия надо сделать в этом направлении.

В результате,—как и советовал ранее Распутин,—25 сентября были опубликованы цифры сумм, полученных союзами от казны. Но и это не удовлетворило А. Ф. Романову,—она писала по этом поводу 26 сентября Николаю: «Только это не то, что я хотела, я не хотела только голых фактов—они достаточно плохи, но надо было умно написать,—это на мой вкус слишком «обнаженно». Плакать хочется при мысли о том, что союзам было выброшено полмиллиарда тогда, когда существующие организации могли бы сделать чудеса на четверть этой суммы». («Письма А. Ф.», т. II, стр. 202—203.)

Что касается «глаз» для наблюдения за союзами, о чем раньше писала А. Ф., то и это было исполнено: через несколько дней последовало официальное распоряжение, чтобы на всех заседаниях и съездах организаций из состава «союзов» присутствовал представитель местной администрации.

К сводке, от 9 октября, пункт 18 (стр. 161).

Письмо к Штюрмеру председателя Гос. Думы Родзянко, о котором говорится в настоящем пункте, было такого содержания:

Председатель
Государственной Думы
6 октября 1916 г.
№ 2675.

Милостивый Государь
Борис Владимирович.

Бюджетная комиссия Государственной Думы, в заседании 3 октября сего года, находя, что вопросы снабжения армии и населения предметами довольствия достигли чрезвычайной остроты и что созыв Государственной Думы ранее установленного срока, т.-е. 1 ноября, может способствовать урегулированию этих вопросов и успокоению населения, признала необходимым возобновление занятий Государственной Думы в ближайшее время. Вполне разделяя изложенные соображения, я позволю себе поддержать их в полной мере и со своей стороны считаю ускорение созыва Государственной Думы совершенно необходимым.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

М. Родзянко.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС.

«Польский вопрос», разрешить который собиралась царская власть во время мировой войны, так и остался вопросом: никакого ответа на него старая Россия дать не могла. Однако, некоторые шаги к постановке этого вопроса на очередь делались, — и эти попытки так же, до известной степени, характерны для истории последних лет царского режима.

Уже в первые дни войны царское правительство, сознавая, что надо внушить некоторые надежды польскому народу, или вернее — той польской буржуазии, которая, будучи заинтересована в русских восточных и сибирских рынках, придерживалась русской «ориентации», — признало нужным возвестить о тех «реформах», которые будут произведены, после того как, в результате войны, Польша объединится под властью русского царя. Это было сделано в известном воззвании в. к. Николая Николаевича от 1 августа 1914 г. Акт этот, выпущенный по примеру германцев, за несколько дней до этого издавших подобное же воззвание, был, в сущности, только формально связан с именем в. к. Николая: инициатива этого «воззвания» шла из министерства иностранных дел, и оно подверглось обсуждению в совете министров. [1]

В этом воззвании в красивых словах возвещалось о том, что настал час, когда «заветная мечта» поляков может осуществиться: «Полтора века тому назад, — говорилось в воззвании, — живое тело Польши было растерзано на куски», но Польша «жила надеждою, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с великой Россией», — и вот теперь «русские войска несут благую весть этого примирения».

---

[1] Показания в Следств. комиссии Врем. правительства гр. С. И. Велепольского. См. «Падение царского режима», т. VI, стр. 28.

«Пусть сотрутся,— патетически возглашало это обращение,— границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим,— уверяло воззвание,— возродится Польша свободной в своей вере, в языке, в самоуправлении».

Таковы были политические обещания этого воззвания, которое, как либеральной русской буржуазией, так и той частью буржуазии польской, которая склонялась к «русской ориентации», рассматривалось как «заря новой жизни» и т. п.

Вся последующая политика царского правительства показала, как и следовало ожидать, насколько лживы были даже эти скромные и проблематические обещания: не «благую весть» принесли польскому трудовому народу царские войска, не «зарю новой жизни» дали они польской буржуазии; новый период бедствий выпал после этого на долю польских народных масс— и безобразные действия царской власти в Галиции, поголовное обезлюдение русской Польши в тех местах, от которых отступали русские войска, глумление над польским языком и над «верой» польской буржуазии,— все это были первые и яркие доказательства, насколько искренно старалась царская Россия дать обещанные «права» польскому народу.

Непосредственными осведомителями правящих кругов о польских настроениях были различные близкие ко двору представители польской аристократии,— графы Велепольские, Замойский, князь Любомирский и др.; эти польские аристократы, принадлежащие, большею частью, к крупно-помещичьей партии «реалистов», действовали в известном контакте с так называемой партией «народовой демократии», которая также в некоторой своей части ждала «автономии» от русской монархической власти.

Вращаясь при дворе, польские графы подавали от времени до времени Николаю II различные записки, с целью подтолкнуть его к реализации тех обещаний, которые были даны в воззвании главнокомандующего. Так, когда русское правительство издало «городовое положение» для Царства Польского, и эта жалкая попытка «реформ» была справедливо понята ориентировавшейся на Россию польской буржуазией лишь как «издевательство» (по сравнению с теми обещаниями, которые были сделаны),— то с запиской по этому поводу к Николаю обратился (27 апреля 1915 г.) гр. Сигизмунд Велепольский, член Государственного Совета, председатель «польского коло».

Ссылаясь на то, что среди русского правительства «ощущаются разные течения, а равно усилия, стремящиеся к умалению значения исторического акта» (т.-е. воззвания в. к. Николая), и замечается лишь «вялая деятельность», «совершенно несоизмеримая с началами, провозглашенными верховным главнокомандующим», Велепольский, — способствовавший ранее изданию этого самого акта о «городовом положении», — намечал теперь ту программу, выполнение которой могло бы удовлетворить крупных польских помещиков и некоторую часть буржуазии, придерживавшейся русской ориентации. Говоря, как и всегда в таких случаях бывает, от имени «польского народа», названный польский аристократ указывал те «незыблемые основы», на которые должен был бы опираться акт, предназначенный «для полного удовлетворения национально-культурных нужд польского народа».

Вот какие принципы должны были быть положены в качестве этих «незыблемых основ»:

1. Разделение законодательных дел на общегосударственные и краевые, с передачей последних краевым установлениям.

2. Сообразное с этим разделением особое местное ведомственное управление, во главе которого должно быть лицо, непосредственно подчиненное его императорскому величеству.

3. Признание за польским языком прав языка официального во всех административных и судебных учреждениях царства польского, с указанием, что, в случае обращения в эти учреждения лиц русской национальности на русском языке, ответы и сообщения этим лицам должны быть даваемы на языке русском.

4. Признание, что языком преподавания в учебных заведениях царства польского, высших, средних и низших, должен быть язык польский, и что эти учебные заведения должны быть подчинены местному управлению.

5. Необходимость покончить с недоверием, оказываемым полякам в области государственной службы, — призывая их к управлению краем и назначая на должности по всем ведомствам.

6. Отмена ограничительных мер по отношению к римско-католической церкви в царстве польском и передача дел этой церкви в заведывание местного управления. [1]

Время, когда делалось это напоминание, продиктованное, конечно, известными буржуазными польскими кругами, было

[1] С подлинника (в настоящей книге полный текст записки не приведен). — Записка С. Велепольского датирована: «Варшава. 27 апреля 1915 г.».

весьма напряженное: немцы начали наступление между Вислой и Карпатами, в результате чего русские войска отступали (это было в конце апреля 1915 г.). И уже интересы войны, казалось бы, требовали, чтобы, хотя теперь, когда развивалось наступление немцев на Польшу, постараться привлечь к себе возможно более широкие слои польского населения, — теперь, казалось бы, действительно назрел наиболее подходящий момент для реализации возвещенных «новых начал».

Но правительство Николая II ничего этого не умело понять. Правда, 19 июля 1915 г., при открытии сессии Гос. Думы, Горемыкин в правительственной декларации подтверждал, что, по окончании войны, Польше будет дана автономия. Но эти слова не претворялись в какие-либо дела.

Такое неопределенное положение тянулось более года. Не видя от русского правительства никаких мероприятий, которые были бы сделаны для проведения в жизнь обещанных реформ, представители той польской буржуазии, которая ориентировалась на царское правительство, стали предпринимать в Париже и Лондоне различные шаги с целью побудить «союзников» так или иначе «заинтересоваться» польским вопросом. Известие о таких попытках встревожило русское министерство иностранных дел, которое, в полном согласии с нашей либеральной буржуазией, считало «польский вопрос» своим «внутренним делом», и потому чрезвычайно опасалось перенесения этого вопроса на международную почву. Вместе с тем разочарование части польской буржуазии в обещаниях царского правительства создавало основание думать, что эти буржуазные слои будут искать удовлетворения своих политических чаяний от германского правительства. Ради избежания подобных опасностей, Сазонов в апреле 1916 г. разработал проект о польской автономии. Проект этот, вместе с соответствующим докладом, был представлен Николаю 17 апреля 1916 г.

В своем докладе Сазонов указывал, что имеются три возможности решения польского вопроса: независимость царства польского, самобытное существование царства в единении с Россией, и более или менее широкое провинциальное самоуправление края. Отвергая, по различным основаниям, первую и третью возможность решения этого вопроса, Сазонов находил, что «только средний путь ведет к цели». «Надо создать, — говорил Сазонов, — в Польше такую политическую организацию, которая сохранила бы за Россией и ее монархом руководство судьбами польского

народа и в то же время давала бы его национальному движению широкий выход, притом не на путь продолжения исторической тяжбы с Россией, а на путь правильного устроения внутренней политической жизни края. Это среднее решение было бы восстановлением традиций политики императора Александра I и императора Николая I, который, даже после восстания 1830 г., продолжал управлять краем по польским законам, при помощи подчиненной князю Варшавскому польской бюрократии».

Таким образом, мы видим, что та пресловутая автономия, которую предполагал Сазонов дать полякам, была бы не чем иным, как возвращением к политике Александра I, и даже Николая I, а социальной опорой для этой «автономии» должна была быть, составленная из представителей крупного польского дворянства, находившаяся в руках русской власти польская бюрократия.

Почти в то самое время, когда выработанный Сазоновым проект автономии был представлен Николаю II, русский посол в Париже Извольский счел долгом предостеречь русское правительство от возможных попыток перенести польский вопрос на международную почву. В своем письме к Сазонову Извольский, между прочим, заявлял, что Бриан, «под влиянием радикального крыла своего кабинета, все с большим и большим трудом отстраняет делаемые ему с разных сторон предложения выступить по польскому вопросу с соответствующими шагами в Петрограде, хотя и отдает себе ясный отчет в опасности подобных шагов». Извольский, подобно Сазонову, указывал на необходимость того, чтобы правительство теперь же взяло на себя «разработку проекта широкой автономии воссоединенной Польши», при чем, по мнению Извольского, этот акт только тогда может вызвать доверие поляков, если к нему «в той или другой форме присоединятся союзники». [1]

Это указание Извольского имело вполне определенную цель: она выясняется из такого хронологического сопоставления: Извольский отправил свое письмо 25 апр. (8 мая), а 22 апр. (5 мая) в Петроград прибыли члены французского правительства А. Тома и Вивиани. Одной из целей их командировки было,—по словам Палеолога,—«постараться получить какие-либо обещания относительно Польши». [2]

---

[1] Подлинник этого письма нам неизвестен; цитируем его по выдержкам, приведенным в докладе Штюрмера Николаю от 25 мая.

[2] Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 116—117. См. также здесь «Миссия Альбера Тома», стр. 3.

Таким образом, целью письма Извольского, несомненно, было стремление высказать свой взгляд относительно тех указаний, которые были намерены сделать по этому вопросу А. Тома и Вивиани.[1]

Прибывшие в Петроград члены французского правительства, действительно, предприняли в Петрограде некоторые шаги в этом направлении; но их указания успеха не имели: «Сазонов, — говорит Палеолог, — очень упорно указывал им на опасность для союзников вмешательства, даже самого незаметного, французского правительства в польский вопрос».[2]

Около этого же времени (17 мая 1916 г.) с запиской, поданной Николаю II, выступил один из влиятельнейших представителей крупных польских помещиков, князь Станислав Любомирский. Последний указывал на то, что, «несмотря на сделанные в 1914 г. обещания, местные власти, однако, в течение всего последующего времени, неизменно применяли прежнюю систему беспощадного притеснения всякого проявления польского духа, и вообще всего польского, и на каждом шагу подчеркивали свое недоброжелательное отношение к воззванию»; вместе с тем и «правительство не предприняло ничего для подтверждения, что воззвание является не политическим маневром, а, действительно, решительным историческим актом».

«В Польше, — писал Любомирский, — известно, что все попытки урегулирования польского вопроса в России неизбежно встречали самый решительный отпор и кончались всегда заявлением, что решение это необходимо отложить до конца войны. Естественно, что вследствие этого сложилось убеждение, что Россия не интересуется больше решением польского вопроса,—те же, которые не потеряли веры в осуществление обещаний, оповещенных воззванием, основывают свою веру исключительно на внутреннем убеждении, лишенном каких бы то ни было фактических данных, столь необходимых для народных масс. Германия и Австрия, эксплуатируя занятые земли и разоряя их экономически, на ряду с этим поощряют свободное развитие польской народной жизни, не стесняют польских школ, восстановили польский уни-

---

[1] Надо заметить, что роль Извольского была здесь двойственна: с одной стороны, он предостерегал против международной постановки польского вопроса, с другой — указывал, что для подкрепления обещаний России об автономии надо привлечь к этому делу «союзников»,—а таким путем вопрос отчасти уже и ставился на «международную почву».

[2] «Царская Россия накануне революции», стр. 130.

верситет и политехникум, предоставляют населению самому неограниченно создавать свой общественный строй, подчеркивают на каждом шагу исключительно польский характер занятого края и, пользуясь молчанием России, стараются внушить населению недоверие к ней и ее обещаниям. Ознакомившись ближе с местными условиями и убедившись в рискованности присоединения большой объединенной Польши, Германия и Австрия рядом газетных статей и полуофициальных заявлений внушают идею создания отдельного польского государства, которое может войти в состав немецкой империи, или же будет присоединено к Австрии, на подобие Венгрии; задачей такого государства намечается служить буфером между Россией и центральными державами».

Далее князь Любомирский указывал, что, в виду старания немцев использовать для своих целей стремление поляков к национальному объединению, следовало бы теперь же подтвердить особым государственным актом, что в будущем Польша «под скипетром русского царя будет иметь свой самостоятельный, свободный внутренний строй», при чем — в качестве доказательства коренного изменения отношения к Польше — «необходимо прежде всего и немедленно отменить все национальные и вероисповедные ограничения в правах поляков на всем пространстве Российской империи».[1]

Немного времени спустя (в июне 1916 г.) с подобной же запиской обращался к Николаю еще и другой польский аристократ, граф Владислав Велепольский; он также настаивал на необходимости издания акта, провозглашающего для всей этнографической Польши «новое устройство».[2]

Но вернемся теперь к дальнейшей истории выработанного Сазоновым проекта. Николай II передал его, а также записку Любомирского и письмо Извольского, на отзыв председателя совета министров Штюрмера. Последний в двух докладах Николаю, поданных 25 мая 1916 года (они здесь печатаются), высказывался против необходимости обнародования какого-либо акта по этому вопросу. В первом из печатаемых докладов (по поводу проекта Сазонова и письма Извольского) Штюрмер находит, что, «если России и предстоит сказать свое веское, и единственно ей принадлежащее, слово по польскому вопросу в его полном объеме, то ни один

[1] С подлинника; в настоящей книге текст этой записки полностью не приведен. По поводу этой записки см. ниже (стр. 194 — 197) доклад Штюрмера Николаю II.

[2] Подлинник сохранился в бумагах Штюрмера.

из доводов, приводимых вышеуказанными документами, не убеждает в том, что время это уже настало». Вместе с тем, относительно пожеланий, высказанных в записке кн. Любомирского, Штюрмер выражал такие мысли: «Многое уже, — писал он Николаю, — даровано вашим величеством и августейшими предками вашими полякам, живущим в пределах Российской империи, но, как показывает опыт, никогда царские милости и доверие монархов русских не могли удовлетворить польских политических деятелей; их искания безграничны, а в своих стремлениях к обособлению от России они неисправимы».

Однако, несмотря на такое отношение Штюрмера, в конце июня проект Сазонова был все-таки в принципе принят Николаем. Это произошло на заседании совета министров в «ставке» 29 июня (12 июля 1916 г.), посвященном вопросу о польской автономии. Об этом Сазонов на следующий день передавал Палеологу:

«Император вполне склонился на сторону моих взглядов, — говорил Сазонов Палеологу, — хотя, могу вас уверить, были жаркие прения. Но это ничего. Я одержал победу по всей линии. Какие вытянутые лица были у Штюрмера и Хвостова». [1]

Тогда же Николай поручил Сазонову написать проект манифеста относительно «польской независимости».

Но вскоре вопрос неожиданно принял новый оборот: через две недели, 16 июля, А. Ф. Романова могла иронически пожалеть так торжествовавшего Сазонова: «Как газеты нападают на Сазонова, — писала она Николаю, — ему это должно быть неприятно, после того, как он воображал, что его так высоко ценят. Бедный длинный нос!». [2] Теперь А. Ф. праздновала свою победу: под ее влиянием 7 июля Сазонов был уволен в отставку, и проект его осуществления не получил. Вместо Сазонова был назначен Штюрмер.

Дальнейший ход этого дела был обусловлен взглядами Распутина, А. Ф. Романовой и самого Штюрмера.

Штюрмер первое время не снял этого вопроса с очереди, но переделал по-своему проект Сазонова. В то же время в совете министров рассматривался проект манифеста «польскому народу»; когда обсуждение его было закончено, Штюрмер докладывал об этом Николаю II. Вот текст этого доклада:

---

[1] Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 157—158.
[2] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 144.

«Вашему императорскому величеству всеподданнейшим долгом приемлю представить, что проект манифеста о высочайшей милости польскому народу окончен обсуждением в совете министров 18 сего июля.

«Всемилостивейшим произволением вашего императорского величества, польскому народу, непосредственно с высоты престола, даруется автономия.

«В основу манифеста положены не начала союзного государства, на которых были построены проекты манифестов, выработанных бывшим министром иностранных дел, а также государственным секретарем, — а начала областной автономии.

«Во избежание ходатайств иных национальностей, также пострадавших от войны, о предоставлении и им каких-либо милостей в области самоуправления, в проект манифеста включено упоминание о принадлежности поляков к общей славянской семье.

«Основные начала будущей польской автономии изложены в проекте в кратком и сжатом виде, принимая во внимание, что все подробности, на разработку которых потребуется немало времени, будут установлены и могут быть обнародованы особым актом.

«Проект журнала совета министров, вместе с особыми мнениями, представленными отдельными министрами, разрабатывается, и на ближайших днях будет представлен на благовоззрение вашего императорского величества».

Председатель совета министров
Гофмейстер Штюрмер.

19 июля 1916 г.[1]

В этот же самый день, 19 июля, А. Ф. Романова писала Николаю:

«Штюрмер со мной говорил по польскому вопросу, — в самом деле приходится быть очень осторожным — ты знаешь, я люблю Замойского,[2] но я знаю, что он интриган, так что надо хорошенько взвесить этот серьезный вопрос».[3]

Через три дня (22 июля) А. Ф. снова пишет Николаю:

«Теперь у меня будет Велепольский.[4] Я этого несколько боюсь, потому что я уверена, что я не буду с ним вполне со-

---

[1] С подлинника. — Других, здесь упоминаемых документов в рассматриваемых нами бумагах не сохранилось.

[2] Граф Адам Замойский, один из виднейших польских аристократов поступивший, на старости лет, в ординарцы при «ставке» Николая II, — очевидно, для того, чтобы чаще напоминать ему о необходимости разрешения «польского вопроса».

[3] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 145.

[4] Граф В. Велепольский — флигель-адъютант.

гласна, — я думаю, что было бы разумнее немного подождать, но, во всяком случае, не давать слишком больших свобод, иначе, когда придет черед Беби, ему придется пережить тяжкие времена».[1]

Таким образом ради обеспечения спокойного царствования Алексея («Беби») предлагалось не давать полякам «слишком больших свобод».

В тот же день Штюрмер, по приказанию А. Ф. Романовой, отправил Николаю следующую телеграмму:

«По повелению ее величества. Сегодня имел счастие видеть государыню императрицу. Утром принимала графа Велепольского, приказала довести до сведения вашего величества просьбу задержать разрешение польского вопроса до приезда ее величества в ставку».[2]

Во время пребывания А. Ф. Романовой в ставке, туда явился также и Штюрмер и, при докладе Николаю II, осведомился у него о судьбе манифеста о польской автономии. Николай ответил, что он «занят рассмотрением этого вопроса, при чем склоняется к обнародованию манифеста лишь после вступления русских войск в пределы царства польского». На указание Штюрмера, что, по его сведениям, Германия также собирается выступить с манифестом относительно Польши, Николай заявил, что «ему это известно.»[3]

Через несколько времени, 21 августа, при новом докладе у Николая II, Штюрмер представил ему ту самую записку Велепольского, на которую мы ссылались выше.[4] При этом Штюрмер высказал Николаю, что обнародование в данное время манифеста о польской автономии «встретит недоумение в народе». Оказывается, русский народ был бы, в известной степени, этим обижен, и еще более были бы обижены другие национальности — латыши, эсты и пр., которые никаких «льгот» за испытанные от войны разорения не получают. Поэтому Штюрмер считал, что является более целесообразным — или отложить манифест об автономии до момента, когда русские войска вступят в Польшу, —

---

[1] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 148.

[2] Допрос гр. С. И. Велепольского (брата) в Следств. комиссии Врем. правительства. «Падение царского режима», т. VI, стр. 27—28.

[3] См. здесь «Доклады Штюрмера Николаю II», «сводка» от 1 августа, стр. 141 — 142.

[4] См. здесь, стр. 178.

или же, если издавать этот акт теперь, то следует еще до этого, испросив согласие союзников, публично объявить об уступке России Константинополя: такое «внимание» к «русскому народу» могло бы, по мнению Штюрмера, как бы компенсировать его за ту «милость», которую решили сделать Польше.[1] Не дав тогда на это определенного ответа, Николай, наконец, 10 сентября, на докладе Штюрмера, высказал ему свое окончательное решение, что он предполагает обнародовать акт о польской автономии «только по вступлении русских войск в занятые неприятелем пределы Польши».[2]

Таким образом, весь этот вопрос был снят с очереди. Между тем германцы, державшие в своих руках Польшу, не считали необходимым подражать медлительности царского правительства, — и 23 октября (5 ноября) германские и австрийские императоры издали акт о том, что они пришли к соглашению создать из польских областей «самостоятельное государство под наследственным монархическим управлением и с конституционным устройством».

Русскому правительству после этого не оставалось ничего иного, как пролепетать несколько жалких слов о том, что оно «подтверждает свои прежние обещания». В связи с этим, правительство указывало, что по существу польского вопроса Россия уже сказала свое слово: «В ее намерения, — поясняло правительство, — входит образование целокупной Польши, из всех польских земель, с предоставлением ей, по завершении войны, права свободного строения своей национальной жизни на началах автономии, под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности. Это решение, — говорилось в заключение,—нашего августейшего государя остается непреклонным».[3]

К этому можно еще добавить, что царское правительство, уже накануне революции, в феврале 1917 г. заключило тайный договор с Францией, согласно которому Франция могла поступать как ей угодно со всей Германией, к западу от Рейна, а царская Россия приобретала в качестве компенсации

---

[1] См. «Доклады Штюрмера Николаю II», стр. 147 — 148.

[2] Там же, стр. 153 — 154

[3] Правительственное сообщение об этом было тогда опубликовано во всех газетах.

за это «право» на полную свободу действий относительно всей Польши.[1]

Но дальнейший ход истории разрубил запутанный польский узел совсем по-иному.

1.

Доклад Сазонова Николаю II.

Совершенно секретно.

За последнее время до меня с разных сторон доходят сведения, побуждающие меня признать, что настало время окончательно установить основания русской политики по польскому вопросу. Сведения эти двояки. С одной стороны, они указывают, что в Германии и Австро-Венгрии вырабатываются какие-то решения относительно будущих судеб Польши. В недавней речи фон-Бетман-Гольвега в германском рейхстаге им было сказано: «Не в наших намерениях и не в намерениях Австро-Венгрии: было поднять польский вопрос. Он поднят исходом боев. Теперь этот вопрос поставлен на очередь и требует своего решения, — и Германия и Австро-Венгрия его разрешат. История, после таких грандиозных событий, не знает возвращения к статус кво анте...».[2] Как категорический тон заявлений германского канцлера, так и ряд других признаков доказывает, что Германия ищет новых путей в своей политике по польскому вопросу, повидимому, до известной степени отличных от старых прусских традиций. С другой стороны, представители тех польских течений, которые с начала войны искали точек опоры в России и у ее союзников, в настоящее время усиленно работают, чтобы побудить французских и английских политических людей и общественное мнение Франции и Англии занять определенное положение в польском деле. Пока правительства союзных стран могли бороться с такими попытками и, в частности, воздействовать на печать. Но на этом пути союзные правительства встречаются с серьезными трудностями: у западных союзников России особенно вкоренилась мысль, что война ведется ради «освобождения народов», и имя Польши неизменно ставится рядом с именами Бельгии и Сербии. На последней союзнической конференции в Париже императорскому послу не без труда удалось отклонить внесение входящим в состав кабинета престарелым вождем радикалов Леоном Буржуа резолюции об освободительных задачах войны, в которой прямо о Польше не говорилось, но которая могла послужить поощрением стремлений поставить польский вопрос на международную почву.

---

[1] См. здесь «Конференция союзников в Петрограде 1917 г.», стр. 60.

[2] Т.-е. к положению, существовавшему ранее (до войны).

Изложенных обстоятельств достаточно, чтобы спросить себя, было ли бы правильным, с точки зрения государственных интересов России, сохранить, впредь до обратного завоевания Польши, то пассивное отношение к польскому вопросу, которое было усвоено правительством после отступления наших войск из пределов царства летом минувшего года. Надо добавить, что, несмотря на тяжелые условия минуты, поляки с волнением следят за событиями и жадно прислушиваются ко всему происходящему в больших европейских центрах. Политика великих держав по польскому вопросу не может не влиять на польские настроения как в царстве польском, так и за нашим государственным рубежем. А эти настроения подлежат и политическому и военному учету. Я полагаю поэтому, что правительство не исполнило бы своего долга, если бы не уяснило себе, во всей их полноте, целей России по польскому делу, и тем самым оказалось неподготовленным к решению одной из основных, властно выдвинутых войною, задач.

Польский вопрос, как он ставится ныне, по существу своему выходит за пределы частного и чисто внутреннего вопроса о преобразованиях, более или менее широких, в управлении одной из русских окраин. Таким он мог оставаться пока между державами, когда-то разделившими Польшу, существовал союз и мир, и когда каждая из них сознательно поддерживала другую в ее политике, основанной на отрицании национального бытия Польши. Война положила предел такой постановке вопроса. На многие десятилетия мы должны быть готовы видеть в Германии постоянного нашего политического противника. Польский вопрос, прежде служивший гарантией мира с нею, станет и орудием и предметом русско-германской борьбы. Польша представляет собою рубеж между Россией и Германией. Русско-германское разграничение на польской земле не исчерпывается проведением стратегически выгодной или топографически удобной пограничной черты, а представляет собой сложную политическую проблему, сливающуюся с вопросом, как будет Россией решен польский вопрос.

Я не предвижу никаких затруднений при уговоре с союзниками по вопросам русско-германского разграничения, но считаю условием благоприятного их решения возможность убедить союзников, что мы проведем нашу границу с немецкими государствами политически правильно, создадим в Польше рубеж, на котором может успешно осуществляться охрана Европы от новых покушений Германии на утверждение ее политической гегемонии. В этом смысле использование в борьбе с Германией моральных и материальных сил второго по своему назначению славянского племени представляет собой задачу не одной России, но и всей коалиции. В этом смысле в русско-польском «примирении» заключается не только один из нравственных лозунгов войны, но и один из важных чисто-политических ее факторов.

Отрицать международное значение польского вопроса значило бы лишь закрывать глаза на действительность. Но из при-

знания такого его значения отнюдь не следует, что его решение может быть передано Европе и перенесено на международный конгресс. Я полагаю, что Россия не должна допустить формально-международной постановки польского вопроса и обязана, перед своим прошлым и ради своего будущего, сама его разрешить. Трактат лишь установит западные границы России на польской земле, в соответствии с нашими разумно понятыми интересами, поддержка коих со стороны союзников несомнительна. Все остальное должно быть определено Россией. Но именно, чтобы избежать формально-международной постановки вопроса, необходимо, чтобы решение пришло возможно скорее и чтобы оно нашло себе возможно полное, ясное и недвусмысленное выражение. Только оно даст средство успешно бороться с политической интригой наших врагов и неразумными исканиями поляков, выросшими на почве безгосударственного существования.

Я полагаю, что в настоящее время серьезно можно обсуждать лишь три решения польского вопроса: независимость царства польского, самобытное существование царства в единении с Россией и более или менее широкое провинциальное самоуправление края. Другие решения представляются запоздалыми и политически крайне для нас невыгодными.

Мысль отказаться от Польши, признать ее независимость, и тем, как будто, раз навсегда покончить со всеми трудностями руководства судьбами польского народа, может показаться на первый взгляд не лишенной некоторых выгод. Ее решительно высказал в эпоху первого восстания император Николай Павлович, а теперь она находит себе довольно много приверженцев в русском обществе. Я считаю эту мысль ошибочной.

При отдельном существовании, царство польское, предоставленное своим собственным силам (международная гарантия или договорная нейтрализация, при изменчивости международной обстановки, едва ли много помогут), не в состоянии будет успешно бороться с Германией. Нам придется его защищать от германского натиска, только в условиях, менее отвечающих нашим интересам и выгодам, без возможности соответственным образом подготовить политическую, экономическую и военную оборону в пределах царства. Затем, несомненно, отказ от Польши будет истолкован как признак нашей слабости, ибо подобное отречение от столетнего прошлого нашей политики иначе массами оценено быть не может. К тому же, при такой оценке, мы уйдем из Польши до нашего окончательного «примирения» с польским народом, который будет помнить последние десятилетия до войны и видеть в России враждебную польской народной стихии силу. А тогда Германия, при содействии австрийцев, может сблизиться с независимой Польшей и сделать Варшаву, как пред вторым разделом, центром политической интриги, направленной против нас. Мы должны сохранить прямой общий контроль над судьбами польского края и не должны отречься от нашей исторической

традиции, созданной Екатериной II и Александром I и осуществлявшейся в разных формах в течение всего прошлого столетия.

Столь же неудовлетворительным я считал бы, с точки зрения государственных интересов России, предоставление царству лишь провинциального самоуправления, хотя бы и в расширенной, сравнительно с нашим земским и городским положениями, форме. Как бы скромно ни ставилась в будущем такая реформа, она не может, после воззвания 1 августа 1914 г., после трудов русско-польского совещания 22 июня — 1 июля 1915 г. и речи статс-секретаря Горемыкина 19 июля 1915 г.,[1] избежать образования польского сейма и отмены ограничений в области польского языка, веры и школы. Таким образом, все внешние данные для организации в будущем польского национального движения будут налицо, — но только польскому народу не будет одновременно дано достаточных законных путей приложения находившейся много десятилетий под спудом его энергии. Неминуемо вся работа поляков направится на борьбу на расширение пределов дарованной реформы, иначе говоря — на борьбу с Россией. Это будет вредно для поляков, но не менее того вредно и для России. Нам придется затрачивать множество сил на борьбу с польским национальным движением, — и это в то время, когда все наши усилия должны быть направлены на организацию обороны будущих политических наших границ и на дело развития производительных сил России. В борьбе с направленным на завоевание внутри России новых политических прав польским народным движением вероятны два исхода: утомленные ею, мы будем, нехотя, делать запоздалые уступки, которые только скомпрометируют нашу политику,— или, растрачивая наши силы там, где это всего менее настоятельно,[2] мы собственными руками будем насаждать чувства вражды и недоверия к нам на передовой линии нашей внешней обороны. Не надо забывать, что политика борьбы с польским национальным движением осуществлялась бы после войны в совершенно иных моральных условиях, чем она осуществлялась после восстания 1863 г. Польский народ вышел из этого, наиболее печального эпизода своей истории, нравственно подавленным и обессиленным. Теперь такой атмосферы не будет. Население царства справедливо будет считать себя свободным от какой бы то ни было вины перед Россией и неминуемо будет толковать отказ признать его национальные требования за акт исторической несправедливости.

Только средний путь ведет к цели. Надо создать в Польше такую политическую организацию, которая сохранила бы за Россией и ее монархом руководство судьбами польского народа и в то же время давала бы его национальному движению широкий выход, притом не на путь продолжения исторической тяжбы

[1] В Государственной Думе.

[2] Так в подлиннике.

с Россией, а на путь правильного устроения внутренней политической жизни края. Это среднее решение было бы восстановлением традиций политики императора Александра I и императора Николая I, который, даже после восстания 1830 г., продолжал управлять краем по польским законам, при помощи подчиненной князю варшавскому польской бюрократии.

В развитие изложенных выше соображений, во вверенном мне ведомстве составлен прилагаемый при сем проект основных постановлений о политическом устройстве царства польского, которые представляются мне отвечающими истинным интересам нашей родины. Они покоятся на признании за царством прав самобытной политической жизни с одновременным сохранением за Россией и ее государем суверенной власти в крае.

Сазонов.

Петроград.
17 апреля 1916 г.

Основные постановления устава о государственном устройстве царства польского.[1]

I.

Царство польское связано с государством российским нераздельностью престола и единством дел общегосударственных.

В своих внутренних делах оно управляется особыми установлениями на основаниях особого законодательства.

II.

Дела общегосударственные (ст. I) разрешаются в порядке, установленном основными государственными законами и иными, действующими в государстве российском узаконениями.

III.

Делами общегосударственными почитаются:

а) Постановления о наследовании престола и учреждение об императорской фамилии.

б) Внешние сношения и международные договоры; законодательные и правительственные меры, вытекающие из международных договоров.

в) Войско и флот; воинская и другие военные повинности; отчуждение и обременение частных прав для военных целей; военное положение.

г) Дела православной церкви.

[1] Эти постановления были приложены к вышенапечатанному докладу.

д) Денежное обращение; монета.

е) Общегосударственная роспись доходов и расходов; отчеты по ее исполнению; контроль над общегосударственными доходами и расходами.

ж) Займы на общегосударственные нужды.

з) Государственный банк.

и) Таможенное законодательство.

к) Косвенное обложение.

л) Почта, телеграф, радио-телеграф, телефон, воздухоплавание.

м) Железные дороги общегосударственного значения; железнодорожные тарифы по общегосударственным и международным сообщениям.

н) Казенные монополии.

о) Авторское право и промышленная собственность.

п) Подданство; права иностранцев и иностранных обществ, товариществ и компаний.

р) Законы уголовные, относящиеся к делам общегосударственным.

с) Законы, определяющие порядок сношений и взаимного содействия правительственных и судебных установлений и разрешения столкновений гражданских законов империи и царства польского.

IV.

Члены Государственного Совета по выборам и члены Государственной Думы от царства польского не принимают участия в обсуждении и разрешении дел империи, не входящих в перечень дел общегосударственных.

V.

Делами внутренними царства польского (ст. I) почитаются все государственные дела, не внесенные в перечень дел общегосударственных (ст. III).

Они разрешаются в порядке, установленном настоящим уставом и иными, действующими в царстве польском, узаконениями.

VI.

Государь император осуществляет законодательную власть царства польского в единении с сеймом царства. Ему принадлежит почин по всем предметам законодательства царства. Он утверждает законы царства, и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения.

VII.

Власть управления царства польского во всем ее объеме принадлежит государю императору.

Осуществление полномочий его в делах управления может быть вверено, согласно сему уставу и иным, действующим в царстве польском, узаконениям, наместнику его императорского величества в царстве и другим правительственным местам и лицам царства.

VIII.

Государь император в порядке верховного управления царства польского издает, в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для пополнения законов.

IX.

Государь император назначает и увольняет наместника его императорского величества в царстве польском, председателя совета министров и министров царства, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения.

X.

Судебная власть царства польского осуществляется от имени государя императора установленными законом судебными местами царства, решения коих приводятся в исполнение именем императорского величества.

XI.

Сейм царства польского состоит из двух палат: палаты представителей и сената.

Никакой закон царства польского не может последовать без одобрения обеих палат.

Сейму принадлежит право почина в законодательных делах царства польского.

XII.

Пределы ведения сейма и его устройства, а равно избрание и назначение членов палат, устанавливаются учреждениями и законами, издаваемыми в законодательном царства польского порядке.

Впредь до издания сих учреждений и законов применяются временные, утверждаемые государем императором единолично, узаконения.

XIII.

Наместник его императорского величества в царстве польском представляет в царстве власть государя императора.

Все внутренние государственные дела царства польского, восходящие к его императорскому величеству, подносятся ему наместником непосредственно.

XIV.

При наместнике состоит совет министров и министерства царства польского.

В состав совета министров царства польского входит министр статс-секретарь, состоящий при особе монарха по делам внутреннего управления царства польского.

Пределы ведения и власти совета министров и министерств царства польского и их устройство определяются особыми учреждениями и законами, издаваемыми в законодательном царства польского порядке.

Впредь до издания сих учреждений и законов применяются временные, утверждаемые государем императором единолично, узаконения.

XV.

Впредь до изменения в законодательном царства польского порядке, действующие в царстве узаконения, касающиеся внутренних его государственных дел (ст. V), сохраняют силу, с тем, однако, что со времени издания настоящего устава власть, принадлежавшая генерал-губернатору, переходит к наместнику его императорского величества, а все содержавшиеся в сих узаконениях ограничительные постановления, относительно прав лиц польского происхождения, употребления польского языка и свободы католического вероисповедания, признаются отмененными.

XVI.

Государственная роспись доходов и расходов царства польского ежегодно устанавливается в законодательном царства порядке.

Взимаемые в царстве польском налоги и пошлины, кроме означенных в ст. III сего устава, доходы с государственных имуществ и регалий, кроме означенных в той же статье, а равно суммы, выручаемые от займа царства польского, поступают в казну царства и обращаются на покрытие государственных нужд, согласно узаконениям, издаваемым по сему предмету в законодательном царства порядке.

XVII.

Все российские подданные пользуются в царстве польском полнотою прав, присвоенных постоянному населению царства.

Законно возникшие в России торговые и промышленные общества, товарищества и компании имеют право действовать

в пределах царства польского на равных основаниях с местными обществами, товариществами и компаниями.

XVIII.

Споры между общегосударственными властями и местными властями Царства Польского, связанные с применением настоящего устава, разрешаются особым присутствием правительствующего сената, с участием членов от царства польского, согласно закону, издаваемому в порядке общегосударственного законодательства.

XIX.

Никакой закон, последовавший либо в порядке общегосударственного законодательства, либо в законодательном царства польского порядке, не должен противоречить настоящему уставу.

Настоящий устав не может быть изменен иначе, как по почину государя императора, с одобрения законодательных учреждений государства российского и сейма царства польского, и утверждения его императорского величества.

2.

Доклад Штюрмера Николаю II о проекте Сазонова.

Вашему императорскому величеству благоугодно было начертать на письме гофмейстера Извольского к министру иностранных дел, от 25 апреля — 8 мая сего года, по вопросу о будущем Польши: «Покажите председателю совета министров». [1]

Во исполнение сего высочайшего вашего величества повеления, гофмейстер Сазонов представил мне как означенное письмо Извольского, так и свою записку об автономии Польши с приложением проекта таковой.

Имею счастье повергнуть на благовоззрение вашего величества, что письмо гофмейстера Извольского предостерегает правительство от возможных, по мнению нашего посла, попыток перенести польский вопрос на международную почву. Гофмейстер Извольский объясняет при этом, что Бриан, под влиянием радикального крыла своего кабинета, все с большим и большим трудом отстраняет делаемые ему с разных сторон предложения выступить по польскому вопросу с соответствующими шагами в Петрограде, хотя и отдает себе ясный отчет в опасности подобных шагов.

По мнению гофмейстера Извольского, в настоящую минуту, под влиянием событий последнего времени, французские обще-

[1] Письмо Извольского при рассматриваемых нами документах не сохранилось.

ственные и политические круги приходят к выводу, что поляки, разочаровавшись в России, легко могут перекинуться на сторону Германии и Австрии, чем будут созданы чрезвычайные опасности не только для России, но и для всех союзников. Дабы избежать этого, необходимо возвратить полякам утраченное ими доверие к обещаниям России, а это может быть достигнуто лишь при двух условиях, а именно, если Россия ныне же возьмет на себя разработку проекта широкой автономии воссоединенной Польши и «если к этому проекту, в той или другой форме, присоединятся ее союзники». Последнее условие, в действительности, означает, что речь идет уже не о простой готовности России пойти на известные меры по отношению к полякам, но и о международных гарантиях в добросовестности намерений России.

Гофмейстер Извольский заканчивает свое письмо заявлением, что «до сих пор французское правительство формально борется с этим взглядом, но нельзя не предвидеть, что, при дальнейшем развитии событий, оно будет принуждено уступить общему течению, и что это может привести его к трениям с нами».

Гофмейстер Сазонов, как явствует из составленной им по сему вопросу записки, не только разделяет опасение императорского посла в Париже о возможности некоторых трений между союзниками из-за вопроса о будущем Польши, но и по существу является убежденным сторонником необходимости для России теперь же высказаться по польскому вопросу и именно в том смысле, в каком, повидимому, того хотели бы, сколько можно судить по вышедоложенному письму Извольского, общественные и политические круги Франции.

Гофмейстер Сазонов утверждает, что, хотя Россия и не должна допустить формально-международной постановки польского вопроса, но что, в действительности, нельзя отрицать его международное значение. По мысли гофмейстера Сазонова, Россия обязана перед своим прошлым и ради своего будущего сама разрешить этот вопрос, и для того именно, чтобы избежать формально-международной постановки вопроса, необходимо дать решение возможно скорее и найти ему возможно полное, ясное и недвусмысленное выражение.

Обсудив засим различные формы решения вопроса, гофмейстер Сазонов предлагает проект такого широкого провинциального самоуправления польского края, при котором поляки имели бы, с известными, конечно, ограничениями в пользу общегосударственного начала, свой сейм, своих министров, свое местное законодательство и свою казну.

Рассмотрев письмо гофмейстера Извольского, а равно записку гофмейстера Сазонова и составленный им же проект автономии Польши, я, с своей стороны, мог бы остановиться на мыслях, изложенных в означенных документах, если бы в них я мог найти ответы на те главнейшие, с точки зрения моего понимания

вопросы, без предварительного разрешения которых едва ли вообще возможно с надлежащей уверенностью и в сознании ответственности перед вашим величеством определить свое отношение ко всему этому делу.

Не считая себя в праве сомневаться в точности показаний императорского посла в Париже, я тем не менее спрашиваю себя, действительно ли удельный вес России, как государства, отдавшего все свои силы на борьбу с общим врагом, так уменьшился за последнее время среди союзников ее, что уже настала, или в более или менее близком будущем может настать, минута, когда, забыв взаимные права и обязанности, один из союзников возьмет на себя прямое вмешательство в дело, по всему его прошлому и настоящему и по самой сущности его всецело принадлежащее России, и только ей одной. Мне казалось бы, что, если еще возможен известный обмен мнений тогда, когда милостью господа и доблестью армии вашего величества сотрутся границы, разделяющие одно от другого различные земли бывшего польского государства, то никоим образом не может быть допущена никакая попытка в этом смысле теперь, пока судьба всех этих земель должна еще быть разрешена силой оружия.

Таким образом, не считая себя в праве оспаривать факты, которые особенно выдвигаются как императорским послом в Париже, так и министром иностранных дел, равно как допуская, что, очевидно, серьезность этих фактов не преувеличена, я, тем не менее, в своих представлениях о достоинстве и силе державы российской, не мог бы примирить эти факты с теми выводами, какие из них делаются.

Я признаю, что государственная мудрость выражается в предвидении, и посему в том, чтобы заблаговременно были предотвращаемы надвигающиеся затруднения. Я опасался бы, однако, обращать такое заблаговременное предотвращение возможных затруднений в прием, — быть-может, и самый простой, но тем более опасный, разрешать сложнейшие вопросы государственной жизни путем легкого отказа от настоятельных требований реальной политики. Если России и предстоит сказать свое веское и единственно ей принадлежащее слово по польскому вопросу в его полном объеме, то ни один из доводов, приводимых вышеизложенными документами, не убеждает меня в том, что время это уже настало. Оно не настало уже по одному тому, что еще далека минута, когда можно было бы говорить о польском вопросе в его целом. Я не видел бы также и тех действительных причин, которые побуждали бы непременно что-либо заявлять по польскому вопросу именно теперь, и к тому же немедленно, если таковыми причинами не считать, с одной стороны, исторически определившуюся излишнюю нервность поляков, а с другой — готовность общественных и политических деятелей любой страны жертвовать во имя красивого жеста самыми существенными реальными задачами своих друзей и союзников.

По существу же польских стремлений, как их понимают те более умеренные польские круги, которые, главным образом, разумеются в письме гофмейстера Извольского и в записке гофмейстера Сазонова, я имею счастье повергнуть на благовоззрение вашего величества в особом докладе по поводу записки князя Любомирского.

Председатель совета министров Б. Штюрмер.

25 май 1916 г.

3.

Доклад Штюрмера Николаю II о записке кн. С. Любомирского.[1]

Вашему императорскому величеству благоугодно было передать мне для ознакомления записку князя Станислава Любомирского, от 17 сего мая, по вопросу о Польше.

Имею честь привести на благовоззрение вашего императорского величества, что записка эта определенно распадается на две части, из которых в первой излагается, насколько серьезны обещания, даваемые полякам со стороны Германии и Австрии, а во второй выражается опасение, что равнодушие к будущей судьбе Польши, проявляемое с русской стороны, может вызвать у польских масс настроения, более благоприятные центральным европейским державам, нежели России.

Князь Любомирский удостоверяет, что «Германия и Австрия, эксплуатируя занятые земли и разоряя их экономически, на ряду с этим поощряют свободное развитие народной жизни», и что оба эти государства, убедившись в «рискованности присоединения большой объединенной Польши», внушают ныне полякам «идею создания отдельного польского государства», которое, будучи введено в состав немецкой империи или же, наподобие Венгрии, присоединенное к Австрии, намечается для роли «буфера между Россией и центральными державами».

Удостоверяя за сим, что все поляки воодушевлены в настоящее время стремлением видеть объединенным возможно большее пространство «этнографических польских земель» в одно государство с самостоятельным внутренним строем, князь Любомирский полагает, что было бы в интересах России ныне же оповестить государственным актом, «что в будущем Польша, под скипетром русского царя, будет иметь свой самостоятельный свободный внутренний строй», и что в том же акте будут определены «отношения Польши к целости российской империи».

Князь Любомирский полагает в заключение, что «провозглашение прав Польши» должно последовать независимо от того,

[1] Некоторые места из записки кн. Любомирского (довольно подробно излагаемой и в печатаемом здесь докладе Штюрмера) приведены также (с подлинника) в тексте напечатанной выше статьи, см. стр. 177—178.

останутся ли за Россией все части Польши, или же только некоторые. Пока же, как живое доказательство коренного изменения русско-польских отношений, необходимо, по мнению князя Любомирского, немедленно отменить все национальные и вероисповедные ограничения в правах поляков на всем пространстве российской империи.

Таким образом, князь Любомирский с достаточной откровенностью излагает свое убеждение, что посулы немецких государств оказали уже свое действие на русских поляков, и что эти последние уже готовы отозваться на призывы из-за рубежа, столь совпадающие с их давнишними мечтами об особой польской государственности на территории весьма обширной, определяемой даже не историческими, а более широкими — этнографическими признаками. Он полагает лишь, что поляки все же могли бы воздержаться от принятия австро-германской программы, если бы с русской стороны была немедленно провозглашена такая программа, которая была бы для поляков соблазнительнее, чем программа австро-германцев.

Как явствует из данных, поступающих в министерство внутренних дел, русские поляки, подразумевая под этим наиболее заметных польских общегосударственных деятелей, — не только, согласно удостоверению князя Любомирского, склонны интересоваться предложениями австро-германцев, но уже приступили к определенным практическим шагам в духе этих предложений. С означенной целью, после ряда секретных переговоров, в январе текущего года, с согласия австрийского и германского правительств, в Кракове состоялась общая конференция представителей всех трех частей Польши. С русской стороны в конференции приняли участие, среди других, члены Государственной Думы Парчевский и Лемницкий, адвокат Патек и еврей Кемпнер. На конференции было принято решение объединить Польшу под скипетром Габсбургов, сохранив за Германией Познань, но получив взамен русские области с выходом к морю. Для ускорения дела, конференция постановила образовать в нейтральных странах особые бюро, на которые возложено создать соответствующую пропаганду среди русских поляков.

Немедленно после краковской конференции начались усиленные совещания на закрытых собраниях в «Польском Доме» в Москве, куда от имени конференции прибыли представители стокгольмского польского комитета. На собраниях этих австро-германские обещания были признаны вполне приемлемыми, после чего обсуждались способы, какими можно было бы, наиболее выгодным для поляков образом, превратить эти обещания в действительность.

С того же времени издающаяся в Петрограде польская газета «Дневник Петроградский», в начале войны заявлявшая о ненависти поляков к германцам и о внутренней их связи с Россией, быстро начала принимать дух австро-германских настроений

и в этом отношении дошла до таких пределов, что я увидел себя вынужденным принять меры к прекращению этого издания.

Изложенные данные, в точности которых я не имею оснований сомневаться, тем более, что они совпадают с доходящими до меня сведениями из частных источников, побуждают меня считать доказанным, что переживаемая Россией война принимается русскими поляками не как серьезное испытание, постигшее их общую родину, империю российскую, а как историческая минута, которую им необходимо использовать с наибольшей выгодой для восстановления особого польского государства. Понимая, что полная независимость будущей Польши едва ли вообще возможна, русские поляки готовы примкнуть к той совокупности условий, которая в последнее мгновение окажется более властной, и при этом совершенно независимо от соображений об интересах державы Российской. Исторически ненавидя германцев, русские поляки в то же время не намерены ждать будущего устроения своего от доброй воли вашего величества, полагая, что обстоятельства вполне дозволяют им ныне же ставить России определенные условия. Наименьшим из таковых, как это и высказывается в записке князя Любомирского, они считали бы торжественное, с высоты русского престола, заявление о свободном внутреннем строе будущей русской Польши, хотя бы таковая после войны и не вышла из пределов нынешнего царства польского и губерний юго-западных и северо-западных, если считать серьезными указания поляков на этнографические признаки, как на мерило польской территории. При сем под свободным внутренним строем понимается и политическая автономия, возможно ближе подходящая к представлениям об особой польской государственности. В виде первого шага в этом направлении ожидается от вашего величества немедленное же полное уравнение поляков в правах с коренным русским населением.

Русские поляки указывают при этом, если не в форме прямой угрозы, то, во всяком случае, в виде предостережения, что непринятие их условий может повести к последствиям в духе австро-германских пожеланий.

Не входя в подробное обсуждение вопроса о том, насколько вообще допустима подобная постановка дел государственной важности и значения, я полагал бы, однако, что именно эта решимость русских поляков ставить державе российской определенные условия значительно облегчает практическое разрешение дела. Ставя условия, и к тому же столь ограничительные для русских интересов, поляки тем самым снимают со счетов все те доводы, которые обычно приводились и приводятся в защиту польских прав, а именно — доводы об общем славянском происхождении, о готовности поляков забыть прошлое ради общих интересов, о патриотизме, проявленном поляками в первые периоды войны, о взаимной готовности слиться в одном братском чувстве. Если ныне, в минуты, когда силы верноподданных

вашего величества призываются к наивысшему напряжению, поляки уже готовы преклонять слух к лживым и коварным обещаниям злейших врагов наших и всего славянства и, таким образом, сами как бы настаивают, чтобы дело их разрешалось исключительно с точки зрения реальной политики и ближайших условий сегодняшнего дня, то едва ли должно сомневаться в том, что именно теперь особливой осторожности требовал бы каждый шаг в пользу польских стремлений. Пока царство польское находится в руках врага, русские поляки могут осложнить положение России только подпольными интригами и мелким политиканством. В то же время каждое заявление, которое было бы сделано вашим величеством в пользу польских притязаний, было бы широко использовано, как заявление, связывающее Россию на будущие времена и, само собой разумеется, со всеми последствиями этого. Будучи весьма полезно полякам, оно практически не только ничего не давало бы России, а, наоборот, отнимало бы у нее.

Многое уже даровано вашим величеством и августейшими предками вашими полякам, живущим в пределах российской империи, но, как показывает опыт, никогда царские милости и доверие монархов русских не могли удовлетворить польских политических деятелей. Их искания безграничны, а в своих стремлениях к обособлению от России они неисправимы.

Об изложенном долгом почитаю повергнуть на благовоззрение вашего императорского величества.

Председатель совета министров Б. Штюрмер.

25 мая 1916 г.

К ИСТОРИИ ВЫСТУПЛЕНИЯ РУМЫНИИ.

(«Измена» русского посланника.)

Вопрос о привлечении к участию в войне с австро-германцами Румынии составлял одну из важнейших задач царской дипломатии; эта задача была выполнена только в августе 1916 г., когда Румыния присоединилась к «союзникам», после упорного торга с обеими воюющими коалициями. Однако, вступление в войну Румынии не оправдало возлагавшихся на это надежд, хотя и имело крупное военно-политическое значение.

Печатаемый здесь документ — письмо от 8 февраля 1915 г. первого секретаря русской миссии в Румынии Арсеньева к Сазонову — связан с самым первым периодом войны и с первыми шагами переговоров о выступлении, начатых царским правительством с правительством Румынии.

Как известно, Румыния была связана еще с 1883 г. тайным союзным договором[1] с Австро-Венгрией; эта связь подкреплялась не только тем, что известная часть румынской буржуазии всегда экономически тяготела к Австро-Венгрии, но также и той причиною, что старый румынский король Карл, имевший большое личное влияние на политику, придерживался австро-германской ориентации, принадлежа к той же, что и Вильгельм II, династии Гогенцоллернов.

Однако, несмотря на эти узы, привязывавшие Румынию к Германии, царская дипломатия, «вознаградив» в 1913 г. Румынию за счет Болгарии, сделала этим значительный шаг к тому, чтобы привлечь к России симпатии румынской бур-

[1] Договор этот был позднее не раз подтвержден: срок договора истекал в 1920 г.

жуазии.[1] Но эта «награда» не была достаточной для того, чтобы оторвать Румынию от Германии. Чтобы способствовать этой последней цели, со стороны царской России были предприняты еще некоторые ударные меры; в числе их надо упомянуть и о том, что перед самой войной, в июне 1914 г., Николай II отправился со всей своей семьей в Румынию для «свидания» с румынским королем, которое и состоялось в Констанце.[2] Кроме того, Николай счел полезным даже породниться с румынской династией, согласившись на брак своей дочери Татьяны с принцем Каролем:[3] русская дипломатия рассчитывала этим последним путем дать противовес тем связям, которые соединяли короля с Гогенцоллернами, — румынских же главарей привлекало при этом не столько внедрение в их страну русской великой княжны, сколько полагавшиеся вместе с ней, в качестве приданого, территориальные приращения, которые могли бы послужить для создания «великой Румынии».

При всех таких обстоятельствах, царская дипломатия рассчитывала, что, когда начнется война, Румыния, разорвав свои австро-германские узы, сочтет своим долгом сразу же выступить на стороне России и ее союзников, — понятно, при условии соответствующих этому «компенсаций».

В связи с этим, уже 30 июля 1914 г.[4] Сазонов сообщал русскому посланнику в Бухаресте Поклевскому-Козелл следующее:

«Если считаете возможным приступить к более конкретному определению выгод, на которые может рассчитывать Румыния, в случае участия в войне против Австрии, можете определенно заявить Братиано,[5] что мы готовы поддержать присоединение к Румынии Трансильвании.[6]

Однако, дело это оказалось не столь простым, как представлялось русской дипломатии, — и прежде всего потому, что

[1] Надо заметить, что еще в 1912 г., специально командированный Николаем II в Румынию в. к. Николай Михайлович нащупывал у короля Карла и крупных румынских политических деятелей почву относительно того, как отнесется Румыния к намеченной Россией войне (см. «Николай II и, великие князья». Л. 1925, стр. 82—85).

[2] Эта поездка была ответным визитом на посещение королем Карлом Николая в начале 1914 г.

[3] Принц Кароль — старший сын румынского наследного принца.

[4] Даты везде по новому стилю.

[5] Председатель румынского кабинета министров.

[6] «Царская Россия в мировой войне». Том I. С предисловием М. Н. Покровского. Центрархив. Гос. Изд-во. Л. 1925 г., стр. 147 — 148.

австро-германцы видвигали тогда же перед Румынией еще более заманчивые перспективы, в число которых входило и обещание благородно «уступить» румынской буржуазии русскую Бессарабию;[1] при таких условиях, естественно, даже дочь русского царя утрачивала свою высокую котировку.

На первых порах вопрос об отношении Румынии к войне решил состоявшийся 3 августа «коронный совет», который, вопреки настояниям короля Карла о необходимости присоединиться к Германии, признал, что Румыния должна занять в отношении воюющих коалиций «выжидательное положение».[2]

Такое решение открывало чрезвычайно богатую почву для работы дипломатии обеих воевавших коалиций. Перед Румынией стояло три возможности, в одинаковой степени практически осуществимых: или примкнуть к России, — или присоединиться к Германии, — или, наконец, соблюдать нейтралитет, т. е., в сущности, согласно обычным в этом отношении принципам буржуазной политики «благожелательно», без вооруженного выступления, поддерживать ту или другую воюющую сторону.

Для нас собственно интересна тактика в этом вопросе русской дипломатии, — и богатый материал, вводящий за дипломатические «кулисы», представляет печатаемый здесь доклад (в форме официального письма) Арсеньева Сазонову.

Надо сказать, что действия русского посланника в Румынии Поклевского-Козелл подверглись в начале войны весьма серьезным нареканиям, а в начале 1915 г. вызвали даже обвинение «ставки» против него в «государственной измене».

8 февраля 1915 г. верховный главнокомандующий в. к. Николай Николаевич писал Николаю II:

«Я только-что узнал, что посланник наш в Румынии Козелл-Поклевский, повидимому, успел оправдать себя и возвращается на свой пост. То, чего я так боялся, значит, случилось. Виновником, как кажется, является первый секретарь Арсеньев.

«К тем данным, которые известны вашему величеству по обвинению Козелл-Поклевского в государственной измене, я имею много данных, которые подтверждают это.

---

[1] Там же, стр. 152, телеграмма Поклевского от 3-го августа, № 181.

[2] Таков был общий смысл принятого «советом» решения (см. текст письма Арсеньева, а также «Царская Россия», стр. 152—153, телеграмма Поклевского от 3 августа, № 184).

«На основании этого, не только я один, но все, знающие это дело, лица, уверены, что, пока Козелл-Поклевский будет в Бухаресте, Румыния не выступит, и, кроме вреда для России, ничего не будет.

«Мне неизвестно, как было обставлено выяснение виновности Козелл-Поклевского, но из того, что до меня дошло — формального, законно-обставленного, расследования не было. Только расследование, в той форме, как закон это требует, может пролить истинный свет на это дело.

«Колоссальнейшая важность полного выяснения деятельности Козелл-Поклевского заставила меня взять смелость беспокоить ваше величество чтением мною излагаемого. Я не имею возможности, в полной мере, организовать наблюдение за его деятельностью».[1]

Те сведения, которыми было вызвано это письмо, были основаны как на данных контр-разведки, так, несомненно, и на тех сообщениях, которые прямо или посредственно получались великим князем от первого секретаря русской миссии в Румынии Арсеньева. Как раз в тот самый день, когда в. к. Николай Николаевич писал свое письмо Николаю II, Арсеньев отправлял министру иностранных дел Сазонову подробный, здесь нами печатаемый, доклад о действиях посланника Поклевского-Козелл. Донесения, с обвинениями против последнего, делались Арсеньевым и ранее, но, по всем данным, можно думать, что в них заключалось не более того, что изложено в публикуемом здесь его письме к Сазонову.

Как письмо в. к. Николая Николаевича, так и доклад Арсеньева были, видимо, уже запоздалыми откликами на возникшие против Поклевского-Козелл обвинения: из письма в. к. Николая Николаевича видно, что к этому времени посланник в Румынии уже, «повидимому, успел оправдать себя и возвращается на свой пост».

Эта последняя фраза, непосредственно связана с состоявшимся за несколько времени до этого распоряжением Николая II об увольнении Поклевского-Козелл от должности.[2]

[1] См. «Николай II и великие князья», стр. 31—32.

[2] Об увольнении Поклевского от должности посланника в Румынии Николай II 25 января 1915 г. отправил следующее письмо Сазонову:

«Сергей Дмитриевич. Сегодня мне представлялся флигель-адъютант Веселкин, который доложил мне весьма прискорбные подробности о деятельности посланника в Румынии Поклевского-Козелл. Они оба товарищи по лицею, и поэтому о предвзятости, или о пристрастии не может быть и речи. Из всего сказанного мне для меня совершенно очевидно, что, при

Оставляя пока в стороне вопрос об «измене» Поклевского, перейдем непосредственно к рассмотрению того, какими путями, какими приемами старалась русская дипломатия, сразу же после начала войны, привлечь на свою сторону Румынию.

Несмотря на «выжидательную позицию», занятую «коронным советом», в значительных слоях румынской буржуазии существовала сильная тяга к тому, чтобы сразу же после начала войны выступить с Россией против Австрии и таким путем добиться осуществления своих «национальных задач». Это стремление особенно сильно обнаружилось после того, как русскими войсками был взят Львов и захвачена часть Буковины. На эту последнюю, как известно, Румыния давно претендовала, и поэтому понятно, что румынскую буржуазию охватил сильный воинственный азарт: в течение нескольких дней происходили шумные манифестации, требовавшие объявления войны Австрии,— в этом смысле высказывались почти все влиятельные румынские газеты и многие видные политические деятели.[1]

Но, несмотря на все это, русский посланник Поклевский, — как утверждает в печатаемом докладе Арсеньев, — не только не постарался использовать этот благоприятный момент для вовлечения Румынии в войну, но, действуя в противовес этому, стал договариваться лишь о том, чтобы румынское правительство сохранило «благожелательный» по отношению к «союзникам» нейтралитет, и уже только за это получило право на территориальные компенсации.

Между тем 16 (по ст. ст. 3) сентября Сазонов сделал через Поклевского румынскому правительству следующее предложение, которое для рассматриваемого нами вопроса является центральным.

настоящих условиях военного времени, Поклевский-Козелл не может быть долее терпим на занимаемом им месте. Я нахожу необходимым, чтобы он был немедленно отозван.

На его место мог бы быть временно командирован Шебеко, если вы находите, что пост посланника не должен теперь оставаться вакантным.

Верховный главнокомандующий настаивает, с своей стороны, на отозвании Поклевского-Козелл, считая его деятельность в Румынии вредной России. Уверен, что вы исполните мою волю тотчас же.

Николай».

Это письмо напечатано в книге М. Лемке, «250 дней в царской ставке». П. 1920, стр. 585—586.

[1] Об этом говорит Арсеньев в печатаемом ниже докладе; это же подтверждает и Поклевский в своей, цитируемой Арсеньевым, телеграмме к Сазонову (полный ее текст — «Царская Россия», стр. 161 — 162).

«Заняв часть Буковины, — телеграфировал Сазонов, — Россия сделала первый шаг на пути освобождения этой провинции от австрийского владычества, освобождения которого единодушно желают и русский и румынский народы. В силу этого императорское правительство вновь обращается к королевскому правительству, призывая его к нему присоединиться, в целях скорейшего достижения общей цели, и предлагает ему занять, с своей стороны, южную Буковину и Трансильванию».[1]

Этот захват указанных областей, если бы Румыния на него согласилась, был бы, несомненно, равносилен объявлению Румынией войны Австро-Венгрии; но на такую удочку румынское правительство итти не желало: оно предпочитало ожидать того момента, когда, без особого труда, можно будет добиться не только этих «компенсаций», но и значительно больших — в том числе русской Бессарабии.

Однако, судя по печатаемому здесь докладу Арсеньева, этот шаг Сазонова был рассчитан не так просто: он был направлен не столько к румынскому правительству, как к той румынской буржуазии, которая, манифестируя на улицах Бухареста, требовала объявления войны Австрии.

Этот эпизод, не отражающийся в изданных Центрархивом документах («Царская Россия в мировой войне»), представляет, пожалуй, наибольший интерес в докладе Арсеньева: в сущности, весь этот доклад концентрируется вокруг обстоятельств, связанных с этим эпизодом.

Оказывается, что Сазонов, сделав через Поклевского румынскому правительству упомянутое выше предложение занять южную Буковину и Трансильванию, распорядился вместе с тем «дать нашему предложению самую широкую огласку», дабы «народ и армия знали, что Россия, своими победами создавшая самые благоприятные условия для осуществления давнишней мечты Румынии, сама пригласила бухарестское правительство занять означенные области почти безо всякого усилия, и что, если Румыния не воспользуется этим, то вина за это падет исключительно на ее нынешнее правительство».[2]

---

[1] Эта телеграмма, на которую ссылается Арсеньев, приведена полностью в издании «Царская Россия», стр. 161.

[2] Этой телеграммы Сазонова (от 7 сентября, № 2774), на которую ссылается Арсеньев, нет в издании «Царская Россия».

«А каким образом, — писал позднее Арсеньев Сазонову, — следовало императорской миссии исполнить сие ваше приказание — указание на то заключалось в предшествующей телеграмме вашей, от 3 сентября № 2681, где прямо было указано, что оглашение нашего предложения могло быть сделано «хотя бы путем намеренной нескромности». [1]

Однако, Поклевский приказания Сазонова об огласке этого русского предложения не исполнил...

«Будучи, — пишет далее Арсеньев, — глубочайшим образом убежден, что результатом широкой огласки нашего предложения будет открытый переход Румынии на нашу сторону, следствием коего явилось бы отвлечение в ее сторону части сил наших врагов и сбережение таким образом хотя бы некоторого количества драгоценной русской крови, я в те дни настойчиво, горячо просил г. посланника исполнить в точности ваше приказание, — но безуспешно».

Как видно из дальнейших слов Арсеньева, в необходимости предать русское предложение огласке пытался, — но так же напрасно, — убедить Поклевского «великолепно знающий здешнюю политическую обстановку, проведший в Румынии десять лет французский посланник г. Блондель».

Переходя к оценке действий Поклевского, нельзя не признать, что огласка русского предложения, — в невыполнении чего и обвинял, главным образом, Поклевского Арсеньев, — действительно, должна была бы произвести сильнейший взрыв в той горючей атмосфере, в которой находилась тогда румынская буржуазия, — при этом, поскольку можно судить, именно буржуазия средняя и мелкая, рассчитывавшая, что война не только осуществит «национальные задачи» Румынии, но и создаст почву для того переворота, который сбросит существовавший в Румынии феодальный строй. Однако, у Поклевского могли быть свои основания для того, чтобы поддерживать занятую им позицию. [2]

Дело в том, что румынский премьер Братиано и сам не отрицал «силы и значения охвативших румынское общество

---

[1] Этой, цитируемой Арсеньевым, телеграммы также нет в издании «Царская Россия».

[2] Мы, конечно, не касаемся вопроса о том, что он решился не исполнить приказания министра.

чувств»,[1] но считал, что «бурные манифестации здешнего общественного мнения в пользу немедленного объявления войны Австрии могут только привести к таким внутренним потрясениям в Румынии, которые едва ли желательны и полезны императорскому[2] правительству».[3]

Несомненно, что это убеждение о неизбежности, в случае войны, «внутренних потрясений», было одним из мотивов того, что румынское правительство предпочитало сохранить нейтралитет.

Вышеприведенное мнение Братиано о возможности этих «потрясений» тогда же подробнее развил в беседе с Поклевским французский посланник в Румынии Блондель: он утверждал, что «охватившее здесь общественное мнение движение низвергнет Братиано и короля, и даже всю династию, если король не назначит правительства, согласного на объявление войны Австрии».[4]

Что касается Поклевского, то он сомневался в такой возможности и, кроме того, находил, что «при подобных потрясениях Румыния будет поглощена своими внутренними делами и станет для нас бесполезной».[5] Поэтому Поклевский не считал целесообразным итти по такой рискованной линии и предпочитал ей путь умеренный — «поддерживать хорошие отношения» с данным румынским правительством, — т.-е. в сущности итти у него на поводу.

Таким образом, вопрос о немедленном выступлении Румынии, или об отсрочке его (а, может-быть, и полном от него воздержании), связывался, в известной степени, с другим вопросом: о поддержке возможной румынской революции или о противодействии ей.

Надо заметить при этом, что ссылка Братиано на возможность свержения короля и династии не была только формальной отговоркой против выступления. Предпосылки для революцион-

---

[1] См. телеграмму Поклевского от 19 сентября 1914 г., № 270, цитируемую Арсеньевым и приведенную полностью в «Царской России», стр. 161 — 162.

[2] Т.-е. русскому. Но еще более эти «потрясения» были, конечно, нежелательны правительству румынскому.

[3] Эта телеграмма Поклевского, от 26 сентября, № 289, цитируется Арсеньевым; приведена полностью в издании «Царская Россия», стр. 165.

[4] «Царская Россия», стр. 165.

[5] Там же.

ного движения в Румынии, несомненно, были,[1] и война здесь, как и в других государствах, смогла бы, конечно, чрезвычайно облегчить возможность успеха революции.[2]

Но пристало ли русскому правительству, — и, в частности, его представителю Поклевскому, — становиться на путь поддержки того движения, которое, в результате, могло смести и короля и весь феодальный строй Румынии? Конечно, нет, — и именно это, надо думать, также было одним из мотивов образа действий Поклевского.[3]

К этому надо прибавить также, что тактика самого Сазонова была в этом вопросе совершенно неопределенной: с одной стороны, он 16 сентября предлагал Румынии занять Буковину и Трансильванию, что означало бы объявление войны Австрии, с другой — он же сам (основываясь, видимо, на информации Поклевского) счел за лучшее выработать через десять дней, 26 сентября, проект соглашения с Румынией, согласно которому Россия довольствовалась лишь тем, что Румыния обязалась со-

---

[1] Так, еще в 1913 г. Л. Троцкий писал в своих статьях о Румынии о том, что ничтожность шансов на возможность реформы сверху «придает политическому положению (Румынии) революционный характер». «Несмотря на свою полустолетнюю конституцию, — в значительной степени благодаря ей, — Румыния до настоящего времени не совершила своей буржуазной революции», — указывал Троцкий. В связи с этим он обращал внимание на то революционизирующее значение, которое имела для Румынии балканская война. В другой своей статье Троцкий приходил к выводу, что «вся политика владычествующей касты в Румынии, в ее либеральных и консервативных разновидностях, энергичным темпом ведет страну на путь внутренней катастрофы». (Статьи Троцкого собраны, совместно со статьями Раковского, в книге «Очерки политической Румынии». М. 1922, Гос. Изд-во, стр. 49, 59.)

[2] Революционное движение в Румынии, действительно, очень усилилось под влиянием войны, а Октябрьская революция придала этому движению новую силу, но несплоченность масс (и, в частности, рабочего класса) привела к тому, что правительству удалось задавить назревавшее движение; тем не менее румынские помещики, для предотвращения волнений среди армии, вынуждены были провести закон о всеобщем избирательном праве и о частичной принудительной экспроприации крупных имений в пользу крестьян (см. об этом в статьях Раковского, в указанной выше книге, особенно стр. 123 — 125, 138 — 141).

[3] В этой тактике поддержки реакционных групп буржуазии, вопреки даже тем либеральным слоям ее, которые желали присоединиться к войне, видна некоторая аналогия с тактикой русской дипломатии по отношению к Греции (см. здесь, «Из области балканской политики» — «Россия и Греция», стр. 41—42).

блюдать благожелательный по отношению к «союзникам» нейтралитет; при чем только за этот нейтралитет Россия признавала за Румынией право «аннексировать населенные румынами области австро-венгерской монархии».[1]

После заключения этого последнего соглашения разговор о немедленном выступлении Румынии, естественно, прекращался, — и Арсеньев, в сущности, напрасно жалуется, что Поклевский, даже после этого момента, не воспользовался тем или иным поводом, чтобы опубликовать русское предложение от 16 сентября: теперь оно уже просто устарело.

Тем не менее Арсеньев, придерживаясь взгляда, что опубликовать предложение России никогда не будет поздно, — хотя бы потому, что таким путем будет доказано «доброжелательное с самого начала войны отношение России к Румынии»,— воспользовавшись пребыванием в Бухаресте в январе 1915 г. начальника «экспедиции особого назначения» на Дунае капитана 1 ранга Веселкина (флигель-адьютанта и «личного друга» Николая II), передал ему по его просьбе текст русского предложения, который и был тогда в перефразированной форме напечатан в одной из румынских газет.[2]

Но если такая огласка могла бы сыграть свою роль ранее, то теперь никакого впечатления она не произвела бы.

Позиция румынского правительства к этому времени достаточно уже определилась: оно решило относительно своего вступления в войну вести упорный торг с «союзниками», — при чем то повышало, то понижало свои требования в зависимости от военных успехов той или другой стороны. Когда же, наконец, 27 августа Румыния вступила в войну на стороне «союзников», то этот шаг был оплачен обещанием таких крупных компенсаций, которые едва ли не превосходили самые смелые надежды румынской буржуазии.

---

[1] Эта, цитируемая Арсеньевым, телеграмма Сазонова приведена полностью в издании «Царская Россия», стр. 166, — телеграмма от 26 сентября, № 2422.

[2] Надо заметить, что Веселкин, не имея по своей должности никакого отношения к политике, — тем не менее, в силу своих связей с Николаем (был даже распространен слух, что Веселкин сын Александра III), постоянно вмешивался в политические переговоры, для чего имел своих агентов, подкупал, за счет русского правительства, румынские газеты и т. п. На этой почве у Веселкина была постоянная вражда с Поклевским.

Заключая эту статью, мы можем отметить, что на отражающихся в печатаемом документе дипломатических разногласиях сказывается, в конце концов, борьба двух дипломатических тактик, которые могли быть применены к Румынии. Суть дела, в результате, выражается в следующем вопросе: на кого «ориентироваться» — на румынскую монархию, короля, крупных феодалов, а также на находившегося в их руках Братиано, — или же мелкую и среднюю румынскую буржуазию, которая рассчитывала, что война, помимо достижения «национальных задач» Румынии, даст надежду на политическое освобождение. Поклевский а за ним позднее, после ряда шатаний) и Сазонов решил придерживаться первой позиции; на этой почве выросли и обвинения Поклевского в «измене» (каковой, конечно, не было).

Противники официальной тактики, выдвинувшие эти обвинения (в частности Арсеньев, действовавший под влиянием французской дипломатии), считали более целесообразным держать курс на националистически настроенную румынскую буржуазию, — а это, в свою очередь, связывалось и с «ориентацией» на возможность румынской революции.

Письмо Арсеньева к Сазонову.

Весьма доверительно.

Копия с письма ст. сов. Арсеньева на имя г-на министра иностранных дел, от 8 февраля 1915 г. Г. Бухарест.

Вследствие телеграммы императорского посланника в Бухаресте, от 24 минувшего января за № 64, в коей заключается обвинение меня в нарушении служебного долга и дисциплины, осмеливаюсь, в объяснение вменяемых мне в вину поступков, представить, с совершенной откровенностью, на благоусмотрение вашего высокопревосходительства нижеследующий очерк политических событий, происшедших здесь с начала европейской войны, а равно моего отношения к сим событиям, безучастным зрителем которых я, по долгу совести, оставаться не мог, но от малейшей причастности к коим меня систематически отстранял действительный статский советник Поклевский-Козелл, отказавшийся даже, как о том будет подробно доложено ниже, довести мой взгляд до сведения императорского министерства в форме докладной записки.

Вернувшись 31 июля минувшего года в Бухарест из отпуска, я застал Румынию в состоянии чрезвычайного возбуждения,

явно враждебного к Австрии и Германии и крайне сочувственного по отношению к тройственному согласию. Результаты нашей политики здесь в течение 1913 г. и высочайшего посещения Констанцы сказывались в полной мере, красноречиво и ярко. Ни многолетняя австрофильская политика короля Карла Гогенцоллерна, закрепленная особой, направленной против нас, тайной военной конвенцией, ни расположение ко всему немецкому некоторых влиятельнейших румынских политических деятелей, ни усердная работа австро-германской дипломатии — ничто не могло победить всенародного неудержимого тяготения румын в сторону ополчившихся против германизма России и Франции, которые одни только могли дать Румынии возможность осуществить ее заветную историческую мечту об аннексии населенных румынами областей Австро-Венгрии.

Истинное настроение Румынии, которое до начала великой европейской войны представлялось настолько неопределенным, что о нем существовали самые разноречивые, противоположные одно другому мнения, выразилось с полною наглядностью в решении коронного совета 21 июля минувшего года, принявшего, вопреки воле короля, постановление не о присоединении Румынии к тройственному союзу, а о занятии ею «выжидательного положения».

Для открытого перехода Румынии на нашу сторону время тогда, в первые недели войны, еще не настало. До тех пор, пока нами и французами не был еще разрушен миф о немецкой непобедимости, семимиллионная маленькая Румыния, сжатая с двух сторон враждующими между собой великими державами, не имела, естественно, довольно решимости, чтобы открыто протянуть нам руку. Но если она тогда еще не могла встать рядом с нами в великой борьбе, то не менее верно также и то, что временные успехи немецкого оружия, ознаменовавшие собою самое начало войны и всячески раздувавшиеся немецкой печатью и германской и австро-венгерской миссиями, не породили здесь решительно никакого сколько-нибудь серьезного течения в пользу кооперации с Австро-Германией и не заставили Румынию хоть на иоту сойти с занятого ею после коронного совета выжидательного положения.

Румыния выжидала. Она выжидала крупного успеха — нашего или французского, — чтобы бросить свой окончательный жребий в сторону тройственного согласия. Но действительный статский советник Поклевский-Козелл держался иного взгляда.

18 августа пришло сюда печальное известие о нашей неудаче у Мазурских озер, и в тот же вечер г. императорский посланник, встретив меня в Синае в казино, сообщил мне о последних своих переговорах с председателем румынского совета министров, в результате коих он, вместе с г-ном Братиано, пришел к выводу, что наилучшим разрешением вопроса было бы «получение румынским правительством от России, Франции и Англии письменного обещания в том смысле, что если Румыния останется

нейтральной до конца войны, то,[1] в случае окончательной победы этих трех государств и изменения нынешнего равновесия на Балканском полуострове, ей будет гарантирована неприкосновенность ее теперешних владений и компенсация в виде австрийских территорий с румынским большинством населения (см. телеграмму д. с. с. Поклевского-Козелл, от 18 августа 1914 г. № 246).

Я позволил себе возразить г-ну посланнику, что, по моему мнению, неудача наша у Мазурских озер не имеет никакого решающего для хода войны значения, что было бы неосторожно принимать на себя, под ее впечатлением, подобные весьма стеснительные обязательства, что императорское министерство, несомненно, на них не согласится и что не лучше ли было бы отложить решительные переговоры с румынским правительством до нашей победы, которая наверно не заставит себя долго ждать.

На это последнее мое возражение г. посланник заявил мне буквально следующее: «ребячество думать, что мы можем победить», — и распорядился, чтобы означенная телеграмма его была незамедлительно отправлена вашему высокопревосходительству.

Три дня спустя здесь было получено известие о большой победе нашей в Галиции и о взятии нами Львова; вслед за тем мы узнали о блестящем осуществлении Францией ее стратегического плана и о занятии Буковины русскими войсками.

Совокупность этих известий произвела на здешнее общественное мнение ошеломляющее впечатление, о силе и страстном напряжении которого может судить лишь тот, кто находился в Румынии в те памятные дни.

Грандиозные воинственно-патриотические манифестации на улицах столицы; торжественное объявление в печати влиятельнейшего демагога, пользующегося исключительной популярностью в армии, бывшего военного министра Филипеско, что момент для выступления против Австрии настал; постановление профессоров Бухарестского университета в том же смысле; единодушное требование войны всею независимой румынской печатью; небывалый подъем духа и лихорадочные — по свидетельству нашего военного агента — приготовления в армии; наконец, раскол в либеральном кабинете, некоторые члены коего, с министром финансов Костинеско во главе, уже начинали громко роптать против медлительности Братиано,— все, казалось, свидетельствовало о том, что мы находимся накануне того дня, когда осторожное румынское правительство вынуждено будет уступить могучему напору общественного мнения, решающая роль которого в жизни страны так ярко сказалась во время событий лета 1913 г.

Для того, чтобы этот день наступил, недоставало только одного, чтобы на самый животрепещущий, самый жгучий для всякого румына вопрос — осуществится ли заветный идеал Румы-

[1] Здесь и далее подчеркнуто в подлиннике.

нии, если она пойдет вместе с тройственным согласием, согласна ли Россия обещать ей, взамен за ее содействие, единоплеменную Трансильванию и Буковину — последовал с нашей стороны ответ: «Да, Россия согласна».

Эти решающие слова были произнесены вашим высокопревосходительством в телеграмме вашей от 3 сентября минувшего года за № 2680. Но Румыния о них не узнала. О них узнал только Братиано да «главнейшие здешние политические деятели», конечно же, немедленно отдавшие себе полный отчет в том, насколько для румынских интересов выгоднее скрыть наше предложение от воинственно настроенной массы,— только и ждущей от России последнего, решительного слова,— и всячески поддерживать политику д. с. с. Поклевского-Козелл, добивающегося, чтобы Россия связала себя обещанием вознаградить Румынию за один только ее нейтралитет теми самыми двумя австровенгерскими провинциями, за которые и армия и народ румынский готовы заплатить кровью и всеми, сопряженными с войной, лишениями и тягостями.

Ни многочисленные другие,— не «главнейшие», но, тем не менее, пользующиеся влиянием здешние политические деятели,— ни пресса, ни армия — словом, вся страна — не были осведомлены о вашем, обращенном ко всей Румынии, торжественном приглашении, несмотря на то, что в телеграмме вашей, от 7 сентября минувшего года за № 2774, вам угодно было категорически предписать императорскому посланнику в Бухаресте «дать нашему предложению самую широкую огласку», дабы «народ и армия знали, что Россия, своими победами создавшая самые благоприятные условия для осуществления давнишней мечты Румынии, сама пригласила бухарестское правительство занять означенные области почти безо всякого усилия, и что если Румыния не воспользуется этим, то вина за это падет исключительно на ее нынешнее правительство».

А каким образом следовало императорской миссии исполнить сие ваше приказание — указание на то заключалось в предшествующей телеграмме вашей, от 3 сентября № 2681, где прямо было указано, что оглашение нашего предложения могло бы быть сделано «хотя бы путем намеренной нескромности».

Будучи глубочайшим образом убежден, что результатом широкой огласки нашего предложения будет открытый переход Румынии на нашу сторону,— следствием коего явилось бы отвлечение в ее сторону части сил наших врагов и сбережение, таким образом, хотя бы некоторого количества драгоценной русской крови,— я в те дни настойчиво, горячо просил г. посланника исполнить в точности ваше приказание,— но безуспешно.

Так думал и действовал не я один. В необходимости предать наше предложение широкой огласке так же тщетно, как и я, пытался убедить д. с. с. Поклевского-Козелл, великолепно знающий здешнюю политическую обстановку, проведший в Румынии

десять лет французский посланник г. Блондель, который в первых числах сентября нарочно вызвал меня из Синайи в Бухарест, чтобы просить меня доложить по начальству, что времени терять нельзя, что надо пользоваться исключительно благоприятным для нас моментом и — пока еще не поздно — громко сказать стране, чего мы от нее ждем и к чему мы ее приглашаем.

Не только г. Блондель, но даже и сам Братиано готов был в то время допустить, что решающий голос в деле будет принадлежать румынскому общественному мнению. На это есть указание в телеграмме г. посланника, от 6 сентября за № 270, где, между прочим, говорится, что «Братиано не отрицает силы и значения охвативших румынское общественное мнение чувств, но не находит пока возможным взять на себя ответственность за немедленное выступление Румынии», и что «ежели общественное мнение будет продолжать посредством манифестаций оказывать на него (Братиано) сильное давление, то он и либеральная партия предпочтут удалиться от власти».

В той же телеграмме д. с. с. Поклевский-Козелл доносит, что «разница во взглядах между представителями всех румынских партий, повидимому, сводится в настоящую минуту лишь к вопросу о выборе момента для выступления против Австрии», и что «ни в печати, ни в обществе никто не решается высказать даже мысли о возможности совместных действий Румынии и Австрии».

Итак, даже сам Братиано предвидел тогда возможность такого властного напора на него общественного мнения, которому он, не желая брать на себя ответственности за вмешательство Румынии в войну, вынужден бы был подчиниться, удалившись со своей партией от власти, чтобы уступить место сторонникам немедленного румынского выступления.

Выслушав вышеприведенное знаменательное заявление главы румынского правительства, г. посланник все-таки, упорно преследуя все ту же свою idée-fixe, продолжает настаивать на своей прежней точке зрения.

На другой день, 7 сентября, он телеграфирует: «Я продолжаю считать желательным заблаговременную выдачу определенных обещаний Румынии за ее нейтралитет. дабы избежать всегда возможного шатания в здешних умах, если временно военные события примут более благоприятный для наших противников оборот» (телеграмма г-на посланника № 271).

Но ведь в тот момент, после нашей Львовской победы, никакого «шатания в здешних умах» не было, что накануне признавал сам г. посланник! Но ведь тогда события приняли неблагоприятный оборот не для нас, а для наших противников, благодаря чему в Румынии и стала одерживать верх партия, стоявшая за немедленный открытый переход на нашу сторону! Даже став на точку зрения д. с. с. Поклевского-Козелл, что

русские победить немцев не могут, все же нельзя было тогда не видеть, что достигнутые в конце августа нами и французами блестящие успехи заставили румын уверовать в военную мощь тройственного согласия. А ведь только это и было нам здесь, по обстоятельствам того времени, нужно, дабы иметь возможность, со всеми шансами на успех, обратиться к ним — ко всему румынскому народу — с предложением о занятии Трансильвании и Буковины, при чем для русских интересов было, конечно, второстепенно, пострадает ли в конечном результате Румыния от своего присоединения к нам, или выиграет,—только бы она отвлекла несколько вражеских корпусов в свою сторону, увлекла за собой Италию, помогла нашей союзнице Сербии и только бы прекратилось — что, быть-может, всего важнее — доставление Румынией нашим врагам боевых и жизненных припасов.

Из разговоров, которые я имел по сему поводу с г-ном посланником, я мог заключить, что он не нашел возможным сделать хотя бы малейший шаг навстречу пожеланиям стремившегося к немедленной кооперации с нами румынского народа, потому что, по его мнению, было бы некорректно, противоречило бы дипломатическим традициям «выносить переговоры на улицу».

Приблизительно ту же мысль д. с. с. Поклевский-Козелл развивает и в телеграмме своей, от 13 сентября № 289, где он высказывает, что «вернее вести переговоры и поддерживать хорошие отношения с румынскими ответственными государственными деятелями и главными представителями оппозиции».

В объяснение своего образа действий, он в той же своей телеграмме высказывает предположение, что «в случае, если король, отказавшись назначить правительство, согласное на немедленное объявление войны, будет низвергнут вместе с Братиано и со всей династией», то «при подобных потрясениях Румыния будет поглощена своими внутренними делами и станет для нас бесполезной».

На все сие я имел честь в то время докладывать г. посланнику, что, по крайнему моему убеждению, «дипломатические традиции» можно соблюдать только до тех пор, пока они не противоречат интересам отечества; что не только многие видные представители оппозиции (к коей принадлежит, между прочим, г. Филипеско), но даже и некоторые члены нынешнего кабинета (г.г. Костинеско, Константинеско, Ангелеско) признают момент — благоприятным для выступления Румынии, и потому, конечно, не изменят своих «хороших отношений» с русским представителем, если он присоединится к их точке зрения; наконец, что, по мнению такого знатока здешней страны, каким является г. Блондель, ни династический, ни иной острый политический кризис отнюдь не угрожает Румынии, ибо даже в том маловероятном случае, если бы король Карл, под напором стоящего за войну общественного мнения, решился отречься, престол был бы тотчас же занят

наследным или другим румынским принцем, который, для сохранения за собой трона, вынужден был бы призвать к власти согласный на немедленное объявление войны Австрии коалиционный национальный кабинет, куда с радостью вступили бы представители всех партий.

К неописуемому моему удовольствию, настойчиво отстаиваемый г. посланником, в совершенном единении с Братиано, план о территориальном вознаграждении Румынии за один только ее нейтралитет был отклонен императорским правительством, заявившим, в полном согласии с Францией и Англией, что «в час развязки право на вознаграждение будет признано лишь за тем, кто участвовал в общем деле» (телеграмма вашего высокопревосходительства от 9 сентября 1914 г. № 2817).

Несколько дней спустя в Петрограде подписано было весьма секретное русско-румынское соглашение о предоставлении нами Румынии права занять населенные румынами Трансильванские и Буковинские области, в момент, который будет ею признан подходящим, взамен за сохранение ею, впредь до сего занятия, благожелательного по отношению к нам нейтралитета (телеграмма ваша №...) [1]

Когда, вслед за получением в миссии сей телеграммы, я увиделся с г. посланником, он выразил удовольствие по поводу того, что мнение его «о вознаграждении Румынии за один только ее нейтралитет» будто бы восторжествовало. На это я позволил себе ему ответить, что, основываясь на предшествовавшем заявлении вашего высокопревосходительства относительно признания нами права на вознаграждение только за тем, кто участвовал в общем деле, а также на подлинном тексте последней вашей телеграммы, я понимаю ее совершенно иначе, а именно в том смысле, что ныне мы снова — только в менее, чем прежде, настойчивых выражениях — приглашаем Румынию к активному выступлению против Австрии, давая ей ясно понять, что за один только ее нейтралитет, как за таковой, без действительного участия ее в войне, мы отказываемся гарантировать ей какие бы то ни было земельные приращения.

Вслед затем я узнал, что Братиано, истолковав соглашение приблизительно так же, как и д. с. с. Поклевский-Козелл, разъяснил как оппозиции, так и либеральной партии, что Россия, опасаясь болгарского вмешательства в войну и придавая чрезвычайное значение обеспечению нейтралитета Румынии, готова вознаградить ее за сей последний Трансильванией и Буковиной, предоставляя ей занять эти области, когда ей будет угодно, хотя бы накануне заключения европейского мира и хотя бы без оказания нам сколько-нибудь существенного вооруженного содействия.

---

[1] Не проставлен. — Согласно изданию «Царская Россия в мировой войне» (стр. 167), это — телеграмма Сазонова за № 3028, от 20 сентября 1914 г.

Сие разъяснение главы румынского правительства произвело здесь магическое действие и склонило на сторону Братиано самых непримиримых его противников, самых пламенных проповедников необходимости для Румынии немедленного выступления против Австрии.

Не рискуя ничем, осуществить заветную свою мечту национального объединения, с минимальной затратою сил, за счет напряжения могучего соседа удвоить свои пределы — мыслима ли для такого государства, как Румыния, перспектива заманчивей и прекрасней этой? И можно ли удивляться тому, что, после совещания с Братиано и его «разъяснения», не только все члены либерального кабинета, но и оппозиционные лидеры, вчера еще требовавшие войны с Австрией, пришли к единодушному решению, что «для изменения курса, принятого Румынией в начале войны, в настоящее время нет оснований»?

В результате, в печати и в политических кругах агитация в пользу выступления против Австрии стихла, воинственные народные манифестации прекратились, призванные под знамена запасные были распущены по домам, и страна, успокоившись после пережитых волнений, стала терпеливо выжидать развития событий, готовясь уже не к войне, а к предпринятию в удобный момент — по примеру 1913 г.[1] — безопасной военной прогулки для расширения своих пределов за счет чужих усилий.

Крайне опечаленный столь невыгодным для наших интересов оборотом дела как раз в тот момент, когда здешняя политическая обстановка складывалась для нас более чем когда бы то ни было благоприятно, и, вместе с тем, будучи глубоко убежден, что, несмотря на все упорство и влияние Братиано, все-таки существует еще способ для того, чтобы заставить Румынию открыто перейти в ближайшем будущем на нашу сторону, я обратился к г. посланнику с ходатайством о разрешении мне представить вашему высокопревосходительству, через его посредство, докладную записку с изложением моего взгляда на положение вещей, с коим д. с. с. Поклевский-Козелл был хорошо знаком из многократных моих устных докладов.

Г. посланник категорически отказался удовлетворить мое ходатайство.

Тогда я откровенно доложил ему, что в тяжелую годину, переживаемую родиной, моя совесть не позволяет мне хранить в данном случае молчание, и что посему я доведу мою точку зрения до сведения императорского министерства единственным остающимся в моем распоряжении способом, — а именно частным письмом, «которое, — добавил я, — конечно же, от вас, Станислав Альфонсович, не скрою».

Д. с. с. Поклевский-Козелл ответил мне, что, если я исполню мое намерение, то он будет просить ваше высокопревосходительство

---

[1] Во время балканской войны.

об отозвании меня отсюда, так как он не сочтет возможным служить вместе со мною, коль скоро я, хотя бы и с его ведома, сообщу кому бы то ни было из чинов императорского министерства мой, не соответствующий его точке зрения, взгляд на положение дел в Румынии.

Однако я поступил так, как мне повелевал мой долг.

26 сентября, через посредство третьего лица, я отправил начальнику ближневосточного отдела [1] князю Г. Н. Трубецкому составленный мною короткий очерк, в коем я, изобразив здешнюю политическую обстановку в том виде, в каком она мне представлялась четыре месяца тому назад, указал, каким образом, по моему мнению, мы тогда могли бы обеспечить себе кооперацию Румынии, не в отдаленном, а в ближайшем будущем, и притом отнюдь не отказываясь от только-что перед тем заключенного нами с румынским правительством соглашения.

Копию с сего очерка я, согласно данному мною обещанию, представил г. посланнику немедленно после отсылки пакета в Петроград.

Затем, в виду вышеозначенного сделанного мне г-ном посланником категорического предупреждения, я стал ожидать результатов его жалобы на меня вашему высокопревосходительству, которая последовала только на-днях, четыре месяца спустя, и по совсем другому поводу.

В октябре месяце я показал мой очерк шталмейстеру Шебеко и камергеру К. Н. Гулькевичу, в бытность их проездом в Бухаресте.

В очерке этом я, между прочим, говорил:

«Как известно, тот благожелательный нейтралитет, который Румыния обязалась соблюдать по отношению к нам впредь до выступления ее против Австрии, понимается нами совершенно иначе, чем румынским правительством, не находящим даже и теперь возможным, несмотря на наши настояния, положить конец снабжению через румынскую территорию наших противников и их приспешников боевыми и жизненными припасами» (телеграмма ваша № 3028), под тем предлогом, что «полное запрещение транзита через Румынию предметов вооружения слишком рано обнаружит ее переход на нашу сторону и помешает ей получить из Германии снаряды и некоторые другие военные принадлежности, необходимые для начала кампании (телеграмма г. посланника № 305)». И нет оснований для предположения, что Румыния изменит свое отношение к вопросу в желательном для нас смысле, пока королю будет открыта возможность оказывать любезным его сердцу немцам если не прямую, то, по крайней мере, хоть косвенную помощь».

Как мне ни печально это признать, вышеприведенное мое предположение, что Румыния не изменит своего отношения

[1] Министерства иностранных дел.

к вопросу о снабжении наших врагов необходимыми им припасами, не оказалось ошибочным. Кончина короля Карла,[1] отошедшего в вечность на другой день после отправления упомянутого моего очерка, не отразилась на положении вещей: при короле Фердинанде Румыния продолжала и продолжает до сих пор, вопреки нашему вполне точному разъяснению, как мы понимаем «благожелательный» нейтралитет, допускать вывоз и транзит через свою территорию боевых и жизненных припасов для наших противников и их приспешников, чем в значительной мере содействует их боеспособности и, в частности, дала Турции возможность начать против нас войну на немецкие деньги.

Мою записку, от 24 сентября 1914 г., я закончил так:

«Невольно возникает мысль, не дает ли нам это коренное между нами и румынами разногласие по самому существу соглашения достаточно веского повода для заявления румынскому правительству, что,—в виду выяснившегося полного несоответствия его точки зрения на «благожелательный» нейтралитет с нашим его толкованием и с теми интересами нашими, которые мы имели в виду при заключении соглашения, — для нас перестает быть безразличным, когда именно Румыния намерена из состояния нейтралитета перейти в состояние войны, и что поэтому мы, отнюдь не торопя ее и предоставляя ей время для дипломатической подготовки, тем не менее приглашаем ее или указать нам крайний срок ее выступления, или же, по крайней мере, определенно объяснить нам, от чего именно будет зависеть выбор ею момента для объявления войны Австрии. Приглашению этому мог бы сопутствовать более или менее ясный намек на то, что от того или иного ответа румынского правительства может зависеть успех выполнения взятого нами на себя обязательства добиться от наших союзников согласия на предоставление Румынии права «выбора момента».

«При подобной постановке вопроса, дозволят ли Румынии ее национальные честь и достоинство цинически, открыто заявить нам, что она предполагает отложить свое выступление до того момента, когда трудный и опасный период войны кончится?

«Едва ли.

«Но если даже, паче чаяния, эти высокие мотивы не сыграют решающей роли, чувство опасения, вызванное нашим намеком, перетянет чашу весов в желательную для нас сторону, и кооперация Румынии будет нам ныне же обеспечена».

Одно время мне, к великой моей радости, показалось, что императорскому министерству угодно было отчасти согласиться с моим взглядом, в правоту которого я твердо верил тогда и верю до сих пор. К такому заключению меня привела следующая телеграмма вашего высокопревосходительства от 26 октября № 3680: «Прошу вас письменно довести до сведения Братиано,

[1] 10 октября 1914 г.

что отправка в Германию и продажа нашим противникам бензина противоречит благожелательному нейтралитету, оговоренному обменом нот».

Однако, и на сей раз — как и в начале сентября — г. посланник уклонился от исполнения совершенно определенного приказания вашего высокопревосходительства, сославшись на заявление Братиано и Костинеско о том, «что за каждый доставленный в Румынию вагон со снарядами или медикаментами они должны будут отпускать в Германию вагон бензина», и высказав уверенность, что «предписанное письменное сообщение Братиано [1] будет здесь истолковано в смысле нашего отказа от установленного обменом нот соглашения и произведет весьма неблагоприятное впечатление, давая лишнее против нас оружие в руки наших недоброжелателей и именно в такой момент, когда сильное течение в здешнем общественном мнении требует скорейшего выступления Румынии на нашей стороне» (телеграмма г. посланника от 28 октября № 386).

Что касается первой части сей телеграммы, то на нее можно возразить только одно: Братиано и Костинеско самым циническим образом вводили в заблуждение г. посланника, ибо военные припасы в то время приходили из Германии сюда в самом незначительном количестве, из Румынии же к нашим врагам, — как то совершенно точно было установлено нашим военным агентом, — е ж е д н е в н о шло множество вагонов с бензином и пшеницей. Относительно же второй части телеграммы осмеливаюсь высказать, что тогдашнее «сильное течение в здешнем общественном мнении», требовавшее — по признанию г. посланника — «скорейшего выступления Румынии на нашей стороне», непрестанно и в самых резких формах выражало свое возмущение по поводу поблажек, которые Братиано угодливо оказывал нашим врагам, и что посему оно могло, конечно, отнестись только самым сочувственным образом к нашему протесту против нарушения нейтралитета.

Наш энергический образ действия, быть-может и неприятный г. Братиано, но соответствующий настроению Румынии и интересам России, был в тот момент тем более своевременным, что как раз незадолго перед тем здесь стало известным блистательное отражение нами натиска немцев на Варшаву, закончившееся их стремительным отступлением. Для нашей дипломатической работы здесь тогда опять создавалась самая благоприятная почва. Под влиянием нового крупного нашего успеха страна опять заволновалась, требуя немедленного принятия мер к «осуществлению национального румынского идеала». Опять начались собрания, сходки, воинственные манифестации на улицах столицы, патриотические резолюции профессоров и политических партий. Зашумела пресса, раздались негодующие голоса, обвиня-

[1] Т.-е. — то сообщение, которое Сазоновым было предписано Поклевскому сделать Братиано.

вшие правительство в трусости, вялости и подкупности. Народное движение в пользу войны еще усилилось, когда — в начале ноября — стало ясно, что Сербии — этой самой естественной союзнице Румынии — угрожает со стороны Австрии серьезнейшая опасность полного разгрома. Но в форму мощного, сметающего все преграды порыва это движение не превратилось — по той же причине, что и в сентябре месяце: об истинных намерениях России Румыния оставалась попрежнему неосведомленной, что, конечно, давало нашим врагам благодарнейшую почву для распространения среди здешней доверчивой публики самых невыгодных для нас фантастических слухов о наших будто бы хищнических по отношению к Румынии замыслах.

Будучи положительно не в силах безучастно наблюдать за тем, как, при самой выгодной для нас обстановке, гибнет здесь русское дело, я тогда во второй раз обратился к г. посланнику с ходатайством о разрешении мне представить вашему высокопревосходительству докладную записку о мерах, которые, по крайнему моему убеждению, могли бы в то время побудить Румынию к выступлению.

Д. с. с. Поклевский-Козелл опять решительно отказался исполнить мою просьбу, и посему я вновь вынужден был прибегнуть к единственному оставшемуся в моем распоряжении способу для доведения моего взгляда до сведения императорского министерства, — то-есть к доставлению моей записки частным образом начальнику второго политического отдела камергеру К. Н. Гулькевичу, — при чем, конечно, я и на этот раз не скрыл от г. посланника моего поступка, показав ему, так же как и в сентябре, копию с записки тотчас же по ее отправлении.

Сия вторая моя записка, помеченная 24 ноября, хранится в архиве ближневосточного отдела, и потому выдержек из нее я приводить здесь не буду. Позволю себе лишь отметить, что и теперь, свыше двух месяцев после ее отправления, ни одна из изложенных в ней мыслей не опровергнута ходом событий и что под всяким словом, в ней сказанным, я готов подписаться и в данную минуту.

Между прочим, я в ней указывал на то, насколько, по моему убеждению, полезно было бы предать хотя бы и запоздалой огласке телеграмму вашего высокопревосходительства от 3 сентября относительно приглашении Румынии к занятию Трансильвании и Буковины. Тему эту я множество раз затрагивал, в ноябре и позже, также и в беседах моих с г. посланником, но безуспешно, — до тех пор, пока, наконец, около месяца тому назад, д. с. с. Поклевский-Козелл не заявил мне, что беспокойство мое напрасно, так как наше предложение 3 сентября здесь и без того «всем известно».

Сделав отсюда логический вывод, что «всем известный», по заявлению посланника, документ не может признаваться им в то же время и секретным, я перестал считать себя обязанным

долее скрывать от румын, — а тем более от русских, — наше предложение 3 сентября, которое ваше высокопревосходительство в свое время предписали предать «самой широкой огласке» и появление коего в газетах даже и две-три недели тому назад, при хотя бы изменившихся за четыре месяца обстоятельствах, могло бы все же принести нам некоторую пользу в том отношении, что этим путем лишний раз могло бы быть, к вящшей невыгоде наших врагов, доказано доброжелательное, с самого начала войны, отношение России к Румынии (телеграмма моя от 30 января за № 81).

Как раз в то время в Бухаресте находился мой старший товарищ по лицею, флигель-адъютант его императорского величества, капитан 1-го ранга Веселкин, на которого всемилостивейше возложена была ответственная миссия по доставлению в Сербию по Дунаю боевых припасов, — миссия, несколько раз уже блистательно им выполненная к великой пользе наших союзников-сербов и к вящшему удовольствию румын, встречавших Веселкина как в Бухаресте, так и по всему пути его следования вдоль румынских берегов, с самым трогательным и горячим вниманием и сочувствием.

Так же как и я, флигель-адъютант Веселкин был глубоко опечален тем, что России так и не удалось использовать в своих интересах столь искренне-единодушное стремление всего румынского народа к кооперации с нами, в каковом настроении румын он имел, как указано, случай воочию убедиться.

Уважая М. М. Веселкина, как человека, и считаясь с тем обстоятельством, что лицо, состоящее в свите его императорского величества и, следовательно, облеченное особым доверием нашего монарха, может, казалось бы, быть ознакомлено с общим ходом русской дипломатической работы за границей, я полагал возможным вполне откровенно говорить с ним о здешней политической обстановке, тем более, что о взгляде моем на нее уже ранее во всех подробностях были мною осведомлены как г. посланник, так и императорское министерство.

Между прочим, я не нашел, после вышеозначенного сделанного мне г. посланником заявления, нужным скрывать от флигель-адъютанта Веселкина содержание телеграммы вашего высокопревосходительства от 3 сентября 1914 г. № 2681, и даже — признаюсь в том чистосердечно — вручил ему, по его просьбе, ее перефразированный текст.

11 января текст этот был, во время случайной встречи, сообщен им, в моем присутствии, г. Стурдзе, весьма популярному в Бухаресте журналисту и общественному деятелю, одному из самых пламенных сторонников открытого перехода Румынии на нашу сторону, пользующемуся большим авторитетом среди здешних широких патриотически настроенных интеллигентных кругов.

13 января в здешней газете «Dimineata» появилась заметка, в коей, в перефразированном виде, передавалось точное содержание вашей вышеупомянутой телеграммы.

Стоило тогда императорской миссии дать понять румынскому правительству, что, отнюдь не считая предложение наше от 3 сентября секретом, она ничего не имеет против его оглашения,— и вся Румыния уверовала бы в существование сего нашего предложения, что было бы, может-быть, неприятно г. Братиано и здешней австро-германской дипломатии, но России могло бы быть только выгодно.

Ведь тогда наши войска в Буковине еще стояли на румынской границе, в Трансильвании еще не появились крупные австро-германские силы, отступление наше в Восточной Пруссии еще не началось, и Румыния все еще терпеливо ожидала от нас приглашения к выступлению...

Однако, д. с. с. Поклевский-Козелл, в полном, как и всегда, согласии с Братиано, только возмутился тем, что флигель-адъютант Веселкин позволил себе «вынести на улицу» дипломатическую «тайну».

В результате, вслед затем в официозах «Indépendance Roumaine» и «Victorul» были напечатаны опровержения, в коих категорически отрицалась правдивость сообщения флигель-адъютанта Веселкина.

На эти опровержения г. Стурдзе в сочувствующей его образу мыслей газете «Adeverul» ответил разъяснением, кто именно сообщил ему содержание нашего предложения, подчеркнув, что со стороны русской миссии никакого опровержения по сему вопросу последовать не может.

Тогда «Victorul» поместил на своих столбцах полную желчи, очевидно инспирированную г. Братиано, статейку, автор коей, не имея возможности опровергнуть сообщения флигель-адъютанта Веселкина по существу, иронизирует по поводу места, где это сообщение было сделано, и старается представить все дело в несерьезном свете, дабы хоть этим путем дискредитировать слова Веселкина и внушить публике, что все это — не более, как пустая, ни на чем не основанная газетная сенсация.

Этот недостойный, но вполне объяснимый полемический прием здешнего официоза привел, к сожалению, именно к тому результату, который был всего выгоднее для г. Братиано, имевшего, повидимому, серьезные причины для того, чтобы не давать никакой новой пищи к возбуждению воинственных румынских стремлений: здешняя широкая публика, давно привыкшая к сенсационным газетным вымыслам, поверила правительственным опровержениям, не встретившим никакого отпора со стороны русской миссии, сочла сообщение «Dimineata» за очередную газетную утку и осталась попрежнему в убеждении, что со стороны России с самого начала войны никакого шага навстречу румынским национальным пожеланиям сделано не было.

Вышеупомянутыми заметками ограничилась вся полемика в здешней прессе по поводу сообщения, сделанного флигель-адъютантом Веселкиным г. Стурдзе.

Моего имени ни в одной из бухарестских газет в связи со всей этой историей упомянуто, насколько мне известно, не было, и если г. посланник узнал о моей причастности к делу, то исключительно потому, что я сам на его вопросы с полною откровенностью доложил ему, что перефразированный текст вашей телеграммы от 3 сентября был передан флигель-адъютанту Веселкину мною, и что при мне же он был сообщен им г. Стурдзе.

Таким образом, в сущности, «расследования», о котором говорится в телеграмме г. посланника № 64, в миссии по сему делу не производилось, а был лишь запрос, обращенный посланником ко мне, на каковой запрос немедленно же последовал с моей стороны вполне определенный и всё разъясняющий ответ.

К вышеизложенному считаю долгом добавить нижеследующее.

Узнав у флигель-адъютанта Веселкина 11 января, в день его отъезда отсюда, что он намеревается прямо из Бухареста проехать, для всеподданнейшего доклада, в ставку верховного главнокомандующего, а затем в Петроград, дабы иметь счастье представиться его императорскому величеству, я, по его просьбе, сообщил ему мои две вышеупомянутые, ранее доставленные мною в императорское министерство, записки, чтобы дать ему возможность ознакомиться с общею политической обстановкой и ходом событий в Румынии, на случай, если государю императору или великому князю Николаю Николаевичу благоугодно было бы спросить его о здешнем положении вещей.

Поступая так, я проникнут был убеждением, что, когда приближенное к его императорскому величеству лицо спросит меня, при таких обстоятельствах, доверить ему те мысли мои, наблюдения и выводы, которые я не только не скрывал от начальства, но всячески стремился довести до его сведения, — я, как верноподданный, тайн от своего монарха иметь не смеющий, ответить отказом не могу.

Как ваше высокопревосходительство изволили усмотреть из откровенно, безо всяких умолчаний, доложенного хода событий, я никаких личных целей не преследовал. Поступая, с формальной точки зрения, несогласно с указаниями моего прямого начальника, с готовностью с самого начала понести за это во всей мере ответственность, я действовал так единственно из побуждения долга перед родиной, не исполнить который мне не позволяла совесть.

С глубоким почтением и пр.

Б. Арсеньев.

ПРОЕКТ ВЫБОРОВ В V ГОС. ДУМУ.

Столыпинский акт 3 июня 1907 г., лишив избирательных прав те более или менее широкие слои населения, участие которых в думской работе было установлено в 1905—1906 гг. оставил, однако, для буржуазии довольно значительную отдушину, через которую на думской трибуне могла выявляться политическая жизнь этого класса.

Но для правительства вызванная этим необходимость поддерживать некоторый «контакт» с буржуазией была всегда бельмом на глазу,—и все свои усилия оно стало прилагать к тому, чтобы сократить, сузить те «права», которые буржуазия имела.

Самым радикальным мероприятием на этом пути могло бы быть или совершенное упразднение Думы, или превращение ее только в «законосовещательное» учреждение; но произвести это власть все-таки не решалась, а потому она начала искать выхода из трудного положения в том, чтобы вносить различные «коррективы» в избирательную практику. С этой целью правительство стало в самой широкой форме, производить различными способами фальсификацию самих выборов, добиваясь при этом достигнуть обеспечения правительственного большинства и проведения в Думу (или обратно — недопущения в нее) тех или иных лиц.

Вопрос об этом встал перед правительством и в рассматриваемый нами период, в 1915 г., в виду заканчивавшегося в ноябре 1917 г. срока полномочий IV Государственной Думы.

Первая попытка постановки этого вопроса принадлежит тогдашнему министру внутренних дел А. Н. Хвостову. Еще до назначения его министром, когда А. Ф. Романова определяла, на основании беседы с ним, подходит ли этот кандидат для намеченной роли Хвостов, среди других своих программных предположений,

высказал мысль о необходимости заранее готовиться к новым выборам.[1] Ставленник авантюриста кн. Андронникова, сочувственно поддержанный Распутиным, Хвостов хорошо понимал, что выборы в Государственную Думу сопряжены с ассигновкой крупных безотчетных кредитов, — и что, таким образом, искомый им пост министра внутренних дел представляет собою не только почетное, но и весьма доходное место. С этой последней точки зрения и посмотрел, главным образом, Хвостов на подготовку предстоявшей выборной кампании, когда был назначен министром (26 сентября 1915 г.).

В качестве бывшего вологодского и нижегородского губернатора, Хвостов был отлично знаком с практикой фальсификации выборов (в обеих этих губерниях были проведены в Думу «правые»), а как член Гос. Думы, и сам принадлежавший к фракции «правых», Хвостов хорошо знал те требования, которые предъявляли к вопросу о составе Думы руководящие помещичьи круги. Таким образом, новый министр мог сразу зарекомендовать себя специалистом в данной области.

Первой задачей Хвостова явилось исходатайствование соответствующего денежного ассигнования, и вскоре он получил от Николая согласие на отпуск «на подготовку выборов» восьми миллионов рублей.[2] Из этой суммы уже в декабре 1915 г. Хвостов получил 980 тысяч рублей, а затем в следующем году — еще 320 тысяч. Подготовляясь к получению дальнейших ассигновок, Хвостов должен был, конечно, хотя бы бегло, наметить и предполагаемый план выборной кампании. По его мысли, надо было при этом бить «рублем, а не дубьем»: в связи с этим он уверял, что организует подкуп прессы, издание соответствующей литературы, заберет в свои руки типографии, киоски, кинематографы — все это с целью «подготовки выборов». Об этих своих предположениях сам Хвостов рассказывает в своих показаниях, данных в Следственной комиссии Временного правительства. Но мы не будем много говорить об этих планах, так как в значительной степени все это представляет результат позднейших

---

[1] «Переписка Н. и А. Романовых», т. III, стр. 363, письмо от 17 сентября 1915 г.

[2] Так было указано А. Н. Хвостовым на допросе еще в Следственной комиссии Временного правительства (допрос 2-й), см. «Падение царского режима», т. VI, стр. 95.

измышлений с целью самооправдания: не подлежит сомнению, что, за исключением разве каких-либо мелких подачек, отпущенных, может-быть, «союзу русского народа», Хвостов всю сумму, в размере около 1 миллиона 300 тысяч рублей, просто себе присвоил. [1]

В этом, собственно, и выразилась вся «деятельность» самого Хвостова по «подготовке выборов» за время его кратковременного пребывания у власти (он был уволен 3 марта 1916 г.).

Однако, от этого времени осталась составленная в министерстве внутренних дел любопытная записка, где дается сводка тех данных, которые имелись в министерстве относительно выборных перспектив в каждой отдельной губернии. В записке этой высказываются и некоторые общие принципы для предстоявшей выборной кампании. В этом отношении министерство, прежде всего, разрешает вопрос о том, представители каких именно партий были бы желательны в Гос. Думе. Решение вопроса было такое: «надлежит признать, — говорится в записке, — что допустимы правые октябристы и желательны более консервативные элементы».

Итак, даже «правые октябристы» казались распутинской власти элементом не вполне благонадежным: «допустимым», но не более; «желательными» были, значит, члены «союза русского народа» и другие «правые».

С этой именно точки зрения записка и анализирует выборные перспективы во всех губерниях. Естественно, что при этом правительство везде рассчитывает опереться на крупных дворян-землевладельцев; вместе с тем весьма характерно, что, помимо помещичье-дворянских слоев, власть везде видит (и с большим основанием) опору для себя в православном духовенстве, — при этом правительство имеет твердую уверенность, что оно найдет в нем не только пассивную поддержку; правительство рассчитывает, что духовенство, со всем усердием служителей креста, послужит делу защиты распутинского строя от «левых» (т.-е.,

[1] Указать, в чем именно выразилась его деятельность, Хвостов в Следственной комиссии не пожелал, ограничившись общими словами о подкупе каких-то неназванных им газет и т. п. Никаких документов в израсходовании полученных сумм Хвостов также представить не мог, сославшись на то, что они уничтожены. Предыдущие сведения основаны на допросе (втором) Хвостова в Следственной комиссии Временного правительства.

собственно, от «левых октябристов» и «кадетов»). Так, например, относительно Тверской губернии в записке говорится:

«Противопоставить левым и октябристам нужно будет определенно правых в союзе с духовенством, во главе которого стоит энергичный епископ Серафим».

Относительно Тамбовской губернии читаем:

«Обезвредить левые группы можно только при помощи духовенства. Оно мало надежно, но может быть взято в руки архиереем, который должен поставить ему задачу — не пропускать левых».

В общем, правительство рассчитывало, что почти во всех губерниях в его пользу будут действовать соединенные силы — крупных дворян-помещиков и духовенства.

Таким образом, эта записка выявляет, с точки зрения самой правящей власти, ту социальную опору, которую она хотела иметь.

Две другие, печатаемые здесь, небольшие записки относятся уже ко времени управления министерством внутренних дел Штюрмера. Вполне понятно, что, став после Хвостова министром, Штюрмер также заинтересовался этим делом, которое обещало безотчетные миллионные кредиты.

Первая из приводимых здесь, составленных при Штюрмере, записок (от 24 июня 1916 г.) представляет собой «заключения совещания» по вопросу о выборах, состоявшего из трех лиц: Штюрмера, его официального помощника гр. Бобринского и неофициального руководителя, члена совета министра внутр. дел Гурлянда. Записка эта, констатируя главные принципы будущей кампании, указывает, вместе с тем, на необходимость не только соблюдать при всей подготовительной работе «полную тайну», но даже стараться прививать оппозиционным партиям ту мысль, что правительство вовсе и не думает назначать во время войны новые выборы, а собирается продлить полномочия IV Думы.

Записка эта также подтверждает необходимость опираться на духовенство:

«Правительству надлежит, — говорится в записке, — так же как и в прошлую кампанию, — опереться на православное духовенство, что возможно лишь при условии, если епархиальные архиереи проникнутся важностью возлагаемой на них государственной задачи».

Вторая записка (не имеющая даты) констатирует некоторые решения, принятые «по соглашению с членами Государственной Думы».[1] Эти члены, — очевидно из компании Маркова 2-го и Пуришкевича, — выработали вместе с правительством ряд мероприятий.

Намечались обычные приемы прежних выборных кампаний, соответствующая «подготовка» правой печати, создание имущественных цензов для лиц, которых необходимо провести в Думу, и т. п.

Новым, поскольку нам известно, явлением в предстоящей кампании было коллективное участие некоторых банков, выразивших желание ассигновать на предвыборную кампанию два-три миллиона рублей. Банки рассчитывали получить за это в Думе от 50 — 70 мест. Это предложение было признано приемлемым, но при условии, «чтобы в программу партии банков не включались аграрные и прочие острые социальные вопросы».[2]

Последняя оговорка звучит в достаточной степени наивно: как будто бы банки могли поставить эти «острые вопросы»! Понятно, вместе с тем, что никакой особой «партии банков» и не было бы, а их интересы выражали бы постоянные представители буржуазии и ее присяжные защитники: Коноваловы, Гучковы, Протопоповы и т. п.

Но предполагавшемуся плану не пришлось осуществиться: вместо фальсифицированной V дворянско-поповской Думы, в качестве действительного представительства, — уже не буржуазии, а широких пролетарских масс, — явились советы рабочих депутатов.

Впрочем, как видно, уже в конце 1916 г. вопрос о подготовке выборной кампании отошел как-то на задний план. Мы встречаем, правда, в «сводках» докладов Штюрмера Николаю упоминание о том, что ему сообщалось (9 октября 1916 г.) о деятельности А. Н. Хвостова, в связи с предвыборной кампанией.[3] Но возможно, что это было только поводом для получения соответственных ассиг-

---

[1] Как видно из доклада Штюрмера Николаю от 20 июня 1916 г. (см. здесь, стр. 126), в ближайшие после этого дни правительство предполагало уделить время переговорам с «некоторыми выдающимися деятелями законодательных палат» по вопросу о будущих выборах. Результатом этих переговоров и была, очевидно, печатаемая записка.

[2] Это последнее указание находится в печатаемой здесь записке от 24 июня, см. стр. 243.

[3] См. выше, стр. 157.

новок. По крайней мере, ближайший к Штюрмеру человек, Манасевич-Мануйлов, указывал, что, по имевшимся тогда сведениям, Штюрмеру также удалось выхватить под этим предлогом немалую сумму. [1] Но все это относится скорее уже к области уголовной, а не политической.

Вопрос о выборах должен был заглохнуть по вполне естественным причинам. Влиятельные реакционные помещичьи круги, представители которых особенно интенсивно тогда продвигались к власти, замышляли в конце года новый государственный переворот, путем которого предполагалось «подавить» революцию и, в связи с этим, превратить Думу в «законосовещательное» учреждение. [2]

Николай стоял на пути к осуществлению этой программы. И вопрос о Думе был заслонен, с одной стороны, быстро надвигавшейся революцией, а с другой — планами контр-революционного переворота, имевшего целью, при посредстве военной диктатуры, совершить невыполнимую задачу — двинуть историю вспять.

1.

Записка о перспективах выборов в V Гос. Думу.

Рассматривая вопрос о возможности проведения выборной кампании, необходимо прежде всего остановиться на вопросе — представители каких партий могли бы быть желательны для правительства. Отвечая на этот вопрос, надлежит признать, что допустимы правые октябристы и желательны более консервативные группы. Левые октябристы настолько переплелись с прогрессистами и кадетами, что найти иную, кроме наименования, грань, отделяющую их друг от друга, почти невозможно.

Исходя из этих положений, и нужно делить все губернии на такие, в которых возможно проведение благонамеренных элементов, и на такие, где оно или затруднительно или вовсе невозможно. Кроме того важно отдать себе отчет, на какие группы населения может опираться правительство в каждой данной губернии.

Губернией, безусловно обеспечивающей успех правого дела, является Курская, где дворянство и земские деятели, объединившись в революционную годину для отпора левым партиям,

---

[1] «Падение царского режима», т. II, стр. 43 — допрос Манасевича-Мануйлова.

[2] См. мою книгу «Политика Романовых», стр. 66 — 69.

ни на иоту не отошли от своей политической программы. Задачей Курского губернатора является лишь оказание благожелательного содействия местным правым деятелям и борьба с кадетским элементом, свившим себе гнездо в некоторых городах, в особенности в г. Курске.

Следующий ряд губерний представляет вполне благоприятную почву для правого дела. Заключая в себе правые и националистические общественные силы, воспитанные на отстаивании русских начал от инородческих, в особенности еврейских, посягательств, и близкие к православному духовенству — губернии эти, при известной доле работы со стороны местной администрации, могут дать членов Государственной Думы, преданных государю и чуждых принципиальной критики всего, имеющего отношение к правительству.

Из этих губерний самая яркая в политическом отношении Волынская, давно являющаяся оплотом русского правого дела в юго-западном крае.

Правда, душою этого дела был высокопреосвященный Антоний, ныне архиепископ Харьковский, но на Волыни остался его ближайший энергичный помощник — архимандрит Виталий. Архиепископ Евлогий исповедует более умеренные политические убеждения, но надо надеяться, что он пойдет навстречу правым организациям. Вредным элементом Волынской губернии является так называемая «земская партия», соблюдающая свои личные интересы и раболепствующая перед поляками.

Во главе этой партии стоит зять бывшего киевского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова, П. А. Демидов, составляет ее ряд недавно уволенных предводителей дворянства (Прибыльский, Журавский) и ровенский предводитель дворянства Андро. Серьезными противниками их, кроме архимандрита Виталия, являются губернский предводитель дворянства И. А. Папа-Афанасопуло, энергичный председатель губернской земской управы Б. Н. Лялевский, Г. Е. Рейн, Борисов, Пеликан и др. Губерния может дать вполне правых депутатов, но, конечно, для этого требуется известная работа. Необходим также большой такт со стороны губернской администрации, для того, чтобы во-время улаживать возникающие, к сожалению нередко, в правой среде раздоры на личной почве.

Киевская губерния также находится в благоприятных условиях, имея сплоченное духовенство и, в общем, удачный состав предводителей дворянства, во главе с губернским предводителем Ф. Н. Безаком. Духовенство чтит маститого митрополита Флавиана, руководится же епископом чигиринским Никодимом, открыто исповедующим правые убеждения.

Прошлые выборы, проводимые национальными организациями при участии любимого в губернии губернатора А. Ф. Гирса, прошли очень гладко. К сожалению, в члены Думы избраны были некоторые деятели, надевшие на себя маску правых, очень скоро обна-

руживше свое истинное лицо и теперь являющиеся главнейшими деятелями прогрессивного блока. Настоящие русские киевляне давно с негодованием отреклись от них, и на будущих выборах кампания будет вестись, главным образом, против этих политических перелетов. Новый губернатор граф А. Н. Игнатьев также знаком с деятельностью Савенко и Демченко,[1] которые, между прочим, усиленно просили бывшего министра кн. Н. Б. Щербатова не назначать графа киевским губернатором. Последний, при участии Ф. Н. Безака, уездных предводителей дворянства и раскинутых по губернии отделений Свято-Владимирского братства, может провести депутатов с чистыми политическими убеждениями. Трудными представляются выборы по г. Киеву, но, при настойчивой работе и выставлении ярких кандидатов, можно и там выиграть кампанию.

В Подольской губернии выборами руководит определенно-национальный деятель П. Н. Балашов, и губернатору необходимо лишь поддерживать его. Новый губернатор А. П. Мякинин вполне правый, и на него можно рассчитывать. Представителем оппозиции в губернии является винницкий уездный предводитель дворянства граф Гейден, но, за уходом его на войну, должность эта замещена, и только важно не допускать его впредь к занятию столь серьезной в этом краю должности.

Несколько сложнее, но столь же благодарна, политическая работа в северо-западных губерниях. В них тоже существуют национальные организации и боевое духовенство; после войны там остро встанет польский вопрос, который заставит еще больше объединиться русских людей. К сожалению, представители власти на этих передовых позициях русской государственности не все на высоте своего призвания.

В Минской губернии имеются вполне определенные национальные деятели, которые сумеют провести выборную кампанию.

При прошлых выборах злым гением их был бывший губернатор Эрдели; нынешний же, А. Ф. Гирс, зарекомендовал себя с наилучшей стороны верным служением исконно-русским началам.

Преосвященный Митрофан — очень стойкий деятель, знаком с выборной кампанией и сможет объединить духовенство. К сожалению, губернский предводитель дворянства А. С. Долгово-Сабуров совсем малодеятелен, председатель же губернской земской управы Б. Н. Самойленко значительно уклонился влево. Губерния требует работы, и тогда результаты обеспечены.

Витебская губерния имеет сплоченную русскую землевладельческую группу, даже более многочисленную, чем польскую. Группа эта прочно укрепилась в земстве и может в союзе с духовенством провести выборы. Большой знаток выборного дела,

---

[1] Это именно те члены Думы от Киевской губ., которых автор записки имеет в виду, когда говорит о «политических перелетах».

бывший вице-губернатор барон А. Ф. Розен, — зато губернатор М. В. Ардимович, в лучшем случае, совершенно бесполезен для русского дела. Губернский предводитель дворянства П. А. Рентгартен, с выборной точки зрения, является личностью вредной. Он значительно левее своей губернии, и если занимает до сих пор такую ответственную должность, то лишь благодаря хорошим отношениям с Ардимовичем и заступничеству последнего перед министром внутренних дел в те моменты, когда возникали предположения о его ликвидации.

Могилевская губерния также обладает вполне достойными политическими элементами, но, к сожалению, губернатор А. И. Пильц совершенно не усвоил поставленную перед ним задачу. На прошлых выборах он боролся с правым епископом Митрофаном гомельским и настойчиво проводил октябриста Дрибинцева, который благодаря ему и был избран. Губернский предводитель дворянства Ф. В. Бондырев — правый. Вице-губернатор, князь В. А. Друцкой-Соколинский — правый и знаток выборного дела. Председатель губернской земской управы В. А. Судзиловский также человек надежный. Выборы в губернии провести не трудно, но необходим должный руководитель, усвоивший себе, в чем состоит обязанность администрации в этой сложной по племенному составу губернии.

В Гродненской губернии имеется сильная национальная организация «Софийское братство», которой руководит такой видный русский деятель, как архиепископ Михаил. Русская землевладельческая группа не сильна, но, в союзе с духовенством и при руководстве губернатора, может провести национальных деятелей. Губернатору надлежит обратить серьезное внимание на крестьянство, которое имеет значение на выборах: ранее случалось, что поляки подкупали их голоса.

В Ковенской и Виленской губерниях необходимо принять лишь меры к тому, чтобы членами Государственной Думы от русского населения были избраны действительно русские люди. В Виленской губернии дело это поставлено прочно, можно рассчитывать и на дальнейший успех, несмотря на то, что губернатор П. В. Веревкин далек от идеала национального администратора; в Ковенской же губернии, при участии правого губернатора Н. Д. Грязева, можно надеяться, что вместо октябриста князя Васильчикова будет проведен деятель, который действительно отражал бы настроение русских в этой инородческой губернии.

К западным губерниям близко подходят по своим политическим настроениям южные губернии: Херсонская, Екатеринославская, Бессарабская и Область Войска Донского. Они имеют и консервативное дворянство, и достойных пастырей церкви.

В Херсонской губернии имеются прочные правые и национальные силы, — правда, значительно разгромленные губернатором бар. Н. А. Гревенитем, — но все же еще достаточные для

борьбы с октябристско-немецким блоком, руководимым Варун-Секретом и Люцем. На прошлых выборах бар. Н. А. Гревениц, в угоду этому блоку, в последний момент выделил духовенство, чем обеспечил победу левых. Духовенство вообще не пользовалось его симпатией. Право-националистические деятели, группирующиеся вокруг С. И. Келеповского, очень враждебно настроены против губернатора, который, по их словам, выведал их план кампании и затем предал их противникам. Если консервативные деятели убедятся, что местная администрация не смотрит на них как на изгоев, а, напротив, готова опираться на них, то они смогут, в союзе с духовенством, сплотить достаточные силы для проведения желательных кандидатов. Главную опору октябристов-немцев теперь легко можно разгромить. Печально, что губернский предводитель дворянства Н. Ф. Сухомлинов сам октябрист и близок к немецким банковским деятелям.

В Екатеринославской губернии на прошлых выборах образовался сильный право-националистический блок, но в последний момент, в угоду домогательствам Родзянко, Каменского и др. октябристов, Харузин, [1] при помощи Гурлянда, заставил покойного губернатора Якунина выделить духовенство в наиболее опасных для октябристов уездах; результатом этого явилось торжество блока октябристов с немцами и социалистами. На будущих выборах можно, бесспорно, создать правый блок. Губернатор В. А. Колобов — вполне правый и энергичный, губернский предводитель дворянства князь Н. П. Урусов — решительный враг Родзянко, в особенности после того, как не был избран членом Государственного Совета от земства. Преосвященный Агапит, епископ екатеринославский, принимал деятельное участие в прежней кампании и затем подвергался всяческим оскорблениям со стороны Родзянко.

В Бессарабской губернии выборное дело обстоит сложнее, но, при умении и настойчивости администрации, можно провести правое большинство. К сожалению, в губернии до последнего времени главенствовала партия Крупенских, являющаяся типичной представительницей политического оппортунизма. Противником партии Крупенских, именуемой «партией центра», является «земская группа», объединившая в себе и умеренных либералов и таких правых, как член Государственного Совета от земства Д. Н. Семиградов. Правительство должно было бы, казалось, опираться на эту последнюю партию, более желательную и определенную и могущую дать, вместо колеблющихся сторонников Крупенских, двух, трех либералов, но зато остальных консерваторов. Вопрос этот очень сложен, требует более подробного подсчета сил. Политический облик нового губернатора М. М. Вороновича не вырисовался — в Одессе он не считался правым; вице-губернатор

---

[1] А. Н. Харузин, тов. мин. вн. дел, руководивший в 1912 г. выборами в IV Гос. Думу.

Б. К. Арсеньев [1] определенно правый, энергичный, достойно отстаивал русские интересы в Румынии.

Область Войска Донского дает левых депутатов, что кажется столь несовместимым с общим духом казачества. Но правое дело там было испорчено разъяснением сената, привлекшим домовладельцев окружных станиц к участию в съездах землевладельцев; вследствие этого землевладельцы были задавлены левыми горожанами. Крайне важно добиться в сенате нового разъяснения, исключавшего бы горожан из курии землевладельцев. Необходимо также умелое руководство выборами со стороны высшей областной администрации; надо надеяться, что энергичный генерал В. И. Покотило сумеет подтянуть станичные правления, которые, при прежних выборах, в угоду левым, произвольно повышали оценки. В области имеются правые силы, — очень энергичен бывший губернский предводитель дворянства Леонов; в 1905 г. он уклонялся влево, теперь же ведет определенно правую политику.

Правых депутатов может также дать город Одесса, при условии, если сильные там правые организации окончательно не перессорятся. Обязанность градоначальника должна состоять в том, чтобы уметь разобраться, какая из организаций является наиболее жизнеспособной и верной, поддерживать ее и привлечь к ней другие правые силы.

Затем следует ряд, главным образом, центральных губерний, которые имеют благодарную политическую почву для создания правого и умеренно-правого большинства. Ведение в них выборной кампании труднее, чем в предыдущих, — они не спаяны националистическим началом, духовенство этих губерний часто склонно к радикализму и требует железной руки епархиального архиерея, — но все же они имеют консервативное дворянство, которое всегда может дать отпор левым. В тех уездах, где землевладельцы более либеральны, им можно противопоставить голоса священников. К числу этих губерний относятся: Владимирская, Вологодская, Казанская, Московская, Орловская, Пензенская, Псковская, Симбирская, Рязанская, Тульская, Харьковская.

Владимирская губерния имеет в большинстве своем правое дворянство, во главе с губернским предводителем В. С. Храповицким. Земство — скорее октябристское. При должном умении и без обострения можно объединить правых землевладельцев, духовенство и часть еще не развращенного купечества. В больших посадах довольно успешно работает союз русского народа. К сожалению, губернатор В. Н. Крейтон, вполне достойный, но, будучи англиканского вероисповедания, вряд ли должным образом сумеет найти пути сближения с духовенством.

В Вологодской губернии существует правая землевладельческая группа, можно также рассчитывать на полное содействие

[1] Это — бывший первый секретарь русской миссии в Румынии, доклад которого Сазонову напечатан здесь на стр. 208 — 222.

преосвященного Александра. Прошлая кампания велась бывшим губернатором Шрамченко, не сумевшим завоевать симпатии правых общественных сил, вдохновлявшихся его предместником. Кампания велась как-то случайно, и если результаты оказались еще сносными, то исключительно благодаря бывшему непременному члену Б. В. Писаренкову, деятельность которого отмечал командированный в Вологду в разгаре кампании Б. А. Пеликан. При должной работе губерния может дать правых депутатов, но трудно сказать, сумеет ли губернатор В. А. Лопухин справиться с этой задачей.

В Казанской губернии имеется консервативное дворянство, во главе с губернским предводителем С. С. Толстым-Милославским. Земство также вполне умеренное, и председатель губернской земской управы Н. А. Мельников пробовал даже выступать против политических прерогатив земского союза. Очень вредны в губернии члены Государственной Думы — И. В. Годнев и протоиерей от. А. В. Смирнов. Последний, и при прежних выборах, влиял на преосвященного Иакова, который, в сущности, скорее помогал левым. Благодаря этому обстоятельству и слабости покойного губернатора Стрижевского, приветствовавшего неестественный блок (конечно, на деле не осуществившийся) правых с октябристами, последние выборы дали по Казанской губернии пестрый состав. Можно надеяться, что энергичный губернатор П. М. Боярский, поддерживающий хорошие отношения с дворянством и земством, сумеет провести более правых. Очень важно ныне же обратить внимание на вредную в политическом отношении деятельность епархиального архиерея.

В Московской губернии можно в среде землевладельцев найти тот консервативный элемент, на который должно опереться. Правые, в блоке с умеренными и духовенством, могут провести своих кандидатов. На последних выборах этот блок имел большинство двадцати голосов, но, из-за отсутствия достаточной дисциплины и вследствие двух неудачных жеребьевок, выборы оказались неудачными.

В Орловской губернии очень вредна партия Стаховичей, сумевшая одержать верх на последних дворянских выборах. Но в губернии имеется много консервативных дворян, которые, в союзе с духовенством, могут разбить левую партию.

В Пензенской губернии представителем левых общественных течений является Вырубов, но партия его не очень многочисленна. Большинство поместного дворянства настроено консервативно, и поэтому вполне возможно, при посредстве губернатора, образование умеренно-правого большинства. Губернатор А. А. Евреинов — вполне правый. Преосвященный Владимир (Путята) энергично знакомится с духовенством и может, вероятно, оказать содействие. Вице-губернатор А. А. Толстой — октябрист.

В Псковской губернии существует крепкое националистическое ядро, состоящее из крупных землевладельцев большин-

ства уездов и отчасти мелких собственников. Эта группа провела в IV Государственную Думу националистов. Левыми является группа общественных деятелей опочецкого и новоржевского уездов, объединенная помещиком великолуцкого уезда А. Н. Брянчаниновым. Духовенство является малонадежным. При дружной работе губернатора с местными деятелями, правыми и националистами, можно рассчитывать на полный успех.

В Рязанской губернии также не трудно образовать сильную группу из правых и умеренных землевладельцев. Среди дворянства много консерваторов, в их числе и губернский предводитель дворянства В. И. Петрово-Соловово. Правда, имеют большое значение и октябристы, преобладающие в земстве и выдвигающие из своих рядов статс-секретаря А. С. Ермолова, Еропкина, Шумахера и др. Но им можно противопоставить консервативные силы дворянства и духовенства, во главе которого стоит определенно правый епископ Дмитрий. Губернатор Н. Н. Кисель-Загорянский — правый.

Симбирская губерния обладает сплоченным дворянством, в массе своей консервативным. Губернатору надлежит только провести правых выборщиков от духовенства и крестьян. Духовенство на прошлых выборах пользовалось большою антипатиею губернатора А. С. Ключарева, хотя последний должен был в результате признать, что священники имели решающее влияние на конечный исход выборов и что, при намечании кандидатов и при голосовании, духовенство выполнило свои обещания, чем способствовало победе правых. А. С. Ключарев не любим дворянством и не может быть объединяющим центром при выборах.

Дворянство Тульской губернии непоколебимо в своей верноподданнической преданности государю императору. Земство в большинстве — правое, хотя на последних земских выборах одержали победу более умеренные элементы. Губернатор А. Н. Тройницкий — определенно правый. При помощи правых общественных деятелей губернатору не трудно провести достойных членов Государственной Думы.

В Харьковской губернии на прошлых выборах не сумели использовать в должной мере имеющиеся в ней консервативные силы. В виду скверных отношений бывшего губернатора М. К. Катеринича с покойным архиепископом Арсением, духовенство было под опасением, и его выделили. Ныне огромную пользу может принести архиепископ Антоний, умеющий сплотить духовенство на исторических началах. Очень сомнительно только, чтобы губернатор Н. В. Протасьев мог явиться руководителем правых общественных сил. Между последними имеются энергичные лица, которые, при должной помощи, могут вступить в борьбу с либеральной земской партией, руководимой кн. А. Д. Голицыным. Губерния требует большой работы, любовного отношения к правому делу, и тогда могут получиться вполне благоприятные результаты.

Следующие четыре губернии — Вятская, Нижегородская, Олонецкая и Пермская, при серьезной работе, могут дать правых депутатов. В них имеются те силы, на которые правительство может опереться, и только необходимо со стороны местных губернаторов должное старание и умение дать этим силам руководящую роль при ведении выборной кампании.

Вятская губерния имеет очень левое земство, сильный третий элемент, считалась безнадежной в политическом отношении. Между тем бывший губернатор И. М. Страховский, при помощи епископа (ныне не находящегося в Вятке), опираясь на духовенство, провел исключительно правый состав депутатов. Губернатор сумел также привлечь к делу чиновничество. Можно рассчитывать, что, при умении губернатора, возможен успех и при будущей кампании.

Удачное проведение выборной кампании в Нижегородской губернии представляется делом трудным, так как земские деятели в большинстве своем являются либеральными и оказывают значительное влияние на политическую жизнь губернии. Однако, пример прошлой кампании, когда, в противовес сильным левым группам, были организованы правые дворяне, горожане и духовенство, показал, что выиграть кампанию можно, если губернатор окажется на высоте понимания возложенной на него задачи.

В Олонецкой губернии можно провести вполне благожелательные элементы, опираясь на духовенство, сплоченное православным Карельским братством. Минувшие выборы дали умеренных депутатов. Губернатор М. И. Зубовский интересуется губернией и, будучи сам человеком вполне правым, сумеет организовать умеренно-правые силы.

Пермская губерния очень пелегка в выборном отношении, так как местное земство является одним из самых левых в империи. Между тем минувшие выборы дали благоприятные результаты. Объясняется это участием в выборной кампании духовенства, давшего правых выборщиков, а также энергичной работой местного национального общества, руководившегося вице-губернатором В. И. Европеусом (ныне переведенным в Астрахань). Можно надеяться, что губернатор М. А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский, как вполне правый, сумеет также провести удачно кампанию. Вице-губернатор Н. Н. Максимов также правый.

Очень трудно провести удачно выборную кампанию в Воронежской, Калужской, Новгородской, Петроградской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Черниговской и Ярославской губерниях. В этих губерниях прочно укрепились октябристы, главным образом левого толка, которые, в союзе с определенно левыми, могут победить умеренных и правых. Однако, считать их окончательно безнадежными нельзя. В каждой из этих губерний можно найти благожелательные элементы в различных общественных группах, и от умения губернаторов зависит образовать из них значительную политическую силу.

В Воронежской губернии очень сильны октябристские течения в дворянстве, и еще более левые в земстве; правые одиноки и разбросаны по уездам. Духовенство настроено в левом духе. Но все же можно попробовать провести кампанию именно на духовенстве, если только епархиальный архиерей вдохновится этим делом и сумеет образовать заранее в уездах правые ячейки. Губернатор Г. Б. Петкевич—правый, в очень хороших отношениях с духовенством, лево-настроенные общественные элементы его недолюбливают. Вице-губернатор А. В. Козлов — очень неуравновешенный, в скверных отношениях с губернатором.

Калужская губернпя, считавшаяся ранее очень умеренной, значительно полевела, что особенно ясно проявилось в избранпи левого, князя Е. Н. Трубецкого, членом Государственного Совета от земства и выборщиком от дворянства. На последних выборах октябристы вступили в соглашение с левыми и провели общих кандидатов. Но нельзя, однако, считать губернию окончательно потерянной для правого дела. Бывший губернатор князь С. Д. Горчаков не отличался должным тактом, вооружил против себя лиц различных лагерей, не встречал поддержки со стороны епархиального архиерея, среди своих же чиновников имел таких левых, как непременного члена губернского по земским и городским делам присутствия Козловского, которого приходилось искусственно отстранять от участия в заседаниях комиссии по делам о выборах. Новый губернатор Н. С. Ченыкаев — вполне правый, тактичный, и поэтому можно надеяться, что, по получении должных указаний, он сумеет наладить правое дело в губернии. Б. А. Оленин близок к местным либеральным кругам.

В Новгородской губернии сильна партия октябристов,— большое влияние имеет семья Тютрюмовых, представитель которой избран ныне членом Государственного Совета от земства. На прошлых выборах духовенство действовало в правительственных видах. В соединении с ним можно на будущих выборах несколько ослабить октябристский элемент. Губернатор М. В. Ислwoвин в хороших отношениях с местными общественными силами, политически не ярок.

В Петроградской губернии господствуют октябристы и левые; первых несколько больше, но на прошлых выборах они блокировались с левыми и получили всего одно место. Совершенно разбить обе эти партии невозможно, — нужно постараться сформировать правое крыло октябристов, которое влияло бы в среде своей партии, и им же отдать голоса правых.

В Полтавской губернии на выборах играют роль умеренные, имеющие большое значение в землевладельческих кругах. Теперь эти лица значительно полевели, и потому важно растворить их правыми представителями духовенства, которые смогли бы отвести более левых из умеренных. Задача эта очень не легка, так как во главе духовенства стоит епископ Феофан, чуждый какой-либо политики. Губернпя требует очень вдумчивой и

осторожной работы и тщательного подсчета сил. Губернатор А. К. Багговут — вполне правый.

В Самарской губернии очень сильна партия октябристов, хотя среди дворянства много и правых, во главе с губернским предводителем дворянства А. Н. Наумовым. При умелом руководстве и использовании духовенства, можно провести желательный состав депутатов. Бывший губернатор Н. В. Протасьев очень озабочен был «равномерным» распределением выборщиков, неодобрительно относился к сплоченности духовенства, оставил без внимания крестьянство и, повидимому, остался доволен выборами, давшими лишь одного националиста, остальных же более левых. Можно надеяться, что новый губернатор С. Д. Евреинов лучше проведет кампанию; будучи вполне правым, он, как питомец духовной академии, найдет близкие точки соприкосновения с духовенством. Вице-губернатор князь С. В. Горчаков в эпоху растерянности не спустил флага государственности.

В Саратовской губернии левые элементы очень сильны. Имеются они в крестьянстве, заразили города, заняли прочные позиции в земстве, существуют и среди предводителей дворянства. Правда, на ряду с этим, в губернии есть определенно правые, как, например, губернский предводитель дворянства В. Н. Озноби шин. Однако, против последнего ведется усиленная кампания, и считают, что на следующих дворянских выборах он будет заменен более левым. В земстве популярен значительно полевевший граф Д. А. Олсуфьев. На выборах нужно в левых уездах мобилизовать духовенство, которое, в союзе с более правыми уездами, должно разбить левое крыло. Бывший губернатор князь А. А. Ширинский-Шихматов был стойкий правый, сумел бы привлечь к выборному делу духовенство; о новом — С. Д. Тверском пока ничего сказать нельзя.

Смоленская губерния является, в подавляющем своем большинстве, октябристской; общественные силы группируются вокруг Хомякова и прогрессиста В. П. Энгельгардта (члена Государственного Совета). Бесспорно, имеются и правые землевладельцы, но они мало организованы. При огромной и осторожной работе, можно, вероятно, создать противовес левым октябристам и провести умеренно-правых. Идейный правый работник — местный землевладелец, непременный член губернского присутствия А. Е. Кубаровский. Необходимо лучше использовать духовенство. Но рассчитывать на нового губернатора К. А. Шумовского невозможно. Он прогрессист и прошел в выборщики от дворянства Калужской губернии вместе с таким ярым либералом, как князь Е. Н. Трубецкой. Вице-губернатор В. Ю. Фере близок к местным общественным элементам.

В Тамбовской губернии существуют вполне правые деятели, но на ряду с этим и видные представители левого лагеря. В последнее время губерния значительно полевела, показателем чего является избрание земством членом Государственного Совета

вместо В. М. Андреевского (правый центр), видного октябриста Комсина. Особенно вредными являются Моршанский и Темниковский уезды. Обезвредить левые группы можно только при помощи духовенства. Оно мало надежно, но может быть взято в руки архиереем, который должен поставить ему задачу — не пропускать левых. Оно обязано явиться фильтром, через который должны беспрепятственно пройти представители правого дворянства. Губернатор А. А. Салтыков, можно думать, будет вполне на высоте своего положения.

В Тверской губернии, испокон левой, после революционной вакханалии образовалось сильное реакционное движение. Правые и умеренные общественные силы завоевали крупные позиции. На последних выборах умеренный блок имел большинство, но не добился должных результатов вследствие несогласованности своих действий. При будущей кампании сформирование блока будет очень трудно, так как некоторые из видных представителей его, как, например, В. И. Гурко, очень сильно полевели и скорее вступят в соглашение с левыми. Противопоставить левым и октябристам нужно будет определенно правых в союзе с духовенством, во главе которого стоит энергичный архиепископ Серафим. Если губернатору Н. Г. Бюнтингу заранее будет дано это задание, то он, вероятно, сможет выполнить его. Вице-губернатор Д. Ф. Гершельман — правый.

В Черниговской губернии дворянство, в большинстве своем, октябристское, земство, за малыми исключениями, просто левое. Правительство может опираться на мелких землевладельцев, горожан в некоторых городах и, главным образом, на духовенство, которое находится на строгом учете у твердого епископа Василия. Кампания должна вестись заранее. Губернатор Н. Н. Лавриновский вряд ли будет склонен вести определенную кампанию, но у него имеются два определенных правых и идейных помощника: вице-губернатор Д. Н. Матвеев и непременный член губернского по земским и городским делам присутствия Грингмут. Требуется очень большая работа, но, как показал прошлый опыт, возможны благоприятные результаты.

В Ярославской губернии проведение выборов в желательном духе является делом очень нелегким, так как в ней силен прогрессивный и лево-октябристский элемент, который на последних выборах провел членом Государственного Совета от земства левого, Н. Н. Глебова. Губернатору графу Д. Н. Татищеву, при помощи духовенства, удалось на прошлых выборах образовать умеренный блок, который затем распался вследствие сильной агитации бывшего губернского предводителя дворянства кн. Куракина и его единомышленников, внесших различными средствами разлад среди умеренных выборщиков. Можно надеяться, что опыт прошлой кампании научит относиться осторожнее к кандидатам в выборщики, избирая более устойчивых лиц. Работа требуется большая.

Левый элемент завоевал очень прочное положение в Астраханской, Архангельской, Костромской, Оренбургской, Ставропольской, Таврической и Уфимской губерниях. Левыми захвачены все важнейшие политические позиции и выбить их оттуда почти невозможно. Из них самыми безнадежными являются Костромская, Таврическая и Уфимская губернии, где левое дело стоит на крепких основах.

В Астраханской губернии сильное влияние имеет кадетская партия. В городах могут развить некоторую деятельность правые организации. Рассчитывать можно только на духовенство. На прошлых выборах в избирательном собрании левые блокировались с умеренными, провели двух своих и двух, якобы, правых; последние теперь значатся независимыми. Губернатор И. Н. Соколовский враждует с патриотическими организациями. Новый вице-губернатор В. И. Европеус хорошо знает выборное дело по своей прежней службе в Пермской губернии, — там он организовал национальное общество.

Архангельская губерния дает только двух депутатов. Левые политические течения сильны в губернии, однако, при искусной работе, вероятно, можно будет провести, при помощи духовенства, правого крестьянина и правого священника по городской курии.

Костромская губерния является одной из самых левых. Дворянство там левое, за очень малыми исключениями, земство еще левее. Опираться можно только на духовенство, но и то с малой надеждой на успех. Прошлые выборы проводил левый губернатор Шиловский. Нынешний губернатор И. В. Хозиков — правый, любим в губернии и, быть-может, сумеет организовать более умеренное крыло.

В Оренбургской губернии нет тех политически прочных элементов, на которые могло бы опереться правительство. Дворянство там правое, но малочисленное и малодеятельное. Земство начало заражаться левизною, явным показателем чего является избрание членом Государственного Совета прогрессиста Шмурло. Уезды Челябинский и Троицкий носят на себе ясный отпечаток сибирского радикального духа. Мусульманство в большинстве развращено левыми. Бывший губернатор Н. А. Сухомлинов, конечно, был неопытен в вопросах выборной кампании. Выборы дали левых, он же остался ими доволен. Новый губернатор генерал Тюлин интересуется этим делом, знакомым ему как тверскому помещику, сражавшемуся с левыми, собирается подробно изучить его и теперь же озаботиться подготовкою кадров правых.

В Ставропольской губернии нет сильного землевладельческого класса, большое значение имеют горожане, которые используются левыми. Вероятно, можно использовать крестьянскую массу. Необходимо, чтобы новый губернатор князь С. Д. Оболенский ныне же подробно ознакомился с политическими настроениями губернии и выяснил, совершенно ли безнадежной является там выборная кампания.

Таврическая губерния — определенно левая. Сильна там была немецкая партия, блокировавшаяся с кадетами. Кампанию нужно вести против немцев и при помощи духовенства. Трудно сказать, сможет ли, при таких условиях, губернатор справиться с этой очень нелегкой задачей. Губернатор С. С. Дьяченко — не правый.

Уфимская губерния является одним из вернейших оплотов левых общественных элементов. Земство почти всецело в их руках. Только в Белебеевском уезде упорно сражается с левыми председатель управы Бунин. Последний — идейный правый. Желательно всячески поддержать его, помогая ему образовывать правое большинство. Епархиальный архиерей Андрей (Ухтомский) хорошо знает духовенство, может, при желании, объединить его. Бунин считает архиерея правым. Мусульмане—левые, можно воздействовать на муфтия. Губернатор П. П. Башилов все время ведет упорную борьбу с левым земством.

Совершенно безнадежными нужно считать сибирские губернии, Кавказ, Польшу, Виленскую и Ковенскую губернии: в первых — чрезвычайно сплочены левые, в остальных — русские не имеют никакого значения, и борьба идет вокруг местных национальных групп. В Литве желательно поддержать литовцев.

Столь же безнадежным является проведение умеренных членов Государственной Думы от городов Москвы, Петрограда и Риги. Варшава не может дать от русского населения депутата-националиста.

Со времени последних выборов образовалась еще одна губерния, которая до сих пор не включалась в положение о выборах. Необходимо выработать в отношении ее такое положение, которое могло бы обеспечить избрание достойных представителей этой окраины, являющейся русским островом среди польских губерний. Холмский губернатор В. Д. Кашкаров вполне отдает себе отчет в задачах русского дела в Холмской губернии. Епископ Анастасий также предан национальному делу. От губернаторов Холмского и Люблинского затребованы сведения, необходимые для выработки положения, но, в виду военных обстоятельств, данные эти не могли быть сообщены.

2.

Совершенно доверительно.

Заключения совещания 24 июня 1916 г. [1]

В ноябре месяце 1917 г. истекает срок полномочий членов Государственной Думы четвертого созыва и осенью того же

[1] Наверху карандашом приписано: «Штюрмер, Бобринский, Гурлянд. Резюме того, что принято».

года предстоят новые выборы. Создание в будущей Государственной Думе работоспособного и патриотически настроенного большинства приобретает особую важность при вызванном войною серьезном политическом положении. Поэтому правительству ныне же необходимо приступить к выработке основного плана выборной кампании. Успех ее может быть достигнут при соблюдении двух главных условий: полной тайны, и единства действий всех органов правительства, начиная с самых высших и кончая мелкими провинциальными чиновниками.

Принятое правительством решение подготовляться теперь же к кампании должно оставаться неизвестным для оппозиционных партий, которым желательно прививать обратную мысль о том, что правительство очень склонно продлить полномочия членов IV Государственной Думы. Продление это, столь желательное многим депутатам, на самом деле не должно быть допущено, так как, при этой отсрочке, производство выборов совпало бы, вероятно, с окончательной демобилизацией армии. Последняя же в течение последних двух лет пользовалась особым политическим вниманием левых партий, которые, работая в различных общественных организациях, старались дискредитировать действия правительства, развивая оппозиционное к нему отношение. Вместе с тем, затрачивая широко деньги, они умели всячески подчеркивать свою полезную деятельность, умалчивая, конечно, что средства на содержание своих учреждений они получают от того же правительства.

Вторым важным условием успеха должно быть определенно проведенное единство действий всех ведомств. Совершенно недопустимо наблюдавшееся при прежних выборах явление, что чиновники, во главе иногда с их начальниками, дружно работали в рядах противоправительственных партий, часто, в особенности в городах, составляя главную их силу. При будущих выборах провинциальные чиновники должны получить определенные указания от подлежащих министров, в свою очередь объединенных единством политических убеждений.

Нельзя не считаться с тем политическим положением, которое левые партии заняли в течение последних двух лет. Войдя, в лице своих главнейших деятелей, в состав различных организаций, работающих на нужды войны, они, при помощи обслуживающей их печати, создали себе популярность и, широко раздавая хорошо оплачиваемые должности, освобождающие к тому же от действительной службы в рядах войск, сумели получить новые кадры сторонников, которые, конечно, будут поддерживать их на выборах.

Однако, и в этой известности оказалась теневая сторона. В последнее время в широкие слои населения проникли слухи о бесконтрольном расходовании средств этими общественными деятелями, вызывая возмущение безнаказанным хищением народных денег. Подбор точных данных об этих злоупотреблениях

может оказаться в руках правительства сильным орудием для борьбы с этими радикальными деятелями. [1]

В этом отношении значительную помощь может оказать правительству правая печать. Вообще же последняя, заслуживая широкой поддержки, должна быть сильно развита. Необходимо также издание политических памфлетов, изобличающих действия отдельных партий и лиц.

Правительству надлежит, так же как и в прошлую кампанию, опереться на православное духовенство, что возможно лишь при условии, если епархиальные архиереи проникнутся важностью возлагаемой на них государственной задачи. Духовенство при этом должно быть использовано, главным образом, в качестве выборщиков, в члены же Думы желательно избрание не более 80 священников (в среднем по одному на губернию).

Очень важно ныне же безотлагательно, с соблюдением годичного срока, озаботиться созданием имущественных цензов для тех лиц, присутствие которых в составе Думы признается правительством желательным.

Для широкого ознакомления центрального правительства с политическим положением отдельных губерний и районов и для установления связи на местах, представляется необходимым заблаговременный их объезд доверенными лицами.

Ведение выборной кампании потребует, конечно, затраты больших средств на предвыборную агитацию, поддержку печати, издание памфлетов и приобретение цензов. Необходимо ассигновать на этот предмет от соответствующего кредита [2] из десятимиллионного фонда. Кроме того, представители некоторых банков предполагают, по соглашению с правительством, израсходовать на предвыборную агитацию 2 миллиона рублей, желая получить от 50 до 70 мест. [3] Предложение это представлялось бы приемлемым, при условии, чтобы в программу партии банков не включались аграрные и прочие острые социальные вопросы.

24 июня 1916 г.

3.

План выборной кампании в V Гос. Думу.

По соглашению с членами Государственной Думы, обсуждавшими вопрос об организации будущих выборов в Государственную

---

[1] С этой целью правительство тогда же решило публиковать в газетах отчет о хозяйстве «общественных организаций» и количестве сумм, отпущенных им из казны — об этом см. здесь в «сводках» Штюрмера, стр. 152, 158, а также примечания — стр. 170 — 171.

[2] Во второй (позднейшей) редакции этой бумаги, вместо слов «от соответствующего кредита», сказано «от $2^1/_2$ до 3 миллионов рублей».

[3] В печатаемой далее записке ассигнуемая банками сумма определена в «2 — 3 миллиона».

Думу, признаны желательными следующие подготовительные меры: 1) ревизия (если можно сенаторская) различных организаций, в особенности земского и городского союзов, в целях дискредитирования их, 2) подготовка печати и 3) объединение министров.

В частном совещании выяснилось, что по вопросу о том, нужно ли допустить новые выборы в Государственную Думу или удобнее продлить полномочия нынешних избранников, следует притти к заключению, что для правительства выгоднее осуществить выборы ныне же, во время войны, так как главные силы третьего элемента участвуют в различных военных организациях, где труд их хорошо оплачивается, и в большинстве случаев не примут участия в выборах. После же окончания войны, когда все крайние элементы будут снова свободны, новые выборы, несомненно, дали бы весьма левый состав Думы. Поэтому, дабы не дать нежелательному элементу возможности заранее сорганизоваться перед выборами, целесообразнее распространить мысль о предположении правительства продлить полномочия народных представителей, — в действительности же правительству надлежит усиленно готовиться к предстоящим выборам.

Предлагаемая ревизия общественных организаций вряд ли может быть осуществлена вообще, а тем более через сенаторов, так как эти организации разбросаны по всему государству. С другой стороны, они не закончили еще своей деятельности, и, наконец, средоточием их деятельности является фронт, куда, при видимой благосклонности главных военных начальников (Ронжин, Эверт, Данилов, Янушкевич и др.) к учреждениям земского и городского союзов, вряд ли удалось бы проникнуть ревизорам, а тем более добиться там содействия и успеха. Вместе с тем нельзя не заметить, что ревизия может и не дать осязательных результатов, ибо такие злоупотребления, как, например, незаконное освобождение евреев от воинской повинности, практикуемое широкой рукой в учреждениях союзов земств и городов, вряд ли могут быть с достаточной документальностью установлены. Во всяком случае, ревизия общественных организаций могла бы быть предпринята не иначе, как после тщательного выяснения взгляда на сие ставки.

К более ощутительным последствиям, и с меньшими осложнениями, в видах дискредитирования общественных организаций, могла бы привести соответствующая деятельность правой прессы, обнаруживая на местах все злоупотребления и недочеты, в особенности если ей на помощь придет имеющий быть законом установленный правительственный контроль над денежною отчетностью указанных организаций. Необходимые на это, а также на предвыборную агитацию, средства будут распределяться товарищем министра, по соглашению с начальником главного управления по делам печати, между правыми, националистами и отчасти правыми октябристами. Потребуется около 5 000 000 рублей, из коих 2 миллиона и даже свыше должно быть отпущено из казны

и 2 — 3 миллиона может быть получено от банков. За счет этих средств должна быть организована и памфлетическая литература (по примеру прошлых изданий «Правда о кадетах» [1] и т. д.); особенно желательно появление в свет брошюры «Желтый блок».

В числе подготовительных мер надлежит указать на необходимость заготовления списков, с отметкой о тех лицах, коих губернаторы не должны пропускать в следующую Думу, а также новое издание «Положения о выборах в Государственную Думу»; вместе с тем должна быть заранее установлена техника разделения выборщиков на курии. Особую заботу правительства должен составить вопрос о цензах для желательных кандидатов, о чем подлежат запросу местные власти. Для преподания на местах указаний от имени правительства должны быть посланы специальные эмиссары.

Состав будущей Думы должен быть приблизительно следующий: 80 крестьян, 80 священников, до 50 мест для инородцев, для банков — 50 — 70 мест (здесь, под флагом отделений банков, пройдут и торгово-промышленные круги); остальные (около 200 мест) придутся на интеллигенцию. Для доведения числа священников до указанной нормы надлежит произвести на духовенство сильный напор, как на избирателей, и войти засим в соглашение относительно выборов.

Организацию выборов должны вести губернаторы, при чем на помощь им желательно привлечь непременных членов по земским и городским делам, о чем надлежит сговориться с Н. Н. Анциферовым. [2]

В видах объединения министров в деле организации выборов представляется желательным, чтобы гг. министрам, каждому в отдельности или всем вместе, было с высоты престола внушено, что, в случае назначения новых выборов, всем министрам надлежит быть заодно с председателем совета министров, который имеет по сему предмету высочайшие указания.

---

[1] Брошюра эта, изданная под псевдонимом «Васильев», была написана Гурляндом.

[2] Нач. гл. управления по делам местного хозяйства.

К ИСТОРИИ НАСТУПЛЕНИЯ АРМИЙ БРУСИЛОВА.

(1916 г.)

На возглавлявшееся генералом Брусиловым наступление русских войск в Галиции, происходившее летом 1916 г., были возложены все, к тому времени остававшиеся, надежды русской буржуазии; казалось, что это, ознаменовавшееся крупными успехами, наступление сможет, в конце концов, привести к той решительной победе, которая принудит Австрию и Германию к необходимости просить мира.

Действительность не оправдала этих надежд, — тем не менее это наступление является крупным фактом, не только чисто военного, но и политического значения; достаточно упомянуть, что даже такое важное событие, как присоединение к «союзникам» Румынии, было, в значительной степени, обусловлено успехами брусиловского наступления.

Печатаемый здесь документ, представляющий доклад, от 13 мая 1916 г., Николаю II, как верховному главнокомандующему, начальника его штаба, ген. Алексеева, касается первоначальной стадии этого наступления, — точнее сказать, собственно тех условий, при которых оно началось.

Для пояснения связанных с этим обстоятельств надо сообщить следующее.

План общего летнего наступления русских армий, в том числе и юго-западного их фронта (главнокомандующим которого являлся Брусилов), был разработан в «ставке» на военном совете 1 апреля 1916 г.; согласно этому плану, утвержденному Николаем II, в наступление должны были перейти одновременно армии всех трех русских фронтов: западного, юго-

западного и северного, — при чем, как видно из печатаемого здесь доклада, начало этой операции было намечено на конец мая, или даже начало июня 1916 г.

Такой план и был бы, надо думать, выполнен в назначенный срок, ко времени которого все армии должны были быть приготовлены к переходу в общее наступление.

Однако, в выполнение этого плана вмешалась та сила, которая не была учтена: это были «союзники», которые, привыкнув постоянно смотреть на русскую армию лишь как на орудие для осуществления их целей, стали теперь, в лице Италии, требовать, чтобы русская армия немедленно начала свое, наступление. Это требование вызывалось тем, что австрийская армия перешла в это время (6 мая) в наступление против итальянцев, что ставило последних в трудное положение.

Печатаемый здесь доклад ген. Алексеева и касается непосредственно этих настояний итальянского командования, — при чем сам ген. Алексеев подчеркивает их требовательный тон.[1]

Ген. Алексеев в своем докладе Николаю, обрисовывая в главных чертах положение этого дела, вместе с тем отмечает, к каким результатам может привести желание во что бы то ни стало оказать поддержку Италии.

«Выполнение немедленной атаки, — пишет Алексеев, — согласно настояний итальянской главной квартиры, неподготовленное и, при неустранимой нашей бедности в снарядах тяжелой артиллерии, производимое только во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянской армии, не обещает успеха. Такое действие поведет только к расстройству нашего плана во всем его объеме.»

Ген. Алексеев, не находя возможным итти на это, признавал, однако, допустимым несколько приблизить срок выполнения разработанного ранее плана; в связи с этим Алексеев спрашивал у Николая разрешения начать 19 мая юго-западному фронту, «если ход событий на итальянском фронте потребует этого», артиллерийскую подготовку к атаке.

Вокруг этого вопроса и концентрируется собственно печатаемый здесь доклад. Но к нему нелишне будет добавить неко-

---

[1] Итальянский король Виктор-Эммануил также обращался по этому поводу к Николаю II (см. Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 135, 137).

торые другие подробности из первоначальной истории этого наступления, — поэтому мы несколько выйдем за пределы доклада и отметим дальнейший ход дела. Сообщим об этом словами ген. Брусилова, подтверждаемыми и другими данными.

«11 мая,[1] — пишет Брусилов, — я неожиданно получил телеграмму от ген. Алексеева, в которой он запрашивал меня, могу ли я немедленно перейти в наступление, и тем оказать помощь Италии, грозившей, в случае отказа, заключить сепаратный мир.[2] Я ответил, что готов и, по условию, через 8 дней перейду в наступление всеми армиями, т.-е. атакую 19 мая, но при непременном условии, чтобы Эверт,[3] наносивший главный удар и снабженный к тому же всеми средствами, перешел в наступление одновременно со мной».

Брусилов сообщает далее, что 18 мая ему было сообщено ген. Алексеевым, что армии ген. Эверта еще не готовы, а потому было предложено отложить атаку до 22 мая.[4] Вследствие этого к указанному дню Брусилов изготовился к началу операции. Однако, в «ставке» созрело решение вновь изменить намеченный план: 21 мая Алексеев сообщил Брусилову, что «главковерх (т.-е. Николай II) желал бы отсрочить атаку недели на две, с тем, чтобы, — как пишет Брусилов, — переменить в корне систему моего наступления, т.-е. чтобы все армии в бездействии стояли на своих местах, атаку же произвела бы только одна 8 армия,[5] направленная на Ковель, ибо для главковерха имеет в данное время значение лишь Ковель».

Брусилов, ссылаясь на то, что подобная система действий на одном только участке везде терпела неудачу, не соглашался на отказ от первоначального плана. Вместе с тем он отказался отсро-

---

[1] Печатаемый здесь доклад относится к 13 мая.

[2] Подчеркнуто нами.

[3] Главнокомандующий западным фронтом.

[4] В приказании Алексеева о начале этой операции (от 18 мая) указывалось, что продолжающаяся переброска войск на итальянский фронт и тяжелое положение, в котором находится итальянская армия, требуют нанесения австрийцам сильного удара армиями юго-западного фронта; однако, главный удар предписывалось нанести войсками западного фронта. При этом все же почин атаки был возложен на юго-западный фронт, который должен был ее начать 22 мая, а западный фронт — 28 — 29 мая (А. М. Зайончковский. «Стратегический очерк войны 1914—1918 г.г.». Издание Высшего Военного Ред. Совета. М. 1923 г., часть VI, стр. 20 и след.).

[5] На юго-западном фронте.

чить даже день наступления, «так как, — писал он, — в данное время все войска находятся в исходном положении для атаки, и вторая отмена наступления обескуражит войска, которые потеряют доверие к моим распоряжениям».

«М. В. Алексеев, — пишет далее Брусилов, — мне возразил, что в данное время главковерх[1] лег спать (!) и его он будить не может, и просил меня еще раз обдумать и взвесить мое решение. В этом, — говорит Брусилов, — я ему решительно и наотрез отказал, заявив, что ни в каком случае не уступлю и, если мне не будут развязаны руки, то я настаиваю на моей смене. Тогда Алексеев заявил, что он берет ответственность на себя и, от имени главковерха, разрешает действовать по усмотрению. Таким образом, с рассветом 22 мая, во всех армиях ю.-з. фронта началась атака противника на всех подготовленных участках для их прорыва».[2]

Так, под храп спящего царственного «главковерха» совершилось начало этой операции,—не только, действительно, спасшей Италию от австрийского разгрома, но оказавшей самое существенное и для России влияние на дальнейший ход войны.

К этому надо прибавить, что в последующем своем развитии наступление армий юго-западного фронта тесно связано с «пацифистскими» советами Распутина: ему принадлежит так же и мысль о том, чтобы, в разрез с первоначально выработанным планом, не наступать «слишком усиленно на севере».[3]

В результате, наступление было произведено почти исключительно только армиями юго-западного фронта, — и это было, несомненно, одной из причин того, что оно не оправдало тех надежд, какие на него возлагала русская буржуазия.

Весь этот эпизод очень характерен для оценки тех условий, при которых приходилось действовать русской армии: во-первых, здесь вновь обнаруживается та зависимость, в которой находилось русское командование от «союзного», заставлявшего под угрозой шантажа (в данном случае — намек Италии на возможность заключения сепаратного мира) выполнять такие директивы, которые были в интересах не России, а лишь ее «союзников». Полное безличие

---

[1] Николай II.

[2] См. «Из записок А. А. Брусилова» — в московском журнале «Россия» 1924 г. № 3 (12), стр. 138—139.

[3] См. мою книгу «Политика Романовых», стр. 166—174, и приложения стр. 236.

«верховного» — Николая II — было, вместе с тем, причиной, с одной стороны, отсутствия какого-либо планомерного руководства армией, а с другой — вмешательства в эту область, помимо «союзников», также и «божьего человека» — Распутина, имевшего, несомненно своих весьма подозрительных «руководителей».

Немудрено поэтому, что все жертвы приносились даром, не оправдав даже своей непосредственной цели — служить делу торжества русского империализма.

Доклад ген. Алексеева Николаю II.

Первая итальянская армия, занимавшая позиции на левом фланге общего итальянского фронта, в Трентино, и в общем в течение года бездействовавшая, 6 сего мая была атакована превосходными силами австрийцев, располагавших многочисленною тяжелою артиллериею, и потерпела серьезную неудачу. Армия потеряла до 16 000 пленных и 80 орудий.

Операция противником еще развивается, и возможные последствия дальнейшего наступления, повидимому, сильно тревожат высшее итальянское командование, которое, как через генерала Жоффра [1] и нашего военного агента в Италии полковника Энгеля, так и непосредственно, обратилось к нам с настойчивыми просьбами оказать содействие путем немедленного [2] перехода в наступление по крайней мере армиями юго-западного фронта.

Всеподданнейше докладываю вашему императорскому величеству суть полученных мною телеграмм.

Уже 7 мая генерал Кадорна, [3] вернувшись из Трентино, ознакомив военных агентов с обстановкою, признал ее серьезною и тогда же высказал, что:

1) не предвидит возможности осуществить установленную общим планом действий атаку на Изонцо и

2) просит русскую армию помочь итальянцам, согласно условий, выработанных в Шантильи. [4]

Но еще до этого разговора генерал Кадорна обратился к генералу Жоффру с просьбой повлиять на русское высшее командование, чтобы наша армия перешла в наступление «в возможно непродолжительном времени».

Однако, генерал Жоффр ответил, что причины, по которым русская армия отсрочила начало своего наступления, слишком

---

[1] Главнокомандующий французской армией.

[2] Здесь и далее набранное разрядкой подчеркнуто в подлиннике.

[3] Нач. Штаба итальянской армии.

[4] Конференция в Шантильи представителей союзных армий происходила, под председательством ген. Жоффра, 6 — 8 декабря 1915 г. Дальнейшие выноски принадлежат подлиннику доклада. *В. С.*

важны, чтобы были основания менять ныне установленный срок для выполнения операции. [1]

Узнав из ответов военных агентов, русского и французского, что начало наступления отсрочено, примерно на месяц, генерал Кадорна успокоился, заявив, что при таких обстоятельствах он вполне разделяет мнение о совершенной нежелательности нарушения общего плана союзников, с которыми он более чем когда-либо желает действовать в полном единении. Однако, генерал Кадорна закончил просьбою ныне же на нашем фронте произвести возможно сильное давление на австрийцев, дабы помешать переброске ими в Тироль дальнейших подкреплений. [2]

Таково было в общем настроение 7 мая высшего итальянского командования, в общем соглашавшегося, что общий план действий союзников не должен быть нарушен существенным образом событиями на итальянском фронте.

Принятые самими итальянцами меры после неудачи 6 мая сводились к следующему:

1. Приступлено к спешному укреплению позиции на линии гора Кони — Пуния — Пазубио — Ксоно — Монте Чимоне — Ченджио — далее на север через гору Верена на Чима — Ундичи, куда подвезено до 20 000 рабочих (вследствие небрежности командующего 1-й армией, генерала Брузати, не были укреплены надлежащим образом не только тыловые позиции, но и те, на которых итальянская армия должна была принять бой). [3]

2. Из резерва главнокомандующего боевая линия армии усилена 27-й дивизией и XIV корпусом, 44-я дивизия поставлена в резерв.

3. Начата перевозка X корпуса.

4. Из II и III армии берутся три корпуса для образования новой резервной армии в районе Читаделла — Кастельфранко, на левом берегу Бренты, южнее Бассано. [4]

Полковник Энгель выразил мнение, что положение может стать опасным, если австрийцам удастся быстро сбить итальянцев на их новой позиции. Наш военный агент высказывал, однако, 8 мая надежду на благополучный оборот, основываясь на том, что части I армии заменены обстрелянными войсками, в командование армией вступил генерал Пекори, на месте находится сам генерал Кадорна и, наконец, что у австрийцев повидимому нет достаточных сил для превращения неуспеха итальянцев в катастрофу.

Надеждам этим не суждено было осуществиться. 8 мая атакованные итальянцы, в силу тех или других причин, отошли

---

[1] Сообщение генерала Лагиша от 8 мая 1916 г.

[2] Телеграмма полковника Энгеля от 7 мая, № 530.

[3] Телеграмма полковника Энгеля от 8 мая, № 534.

[4] Телеграмма полковника Энгеля от 8 мая, № 533.

с потерями на линию Чима Ундичи — Чима делла Кальдиера — местечко Оспедалетто — гора Чимон Рава — Чима д'Аста.[1]

Вечером 9 мая высшее итальянское командование сообщило французскому военному агенту, что положение еще ухудшилось, так как XIV корпус очистил линию гора Верена — гора Камполонго, на левом берегу Астико, что предполагается задержаться на левом берегу долины Вал д'Асса, а в крайности, отойти на линию местечко Вальстания, в долине Бренты, — гора Монте Ченджио, в долине Астико. Резервную армию решено усилить до 5 корпусов и атаковать ею дебуширующие колонны австрийцев.

Вместе с тем французскому агенту было поручено передать генералу Жоффру просьбу повлиять в смысле немедленного перехода русской армии в наступление.

Полковник Энгель считал 10 мая положение весьма серьезным, вследствие обнаруженной войсками малой стойкости, при которой катастрофа может стать вопросом немногих дней.[2]

С 10 мая начинают поступать от полковника Ромеи (из Петрограда) и через полковника Энгеля просьбы высшего итальянского командования, по своему тону близкие к требованиям, о немедленном наступлении нашей армии.

«Если давление австрийцев будет продолжаться с той же силою» — говорит полковник Ромеи,— положение наше может стать очень опасным и может заставить нас выбрать новую позицию еще далее в тылу, что безусловно лишит нас возможности перейти в наступление на Изонцо одновременно с русской и другими союзными армиями. Единственным средством для предотвращения этой опасности является производство сейчас же сильного давления на австрийцев войсками южных русских армий. Подобные действия России вполне соответствовали бы условиям, заключенным между союзниками, согласно которым каждый союзник, а в частности Россия, обязаны произвести сильнейшее давление, как только другой союзник будет атакован».[3]

Еще более требовательный тон телеграммы полковника Ромеи от 11 мая:

«Итальянская главная квартира самым энергичным образом настаивает на том, чтобы русская армия немедленно начала наступление на австрийском фронте, и утверждает, что нынешнее затишье в действиях русских армий создает весьма серьезную опасность для союзников. Если энергичное наступление австрийцев продолжится, то не только будет исклю-

---

[1] Телеграмма полковника Энгеля от 9 мая, № 535.

[2] Телеграмма полковника Энгеля от 10 мая, № 537.

[3] Телеграмма полковника Ромеи от 10 мая. — (Ромеи — итальянский военный агент в России. *В. С.*)

чена всякая возможность наступления итальянцев на Изонцо, но в недалеком будущем предвидится необходимость для итальянцев быть вынужденными оставить эту линию. Если Россия будет продолжать настаивать на том, что она в настоящее время не может перейти в решительное наступление, то необходимо, чтобы она, по крайней мере, теперь же произвела демонстративное наступление с целью удержать против себя силы австрийцев и оттянуть те силы, которые, вероятно, находятся в пути на итальянский фронт». [1]

В таком же смысле получил заявление и полковник Энгель, с особым указанием на то, что настоящие события, если Россия не окажет немедленной помощи, повлекут за собою невозможность для итальянцев принять какое-либо серьезное участие в последующем наступлении союзников. [2]

Содержание этих переговоров указывает на растерянность высшего итальянского командования и отсутствие готовности, прежде всего в своих средствах искать выхода из создавшегося положения, несмотря на то, что и в настоящее время превосходство сил остается на его стороне. Только немедленный переход в наступление русской армии считается единственным средством изменить положение; не учитывается то, что в ближайшее время австрийцы не могут, по условиям железнодорожных перевозок, серьезно усилить свои войска на итальянском фронте, даже при совершенно успешном ходе нашей атаки.

Вашему императорскому величеству благоугодно было соизволить на определение времени начала нашей операции в конце мая, даже в первых числах июня. Соответственно с этим выполняется постепенное перемещение войск и распределение артиллерии, ведется устройство исходного положения для производства атаки.

Выполнение немедленной атаки, согласно настояний итальянской главной квартиры, неподготовленное и, при неустранимой нашей бедности в снарядах тяжелой артиллерии, производимое только во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянской армии, не обещает успеха. Такое действие поведет только к расстройству нашего плана во всем его объеме.

Можно с уверенностью теперь сказать, что итальянская армия не способна уже принять участия в предстоящих общих наступательных действиях союзников, что было высказано генералом Кадорна союзным военным агентам еще 7 мая, т.-е. в самом начале операции, когда размеры неудачи не были столь определенны, как в настоящее время. Между тем итальянская армия имеет достаточные силы и средства, чтобы переменою плана и группировки войск парировать опасность и нанести сильный удар австрийцам, наступающим из Трентино.

---

[1] Телеграмма полковника Ромеи от 11 мая.

[2] Телеграмма полковника Энгеля от 10 мая № 539.

Тем не менее, я сообщил 11 мая главнокомандующим, что обстановка потребует более скорого начала нашей операции, чем было установлено на совещании 1 апреля, и просил генерал-адъютанта Брусилова сообщить, когда по общему положению дел на фронте он может начать свою атаку.

Главнокомандующий юго-западным фронтом [1] известил, что артиллерийскую подготовку он может начать 19 мая, просит подкрепить его от других фронтов одним корпусом войск у Проскурова и обильнее снабдить огнестрельными припасами.

Некоторое упреждение в начале атаки не должно, однако, изменять общего плана наших действий, уже намеченного и одобренного на совещании 1 апреля. Поэтому назначение от того или другого фронта корпуса войск в распоряжение генерал-адъютанта Брусилова не может быть допущено без ущерба подготовки удара на главнейшем направлении. Можно допустить одно — выделение в непосредственное распоряжение вашего императорского величества, кроме гвардии, по одному корпусу на северном и западном фронтах для спешной переброски впоследствии в район Ровно или Проскурова, для развития успеха атаки и расширения первоначальной задачи, возложенной на юго-западный фронт. Тогда, быть-может, можно будет несколько ограничить размер операции, намеченной в Двинском районе, или даже ограничиться здесь сильными демонстративными действиями.

Докладываю вашему императорскому величеству о последнем только в виде предположения. Главнокомандующим же мною сообщено, что общий план действий остается и ныне неизменным. почему юго-западный фронт должен выполнить атаку своими силами, обеспечив соответствующею группировкою превосходство на главном направлении, т.-е. в VIII армии, не рассчитывая теперь на усиление его корпусом за счет других фронтов, — подготовка к атаке должна быть закончена 19 мая, для начала же действий надлежит ожидать указаний от штаба верховного главнокомандующего; прочим фронтам ускорить свою подготовку, чтобы между началом атаки юго-западного и западного фронтов не было большого промежутка времени.

Благоугодно ли будет вашему императорскому величеству дать мне телеграммою полномочия, начать юго-западным фронтом артиллерийскую подготовку к атаке 19 мая, если ход событий на итальянском фронте потребует этого, и сообразно с этим вести нашу подготовку на всех фронтах, — равно разрешить назначить по одному корпусу северного и западного фронтов в ваше распоряжение.

Генерал-адъютант Алексеев.

13 мая 1916 г.

---

[1] Брусилов.

ПЛАН ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ.

(1916 г.)

План об установлении единоличной диктатуры в тылу возник в штабе верховного командования, у ген. Алексеева, в июне 1916 г. Официально желательность учреждения должности диктатора, прикрытого званием «верховного министра государственной обороны», мотивировалась Алексеевым, в печатаемом здесь докладе его Николаю от 15 июня, необходимостью сосредоточить все силы для успеха того наступления, которое велось в это время русской армией в Галиции. Такому «верховному министру» намечалось поручить «объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министерств, государственных и общественных организаций, находящихся вне пределов театра военных действий». Предполагалось, что это лицо, подчиненное лишь царю и обладающее «полнотой чрезвычайной власти», сможет лучше, чем при существовавшем порядке, преодолеть все проявления назревавшего грозного кризиса и, в первую очередь, наладить снабжение снарядами армий, терпевших в них острый недостаток во время предпринятой наступательной операции.

Однако, помимо недостатка снарядов, расстройства транспорта и других причин военного и хозяйственного характера, которыми мотивировалась необходимость диктатуры, был для этого и еще один весьма существенный мотив, но уже другого порядка: это — усиление революционного движения рабочих масс.

«Забастовочное движение, — писал по этому поводу Алексеев, — непрерывно растет, преступная пропаганда широко ведет свое убийственное дело...»

«Число рабочих,—говорил Алексеев далее,—все уменьшается, а недостаток рабочих, в связи с пропагандой, служит причиной недопустимо повышенных требований с их стороны, результатом чего является непрекращаемый ряд забастовок, при наличии которых невозможно дальнейшее развитие производительности заводов».

Так писал Николаю Алексеев, и хотя рабочие волнения были только одним из мотивов для учреждения диктатуры, — однако, уже из этого видно, что правящая власть стала придавать рабочему движению весьма серьезное значение, усматривая, и вполне справедливо, в нем одну из тех сил, которые, в конце концов, смогут не только победить империалистскую войну, но и взорвать все дворянско-помещичьи государственные «основы».

Возбужденный Алексеевым план, предусматривавший, очевидно, диктатуру военную, несмотря на всю его заманчивость для Николая, встретил, однако, на пути к своему осуществлению, серьезные возражения, которые шли, в общем, с трех сторон.

Прежде всего, против этого плана, грозившего совершенно уничтожить самостоятельность власти гражданской, восстал совет министров, в лице его председателя Штюрмера, который решился изложить царю по этому поводу «некоторые сомнения, вызываемые соображениями практического характера».

Первым из этих соображений было то, что, при учреждении намеченной должности, четыре министра—военный, земледелия, торговли и промышленности, путей сообщения — превращаются из «руководителей вверенных им частей» только в «исполнителей, непосредственно подчиненных вновь назначенному верховному министру».

Другая трудность — по взгляду Штюрмера, — заключалась, в необходимости, при введении этой меры, «немедленного упразднения» состоявших при отдельных министрах четырех «особых совещаний».

«Между тем, — писал Штюрмер, — несомненно, что провести такую меру через законодательные учреждения не представится возможным, ибо Государственная Дума придает особым совещаниям исключительное значение и никогда не согласится на их упразднение. Если же правительство возьмет на себя проведение этой меры ныне, во время перерыва занятий законодательных учреждений, в порядке статьи 87, т.-е. указа, то не позже, чем через два месяца по открытии занятий Государственной Думы

(1 ноября сего года), этот указ, несомненно, будет ею отклонен, и особые совещания окажутся восстановленными. В их трудах, между тем, принимают участие виднейшие представители общественных течений, в роде Гучкова, Коновалова и им подобных, и все они уже привыкли к мысли, что сам закон призвал их к ответственной государственной работе. Нельзя не предвидеть серьезного по такому случаю движения в политических и общественных кругах, в заключение которого может выдвинуться вопрос и о закрытии Государственной Думы».[1]

Таковы были главные мотивы, выдвинутые Штюрмером против намеченного мероприятия.

Но, помимо Штюрмера,—и по иным, чем он, мотивам,—против проекта высказалась также и А. Ф. Романова. Сообщая Николаю о своем разговоре со Штюрмером, А. Ф. писала Николаю (23 июня 1916 г.):

«Бедняга (Штюрмер) был очень расстроен слухами, которые ему передали от лиц, бывших в Могилеве,[2] а когда Родзянко на него набросился, он пришел в полное недоумение. Будто бы предполагается военная диктатура с Сергеем М.[3] во главе, что министров также сменят и т. д.; и дурак Родз(янко) налетел на него, спрашивая его мнения по этому вопросу и т. д. Он ответил, что он ничего по этому делу не знает, и потому у него не может быть никакого мнения. Я его утешила, сказав, что ты мне ничего об этом не писал, что я уверена, что ты никогда бы не назначил на такое место великого князя, а меньше всего С. М., у которого достаточно дел, которые он должен привести в порядок».

Далее А. Ф., между прочим, указывала, что учреждение такой должности «поставило (бы) министров в нелепое положение»:[4]

Но, помимо этих соображений, для противодействия проекту А. Ф. Романова имела еще одну, не высказанную ею, но весьма серьезную причину: она заключается в том, что А. Ф. просто

---

[1] Приводим эти цитаты из сохранившейся в бумагах Штюрмера копии доклада; текст его не приведен нами в «Докладах Штюрмера» (здесь, стр. 117 — 136), так как в целом он не представляет существенного интереса.

[2] Там помещалась «ставка».

[3] Вел. кн. Сергей Михайлович. Ходили слухи, что он будет назначен диктатором.

[4] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 127 — 128.

боялась этой меры, хорошо помня прецедент с в. кн. Николаем Николаевичем, который, захватывая в качестве верховного главнокомандующего все больше и больше власти, стал, в конце концов, — по мнению ее и Распутина, — стремиться к тому, чтобы свергнуть Николая II.[1]

Однако, наиболее серьезные, в глазах Николая, доводы против этого проекта выставила даже не А. Ф., а третья, и притом враждебная, сторона,—председатель Гос. Думы Родзянко. На докладе Николаю он указал ему, что, если предположенный диктатор будет лицом военным, то получится неясное положение в виду наличия верховного главнокомандующего; «если же, — говорил Родзянко, — будет назначено частное лицо из правящих классов, то пример Юаншикая в Китае, провозгласившего себя президентом Китайской республики, может показаться довольно соблазнительным для вновь испеченного диктатора».[2]

Эти соображения, лично ущемлявшие Николая, хотя и не побудили его совершенно отказаться от этого плана, но направили дело по совсем иному руслу...

1 июля 1916 г. состоялось постановление совета министров (утвержденное позднее Николаем) «о возложении на председателя совета министров объединения мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла».[3] По смыслу этого постановления сам Штюрмер становился чем-то в роде «диктатора»; но этот, уже впадавший в старческий маразм, человек, как известно, не претендовал на роль Юаншикая и находился в полнейшем повиновении у Распутина.

Такова в общих чертах история этого проекта. О нем бы, пожалуй, не стоило и говорить, как и о многих других мертворожденных проектах борьбы с революционным движением, если бы печатаемый здесь доклад ген. Алексеева не представлял интереса по тем фактическим данным, которые в нем приводятся. Важен не самый проект, а те мотивы, которыми он был вызван. Эти мотивы указывают на те причины, которые, по мере своего обострения, делали все более и более безнадежным дальнейшее ведение войны.

---

[1] См. мою книгу «Политика Романовых», стр. 92.

[2] Воспоминания Родзянко — см. «Былое» 1924 г.

[3] Берем это указание из «Особого журнала совета министров», от 1 июля 1916 г.

В последних наших операциях приходится почти все время вести борьбу в условиях штурма сильно укрепленных позиций.

При прочности современных полевых укреплений, во многих местах, имеющих бетонные постройки, разрушение неприятельских окопов и блиндажей может быть выполнено только бомбами 48-лин., 6-дм. и более крупных калибров.

Поэтому наличие в армиях достаточного количества тяжелой артиллерии, обеспеченной боевыми припасами, получило еще большее значение. За время текущей войны у нас сформировано много тяжелых батарей, и теперь мы имеем в армиях до 800 скорострельных 48-лин. гаубиц, около 350 скорострельных 6-дм. гаубиц и по 450-ти 6-дм. пушек прежних образцов, не считая тяжелых орудий других калибров.

К сожалению, обеспечение тяжелой артиллерии снарядами до сих пор не стоит на должной высоте. На северном фронте имеются лишь незначительные, самые необходимые запасы. На западном фронте боевых припасов для тяжелых орудий хватит для ведения интенсивного боя, с прорывом тщательно укрепленной полосы неприятельского расположения, лишь на несколько дней, после чего может наступить полное отсутствие тяжелых выстрелов, заполнить которое невозможно сравнительно ничтожной ежемесячной подачей от главного артиллерийского управления.) Наконец, на юго-западном фронте израсходовано за текущие бои все, что там было; на пополнение расхода туда экстренно отправлено с северного фронта, не без некоторого ущерба для него, 15 тыс. 6-дм. и 10 тыс. 48-лин. гаубичных выстрелов и тысяча 6-дм. выстрелов к пушкам Канэ; туда же исключительно высылаются все вновь снаряжаемые тяжелые парки.

В ноябре прошлого года ежемесячная потребность в боевых припасах определялась — 6-дм. гаубичных 110 тысяч выстрелов, 48-лин. гаубичных 200 тысяч выстрелов в месяц.

С тех пор в армиях прибавилось много 48-лин. и 6-дм. орудий, вследствие чего потребность в снарядах к этим орудиям значительно возросла. Принимая во внимание общее количество 48-лин. и 6-дм. орудий, состоящих на вооружении наших армий, а также средний расход выстрелов, определившийся по опыту последних боевых операций, следует считать, что нам необходимо ежемесячно получать до 300 тысяч 48-лин. и до 225 тысяч 6-дм. выстрелов.

О необходимости увеличить подачу выстрелов для тяжелой артиллерии, хотя бы до размеров, заявленных в ноябре прошлого года, обращались многократные самые настойчивые просьбы к военному министру и к начальнику главного артиллерийского управления, но просьбы эти не привели к благоприятным результатам. Попрежнему 48-лин. гаубичных выстрелов мы получаем

лишь 90, в лучшем случае — 100 тысяч выстрелов в месяц, а подача 6-дм. выстрелов даже сократилась с 40 до 30 тысяч выстрелов в последний месяц.

Наконец, в эти дни в армиях генерал-адъютанта Брусилова обнаружился крайний недостаток в 3-лин. винтовочных и пулеметных патронах, отчасти сковавший развитие нашего наступления.

Юго-западному фронту необходимо дать единовременно 10—15 милл. 3-лин. патронов,— чтобы удовлетворить все поступившие требования от армий и иметь маленький запас,— и, кроме того, ежедневно высылать по 3—4 миллиона 3-лин. патронов. В распоряжение генерала Брусилова направляются все выделываемые нашими заводами 3-лин. патроны, что составляет ежедневно от $3^1/_2$ до 4 миллионов; но больше взять неоткуда, так как запасы северного и западного фронтов ничтожны: сверх носимых и возимых комплектов на северном фронте имеется лишь 20, а на западном до 35 миллионов 3-лин. патронов, и выделить из них 10 миллионов патронов для юго-западного фронта рискованно.

По отношению к прочим огнестрельным припасам наши армии не испытывают столь острой нужды,—однако, ежемесячная подача их, как видно из приведенной ниже таблицы, далеко ниже того количества, какое необходимо было бы для полного развития наступательных операций на всех наших фронтах.

Наименование огнестрельных припасов.	Месячная потребность, исчисленная по данным 1 ноября 1915 г.	Предположено к подаче военным министерством в мае 1916 г.	Действительно подано в мае 1916 г.	Месячная потребность, исчисленная по опыту последних боев на ю.-з. фронте.
3-дм. легких: шрапнел.	1 600 000	2 218 775	930 000	2 000 000
3-дм. легких: гранат.	800 000	1 891 060	960 000	2 000 000
3-дм. горных гранат.	65 000			150 000
3-дм. горных шрапнел.	135 000	103 860	100 000	150 000
Японских полевых Арисака	—	—	30 000	140 000
42-лин. скоростр.	50 000	54 000	25 000	40 000
» » обр. 1877 г.	—	—	45 000	50 000
3-лин. винтовочных.	250 000 000	264 000 000	110 000 000	250 000 000

Примечание: За время с 1 января по 1 июня 1916 г. подано, против количества огнестрельных припасов, обещанных военным министерством, 3-дм. легких и горных лишь 30%, остальных пушечных выстрелов и винтовочных патронов лишь около 40 — 50%.

При таких условиях подрываются надежды на успех начатой нами операции.[1] Необходимы экстренные исключительные меры

[1] Говорится о наступлении армий Брусилова.

и полное чрезвычайное напряжение всех усилий, чтобы обеспечить наши армии боевыми припасами.

Военный министр и генерал Маниковский[1] сообщили, что ими все меры приняты и принимаются, но они далеко не достигают результатов в той мере, как это необходимо, и что происходит это от целого ряда крайне серьезных затруднений, которые лежат вне воли непосредственных работников, а именно:

1. Транспорт.

В переживаемое время нет ни одной области государственной и общественной жизни, где бы не ощущались серьезные потрясения из-за неудовлетворения потребности в транспорте.

Для заводов, работающих на оборону, транспорт предоставляется с исключительным предпочтением и в несомненный ущерб всему остальному. Тем не менее, даже особо покровительствуемые казенные заводы не получают всего необходимого им топлива, металлов, предметов оборудования и проч., что давно ими заказано и изготовлено, но не может быть доставлено к заводам и лежит месяцами в ожидании вывоза: «то нет вагонов», то «дают вагоны, но нет направления», то «не хватает пропускной способности данного участка пути».

На теперешнюю производительность заводов артиллерийского ведомства и Путиловского завода запасов топлива и металлов может хватить лишь на несколько дней. Генерал Маниковский тщетно добивается предотвратить остановку Луганского патронного завода, которому необходимо немедленно подать, минимальное хотя бы, количество нефти, купленной, готовой и ожидающей очереди отправки из Баку. Обуховский завод морского ведомства также крайне нуждается в подвозе топлива и металлов. Частные же заводы поставлены в отношении получения топлива и материалов в несравненно худшие, прямо критические условия.

В среднем, заводы, работающие на оборону, удовлетворяются транспортом всего лишь на 50 — 60% своей потребности, а для Петроградского района, вместо необходимых $18^1/_2$ миллионов пудов, по заявлению министра путей сообщения, возможно перевезти лишь 8 миллионов.

При таких условиях не только немыслимо увеличение производительности заводов, но придется сократить и теперешнюю работу.

2. Металлы.

За последнее время ясно обозначился «металлический голод» на мировом рынке.

Все без исключения работающие на оборону заводы испытывают нужду в металле, которого не хватает даже на текущую потребность. Кроме общих причин недостатка металла на миро-

[1] Начальник главного артиллерийского управления.

вом рынке, исключительной трудности доставки его в Архангельск и дальше по России, наступивший кризис объясняется неналаженностью добычи металла в России.

У нас неисчерпаемые богатства руды, угля и флюсов. Но, вместо широкого развития добычи металлов, столь нам необходимых, в Донецком районе из 62 домн уже потушено 17 и, как оказывается, из-за того, что не могут подвезти угля, руды и флюсов, — находящихся в том же районе, — и получить несколько тысяч рабочих рук.

Министр торговли и промышленности заявил, что, при теперешнем своем развитии, промышленность, работающая на оборону, получит всего 50% потребного ей металла. При таком угрожающем, почти трагическом положении вопроса о металле, конечно, нельзя рассчитывать на увеличение подачи снарядов и патронов.

По сообщению генерала Маниковского, Ижевский и патронные заводы «дорабатывают последние фунты инструментальной стали», а капсюльные заводы не в состоянии получить необходимый металл для изготовления капсюлей к 3-лин. патронам.

Вопрос о металле очень озабочивает и особое совещание по обороне и совет министров. Вопрос этот выделен в особый «Металлический комитет» генерала Мышлаевского, на который возложены заботы о заказе, учете и распределении металлов между всеми заводами. Быть может, этот комитет объединит и усилит заказы на металл, несколько упорядочит дело, но, как всякое учреждение коллегиальное, едва ли принесет существенную пользу в ближайшее время. Военный министр полагает, что «особых надежд на благополучное разрешение вопроса о металле пока не имеется».

3. Рабочие.

Заводы, работающие на оборону, переживают тяжелый кризис с рабочими. Забастовочное движение непрерывно растет; преступная пропаганда широко ведет свое убийственное дело, — главным образом, на столь благодарной почве, как необеспеченность рабочих предметами пропитания и дороговизна предметов первой необходимости.

Число рабочих всё уменьшается, а недостаток рабочих, в связи с пропагандой, служит причиной недопустимо повышенных требований с их стороны, результатом чего является непрекращаемый ряд забастовок, при наличии которых невозможно дальнейшее развитие производительности заводов.

По мнению военного министра, надежным средством против забастовок была бы милитаризация заводов, работающих на оборону. Но, кроме того, крайне необходимо устранить основную причину недовольства рабочих — обеспечить их дешевым пропитанием.

4. Заграничные заказы и валюта.

На предметы артиллерийского снабжения даны давно многочисленные заказы за границей, но серьезные затруднения с транспортом (ранняя и суровая зима в Белом море, запоздалая навигация) сильно задержали прибытие в Архангельск наших заграничных заказов, а часть из них погибла на минах.

Неполучение по этим заказам заводского оборудования и крупных прессов отразилось значительными опозданиями заводов, изготовляющих тяжелые снаряды.

(Усилить заказы за границей крайне трудно за недостатком валюты.)

(По донесению нашего представителя в Англии генерала Гермониуса, все главные наши заказы не могут быть размещены из-за отсутствия кредита;) не размещены заказы для усиления выхода взрывателей и крупных снарядов даже для казенных наших заводов.

При таких условиях, все усилия должны быть направлены к развитию промышленной деятельности внутри нашей страны, не возлагая особых надежд на союзников.

В этом отношении многие меры приняты.

Производительность наших заводов по сравнению с прежней, до начала войны, сильно повысилась: Тульский оружейный завод, вместо 700 пулеметов в год, дает их 800 в месяц и дойдет до 1000; трубочные наши заводы, вместо 40—50 тысяч в месяц, дают теперь около 70 000 трубок в день; оружейные заводы, вместо нескольких тысяч винтовок в месяц, дают их ежемесячно до 110 тысяч и проч. С получением из-за границы дополнительного оборудования, производительность должна еще возрасти.

Главное артиллерийское управление строит 15 новых заводов, часть которых должна вступить в производство в этом году.

Но ни дополнительное техническое оборудование, ни постройка новых заводов не помогут, если не будет достаточно топлива, металла и рабочих.

Сказывается, кроме того, недостаток у нас в энергичных и сведущих артиллерийских техниках, так как многие лучшие из них командированы в Англию, Францию, Америку и Японию, а их и без того было мало.

Наконец, нельзя не считаться и с тем обстоятельством, что замечается переутомление личного персонала заводов от непрерывной тяжелой двухлетней работы, а (станки, работавшие по большей части десятки лет до войны,) так перегружены и изработаны заведомо-непосильной работой, что на некоторых заводах, как, например, на частном Тульском заводе, пришлось их на некоторое время остановить, вследствие чего подача 3-лин. патронов в текущем июне сбавится на 5—6 миллионов против майской подачи.

Совокупность перечисленных главнейших причин, парализующих увеличение деятельности наших заводов и угрожающих каждую минуту ее остановкой, не дает надежды не только на значительное увеличение подачи огнестрельных припасов в ближайшем будущем, но и грозит вообще всей нашей промышленности, работающей на оборону.

Во избежание надвигающегося кризиса, могущего повлечь за собою непоправимые бедствия для нашей армии и государства, полагалось бы, без малейшего промедления, принять следующие исключительные меры, обеспечивающие свободу наших боевых операций, имеющих решающее значение.

1. Как на театре военных действий вся власть сосредоточивается у верховного главнокомандующего, так и во всех внутренних областях империи, составляющих в целом глубокий тыл, работающий на действующую армию, власть должна быть объединена в руках одного полномочного лица, которое возможно было бы именовать верховным министром государственной обороны.

Лицу этому, облеченному высоким доверием вашего императорского величества и полнотою чрезвычайной власти, необходимо предоставить: объединять, руководить и направлять единой волей деятельность всех министерств, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий, — с тем, чтобы деятельность эта была направлена в полной мере исключительно к служению армии вашего величества для полной победы и изгнания неприятеля из пределов России.

Повеления избранного вашим величеством верховного министра государственной обороны должны исполняться внутри империи всеми без изъятия правительственными местами и общественными учреждениями, а равно должностными лицами всех ведомств и всем населением, как высочайшие вашего императорского величества повеления.

Верховный министр государственной обороны должен, исключительно и непосредственно, подчиняться вашему императорскому величеству, за свои распоряжения и действия ответствовать только перед вашим величеством и во всех случаях, когда это нужно, обращаться непосредственно к вашему величеству; никто, кроме вашего императорского величества, не может давать ему предписаний и не может требовать от него отчетов. Ему должно быть предоставлено право избирать и утверждать собственною властью своих сотрудников из лиц, заявивших себя высокополезною деятельностью для государства за время текущей войны.

2. Привести в порядок транспорт внутри России и, прежде всего, минуя всякие препятствия, немедленно организовать подвоз топлива, материалов и продовольствия для рабочих на заводы, работающие для обороны.

3. Организовать в самых широких размерах добычу у нас угля и другого рода топлива, а также металлов, необходимых

для заводов, работающих на оборону; прежде всего, беззамедлительно восстановить и широко развить добычу угля и производство металлов в Донецком районе.

4. Разработать и безотлагательно провести в жизнь милитаризацию наших заводов, работающих на оборону.

Немедленно организовать на тех же заводах казенные магазины и обеспечить их на все время войны необходимыми запасами продовольствия и предметами первой необходимости для отпуска за деньги по нормальным наименьшим ценам заводским рабочим и служащим.

5. Осуществление каждого из мероприятий, указанных в п.п. 2, 3 и 4, возложить на особое, облеченное полною властью, лицо, подчиненное исключительно и непосредственно лицу, означенному в пункте 1-м.

6. Сократить изготовление бомбометов, ручных гранат (за исключением наших артиллерийских, образцов 1912 и 1914 гг.), прочих вспомогательных средств борьбы и других предметов, имеющих второстепенное для армии значение, дабы освободить рабочие руки, станки, металл и двигатели, для изготовления патронов, снарядов и главнейших предметов вооружения.

7. Применить в широких размерах на заводах, работающих на оборону, а также для добывания топлива и металлов, труд тех народностей России, которые не несут воинскую повинность, а также труд восточных народов: китайцев, японцев, персиян и проч.

8. Призванных на военную службу лиц с высшим техническим образованием [1] обратить к службе на заводах, работающих на оборону, а также в шахтах и рудниках, при чем тем из них, которые остались в нижнем звании, присвоить звание зауряд-классных военных техников и содержание, положенное прапорщикам действующей армии.

Призванных на военную службу разных мастеровых-специалистов возвратить на заводы, работающие на оборону, по удостоверении в необходимости их возврата.

Подлежащих призыву впредь лиц, получивших высшее техническое образование, и мастеровых-специалистов, необходимых для заводов, работающих на оборону, призывать на военную службу лишь с согласия лица, означенного в пункте 1-м (верховного министра государственной обороны).

Почитая долгом повергнуть об изложенном на высочайшее вашего императорского величества благоволение, всеподданнейше испрашиваю: благоугодно ли будет вашему импе-

---

[1] На полях против этого места Николаем II приписано карандашом: «и лиц, технически знакомых и практ. необходимых для сельско-хозяйств. промышл. постольку, поскольку эти лица обеспечивают интересы и нужды армии».

раторскому величеству соизволить высочайше одобрить проектируемые мероприятия, вызываемые чрезвычайными обстоятельствами военного времени, и повелеть привести их к осуществлению в порядке, установленном законами Российской империи.[1]

Генерал-адъютант Алексеев.

15 июня 1916 г.
Царская Ставка.

---

[1] Подчеркнуто ген. Алексеевым.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ВОЕННЫЕ ПОРАЖЕНИЯ 1915 г.

(Первый период мобилизации буржуазии.)

Печатаемый здесь доклад думской военно-морской комиссии, представленный Николаю II в августе 1915 г., отражает те настроения, которые, после разгрома русской армии в Галиции и отступлений в Польше и северо-западном крае, охватили широкие слои буржуазии. Усомнившись (только теперь) в способности романовской власти вести войну, буржуазия стала, вместе с тем, в это время впервые замечать и тот «дух недовольства, недоверия и раздражения», который стал проявляться среди народных масс.

Сомнение в силах правительства преодолеть создавшееся тяжелое положение, равно как желание встать в центре хозяйственного и административного аппарата страны, вызвало «мобилизацию» буржуазии: всю «организацию победы» буржуазия решила теперь взять на себя.

«Народ, — говорится в печатаемом здесь докладе, — готов работать над защитой родины и с радостью будет копать каждую пядь русской земли, чтобы закрыть ее непроходимой полосой укреплений, как сделали это наши союзники французы у себя на родине. Народ просит для этого только руководителей, только необходимые чертежи и незначительное число военных инженеров, а все остальное мы сами, государь, мы — граждане, обыватели, при помощи земств, городов и гражданских властей, выполним своими руками».

Итак, «граждане» и «обыватели», то-есть, собственно, Рябушинские, Коноваловы и Гучковы, возглавлявшие промышленную

буржуазию, брали теперь, постепенно отстраняя правительство, дело снабжения армии в свои руки, питая счастливую надежду, что «народ» (от лица которого они говорили, как всегда вообще, так и в этом докладе) «с радостью будет копать каждую пядь русской земли», чтобы накопать, наконец, для русского империализма ту золотую гору, которая называлась «победой».

Для достижения этой цели буржуазия создала различные организации: военно-промышленные комитеты, «союзы» земств и городов и т. п. В числе таких организаций были и, так называемые, «особые совещания», образованные при нескольких министрах, с участием представителей буржуазии.[1] Проект об этих «особых совещаниях», — среди которых главную роль играло «совещание по обороне»,—был разработан правительством летом 1915 г., по инициативе Гос. Думы,[2] а 22 августа состоялось «торжественное открытие» этих новых учреждений.

К этому именно моменту и относится печатаемый нами доклад: он был вручен присутствовавшему на открытии совещаний Николаю II председателем военно-морской комиссии Гос. Думы Шингаревым.[3]

---

[1] Этих «совещаний» было четыре: 1) по обороне (при военном министре), 2) по перевозкам (при м-ре путей сообщения), 3) по продовольствию (при м-ре земледелия); 4) по топливу (при м-ре торговли и промышленности).

[2] Закон об этих «совещаниях» был опубликован 17 августа 1915 г.

[3] Доклад не имеет никакой даты, но, судя по упоминанию о сдаче Ковны, он не мог быть представлен ранее, чем в августе 1915 г.; вместе с тем он, как видно из текста, относится к тому времени, когда верховным главнокомандующим был еще вел. кн. Николай Николаевич (он был смещен 23 августа 1915 г.). Относя этот доклад ко времени открытия «особых совещаний», мы основываемся на словах председателя их военного министра, ген. Поливанова: говоря, на стр. 231 своих мемуаров, о порядке открытия этих «совещаний», Поливанов, между прочим, сообщает: «А. И. Шингарев заявил мне, что он желает на этом приеме подать государю записку с изложением взгляда комиссии по военным и морским делам о состоянии снабжения армии». Из дальнейшего текста мемуаров где описывается открытие «совещаний», видно, что Поливанов, сообщив Николаю о намеченной программе, вместе с тем предупредил его, что «председатель комиссии по военным и морским делам Государственной Думы (т.-е. Шингарев. *В. С.*) испросит разрешения передать ему (Николаю) записку о снабжении армии». (А. А. Поливанов. «Мемуары». Под ред. А. М. Зайончковского, с предисловием М. Павловича. М. 1924 г., стр. 237.) Несомненно, что печатаемый доклад и является той самой «запиской», которая была представлена Николаю Шингаревым.

Надо заметить, что это было в тот самый день, когда Николай начинал «новую страницу» своего царствования: именно в этот день Николай отправлялся в «ставку», чтобы сменить верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича. Несмотря на то, что об этом решении Николая II всем было известно уже с первых чисел августа, члены Думы, обращающиеся в этом докладе к Николаю, делают вид, будто бы они об этом ничего не знают.

В связи с этим доклад восстает против того «двоевластия», которое обнаруживалось между «ставкой» и правительством, той, — говоря словами этого доклада, — «непроходимой стены», которая стояла между ними. Голоса против этого «двоевластия» раздавались уже давно; неизвестно, как буржуазия мыслила устранить это раздвоение, но, во всяком случае, она ни в каком случае не желала, чтобы оно было ликвидировано путем удаления вел. кн. Николая Николаевича. [1]

Приняв командование, Николай, в сущности, только исполнил пожелания буржуазии об устранении этого «двоевластия»: [2] теперь вся власть формально сосредоточилась в руках Николая II. По существу же именно с этого момента началось единовластие Распутина.

Таким образом, настоящий доклад связан не только с первыми шагами «мобилизации» буржуазии, но и с другим моментом — сменой верховного командования, — моментом, который сыграл известную роль в истории падения монархии.

---

[1] Подробности об этом и вообще о смене верховных главнокомандующих см. в моей книге «Политика Романовых» — очерк «Поворотный этап царской политики», стр. 72 — 102.

[2] В своей речи, обращенной к членам «особых совещаний», Николай, между прочим, говорил: «Усилившееся вторжение неприятеля с западного фронта ставит превыше всего теснейшее сосредоточение всей военной и всей гражданской власти, а равно объединение боевого командования с направлением деятельности всех частей государственного управления».

В этой же речи Николай призывал представителей буржуазии к работе по снабжению армии: «Эта задача, — говорил он, — отныне вверена вам, господа» (см. «Правительственный Вестник» 1915 г., № 186 от 23 августа).

Доклад Николаю II членов военно-морской комиссии Государственной Думы.

Его императорскому величеству

членов военно-морской комиссии Государственной Думы, входящих в состав особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства

всеподданнейший доклад.

Ваше императорское величество.

Тяжелые испытания, переживаемые сейчас доблестной русской армией, а вместе с нею и всей Россией, побудили нас просить вас, государь, принять настоящую записку, в которой мы кратко выразили всё то, что стало нам известным о настоящей войне и о способах ее ведения, приведших к трудному положению, и то, чем можно помочь в тяжелой беде, переживаемой нашим отечеством.

В заседаниях комиссии Государственной Думы по военным и морским делам из объяснений представителей военного ведомства и из речей членов Государственной Думы стали нам очевидны размеры постигшего нас несчастья.

Мы узнали, что доблестная наша армия, истекая кровью и потеряв уже свыше 4 000 000 воинов убитыми, ранеными и пленными, не только отступает, но, быть может, будет еще отступать. Мы узнали и причины этого горестного отступления. Мы узнали, что армия наша сражается с неприятелем не равным оружием, что в то время как наш враг засыпает нас непрерывным градом свинца и стали, мы посылаем ему в ответ во много раз меньшее число пуль и снарядов.

Мы узнали, что в то время как у врага нашего изобилие пушек легких и тяжелых, у нас последних совершенно недостаточно, а легкие пушки выпустили уже столько снарядов, что скоро начнут одна за другой выходить из строя.

Мы узнали, что в то время как враг наш с каждым днем увеличивает число своих пулеметов и довел их уже, по сведениям, сообщенным нам военным ведомством, до грозного числа 55 000, у нас едва хватает пулеметов для пополнения утрачиваемых и пришедших в негодность.

Мы узнали, что в то время, как неприятель богато снабжен ружьями, имея винтовку на каждого солдата, у нас сотни тысяч наших воинов стоят безоружными, в ожидании той минуты, когда

можно будет взять винтовку, выпавшую из рук пораженных товарищей.

Мы узнали также и то, что если многое в этой войне вышло за пределы человеческого разумения и не могло быть предвидено, то, с другой стороны, многое могло бы быть избегнуто, если бы некоторые военные начальники не проявили столько преступной нерадивости.

Мы узнали, что из действующей армии, еще с сентября месяца прошлого года, доносили, что не хватит снарядов, и умоляли во-время подумать об этом. Но этого совета не послушали, и когда беда пришла и стала неминучей, только тогда спохватились и стали исправлять дело. Но мы знаем, что еще много месяцев пройдет, пока мы, если не сравняемся с врагом, то по крайней мере приблизимся к силе его вооружения.

Мы узнали и другое. Мы узнали, как совершилось наше отступление из Галиции. Мы узнали, что войска, отступая, почти нигде не находили приготовленных укрепленных позиций. Мы узнали, что после тяжких переходов войска должны были сами рыть себе наспех, на скорую руку жалкие окопы, пока неприятель не подходил снова и не засыпал снова истомленных, обессиленных людей смерчем тяжелых снарядов, против которых не могли защитить только-что вырытые земляные канавы.

Мы узнали, что даже самые важные места, большие города на нашей родной земле не укреплялись совсем или укреплялись недостаточно.

Мы выслушали потрясающую речь одного из членов Государственной Думы, только-что приехавшего из Пскова и рассказывавшего нам, что Псков, древний Псков, укрепляется только теперь, на скорую руку, кое-как, впопыхах, при общем беспорядке и сумятице.

Мы узнали также, что еще год тому назад и 10 дней после начала войны один из дальновидных военачальников требовал начать работы по укреплению Киева. Ему было отказано. Между тем, если бы его послушались, сейчас Киев был бы окружен кольцом почти неприступных окопов, и тогда у нас было бы сознание, что всё в пределах человеческих сил сделано ради того, чтобы сберечь древнюю святыню и матерь городов русских.

Мы узнали и то, что в этом деле укрепления, как и в остальных, непроходимая стена разделяла две власти, которые должны были бы работать рука об руку: власть военно-полевую и власть центральную.

Вследствие необычайной глубины тылов армии, огромные пространства считались театром войны, и в то время, как войска наши подходили к Кракову, Киев все же почитался на театре военных действий. При этих условиях, при разобщенности штаба верховного главнокомандующего от военного министерства, последнее не могло приступить к укреплению тыловых позиций, даже

если полагало это нужным. Военоначальники же, увлекаясь движением вперед, не думали об условиях отступления, не думали о том, как они будут оборонять родную страну. При этих условиях и создалось то горестное явление, что год войны почти потерян для возведения тыловых укреплений, которые создаются только вблизи уже подступившего врага, а потому делаются поспешно и несовершенно.

Это же разъединение властей привело к грозным последствиям и в других областях. Огромное пространство, целое государство явилось подчиненным военным начальникам, — так называемым начальникам тыла, — не только в военном, но и во всех отношениях.

Неопытные в гражданских и особенно в хозяйственных делах, но облеченные огромной властью, эти люди привели в расстройство обширный край своими распоряжениями. Центральная же власть, даже видя явную несообразность совершаемого, не имела права вступиться и прекратить зло.

В таком же положении оказался и вопрос о миллионах беженцев, поднявшихся со своих мест при нашествии врага. Военные власти, неопытные в этих делах, неумелые в управлении, при помощи властей гражданских не сумели устроить это дело, а центральная власть была бессильна помочь им.

Мы узнали также и то, что дело пополнения наших армий, несущих тяжкие потери, стоит не на должной высоте. Люди, призываемые в войска, обучаются в очень краткий срок, обыкновенно не свыше четырех недель. Обучение их поставлено плохо вследствие недостаточности запасных батальонов, а в сих последних обучающих — как офицеров, так и унтер-офицеров, — и в силу отсутствия руководящих начал в воспитании молодых солдат.

Кроме того, вследствие недостаточности винтовок, новобранцы обучаются по несколько солдат на одну винтовку, что, при краткости срока обучения, не может не влиять самым губительным образом на дело боевой подготовки людей. То же обстоятельство, что эти люди отправляются на театр военных действий не вооруженные, без винтовок, и долго стоят в тылу, ожидая получения оружия, глубоко влияет на их душевное состояние и приучает их смотреть на себя, как на обреченных, которым суждено умереть, но не дано возможности бороться.

Мы узнали также и то, что замещение ответственных военных должностей, как-то начальников дивизий и командиров корпусов, совершается по старшинству в чинах, по особому списку, в котором изображено старшинство генералов, и если делается исключение, то только для тех, кто имеет сильных покровителей и заступников.

Таким образом, не доблесть, не талант, не знание, не военное искусство, явленное на деле, служат руководящим началом при движении на служебной лестнице, — а иные соображения. При этих условиях действительно способные люди, настоящие военоначаль-

ники, могущие вести войска к победе, только в редких случаях подымались на высшие ступени командования, высшие же должности обыкновенно отдавались офицерам, хотя и менее даровитым, но зато старшим в чинах. Меж тем в военном деле быть может три четверти успеха лежит в искусном подборе командного состава, и потому нынешний порядок назначения является губительным для дела победы.

Мы узнали все это, государь, но мы узнали и нечто горшее. Мы узнали, что от всего этого, от всех этих бед и нестроений заколебался самый дух войск и дух народный. Видя нерадение, непредусмотрительность, отсутствие порядка, войска стали утрачивать доверие к своим начальникам.

Отсутствие снарядов, неприготовленность укреплений, сбивчивые, противоречивые действия относительно мирного населения — все это заронило сомнение в умах воинов, — как офицеров, так и нижних чинов, — в способности высших начальников защищать страну.

Со стесненным сердцем узнали мы, государь, о том, что свыше 1 200 000 русских воинов находятся в плену у врага. И еще более были мы подавлены, когда узнали о позорной сдаче Ковны, о том, что комендант крепости бежал,[1] о том, что необученные и плохо вооруженные войска были поставлены на защиту этой столь важной крепости.

Тот же самый дух недоверия, недовольства и раздражения, но еще в большей степени, стал замечаться и в среде самого народа. Народ знает, что снарядов и пуль мало, он знает, что кто-то в этом виноват, но он видит, что общественные круги горячо принялись за исправление старых ошибок, стараются наверстать потерянное и привлекают все силы на дело снаряжения армии, — и не прошлые недочеты волнуют его в настоящее время.

Народ не понимает, почему роют недостаточные окопы, и только тогда, когда неприятель близко, почему при этом происходят такие большие неурядицы, почему, собрав десятки тысяч людей, их по несколько дней держат без работы или отсылают обратно по домам.

Народ готов работать над защитой родины и с радостью будет копать каждую пядь русской земли, чтобы закрыть ее непроходимой полосой укреплений, как сделали это наши союзники французы, у себя на родине. Народ просит для этого только руководителей, только необходимые чертежи и незначительное число военных инженеров, а все остальное мы сами, государь, мы — граждане, обыватели, при помощи земств, городов и гражданских властей, выполним своими руками.

---

[1] Ген. Григорьев, бежавший из крепости во время ее атаки 8 августа 1915 г.; за это Григорьев был предан суду и приговорен к 15-летней каторге.

Народ не понимает, почему не строят железных дорог, необходимых для обороны. Народ крепко опасается за судьбу столичных военных заводов и не понимает, почему в глубине России не подготовляется теперь же всё необходимое на тот случай, если бы враг угрожал Петрограду.

Народ не понимает, почему такая безнадежная путаница происходит с несчастными беженцами, почему они занимают дороги, нужные войскам, почему их не выселяют во-время, если их нужно выселять, и почему земля, оставляемая врагу, то опустошается до тла, то отдается нетронутой со всеми ее богатствами.

Народ не понимает, почему из Юго-Западного края и Бессарабии, которые бог благословил урожаем в 300 миллионов пудов пшеницы, почти все это огромное богатство не вывезено, и почему это произошло, — от нерадивости ли и беспорядка, или от невозможности выполнить это дело.

Государь, долг наш, как ваших верноподданных, и горячая любовь к отечеству побудили нас высказать все то, от чего кровью обливается наше сердце и смущается ум, но мы верим, что можно победить, можно сломить упорство врага, противопоставивши ему старую русскую доблесть.

Мы не слышали от представителей народа, в самых скорбных и горьких речах их, ни единого слова о заключении мира. Неизведанные силы таятся в глубинах русского народа. Но нужно устроение и направление этих сил по плодотворному руслу.

Ваше императорское величество! Приемлем смелость сказать вам: понимая неизбежность обособления власти, стоящей во главе армии, от власти, управляющей страной, мы твердо знаем, однако, что без высшей власти, всё объединяющей, невозможно правильное направление дела обороны. Только непререкаемой царской властью можно установить согласие между ставкой великого князя верховного главнокомандующего и правительством. [1]

Царь может повелеть своим военоначальникам и правителям составить расчет будущих действий на продолжительное время, с предвидением всей сложности и многообразности последствий предпринятых решений, и положить конец беспорядочным дей-

---

[1] Весь этот абзац и дальнейший текст доклада, развивающий ту мысль, что «только непререкаемой царской властью можно установить согласие между ставкой великого князя верховного главнокомандующего и правительством» совершенно ясно показывает, что члены Думы, писавшие этот доклад, не сумели даже толково высказать свои мысли по этому вопросу. Они не желали, чтобы Николай II сменял вел. кн. Николая Николаевича, между тем из приведенных слов доклада Николай мог бы вполне логически сделать тот вывод, что именно он, Николай, должен возглавить и командование армиями. Но Николаю такого вывода делать не пришлось, так как соответствующее решение уже было принято им ранее по настоянию Распутина и А. Ф. Романовой.

ствиям, рассчитанным на несколько дней и не имеющим основной, далеко хватающей мысли.

Царь может расширить рамки расчетов и соображений. Царь может побудить, чтобы стремились не к робкому подражанию врагу, а к напряжению всех усилий огромной и мощной страны, желающей победить ценою всяческих жертв, чтобы превзойти врага и снаряжением и дальновидным расчетом.

Только царь может повелеть, чтобы на ответственные должности выбирались те, кто уже выказал свою доблесть в боях, а не люди часто неспособные вести тяжкое дело войны. Царь может призвать все силы великой России, чтобы создать те неприступные преграды, которые одна за другой будут защищать родину до того предела, где провидению угодно будет даровать нам окончательную победу над истощенным нашим упорством врагом.

В эту победу мы верим, государь.

Вашего императорского величества верноподданные:

Председатель военно-морской комиссии Государственной Думы Андрей Шингарев.

Товарищ председателя Василий Шульгин.

Товарищ председателя Никанор Савич.

Члены комиссии: Иван Ефремов.
Дмитрий Чихачев.
Дмитрий Сверчков.
Анатолий Добровольский.
Николай Марков 2-й.

ГЕН. АЛЕКСЕЕВ И ГУЧКОВ.

Письменные сношения Гучкова с начальником штаба армий ген. Алексеевым (фактическим верховным главнокомандующим) были в глазах Романовых таким опасным обстоятельством, которое чрезвычайно компрометировало ген. Алексеева. Лидер умеренной части буржуазии, октябрист Гучков казался Романовым отъявленным революционером,—даже Милюков был, в представлении Романовых, не настолько опасен. И это, может-быть, потому, что Гучков, действительно, обладал большой активностью, и потому совал свой непрошенный нос во многие дела, и, в частности, в дела военного ведомства.

За пределами Гучкова-Милюкова Романовым рисовались какие-то «анархисты»; но создать себе какое-либо понятие о них было уже недоступно для умственного кругозора Романовых. И потому естественно, что наибольшая их ненависть обрушилась именно на таких «революционеров», как Гучков. Не было бранного слова, которое не применяла бы А. Ф. Романова к этому октябристу и от души желала, чтобы его удалось как-нибудь «повесить»[1] или, чтобы «тяжелое железнодорожное несчастье» прекратило его дни.[2]

Романовы так и не узнали, очевидно, что никто так, как Гучков, Милюков и К-°, не заботились о спасении их «трона», что господа кадеты и октябристы просили только маленьких «уступочек», и что Гучков, узнав, что вел. кн. Михаил отрекся вслед за своим братом от престола, считал, что «Россия погибла навсегда».

---

[1] «Переписка Н. и А. Романовых» т. III, стр. 295, письмо от 2 сентября 1915 г.

[2] Там же, стр. 334, письмо от 11 сентября 1915 г.

Вопрос о корреспонденции Гучкова с Алексеевым имеет свою историю.

9 октября 1916 г., как видно из напечатанных нами докладов, Штюрмер представил Николаю копию письма Гучкова к Алексееву, — с «наветами» на нескольких министров, и в том числе на самого Штюрмера. Николай высказал при этом, что у него уже есть копия письма, но что ген. Алексеев сообщил ему, что он «никогда ни в какой переписке с Гучковым не состоял».[1] Николай, тем не менее, — как он заявил Штюрмеру, — указал Алексееву «на недопустимость такого рода переписки с человеком, заведомо относящимся с полной ненавистью к монархии и к династии».[2]

Этому докладу Штюрмера предшествовала оживленная подготовка Николая, веденная его женой.

В главных чертах эта подготовка заключалась в следующем.

28 сентября А. Ф. писала мужу:

«Теперь идет переписка между Алексеевым и этим негодяем Гучковым, он его питает всякими гнусностями; предупреди его[3] — тот такой умный негодяй, и Алексеев, наверное, увы, будет также прислушиваться к разным нападкам на нашего Друга,[4] а это не принесет ему счастья».[5]

В другом письме А. Ф. указывает, что Гучкова «подстрекает Поливанов» (бывший военный министр).[6]

Производя сыск об этой переписке, А. Ф., между прочим, получила и копии писем.

«Я читала, — писала она мужу 21 сентября, — копию двух писем Гучкова к Алексееву и попросила начисто переписать одно из них, чтобы послать тебе; ты увидишь, какой он[7] негодяй. Теперь я понимаю, почему Алексеев злобствует против всех министров после каждого письма, — (видно, что их было много): он расстраивает бедного Алексеева, и потом те факты, которые

---

[1] Из этого ответа Алексеева можно заключить, что собственно «переписки» у него с Гучковым и не было вовсе; писал, очевидно, один Гучков, но генерал Алексеев даже и относительно получения этих писем отозвался незнанием.

[2] См. здесь, «Доклады Штюрмера Николаю II», стр. 159.

[3] Алексеева.

[4] Распутина.

[5] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 184.

[6] Там же, стр. 186, письмо от 20 сентября.

[7] Гучков.

он приводит, очень часто умышленно извращены для Алексеева. Все министры чувствуют его[1] антагонизм в ставке, и теперь они понимают, откуда это. Когда я пошлю тебе письмо, ты должен иметь серьезный разговор с Алексеевым, так как этот негодяй[2] подрывает всё правительство в глазах Алексеева»... [3]

Посылая затем Николаю (22 сентября) копию письма Гучкова, А. Ф. писала:

«Предостереги серьезно старика[4] против этой переписки, ее цель — энервировать его, и всё это его не касается, потому что для армии всё будет сделано и ни в чем не будет недостатка». [5]

По мнению А. Ф., переписка с Гучковым «в глазах порядочных людей набрасывает глубокую тень на Алексеева». [6]

Таким образом, в представлении Романовых, вопрос этот разросся в целое событие: сам ген. Алексеев от общения с Гучковым мог заразиться его духом: А. Ф. при этом чрезвычайно боялась нежелательного воздействия на своего мужа Алексеева, и тем более, что последний был определенным врагом Распутина.

Нужно, однако, сказать, что ген. Алексеев, хотя и был настроен антираспутински, но был весьма далек даже от гучковского «октябризма»; в частности, например, относительно «союзов», видным деятелем которых был Гучков, Алексеев придерживался того взгляда, что эти «союзы», несмотря на их помощь для ведения войны, представляют собой организации, «преследующие весьма вредные для жизни государства цели». [7]

Несмотря на такие взгляды Алексеева, после февральской революции, тот же Гучков, в качестве военного министра, выдвинул ген. Алексеева в верховные главнокомандующие; это назначение, хотя и состоялось, но вызвало протест даже со стороны Родзянко и руководимого им временного комитета Государственной Думы, указывавшего на крайнюю реакционность ген. Алексеева. [8]

---

[1] Алексеева.

[2] Гучков.

[3] «Письма А. Ф., т. II, стр. 189.

[4] Алексеева.

[5] «Письма А. Ф.», т. II, стр. 192. — Печатаемое ниже письмо Гучкова воспроизводится с того самого экземпляра, который был представлен А. Ф. Романовой Николаю.

[6] Там же, стр. 208, письмо от 29 сентября.

[7] «Красный Архив», 1923 г., т. IV, стр. 423 — 424.

[8] «Красный Архив», 1922 г., т. II, стр. 283 — 285.

Что касается, собственно, текста печатаемого на этих страницах письма, то здесь более интересным представляются не столько те обвинения, которые Гучков (уже тогда, очевидно, метивший занять крупный пост в военном ведомстве) выдвигает против помощника военного министра ген. Беляева, вследствие отказа последнего от предложенной Англией доставки партии винтовок,[1] — сколько оценка Гучковым существовавшей власти и характера борьбы с ней.

Письмо Гучкова к ген. Алексееву.

Его высокопревосходительству М. В. Алексееву.

Глубокоуважаемый

Михаил Васильевич.

Я уже сообщал вам в последнем моем письме о предложении, сделанном со стороны английского правительства — поставить до 1 января 1917 г. 500 000 винтовок, — предложении, отвергнутом ген. Беляевым.

Позвольте рассказать вам ближайшие детали и дальнейшую историю этого вопроса, имеющего и общий интерес.

Недели две тому назад М. В. Родзянко и я сделали вопрос (в комиссии под председательством С. И. Тимашева), верны ли дошедшие до нас сведения о сделанном предложении и о полученном отказе.

На другой день, уже в особом совещании, мы получили ответ от председательствовавшего сенатора Гарина, который заявил нам, что он, по поручению военного министра, опрашивал ген. Беляева, и что ген. Беляев отрицает правильность наших сведений: ему было сделано предложение всего на 200 тыс. винтовок, и то в неопределенные сроки — в течение 1917 г. и притом неясно, — в начале или в конце года; это неопределенное предложение им было отклонено.

Я, однако, привык не доверять справкам ген. Беляева: припомните хотя бы справку, данную им в закрытом заседании комиссии Государственного Совета, $1^1/_2$ года тому назад, в самый острый кризис винтовочного голода, со ссылкой на вас в качестве главнокомандующего северо-западным фронтом, что вы-де требуете людей, а не винтовки. Поэтому я просил дать мне срок проверить мои сведения по моим источникам. Через несколько дней я получил из кругов, близких к английскому военному министер-

[1] Ген. Беляев был летом 1916 г. командирован в Англию для выяснения там вопросов, связанных с русскими военными заказами. Возражения Беляева относительно выдвигаемых против него Гучковым обвинений см. в его показаниях в Следственной комиссии Врем. правительства. «Падение царского режима», т. II, стр. 207—212.

ству, справку на английском языке, которую привожу вам в буквальном переводе:

«В начале настоящего года ген. Гермониус[1] заявил, что, в дополнение к поставкам винтовок из Америки, необходимо получить еще 2 700 000 винтовок до июля 1917 г. Английское правительство 3 марта 1916 г. предложило ему 2 000 000 английских винтовок английского калибра, при чем 500 000 должны были быть доставлены в последнюю половину 1916 г., а 1 500 000 — в первые 6 месяцев 1917 г., — вероятно, по 250 000 винтовок в месяц.

«Это предложение было еще раз подтверждено ген. Эллершау перед самым его отъездом в Россию с лордом Китченером.

«Ген. Беляев, однако, заявил в Лондоне, что, если все эти винтовки не могут быть доставлены до начала будущего года, то в них нет надобности. Ген. Гермониус и полковник Беляев[2] были также оба опрошены по поводу сделанного предложения, и они подтвердили то, что было сказано ген. Беляевым, заявив, что если 500 000 винтовок не могут быть доставлены до конца 1916 г., то они не нужны.

«В настоящее время будет трудно получить эти винтовки, так как английское военное министерство, в виду отказа ген. Беляева, заявило заводам о прекращении своих договоров по винтовкам. Ныне, однако, выясняется, что может быть поставлено Англией, если вопрос о винтовках будет вновь возбужден».

Как видите, английское правительство предложило нам гораздо больше того, что я думал, и совсем не то, что нам говорил сенатор Гарин со слов ген. Беляева. Как видите также, в моей справке имеется некоторое противоречие, мною подчеркнутое, но в общем не меняющее дела.

В заседании особого совещания 10 августа М. В. Родзянко вновь поднял вопрос об английском предложении, а я огласил только-что полученную мною справку. Председательствовавший сен. Гарин ничего не мог ответить. Ответ мы получили в последнем заседании особого совещания 13 августа от самого военного министра[3], который заявил нам скороговоркой, что, действительно, произошло некоторое недоразумение, но что оно ныне исправлено, что им «сегодня» послана телеграмма в Лондон с принятием предложения на 700 000 винтовок.

Из частных разговоров выяснилось, что Беляевым было, действительно, отклонено предложение английского правительства, но что этот отказ, пройдя мимо особого совещания, был санкционирован советом министров. При чем тут совет министров? Пусть он делал бы свое прямое дело!

---

[1] Главный представитель военного министерства по военным заказам в Англии и Америке.

[2] Через полковника Беляева, служившего в главном штабе, проходили военные заказы.

[3] Ген. Шуваев.

При этом выяснились два любопытных факта.

Во-первых, как видно из текста постановления совета министров, он имел неверные данные относительно степени обеспеченности армии винтовками: указывалось, что рост производства на наших заводах идет успешно (на самом деле мы достигли в последний месяц до 105 000 винтовок и в состоянии достигнуть через несколько месяцев крайнего предела — 120 000), и что на американских заводах дело вполне наладилось (на самом деле, американские заводы запоздали началом поставки на 14 месяцев: поставили до сих пор, вместо ожидавшихся миллионов, всего: Ремингтон — 19 000, Вестингауз — 7 000 и Винчестер, мало удовлетворительная переделка охотничьего ружья, — 200 000); к тому же прибывшие партии от Ремингтона и Вестингауза, принятые нашими приемщиками в Америке, дали, при испытании здесь в офицерской стрелковой школе, порядочное количество брака. К тому же ген. Беляев и покрывший его совет министров упустили из вида вопрос о патронах, который никак не может у нас наладиться и до конца войны будет показывать значительный дефицит: английское предложение — 2 000 000 английских винтовок с обильным снабжением английскими патронами (ибо этот патрон, принятый в самой английской армии) — выводило нас окончательно, на всю войну, из винтовочного и патронного кризиса.

Второй факт особенно характерен для хаоса многовластия и, в результате — безвластия, которое водворилось в деле снабжения за последнее время. Член Гос. Думы Н. В. Савич, один из талантливейших и деятельнейших работников и в военной комиссии Государственной Думы и в особом совещании, припомнил, что английское предложение было еще в апреле на обсуждении особого совещания, что оно было принято, утверждено военным министром, но что оно просто не было приведено в исполнение, а затем и формально отменено — ген. Беляевым в Лондоне и советом министров в Петрограде. Вы спросите, Михаил Васильевич, где же было особое совещание и где же был военный министр? На первый вопрос я вам отвечу: нас[1] не осведомляют, нас обманывают, с нами не считаются и нас не слушают. А на второй вопрос я вам отвечу тем же вопросом: где был военный министр, да и вообще есть ли у нас военный министр?

Как видите, история с винтовками кончилась как будто благополучно, или, по крайней мере, на $^1/_8$ благополучно (700 000 вместо 2 000 000). Но я подробно рассказал вам всю эту историю, чтобы вы видели, в каких ненормальных условиях идет теперь все дело снабжения. Нормально ли, что случайное вмешательство случайных людей, случайно осведомленных, дает благоприятный поворот столь серьезному делу? И не чувствуете ли вы на расстоянии, из Могилева, то же, что мы здесь испытываем при ежедневном

[1] «Нас» — то есть представителей буржуазии, входивших в состав «особых совещаний».

и ежечасном соприкосновении с ведомством, да и со всей правительственной властью.

Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь, как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и ваш доблестный фронт и вашу талантливую стратегию, да и всю страну, в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались с смертельной опасностью. Ведь нельзя же ожидать исправных путей сообщения в заведывании г. Трепова, — хорошей работы нашей промышленности на попечении кн. Шаховского, — процветания нашего сельского хозяйства и правильной постановки продовольственного дела в руках гр. Бобринского. А, если вы подумаете, что вся эта власть возглавляется г. Штюрмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация, если не готового уже предателя, то готового предать, [1] — что в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, — а, следовательно, и вся наша будущность, — то вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей родины охватила и общественную мысль и народные настроения.

Мы в тылу бессильны, или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоострые и, при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, — а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик.

Можете ли вы что-нибудь сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пересечь линии вашей хорошей стратегии в настоящем, и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и в частности наша отечественная, знает тому немало грозных примеров.

Простите мне настоящее письмо и не сетуйте на мою горячность.

Может быть, никогда еще я не был столь убежден в полной основательности охватившей нас общественной тревоги, как в настоящий грозный час.

Помогай вам господь.

15 августа 1916 г., № 683. [2]

---

[1] Любопытно, как реагировали на эти слова Николай и сам Штюрмер, представивший это письмо Николаю — см. здесь, «Доклад Штюрмера», стр. 160.

[2] На копии, с которой печатается это письмо, подписи Гучкова нет.

НИКОЛАЙ II И «ПРАВЫЕ».

(Одна из политических «записок»).

В отличие от своего старинного «друга», а в рассматриваемое нами время — «личного врага», Вильгельма II, Николай II не любил высказывать своих мыслей по текущим вопросам политики: поэтому, об его собственных взглядах,— поскольку таковые вообще существовали, — мы можем судить, главным образом, по его резолюциям на различных докладах, и особенно по его отношению к тем политическим «запискам», которые ему представлялись.

Усвоив себе твердо мысль о необходимости возвращения «к прежнему спокойному течению законодательной деятельности» [1] (сообразно с «заветами» Александра III), Николай в очередных, текущих вопросах почерпал свою политическую мудрость не только от своих ближайших советчиков, но и из указанных записок, представлявшихся ему «союзом русского народа» и другими подобными «правыми» организациями. Эти записки, равно как и постоянное чтение «Земщины», во многом способствовали выработке отношения царя ко всем текущим вопросам.

Среди большого числа различных бумаг, имевших на себе царские резолюции, бумаг, которые нам приходилось видеть, лишь очень немногие встречали к себе столь внимательное, столь сочувственное отношение, как печатаемая здесь записка, представленная Николаю II «православными русскими кругами г. Киева»: Николай не только характеризовал ее, как «достойную внимания», но многочисленными подчеркиваниями различных мест ее текста подтвердил свое полное согласие с высказанными здесь мыслями.

---

[1] См. здесь — «Из переписки Николая II с министрами», стр. 92.

Записка была рассмотрена Николаем 17 января 1917 г., т.-е. почти лишь за месяц до революции, и это придает печатаемому документу особый интерес.

Читая настоящую записку, нельзя не заметить, что она, действительно, имела все основания, чтобы произвести на царя сильное впечатление: она была обоснована весьма вескими данными, и притом почерпнутыми не только из текущей жизни, но даже из области истории.

Как было, в самом деле, не признать «достойными внимания» следующие, например, слова «записки»:

«История человечества, — таковы эти слова, — еще не знает примера, чтобы городское самоуправление в какой-либо стране стало в оппозицию к существующей государственной власти, чтобы оно публично выражало недоверие к высшему правительству»...

История человечества! Вся эта история, начиная со времени Адама, не знала таких примеров, — и вдруг теперь при нем, Николае II, эти «самоуправления» решили свернуть со своих тысячелетних путей и заговорить об «общественном доверии»...

Тут было от чего вознегодовать Николаю. И тем более потому, что некоторые указания записки были подтверждены «уроками истории», и вовсе не теми, которые Николаю могло бы дать его собственное царствование, — а другими, самыми настоящими «уроками истории», взятыми из читанных когда-то Николаем учебников Иловайского [1].

Переходя ближе к содержанию этой «достойной внимания» записки, мы видим, что она констатирует прежде всего тот факт, что «подавляющее большинство трудового населения сел и местечек — крестьяне, мещане, сельское духовенство, мелкие землевладельцы, чиновный класс и русские помещики», несмотря на усиленную пропаганду, «по-прежнему твердо придерживаются традиционных воззрений на самодержавие русских царей, как на единственный источник предержащей власти в Русском государстве».

Это было для Николая истиной бесспорной, а потому он и не снабдил этого места никакими отметками.

---

[1] Таково было, например, указание на действия римского сената, который, ради спасения государства, вышел навстречу Варрону, — в этом записка видела «поразительный пример политического такта», и сопоставляла с этим поведение Государственной Думы, осмеливавшейся подрывать «престиж власти».

В основном своем тексте записка решительно ополчается против Гос. Думы, против «союзов», городских дум, «еврейско-кадетской печати» и проч.

Рекомендуя различные мероприятия для борьбы с отмеченными явлениями, записка в результате поднимает вопрос о производстве выборов в V Думу.

«Необходимо, — говорится здесь, — по каждой губернии выяснить и точно определить, при каком наличном составе административных лиц и при каких условиях самой техники выборов можно гарантировать благополучный исход выборного дела в известный момент».

Этим вопросом, как мы видели, правительство уже занималось,[1] — и киевские «православные русские круги» только подталкивали его к бо́льшей энергии в этом деле.

Как видно из печатаемого здесь же доклада Николаю председателя совета министров кн. Голицына, возбужденные в этой записке вопросы предполагалось подвергнуть «подробному обсуждению» совета министров, один же из этих вопросов — относительно привлечения к ответственности городских голов за допущение ими «противоправительственных речей» — уже получил тогда же свое разрешение.

В общем, большинство высказанных в записке пожеланий встретило полное сочувствие Николая II, — и, таким образом, записка эта характеризует тот политический багаж, с которым сошел со сцены последний русский царь.

I.

Записка «русских кругов» Киева.[2]

На записке резолюция Николая II: «*Записка достойная внимания*».

Православно-русские круги г. Киева и Киевской губернии, объединенные беззаветной преданностью своему государю и горячей любовью к отечеству, по тщательном обсуждении внутреннего состояния России, пришли к мысли о необходимости, в силу патриотического долга, представить высшей власти свои коллек-

---

[1] См. выше — «Проект выборов в V Думу», стр. 223 — 246.

[2] Места, подчеркнутые Николаем, набраны разрядкой; относительно мест отчеркнутых им сбоку, сделаны соответствующие оговорки. Как видно из отметки председателя совета министров кн. Голицына, записка была рассмотрена Николаем 17 января 1917 г.

тивные соображения о современном положении страны и о тех мерах, осуществление которых усилило бы духовную мощь России и дало бы ей полное внутреннее успокоение.

Прежде всего православные киевляне категорически утверждают, что подавляющее большинство трудового населения сел и местечек — крестьяне, мещане, сельское духовенство, мелкие землевладельцы, чиновный класс и русские помещики, — словом всё, что представляет собой в юго-западном крае коренной русский народ, — несмотря на усиленную пропаганду революционных идей местной левой печатью, попрежнему остается глубоко консервативным во всех областях своей политической, социально-общественной и религиозной жизни, попрежнему твердо придерживается традиционных воззрений на самодержавие русских царей, как на единственный источник предержащей власти в русском государстве.

В противоположность политическим идеалам коренного русского народа, местные кадетско-еврейские интеллигентные круги, действуя по указке вожаков прогрессивного большинства Государственной Думы и давно сорганизованной антигосударственной лиги земцев, упорно и совершенно беззастенчиво дискредитируют существующий государственный строй. Левая пресса, симулируя общественное мнение и делая дерзкие выпады против высшей власти, создает в крупных центрах чрезвычайно удушливую атмосферу. Восхваляемая на всю Россию разрушительная работа темных сил «прогрессивного» блока и вожаков «общественных» организаций становится, наконец, опасной для спокойствия народных масс и требует к себе самого серьезного отношения со стороны всех, кому дорога духовная мощь государства в столь критический момент.[1]

Православные русские круги г. Киева, встревоженные полным отсутствием строго обдуманного и правильно организованного плана решительной борьбы с антигосударственными силами, поднимающими в стране смуту и способствующими усилению продовольственной разрухи, считают своим патриотическим долгом обратить внимание правительства на следующие недопустимые явления с точки зрения государственных интересов:

1. Никакое учреждение, существующее в государстве, никакие организации, преследующие общественные интересы, ни отдельные лица, ни группы политических деятелей, — никто не смеет расстраивать действующего государственного аппарата в момент величайшей опасности для страны, когда враг посягает на ее целость и даже на ее независимое существование. Всё несогласное, всё недовольное должно умолкнуть перед страшной угрозой русскому народу и его потомству. История дает нам поразительный пример политического такта и партийного терпения в лице римского сената, когда Ганнибал угрожал нане-

[1] Следующий абзац сбоку отчеркнут Николаем.

сти Риму сокрушительный удар. Римский сенат, веками привыкший к власти, во имя внутреннего спокойствия и спасения государства сделал над собою величайшее усилие, когда вышел навстречу выскочке-плебею, в самом худшем значении этого слова, Варрону, виновнику величайшего позора и неисчислимых бедствий для Рима. А наша Государственная Дума, едва только начавшая первый период своей жизни, объявляет бойкот министрам, открыто подстрекает страну к активному неповиновению существующей власти. Вместо того, чтобы всеми силами поддерживать и защищать то кормило правления, какое оказалось в действии в самом начале военной бури, большинство Государственной Думы открыто выражает вслух всей России дерзкое требование смены не только лиц, но и всей системы нашего государственного строя. Разрушая с думской кафедры престиж власти, члены Государственной Думы, при молчаливом согласии президиума последней, осмелились поносить и высших иерархов русской церкви. Они действовали в этом случае вполне сознательно, ибо помнят, что во все смутные эпохи на Руси святители церкви смело становились поперек дороги всяким «перелетам» и изменникам народа.

Русские православные люди, подлинная страна в лице мирно трудящихся классов, устали, наконец, от беспрерывных угроз, осуждений и брани по адресу высшей власти. Они начинают роптать на Государственную Думу за явное нежелание честно исполнить свой долг перед царем и отчизною. Они негодуют на председателя Думы, сознательно низводящего думскую кафедру на степень всероссийской революционной трибуны. Они страстно желают внутреннего мира, полного единения всех классов и сословий и дружного труда на армию и флот ради победы над врагом. Всем мирным русским людям кажется странным и непонятным то отношение правительства к бунтующему большинству Государственной Думы, каким, несомненно, умаляется в глазах народа как центральная, так и провинциальная власть. [1]

Во имя блага отечества, во имя победы над врагом киевские православные русские круги, обращая мысленные взоры к державному хозяину русской земли, просят министров, окружающих его трон, поставить Государственную Думу на указанное ей основными законами место и заставить ее президиум не допускать, по крайней мере до окончания войны, никаких эксцессов, разрушающих мир в стране и подрывающих авторитет существующей власти.

2. История человечества еще не знает примера, чтобы городское самоуправление в какой-либо стране стало в оппозицию к существующей государственной власти, чтобы оно публично выражало недоверие к высшему правительству в ту самую пору, когда эта страна, истекая кровью в борьбе с лютым

[1] Следующий абзац отчеркнут сбоку Николаем.

врагом, больше всего нуждается в полном единении и в сильной власти. А между тем московская городская дума на всех стогнах своего города печатно объявляла своим гражданам, что «нынешнее» правительство не пользуется доверием страны. Примеру Москвы последовали многие самоуправления провинциальных губернских городов. По почину Москвы и под руководством ее «служилых» людей началась самая бессовестная подделка под голос народа. В нужные моменты, при нажатии кнопок общегородского союза, сыплются в центр из периферий, как из рога изобилия, тысячи телеграмм, так или иначе осуждающих центральную власть. Реально существующая инсценировка общественного мнения приняла, благодаря еврейско-кадетской печати, совершенно сказочный характер. Одних она пугает, других вводит в заблуждение, а третьих втягивает в сферу своих темных влияний.[1]

Русские интеллигентные круги г. Киева, в интересах спокойствия страны, находят необходимым просить правительство сделать распоряжение о том, чтобы местные власти обязательно привлекали городских голов к уголовной ответственности по законам военного времени за все допущенные ими в собраниях речи и постановления, подрывающие авторитет и доверие к существующей власти и ко всей системе государственного управления.

3. Так называемые общественные организации, под которыми разумеются общеземские и общегородские союзы, а также беженские комитеты, стяжали себе в народе и даже в интеллигентных национальных кругах самую дурную славу. Народ видит, что в эти организации ушло всё, что убоялось службы на фронте и что не мыслит добра России. Люди, отличавшиеся на местах полным национальным индиферентизмом, вдруг облачились в полувоенные мундиры защитного цвета и стали почти хозяевами края. Евреи и поляки, остававшиеся в тени до начала военных действий, вместе с русскими людьми определенной политической окраски наполнили «общественные» организации и, ворочая колоссальными суммами казенных денег, оказались на роли диктаторов уездов и целых губерний.

Простой народ никогда не забудет, как во время устройства в нашем крае окопов агенты «общественных» организаций платили вдвое и втрое за все продукты, за подвозку материалов и за поденные работы. В селах и местечках имеются тысячи доказательств того, что «земские офицеры» не жалели казенных денег. Безумная трата денег во время окопных работ была первым этапом на пути к продовольственной разрухе. В дальнейшем, в усилении этой разрухи виноваты те же «общественные» организации вместе с агентами министерства земледелия. Не они ли в самом начале минувшего лета, когда цены на хлеб, на сало и мясо были немного выше нормальных, совершенно неожиданно

[1] Следующий абзац отчеркнут сбоку Николаем.

и без всяких разумных оснований, сразу повысили таксу в виде «твердых цен» на 30 — 50 процентов. Эти безумные выпады в хозяйственной жизни края были вторым фаэисом в деле искусственного развития продовольственной разрухи. Печальное положение ближайшего к фронту тыла, в смысле продовольственной разрухи, не может измениться к лучшему до тех пор, пока право бесконтрольного распоряжения всеми продовольственными запасами известной территории не будет изъято из рук безответственных агентов «общественных организаций». В Киеве, например, еврей Соломон Франкфурт, оказавшийся в роли уполномоченного министерства земледелия по снабжению армии салом, своими манипуляциями в области реквизиций и, особенно, транзита жировых веществ по железным дорогам, довел всё население края, частные лазареты и даже военный госпиталь (на 10 тысяч кроватей) до такого состояния, за которым могут последовать печальные эксцессы. Другой еврей Зельман Копель, агроном киевского уездного земства, по распоряжению последнего, за несколько дней до праздника Рождества Христова, реквизировал приготовленный для населения бородянской волости весь сахар.

Ропот и негодование населения, оставшегося на праздниках без сахара, нисколько не беспокоит ни уездную земскую управу, ни ее агента — еврея Копеля. Сотни подобных евреев, многие агенты «общественных» организаций, — не говоря уже об уполномоченных министерства земледелия, — совершенно бесконтрольны и так забронированы от запросов, вмешательства и жалоб со стороны населения края, что последнему остается только молчать и страдать... На местах зарегистрировано огромное количество фактов, дающих основание допустить существование сознательных тенденций у «общественных» организаций — вносить расстройство в жизнь тыла и создавать атмосферу всеобщего недовольства. [1]

Общее мнение негодующего по этому случаю русского народа таково: необходимо немедленно изменить систему отношений правительства к общеземским и общегородским учреждениям, в том смысле, что работа открытых ими учреждений должна быть признана государственно-необходимой, обязательно производящейся только за государственный счет, но непременно от имени правительства и под тщательным контролем его доверенных лиц. План постепенной, но незамедлительной замены руководящих лиц и реального хозяйственного контроля должен быть разработан и осуществлен как можно решительнее и скорее. Далее — все военнообязанные, находящиеся на службе во всех «общественных» организациях и уездных земских управах, исключая председателей последних и руководителей отдельных учреждений, непременно должны быть призваны на действительную военную службу. Этого требует народная совесть, не

[1] Следующий абзац до слов «Все взятые на военную службу...» отчеркнут сбоку Николаем.

желающая мириться с тем, что «общественные» организации оказались какими-то нейтральными учреждениями, освобождающими русских граждан от воинской повинности в столь критический для России момент. Все взятые на военную службу могут быть легко заменены женщинами, ветеранами и вообще неспособными к действительной службе на фронте. Наконец, в отношении «общественных» организаций следует осуществить еще одну безусловно необходимую меру. Мы имеем в виду то обстоятельство, что, вследствие полного отсутствия правительственного контроля, в прошлом, когда зарождались «общественные» организации, последние установили для своих учреждений бесконечные штаты, кошмарные сметы и безумно разорительные для страны оклады содержания, подъемные, суточные и разъездные. Агенты общественных организаций сами удивляются баснословным размерам своего жалованья и всяких добавочных, щедро отпускаемых начальством.[1] Идеи справедливости и интересы казны требуют того, чтобы штаты и оклады содержания в «общественных» учреждениях, на всё время их существования до окончания войны, были пересмотрены и установлены в полном соответствии с учреждениями, ведающими аналогичные дела. Во всяком случае, огромное количество мелких и крупных частей сложного аппарата общеземских и общегородских организаций, созданных за счет государственного казначейства, немедленно должно быть передано в ведение специального правительственного органа по продовольственному делу.[1] Этого требует спокойствие России, это долг правительства как ответственного института за внутренний порядок в стране и за планомерную работу на оборону.

4. Продовольственное дело можно организовать очень просто и не сложно. В этом деле необходимо строго разграничить функции исполнительные от руководящих. Первые принадлежат городским и земским управам, а также всем мелким участковым комитетам, которые на местах могут быть призваны к жизни, при широком участии местного духовенства. Руководящие функции принадлежат исключительно областным и губернским продовольственным советам, возглавляемым на местах высшими властями. В эти советы должны входить по 4 представителя от уездных предводителей дворянства, от уездных городских голов, от уездного духовенства, мировых посредников, и по одному представителю от каждой уездной земской управы. Областным и губернским советам вменяется в обязанность иметь самые точные сведения о наличном запасе продуктов в своем районе и своевременно разрабатывать план продовольственного обеспечения. Исполнение же этого плана лежит на обязанности городских и земских управ, а также участковых комитетов. Для урегулирования транзита, для правильного распределения недостаю-

[1] Следующая фраза отчеркнута сбоку Николаем.

щих на местах продуктов и координирования деятельности губернских советов по всей России необходимо создать высший правительственный орган, о котором сказано раньше. Членами этого органа должны быть лица, избранные по одному от всех губернских продовольственных советов.[1]

5. Не менее беспокоит русских людей на местах и то состояние ежедневной прессы, какое наблюдается в настоящее время во всей России. Вся она, за весьма незначительным исключением, поддерживает свое существование на еврейские и — более того — на интернациональные капиталы, принадлежащие нерусским банкам; не удивительно, что эта пресса с каждым днем усиливает свой злостный, антинациональный, противоправительственный и противоцерковный характер. Не удивительно, что кадетско-еврейские газеты, будучи в тесном союзе с главарями общеземских и общегородских организаций и действуя вполне солидарно с лидерами большинства Государственной Думы, напрягают все усилия к тому, чтобы перевоспитать русское общество в духе своих политических идеалов. Подхватывая на лету всё, что так или иначе дискредитирует правящие круги и консервативные элементы, эти газеты очень часто симулируют мнение страны, чтобы сбить с толку умеренные круги, чтобы революционировать огромные массы трудящегося люда. Осмеивая и забрасывая грязью патриотически-стойких людей и целые сословия, за которыми привыкло итти все многочисленное деревенское население России, вожди и вдохновители революционной прессы, подобно германцам, попирают все божеские и человеческие законы. Для них не существует в России ни святынь, ни исторических прав, ни национальных устоев. Ненавидя всё русское, всё национально-православное, уходящее корнями в глубину веков, они упорно внушают читателям свою заветную мечту добиться ответственного министерства, как первого этапа по пути к осуществлению республиканского трафарета.

Долг правительства немедленно осуществить следующие две меры. Во-первых, необходимо издать на все время военных действий закон, безусловно воспрещающий печатание речей, резолюций и статей, направленных против системы управления или существующего строя, а также призывающих к недоверию к правительству и осуждающих иерархов русской церкви и тем смущающих совесть народа. Во-вторых, правительство обязано заполнить тот печальный пробел в условиях интеллектуальной жизни широких народных масс, какой является самым уязвимым местом для всех враждебных и нерусских влияний, — мы говорим о полном отсутствии на местах русских национальных газет.[2]

---

[1] Весь следующий 5-й пункт отчеркнут сбоку Николаем.

[2] С начала абзаца и до сих пор отчеркнуто сбоку Николаем двумя линиями.

Народ вынужден читать кадетско-еврейскую прессу, вынужден знакомиться с жизнью России в ложном освещении ее внутренних врагов. День за днем, слово за словом, ложь за ложью, — и революционная пресса верно идет к намеченной цели. Было время, когда наше правительство, в лице покойного Столыпина, сознало свой долг перед русским народом, когда оно прежде, (хотя и) [1] очень несмело, создавало на местах за счет государственного казначейства настоящие русские органы печати, вполне отвечающие духу, воззрениям и чаяниям коренного русского народа. Теперь, когда Россия, несомненно, переживает величайший исторический момент своего существования, когда рядом с опаснейшим натиском немцев идет внутри России самая жестокая борьба за всё русское, искони святое, начиная с языка и веры и кончая прерогативами царского престола, — теперь правительство должно помочь русскому народу иметь общественный язык, должно дать средства на издание дешевых русских газет в нескольких крупных городских центрах. Направленные во все села, деревни и даже хутора, написанные к тому же популярным языком, эти газеты будут для народа национально-политической школой. Народ жаждет сведений с поля битвы. Народ хочет иметь сведения о том, что делается в России и с кем ему по дороге. Вот почему необходимо, как можно скорее, начать издание русских народных газет в таких крупных городах, как Киев, Одесса, Харьков, Ростов-на-Дону, Москва, Нижний-Новгород и Самара. Каждая газета должна обслуживать несколько губерний. Например, киевская газета может быть направлена, при самой срочной пересылке, во все населенные пункты Киевской, Полтавской, Черниговской, Подольской и Волынской губерний. Затраченные на это просветительное дело казенные деньги принесут такую же пользу государству, какой мы ожидаем от народных школ и народных читален. Наконец, нельзя не учесть и того обстоятельства, что армия, в буквальном смысле слова, наводняется левой прессой. Все военные части юго-западного фронта должны получать из Киева национально-русские газеты и здоровую литературу. Наши культурно-просветительные силы охотно принимают на себя издательские функции, если на это будут отпущены средства.[2]

6. Русские национальные круги г. Киева крайне обеспокоены отсутствием подготовительных мер к выборам в V Государственную Думу. От состава и национального блока этой Думы будет зависеть многое в грядущих судьбах России.

Не допуская и мысли о продлении полномочий нынешней Государственной Думы, по причине ее абсолютного нежелания работать в условиях существующего государственного строя, русские национальные круги г. Киева, на основании опыта преж-

---

[1] Поставленное в скобках добавлено по смыслу.
[2] Последняя фраза отчеркнута Николаем сбоку двумя линиями.

них лет, находят безусловно необходимым немедленно приступить прежде всего к детальной разработке плана выборов на местах и затем уже к очень сложным работам в центре, от которых будет зависеть осуществление всего выборного проекта. Подготовительные работы на местах потребуют для своего осуществления значительных перемен, затраты средств и много времени. Необходимо по каждой губернии выяснить и точно определить, при каком наличном составе административных лиц и при каких условиях самой техники выборов можно гарантировать благополучный исход выборного дела в известный момент.

II.

Доклад Николаю II о записке «русских кругов» Киева председателя совета министров кн. Голицына.

Вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше препроводить ко мне представленную вашему величеству председателем Государственного Совета[1] записку с изложением взглядов представителей русских общественных кругов г. Киева по поводу современных запросов политической жизни. На означенной записке вашим величеством собственноручно начертано: «Записка достойная внимания».

Вследствие сего обязываюсь всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что упомянутая записка несомненно заслуживает внимательного соображения и, во исполнение высочайшего предуказания, затронутые в ней вопросы будут подвергнуты подробному обсуждению в одном из ближайших заседаний совета министров. В частности, долгом поставляю отметить, что один из возбужденных составителями записки вопросов — о необходимости обязательного привлечения к ответственности городских голов за допущенные ими в собраниях противоправительственные речи и постановления — уже получил свое разрешение: особым секретным циркуляром министра внутренних дел вменено губернаторам в обязанность привлекать к законной ответственности председателей городских дум и земских собраний за допущение политических резолюций противоправительственного содержания.

Князь Николай Голицын.

10 января 1917 г.

---

[1] Щегловитовым, которому эта записка была передана «русскими кругами» Киева.

I. ПОДЛИННИКИ ГЛАВНЕЙШИХ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ, НАПЕЧАТАННЫХ В ТЕКСТЕ КНИГИ В ПЕРЕВОДЕ.

La lettre de M. Poincaré, Président de la République Française, à l'Empereur Nicolas II.

PRÉSIDENCE
DE LA
RÉPUBLIQUE

Paris, le 25 avril 1916.

Cher et Grand ami,

Depuis le début des hostilités les membres du Gouvernement de la République ont eu fréquemment l'occasion de se rendre soit à Londres, soit à Rome, de même que les membres des Gouvernements Britannique et Italien sont venus à Paris pour conférer des questions qui intéressent les pays alliés. La distance et les difficultés des communications ont empêché jusqu'ici les ministres français d'aller présenter leurs hommages à Votre Majesté et s'entretenir un peu avec leurs collègues russes. Seul, M. Bark a pu, il y a plusieurs mois, passer quelques jours en France et en Angleterre. Les entrevues qu'il a eues avec les Cabinets de Londres et de Paris, les nombreuses rencontres que se sont ménagées les représentants des autres nations alliées, les conférences répétées qu'ils ont eues entre eux, ont produit de si heureux effet que, malgré la longueur du voyage, le Gouvernement Français a cru utile de confier à deux de ses membres une mission du même genre auprès du Gouvernement de Votre Majesté Impériale. Je remercie Votre Majesté d'avoir accueilli ce projet avec la bienveillance accoutumée.

L'intime collaboration des Gouvernements alliés eut, comme n'a cessé de penser Votre Majesté, la condition nécessaire de la coordination et de la méthode dans la conduite générale de la guerre. Nous nous sommes promis les uns aux autres de ne déposer les armes que d'un commun accord et aprés la victoire définitive.

Nous devons donc jusque là concerter attentivement nos efforts, confronter notre expérience mutuelle et, dans la mesure du possible compléter reciproquement nos moyens. Si Votre Majesté veut bien recevoir M. Viviani et M. Albert Thomas et les autoriser à examiner avec leurs collègues russes les problèmes dont il peut être utile de rechercher ensemble la solution, ces conversations aboutiront, sans doute, beaucoup plus rapidement à des conclusions pratiques que les correspondances postales ou télégraphiques. Votre Majesté connaît M. Viviani, aujourd'hui Garde des Sceaux et Vice-Président du Conseil; il était Ministre des affaires étrangères et Président du Conseil en 1914 et c'est en ces qualités qu'il m'a accompagné en Russie, à une date où Votre Majesté et moi, nous avions encore confience en la solidité de la paix européenne; il a été mêlé, avant et depuis la guerre, à toutes les grandes questions d'ordre politique et diplomatique et il est à même de les traiter au nom du Gouvernement de la République avec les Ministres de Votre Majesté, M. Albert Thomas, Sous-Secrétaire d'Etat, Ministre des Munitions, a dirigé en France, avec une remarquable intelligence et avec un zèle infatigable, la fabrication des pièces d'artillerie et des obus. Il sait mieux que personne le rôle décisif que jouent, dans la guerre actuelle, à côté de l'artillerie de campagne, l'artillerie lourde, l'artillerie à grande puissance et la quantité des projectils de gros calibres. Il a contribué à développer en France une production qui était et est encore malheureusement beaucoup trop limitée chez tous les alliés. Il a rassemblé, à cet effet, dans une action commune l'initiative de l'Etat et celle de l'industrie privée, il s'est assuré le fidèle concours des patrons et des ouvriers; et depuis de longs mois, toutes les forces productrices du pays sont employées à accroître notre matériel de guerre, sans que, jamais d'ailleurs, nous ayons encore atteint le niveau de plus en plus élevé des besoins. M. Albert Thomas pourra, je crois, donner à Votre Majesté et au Gouvernement Impérial de précieux renseignements sur les difficultés que nous avons rencontrées, ainsi que la manière dont nous les avons surmontées; et je serais heureux si le long apprentissage que nous avons fait pouvait épargner à la Russie quelques uns des mécomptes que nous avons connus. Dans les opérations combinées que préparent les Etats Majors alliés, le succès ne dépendra pas seulement de la vaillance des troupes russes, anglaises, italiennes, serbes, belges et français; il tiendra, en grande partie, à la puissance de l'artillerie et à la richesse en munitions. Il est d'autant plus nécessaire d'accélérer chez tous les alliés la fabrication des pièces et des obus que c'est le seul moyen d'abréger, pour la Russis et pour la France, les souffrances de l'invasion, de limiter la durée de la guerre et de donner aux batailles prochaines un caractère décisif. La France est aussi résolue que jamais à lutter jusqu'au bout, mais les ruines effroyables amoncelées dans les provinces envahies, les énormes charges financières qu'elle supporte, les pertes sanglantes qu'elle a éprouvées et qu'elle éprouve tous les jours

dans une population nationale relativement faible, la disparition graduelle d'une grande partie de la jeunesse, l'épuisement progressif de ses générations les plus robustes, tous ces lourds sacrifices qui ne lassent pas son courage, l'obligent à souhaiter que rien ne soit épargné par les alliés pour avancer l'heure de la victoire. Je vois que Votre Majesté est Elle-même pénétrée de la conviction que tout doit être tenté pour arriver à ce résultat. J'ai donc le ferme espoir qu'Elle voudra bien réserver un accueil favorable à Mm. Viviani et Albert Thomas.

Je prie Votre Majesté de recevoir, en même temps que mes voeux ardents pour la grandeur de la Russie et la gloire de son armée, l'expression de ma fidèle et constante amitié.

Raymond Poincaré.

Telegram from His Majesty the King to His Majesty the Emperor.

Information has reached me from more than one source including one undoubtedly well disposed neutral source, that german agents in Russia have recently been making great efforts to sow division between your country and mine by exciting mistrust and spreading false reports of the intentions of my government. In particular, I hear that it is repeated and in some quarters believed, that England meant to oppose the possession or retention of Constantinople by Russia. No suspicion of this sort can be entertained by your government which knows that the Agreement of March 1915 was made by my government with the concurrence of the leaders of the opposition who were especially called into Council for the purpose and who are now members of the government.

But I am distressed to think that any doubts should exist anywhere in Russia as to British good faith and permanent intentions.

I and my government consider the possession of Constantinople and other territory as stipulated in the Agreement made by us with Russia and France during this war to be one of the cardinal and permanent conditions of peace when the war has been carried to a successful end.

I earnestly hope that, if in this or any other of the matters between us you think it desirable, you will at any time instruct your Ministers to enter into the frankest explanations with my government or will yourself communicate direct with me.

You know, my dear Nicky, how devoted I am to you, and I can assure you that my government regards your country with equally strong feelings of friendship, and we are determined to stand by the promises we have made as your allies. So do not allow your people to be misled by the evil workings of your enemies.

(signed) Georgie.

Telegram from His Majesty the Emperor to His Majesty the King.

I thank you for the frank manner of explaining to me your distress that doubts might exist in my country as to British good faith.

I have written to you several times that I was happy to see how the feelings of deep friendship towards English were taking more root among my people and my army and navy. Certainly there are individuals who do not share this opinion, but I shall try to cope with them. What I consider more serious to fight against is the influence of some of our banks which were before the war in German hands and whose influence makes itself strongly but invisibly felt, — especially so in the slow fulfilling of the orders for fabrication of war material and ammunition etc.

I have often drawn my Government's attention to this fact. I trust that M-r Bark will overcome this difficulty.

I feel sure that a short official communication made by My Government stating that England and France consider the possession of Constantinople and the straits by Russia as a permanent condition of peace will quieten all spirits and disperse every mistrust.

(signed) «Nicky».

Resumé of conversations with the Emperor and Reichskanzler of Germany respectively.

In continuation of previous efforts and at the desire of His Majesty I proceeded to Berlin on 16-th of March last. On the next day I had a conversation with Reichskanzler v. Bethmann-Holweg, whom I stated the motives that had made the King of Denmark offer his services in the cause of a general peace.

The Chancellor responded by expressing his gratitude toward the King of Denmark who, he fully understood, had altered his meditation only in the interest of a general peace.

It was apparent that the Chancellor held a strong and unshaken conviction that Germany had in self-defence been forced into the war. He was emphatic in saying that Germany had not entered into the war with any intention of boundary extension, but merely for the purpose of securing a lasting peace and a peaceful development of her world's trade. But the subsequent course of events had been such that brought Germany no compensation for its great sacrifices, and he feared that the Belgian question would be fraught with great difficulties, and the German people difficult to console for the wrongs it had suffered especially on the part of the British nation.

According to a telegram from the Emperor of Germany I proceeded the next evening in the company of the Reichskanzler to the General Head Quarters, where we arrived about 5 o'clock the

following afternoon. The Emperor received me immediately after our arrival exclaiming: — «What calamities have come on the world since I saw you last!»

Having conveyed the King of Denmark's greetings I briefly stated the sentiment that had been guiding His Majesty in offering his services in the interest of peace. And in conformity with His Majesty's desire I asked the Emperor not to interpret this as undue interference, but as an outcome of the King's sincere wish to contribute what lies in his power towards restoring the blessings of peace to the world. His Majesty beside being on friendly terms with the Emperor was closely related to the Emperor of Russia and the King of England, and this fact coupled with the said ardent desire was His Majesty's excuse for offering mediation. The Emperor replied: — «Only a King can mediate in the present affray, and of all Kings none is in a better position to do so than King Christian of Denmark. Please convey to the King my warm thanks for his highminded offer».

The Emperor said that on the occasion of his visit to Russia during the Russian-Japanese war and afterwards at Reval the Emperor of Russia had promised that Russia would never draw sword against Germany. England had only shown contempt for Germany and had systematically endeavoured to isolate her in order to check her peaceful world's trade. On one of his (the Emperor's) visits to England Sir Edward Grey had on one occasion been present for the purpose of exchanging views with him, but during half an hour's conversation had hardly touched politics. On another occasion his son had had a conversation with Sir Edward Grey for the same object — and with the same result. He (the Emperor) was half English and his dear Grandmother had died in his arms. Had she still been alive, there would have been no war between Germany and Great Britain.

I observed that I had the impression that the Emperor of Russia held the opinion that the mobilisation had been forced upon Russia by Austria, and that Russia had only drawn her sword in selfdefence upon the declaration of war by Germany. From my conversations with Sir Edward Grey I had further received the impression that England had sincerely striven to come to an understanding with Germany and that for that purpose Lord Haldane had undertaken the journey to Germany. And I added that it appeared to me that the war had been brought about by sheer misunderstanding, and were the present sentiments further cultivated, peace would still be far away, and if the nations of war had the resources in men and material as allied, Europe might outlive another Seven Years war.

The Emperor said I must have received the impression that Germany had a financially and military excellent position, and in spite of all endeavours, the German army was still deep in France. French soil at the back of the German armies was being cultivated with German implements and under German supervision

for future supply, for the German people and armies. The land I had passed through to-day was undergoing a «wirtschaftliche Germanisierung». The manner in which he had been treated prevented him from approaching his foes, but he was open to listen to any proposals they might wish to submit through the King of Denmark. He was quite aware that the King could not interest himself in a separate peace, but in spite of all that happened, he still believed that the best road to peace went through the good heart of the Czar, but had no objection to England's leading or following. — And the Emperor added verbatim: — «Aber der kommende Friede muss ein dauernder Friede sein, geschlossen auf einer dem deutschen Volke und seinen Opfern würdigen Basis».

I referred to a conversation about 10 years ago at Bernstorff, when the Emperor had said that a United Europe was the best protection against the yellow peril, and added that in my opinion it would be the best protection also against green envy. The Emperor said that Great Britain, not he, had inaugurated the system of the «balance of power» in Europe. I suggested that a United Europe would be the «balance of power» in the world, to which the Emperor uttered: — «Yes, facilitate that». The Emperor concluded by requesting me to convey his greetings and sincere gratitude to the King of Denmark for his kindhearted exertions in the interest of peace, and added that he wished from the bottom of his heart that they would lead to the result the King desired.

In the evening before I left the Reichskanzler handed me a note from the Emperor reading as follows:

«Inliegend Zahlen die Andersen eventuel zur Information des Czaren gebrauchen könnte.

Das «Genfer Rote Kreuz» hat folgende Zahlen veröffentlicht: Tote, Verwundete, Gefangene, Dienstuntaugliche bis zum 1 Februar 1915.

I. Deutschland u. Oesterreich . . . . . 2 751 000 Mann
Dreiverband . . . . . 6 567 000 »
also 1 : 2 . 5.

II. Hierbei sind die Verluste der Russen in der Massuren-Schlacht und der Franzosen in der Champagner-Schlacht nicht einbegriffen, diese betragen gegen mehr als $^1/_4$ Million.
In Deutschland sind 10 000 Offiziere 378 000 Mann gefangen.

III. Frankreich hat den Jahrgang 1916 bereits eingestellt. Russland muss ihn den 1 April einstellen.

Deutschland wird den Jahrgang 1915 erst am gesetzlichen Termin am 1 October 1915 einstellen.

The letters of the King of Sweden Gustaf V to Nicolaï II.

Stockholm. Febr. 16-th 1915.

1.

My dear Nicky,

Having heard that there is a question of exchange of wounded prisoners of war between Russia and Germany — Austria, I hasten to send you these lines. I want to assure you that it would be a great satisfaction to me if I could be of any use in this matter and I am most willing to do what I can to facilitate this transaction and to give necessary instructions to my authorities for the fulfilment of this charitable purpose.

You can well understand, dear Nicky, how deeply impressed I am by all the horrors of this terrible war. And it is only natural that my thoughts should dwell upon the possible means of soon bringing this dreadful menslaughter to an end. I am not able to judge when this may be attainable, but my conscience bids me to tell you, that I would at any moment that might, sooner or later, seem convenient to you be ready to offer you my services.

If you find my suggestions worthy a thought I would feel very happy, and at all events I hope you will kindly send me a few words, so that I may hear your opinion on this matter.

In remembrance of our old friendship I feel convinced that you will not misunderstand my adressing these lines to you.

With much love to you and Alix, ever, dear Nicky, your affectionate cousin and friend

Gustaf.

2.

Stockholm. May 29-th 1916.

My dear Nicky,

As you have permitted me that I always could write to you quite openly if I have something upon my heart I now send you these lines.

First of all I wish to thank you for your kind message through your minister on his return from Petrograd some time ago. I appreciate very much your assurances of friendship and good neighbourly relations, which I heartily reciprocate.

I remember with sincere gratitude that in 1908 the thest pending delicate question regarding the Aland Islands was satisfactorily arranged by your kind personal intervention. Now, not less than at that time both houses of the swedish parliament have

unanimously expressed their opinion that this question is a vital one for Sweden. I hope therefore that you will also now manifest your friendly interest in facilitating the negociations which, from one point of view, it is desirable should take place soon.

My earnest wishes are that they will conclude in mutual understanding and so contribute to strengthen the good relations between our two countries.

With my best love to you and Alix I am, dear Nicky, your affectionate cousin and old friend.

Gustaf.

The letter of Nicolaï II to the King of Sweden Gustaf V.

My dear Gustaf,

Let me thank you for your letter as well as for your assurance of friendship and good neighbourly relations, which gave me much pleasure.

I remember the negociations of 1908 concerning the Aland Islands.

Russia took then very much to heart the careful handling and settling of the question to Sweden's satisfaction.

When this terrible war broke out we were forced to take precautionary measures in those islands, the imperative necessity of which, I am sure, you quite well understand. At the same time as those steps were been applied my Gov-nt, on its own initiative, eighteen months ago, warned the swedish Gov-nt about them and gave it frank and quietening explanations concerning the real meaning of those defence works on some of the Aland isles.

Not long ago, by special order, my minister at Stockholm repeated the same assurances. Therefore, I think, there is no reason for apprehension about this question in your country.

If nevertheless you think it advisable that the Swedish Gov-nt should enter into new negociations with mine, I give my consent.

But it is of vital importance that they are carried on both sides in the same conciliatory spirit; only on the ground of real reciprocity on safeguard mutual interests for the strengthening of good neighbourly relations.

Ц. Ставка.
4 июня 1916 г.

II. ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, НАПЕЧАТАННЫХ В НАСТОЯЩЕЙ КНИГЕ.

Перечень этот имеет целью представить некоторые, самые необходимые, сведения относительно напечатанных документов, а именно:

а) отметить, печатается ли документ с подлинника, или с копии;

б) если документ напечатан в тексте книги в переводе, то указать, на каком языке написан подлинник;

в) если документ принадлежит не к архиву Николая II, а сохранился в бумагах Штюрмера (или — в одном случае — Маклакова), то также это отметить.

В настоящее время все напечатанные в книге документы хранятся в особом отделе Архива Октябрьской Революции РСФСР.

Указывая соответствующие страницы книги, приводим вышеозначенные сведения.[1]

Стр. 8 — 10. Письмо Пуанкарэ к Николаю II. С подлинника. Подлинник на французском языке (см. стр. 294 — 296).

Стр. 12 — 17. Телеграмма английского короля Георга V Николаю II. С экземпляра, представленного последнему. На английском языке (см. стр. 296).

Телеграмма Николая II Георгу. С копии окончательного текста отправленной телеграммы, сохранившейся в бумагах Штюрмера. Из сличения этого текста с сохранившимся в архиве Николая II написанным им черновиком этой телеграммы видно, что небольшие изменения, сделанные в нем А. Ф. Романовой (см. выноску на стр. 13), были Николаем приняты во внимание. Оригинал на английском языке (стр. 298).

Секретная телеграмма английского посла Бьюкенена Николаю II; на экземпляре, хранившемся в бумагах последнего, отмечено, что это — к о п и я телеграммы. Оригинал на английском языке.

Две телеграммы посла в Лондоне Бенкендорфа к Штюрмеру — с копий, на английском языке, сохранившихся в бумагах Штюрмера. Вторая телеграмма имеется также в русском переводе; по этому переводу она здесь и печатается (но с небольшими стилистическими поправками).

Телеграмма Штюрмера Бенкендорфу — с копии, сохранившейся в бумагах Штюрмера.

Стр. 27 — 29. «Резюме беседы с императором и рейхсканцлером» (Андерсена) — с подлинника, на английском языке; приложенная к «резюме» записка Вильгельма II — на немецком языке. Подлинный текст напечатан на стр. 297 — 299.

Стр. 33 — 34. Два письма короля шведского Густава V к Николаю II — с подлинника, на английском языке (подлинный текст на стр. 300).

---

[1] Следует отметить, что з а г о л о в к и напечатанных в т е к с т е книги документов, если они набраны разрядкой — принадлежат подлиннику, если курсивом — редакции.

Письмо Николая II к Густаву — с предварительного текста, написанного Николаем, на английском языке; текст не имеет поправок (см. стр. 301).

Стр. 38 — 40. Письмо сербского королевича Александра к в. к. Николаю Николаевичу — с копии (на пишущей машинке), на французском языке.

Письмо в. к. Николая Николаевича к королевичу Александру — с копии (на пишущей машинке).

Стр. 44. Секретная телеграмма посла в Париже Извольского, от 12/25 августа 1916 г. — с копии (бумаги Штюрмера).

Стр. 45 — 50. Два письма принца греческого Николая к Штюрмеру — с копии (на пишущей машинке), на французском языке.

Стр. 53 — 57. Две записки относительно возможности откола Болгарии от Германии — с подлинников, без подписей и дат.

Стр. 67 — 85. Доклад министра иностранных дел Покровского Николаю II «о работах союзнической конференции в Петрограде» — с подлинника.

Записка лорда Мильнера — с подлинника, на английском языке. Подписи автора записки нет, но на подлинном экземпляре Николаем II наверху карандашом написано: «Записка лорда Мильнера».

Стр. 91 — 105. Все письма министров к Николаю II напечатаны с подлинников. Письма Николая к Штюрмеру сохранились в бумагах последнего, письма Николая к Маклакову были отобраны у него после Февральской революции.

Стр. 117 — 162. Доклады Штюрмера Николаю II, все, кроме №№ 1, 9, 12 и 13, печатаются с подлинников, сохранившихся частью в бумагах Николая II, частью Штюрмера. Доклады за №№ 1, 9 и 12 — по копиям (в бумагах Штюрмера); доклад № 13 — по черновому тексту, им самим написанному (там же).

«Сводки» личных докладов Штюрмера Николаю (стр. 136 — 162) печатаются с подлинников, написанных на пишущей машинке (в бумагах Штюрмера).

Стр. 183 — 197. Все документы по польскому вопросу напечатаны с подлинников.

Стр. 208 — 222. Письмо Арсеньева к Сазонову — с копии.

Стр. 228 — 245. Все три записки о выборах в V Государственную Думу — с подлинников. Из бумаг Штюрмера.

Стр. 250 — 254. Доклад ген. Алексеева Николаю II об ускорении наступления Брусилова, от 13 мая 1916 г., — с подлинника.

Стр. 259 — 266. Доклад ген. Алексеева Николаю II об учреждении военной диктатуры, от 15 июня 1916 г., — с подлинника.

Стр. 270 — 275. Доклад Николаю II членов военно-морской комиссии Государственной Думы — с подлинника.

Стр. 279 — 282. Письмо Гучкова к ген. Алексееву — с копии, доставленной Николаю II Александрой Федоровной (см. письмо ее, от 22 сентября 1916 г., — «Письма А. Ф.», т. II, стр. 192).

Стр. 285 — 293. Записка «православно-русских кругов» Киева — с подлинника.

Доклад Николаю по поводу этой записки кн. Голицына — с подлинника.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН. [1]

Аганит, еписк. екатериносл. — 232.
Акимов, М. Г., предс. Г. С. — 162.
Аксенов, Л. Д., чл. сов. м-ра пут. с. — 145.
Александр, еписк. вологодск. — 234.
Александр (Карагеоргиевич), королевич сербский — 35 — 39, 148, 149.
Александра, английская королева — 23.
Алексеев, М. В., ген.-адъют., нач. шт. верх. главноком. — VII, 109, 136, 142, 144, 146, 147, 150 — 153, 158 — 160, 246 — 250, 254 — 256, 259, 266, 276 — 279, 281, 282.
Анастасий, еп. холомск. губ. — 241.
Ангелеско, румынск. м-р — 213.
Андерсен, дир. Вост.-Аз. пароходства — 22 — 27, 29, 31.
Андреевский, В. М., чл. Г. С. — 239.
Андрей (кн. Ухтомский), еписк. уфимский — 241.
Андро, ровенск. предв. дв. — 229.
Андроников, М. М., кн. — 111, 163, 224.
Антоний (Храповицкий), архиеп. харьковский — 235.
Анциферов, Н. Н., нач. гл. упр. местн. хоз. — 245.
Арсений, б. архиеп. харьковский — 235.
Арсеньев, Б. К., первый секр. русск. миссии в Румынии, затем бессарабск. в.-губ. — 198, 200 — 205, 207, 208, 222, 233.
Арцимович, М. В., витебск. губ. — 232.

Багговут, А. К., полтавск. губ. — 238.
Багратион, ген.-м. — 158.
Бадмаев, П. А., тибетский «врач» — 110, 112, 169.
Балашов, П. Н. чл. Г. Д. — 230.
Бальфур, англ. ст.-секр. по иностр. д. — 60.
Бальц, В. А. тов. м-ра вн. д. — 154.
Баратов, Н. Н. ген. — 142.
Барк, П. Л., м-р фин. — 8, 13, 100, 129, 164.
Батюшин, Н. С., ген.-м., предс. ком. по расследов. деят. банков — 142 — 144.
Башилов, П. П., Уфимск. губ. — 241.
Безак, Ф. Н., киевск. предв. дв. — 229, 230.
Белецкий, С. П., директ. департ. полиции, тов. м-ра вн. д. — 98, 107, 116
Беляев, полк. — 280.
Беляев, М. В., ген., нач. ген. шт., пом. воен. м-ра, потом воен. м-р — 130, 137, 145, 157, 159, 279 — 281.
Бенкендорф, А. К., гр., русск. посол в Лондоне — 11, 14, 15, 17, 19, 168.
Бетман-Гольвег, герм. канцлер — 22, 24, 26, 27, 66, 67, 183.
Блондель, фр. посл. в Румынии — 204, 205, 213.
Бобринский, А. А., гр., чл. Г. С., тов. м-ра вн. д., потом м-р. землед. — 118, 159, 226, 241, 282.
Бондырев, Ф. В., могил. предв. дв. — 231.
Борис, княжич болгарск. — 52, 53, 149.
Борисов, П. И., предс. острожск. земск. управы — 229.
Боткин, П. С., русск. посл. в Португалии — 18, 142, 150, 169.
Боярский, П. М., казанск. губ. — 234.

[1] Фамилии авторов, цитируемых в книге изданий, в Указатель не включены.

Братиано, предс. румынск кабин. м-ров — 59, 68, 199, 204, 205, 208—210, 212 — 214, 217, 218, 221.
Бриан, франц. премьер-м-р и м-р иностр. д. — 44, 176, 191.
Брузати, итальянск. ген. — 251.
Брусилов, А. А., ген.-адъют., главноком. юго-зап. фронтом — 246, 248, 249, 254, 260.
Брянчанинов, А. Н., гласный псковск. губ. земства — 235.
Буладель, П. Ф., «союзник», изд. «Российского Гражданина» — 149, 167.
Бунин, В. И., предс. белебеевск. уездн. земск. упр. — 241.
Буржуа, Л., франц. полит. деят., лидер «радикалов» — 183.
Бурьянов, А. Ф., чл. Г. Д., с-д, меньш. — 163.
Бьюкенен, англ. посол в России— 11, 13, 14, 17—19, 43, 59, 64, 66, 68, 86, 149, 150, 167, 168, 169.
Бюнтинг, Н. Г., тверск. губ.— 239.

Варун-Секрет, С. Т., чл. Г. Д.— 232.
Василий, еписк. черниг. — 239.
Васильчикова, М. А., фрейлина — 23, 24, 31.
Велепольский, В., гр., флиг.-адъют. — 147, 178, 180, 181.
Велепольский, С., гр., чл. Г. С., предс. «польского коло» — 172, 173, 174.
Венизелос, греч. полит. деятель, предс. салоникского правит-ва— 40 — 42, 47, 48, 62, 142.
Веревкин, П. В., виленск. губ.— 231.
Веселкин, М. М., капит. 1 ранга, флиг.-адъют., нач. экспед. «особого назнач.» на Дунае — 207, 220.
Вивиани, в-предс. франц. каб. м-ров — VII, 3, 5, 7 — 9, 176, 177.
Виктор-Эммануил, итальянск. король — 247.
Виктория, англ. королева — 28.
Вильгельм II (Гогенцоллерн), герм. император — 22 — 29, 31, 41, 198, 283.
Вильсон, англ. ген. — 68.
Виталий, архимандрит — 229.
Витте, С. Ю., гр., б. предс. Сов. м-ров.— 22, 25, 86 — 89, 99, 100, 101, 104, 107, 108.
Владимир (Путята), еп. пензенск. — 234.
Войновский-Кригер, тов. м-ра п. с. — 145, 159.
Волжин, А. Н., об.-прокур. синода — 141.
Воронович, М. М., бессар. губ.— 232.
Вырубов В. В., гласн. пензенск. губ. земск. собр. — 234.
Вырубова (Танеева), А. А., фрейлина — 116, 170.

Гардинг, лорд, англ. гос. деят., ст.-секр. по иностр. д. — 17, 18, 169.
Гарин, Н. П., сенатор, ном. воен. м-ра — 69, 147, 279, 280.
Гейден, гр., винницк. предв. дв.—230.
Геннадиев, болгар. полит. деят.— 57.
Георг I, король греч. — 41.
Георг V, англ. король — 11 — 13, 19 — 20, 23.
Гермониус, Э. К., ген., главн. представ. по воен. заказам в Англии и Америке — 137, 263, 280.
Гершельман, Д. Ф., — тверск. в.-губ. — 239.
Гешов, болгарск. полит. деят., лидер партии «народников» — 57.
Глебов, Н. Н., чл. Г. С. — 239.
Гильмен, франц. посл. в Греции— 47.
Гиппиус, А. И., ген., ферганск. губ. — 140, 165.
Гирс, А. Ф., минский губ. — 230.
Годнев, И. В., чл. Г. Д. — 234.
Голицын, А. Д., кн., земец — 235.
Голицын, Н. Д., чл. Г. С., предс. сов. м-ров — 118, 285, 293.
Горемыкин, И. Л., предс. Сов. м-ров — 100, 104, 108, 175, 186.
Горчаков, С. В., кн., самарск. в.-губ. — 238.
Горчаков, С. Д., кн., б. калужск. губ. — 237.
Гревениц, Н. А., бар., херсонск. губ. — 231, 232.
Грей, Э., лорд, англ. ст.-секр. по иностр. д. — 16, 26, 28, 149.
Григорович, И. К., адм., морской м-р — 134, 162.
Григорьев, В. Н., ген., коменд. креп. Ковно — 273.
Грингмут, Е. Д., непремен. член черниг. губ. по земск. и гор. дел. присутствия — 239.
Грязев, Н. Д., ковенск. губ. — 231.
Гулькевич, К. Н., нач. 2 полит. отд. мин. иностр. д. — 216, 219.
Гурко, ген., и. д. нач. шт. верх. главноком. — 68.

Гурко, В. И., чл. Г. С. — 239.
Гурлянд, И. Я., чл. сов. м-ра вн. д. — 142 — 144, 226, 232, 241, 245.
Гусева, Хиония — 105.
Густав V, шведский король — 30, 32 — 34.
Гучков, А. И., чл. Г. С., лидер «октябристов» — VII, 95, 135, 136, 159, 160, 257, 276 — 279, 282.

Данило (Негош), королевич черногорск. — 148, 149.
Данилов, Г. Н., ген. — 244.
Дейтрих, В. Ф., чл. Г. С. — 138, 145, 153.
Демидов, Е. П., русск. послан. в Греции — 45, 47, 63.
Демидов, П. А., волынск. губ. предв. дв. — 229.
Демченко, В. Я., чл. Г. Д. — 230.
Дерусси, румынск. послан. в Болгарии — 51, 56.
Джунковский, В. Ф., ген., тов. м-ра вн. д. — 102, 103, 108.
Дмитрий, еп. рязанск. — 235.
Добровольский, А. А., чл. Г. Д. — 275.
Долгово-Сабуров, минск. предв. дв. — 230.
Дрибинцев, В. С., чл. Г. Д. — 231.
Друцкой-Соколинский, В. А., кн., могил. в.-губ. — 231.
Думерг, франц. м-р колоний (ныне президент. республики) — 58, 60, 64, 68, 69, 73.
Дусманис, греч. ген., нач. штаба — 44, 48.
Дьяченко, С. С., таврич. губ. — 241.

Евлогий, архиеп. волынск. — 229.
Евреинов, А. А., пензенск. губ. — 234.
Евреинов, С. Д., самарск. губ. — 238.
Европеус, В. И., Астрах. в.-губ. — 236, 240.
Ермолов, А. С., чл. Г. С., ст.-секр. — 235.
Еропкин земск. деятель — 235.
Ерофеев, ген., и. д. туркест. ген.-губ. — 140.
Ефремов, И. Н., чл. Г. Д. — 275.

Жевахов, Н. Д., кн., тов. об.-прок. синода — 141.
Жоффр, ген., главноком. франц. армией — 250, 252.
Журавский, б. уездн. предв. дв. старо-констант. уезда Волынск. губ. — 229.

Займис, предс. греч. каб. м-ров — 43, 46, 48.
Зайончковский, Н. Ч., тов. об.-прок. синода — 141.
Замойский, А., гр., флиг.-адъют. — 173, 180.
Зейн, Ф. А., финл. ген.-губ. — 157.
Зорка (Карагеоргиевич), жена Петра Карагеоргиевича, позднее короля сербского — 39.
Зубовский, М. И., олонецк. губ. — 236.

Иаков, еписк. казанск. — 234.
Игнатьев, А. Н., гр., киевск. губ. — 230.
Извольский, А. П., русск. посол в Париже; б. м-р иностр. д. — 16, 44, 176 — 178, 191, 192, 194.
Иллиодор (Труфанов), иеромонах — 105.
Иловайский, Д. И., историк — 285.
Исславин, М. В., Новгор. губ. — 237.

Кадорна, ген., нач. шт. итальянск. армии — 250, 251, 253.
Каменский, П. В., чл. Г. Д. — 232.
Карл (Гогенцоллерн), румынский король — 198 — 200, 209, 213, 217.
Карлотти-ди-Рипарбелла, маркиз, итальян. посол в России — 68.
Кароль, принц румынский — 199.
Кастельно, франц. ген. — 68, 73.
Катеринич, М. К., б. Харьковск. губ. — 235.
Кашкаров, Б. Д., холмск., а затем псковск. губ. — 241.
Келеповский, С. И., елисаветградск. уездн. предвод. дв. — 232.
Кемпнер — 195.
Керенский, А. Ф., чл. Г. Д. — 123.
Кисель-Загорянский, Н. Н., рязанск. губ. — 235.
Китченер, лорд, англ. воен. м-р — 7, 20, 280.
Климович, дир. деп. полиции — 142, 143, 144, 154, 155.
Ключарев, А. С., симб. губ. — 235.
Князев, Л. М., иркутск. ген.-губ. — 98.
Козелл-Поклевский, см. Поклевский-Козелл.
Козлов, А. В., воронежск., затем полоцкий в.-губ. — 237.
Козловский А. П., непремен. член калужск. губ. по земск. и город. дел. прис. — 237.

Коковцов, В. Н., гр., чл. Г. С., б. предс. Сов. м-ров — 94, 100, 104, 108, 115, 124, 162.
Колобов, В. А., екатериносл. губ.— 232.
Комсин, С. И., Г. С. сов. по выборам, а ранее чл. III Г. Д. — 239.
Коновалов, А. И., чл. Г. Д., промышлен. — 257.
Константин, греческий король — 40 — 45, 47, 61, 62, 98, 107.
Константинеско, румынский м-р — 210, 213.
Копель, З., служ. в киевск. уездн. земск. упр. — 289.
Костинеско, румынск. м-р — 213, 218.
Крейтон, В. Н., владим. губ.—233.
Кривошеин, А. В., главноупр. землед. и землеустр. — 94, 103, 104, 108.
Крупенский, П. Н., чл. Г. Д., («националист») камергер, секретн. сотр. деп. полиции — 116, 131.
Крыжановский, С. Е., гос. секретарь — 141.
Кубаровский, А. Е., непрем. чл. смол. губ. прис. — 238.
Куломзин, А. Н., предс. Г. С., ст.-секр. — 125, 148, 162.
Куракин, кн., б. яросл. губ. предв. дв. — 239.
Курлов, П. Г., ген.-л., б. тов. м-ра вн. дел и к-дир корп. жанд. — 137.
Куропаткин, ген. адъют. — 140.

Лавриновский, Н. Н., черниг. губ. — 239.
Лагиш, франц. ген. — 251.
Ламздорф, В. Н., гр., б. м-р иностр. д. — 25.
Лемницкий, М. М. чл. Г. Д. — 195.
Леонов, донской предв. дв. — 233.
Ллойд-Джордж, англ. воен. м-р — 67.
Лопухин, В. А., вологодск. губ.— 234.
Львов, Г. Е., кн., предс. союза земств и городов — 95.
Любич-Ярмолович, М. А., перм. губ. — 236.
Любомирский, С., кн. — 173, 177— 179, 194 — 196.
Люц, Л. Г., чл. Г. Д. — 232.
Лялевский, Б. Н., предс. вологодск. губ. земск. упр. — 229.

Макаров, А. А., м-р юст. — 137, 155.
Макензен, герм. ген. — 37.
Маклаков, Н. А., м-р вн. д., чл. Г. С. — V, 86, 88, 98, 105 — 107, 114.
Максимов, Н. Н., перм. в.-губ.— 236.
Манасевич-Мануйлов, И. Ф.— 109, 133, 228.
Маниковский, А. А., ген., нач. гл. арт. управл. — 261, 262.
Маргарита, принцесса шведская— 31.
Мария, принцесса датская — 22.
Марков 2-й, Н. Е., чл. Г. Д., «правый» — VII, 227, 275.
Матвеев, Д. Н., черниг. в.-губ. — 239.
Мельников, Н. А., предс. казанск. земск. упр. — 234.
Мендельсон, банкир — 100.
Мещерский, В. П., кн., изд. «Гражданина» — 90, 99, 108.
Милан, король сербский — 53.
Мильеран, франц. воен. м-р — 7.
Мильнер, виконт, чл. англ. каб. м-ров — 59, 64 — 66, 69, 77.
Милюков, П. Н., чл. Г. Д., лидер «кадетов» — VIII, 21, 117, 133, 150, 162, 276.
Мирко (Негош), кн. черногорск.— 167.
Митрофан, еписк. гомельский—230, 231.
Михаил, архиеп. гродненск. — 231.
Муравьев, предс. чрезв. следств. комиссии — III.
Муратов, Н. П., чл. Г. С. — 138, 145, 153.
Мышлаевский, А. З. ген., предс. «Металлич. комитета» — 136, 137, 144, 262.
Мякинин, А. П., подольск. губ.— 230.

Нарышкин, Л. К. — 87, 88, 101.
Наумов, А. Н., самарск. губ. предв. дв. — 238.
Неклюдов, А. В., русск. послан. в Стокгольме — 32, 33.
Нератов, А. А., тов. м-ра иностр. д. чл. Г. С. — 68.
Никодим, еписк. чигиринск. — 229.
Николай (Негош), король черногорск. — 39, 148, 149, 166, 167.
Николай, принц греч. — 41 — 46, 50.
Нольде, Б. Э., бар., дир. деп. мин. ин. д. — 150.

Оболенский, Н. Л., кн.,—139, 144
Оболенский, С. Д., кн., ставроп. губ. — 240.

Озеров, чл. Г. С. — 143.
Обнобишин, В. Н., сарат. губ. предв. дв. — 238.
Оленин, Б. А. — 237.
Олсуфьев, Д. А., гр., чл. Г. С.— 238.
Ольга Константиновна, королева греч. — 41.
Ольденбургский, А. П., принц, верх. нач. санит. части — 139, 153, 166.
Орлов, В. Н., кн., ген., пом. наместн. кавк. — 139, 165.

Палеолог, франц. посол в России— 3 — 6, 58, 60, 61, 68, 87, 176, 177, 179, 247.
Папа-Афанасопуло, И. А., волынский губ. предв. дв. — 229.
Парчевский, А. И., чл. Г. Д.— 195.
Патек, адвокат — 195.
Паукер, инженер — 159.
Пекори, итальянск. ген. — 251.
Пеликан Б. А., член союза р. н.— 229, 234.
Петкевич, Г. Б., ворон. губ.—237.
Петр I (Карагеоргиевич), король сербский — 39, 149.
Петрово-Соловово, Б. М., ген., рязанск. губ. предв. дв. — 235.
Пильц, А. И., могилевск. губ. — 231.
Пильц, Эразм (Piltz), польский публицист, чл. партии «реалистов» — 147.
Писаренков, Б. В., непрем. член вологодск. губ. прис. — 234.
Питирим, митроп. петрогр. — 141.
Плансон, Г. А., рус. послан. в Сиаме — 142.
Поклевский-Козелл, С. А., русск. послан. в Румынии — 56, 199 — 202, 204, 206, 208, 209, 211, 213 — 215, 218, 219, 221.
Покотило, В. И., ген., наказн. атам. Донск. об. — 233.
Покровский, Н. Н., госуд. контролер, потом м-р иностр. д. — 60, 62, 64, 67, 68, 77, 98, 107.
Поливанов, А. А., ген., воен. м-р — 114, 119, 120, 162, 164, 268, 277.
Прибыльский, Д. А., дубенский вол. губ. уездн. предв. дв. — 229.
Протасьев, Н. В., харьковск. губ. — 235, 238.
Протопопов, А. Д., м-р внутр. д.—97, 110—112, 156, 169—171.
Пуанкаре, президент Франц. респ.— VI — VIII 3 — 5, 8, 10, 42.
Пуришкевич, В. М., чл. Г. Д., «правый» — 227.

Радославов, предс. болгарск. каб. м-ров — 50, 51, 56, 57.
Раев, Н. П., чл. сов. м-ра нар. пр., потом об.-прок. синода — 141, 148.
Распутин, Г. Е. — III — IV, VI и VII, 20, 21, 86, 92, 105, 106, 108— 114, 116, 142, 162, 163, 169 — 171, 224, 249, 258, 269, 274, 277, 279.
Ревельсток, лорд, англ. полном. м-р — 68.
Рейн, Г. Е., чл. Г. С., лейб-хирург— 153, 159, 165, 166, 229.
Ренгартен, П. А., витеб. предв. дв. — 231.
Родзянко, М. В., предс. Г. Д.— 91, 95, 96, 106, 109, 113, 115, 116, 133, 136, 154, 171, 232, 257, 258, 278 — 280.
Розен, А. Ф., бар., витебск. в.-губ.— 231.

Романовы:
Александр I, имп. — 176, 186, 187.
Александр III Александрович, имп. — 166, 207, 283.
Александра Федоровна, имп-ца — 6, 13, 20, 21, 24, 31, 34, 41, 42, 86, 108 — 112, 114 — 116, 133, 163, 169, 170, 171, 179 — 181, 223, 257, 258, 274, 276 — 278.
Алексей Николаевич, в. к., наследник — 181.
Анастасия Николаевна, в. к.— 39.
Анна Иоанновна — 89.
Екатерина II Алексеевна имп-ца — 186.
Мария Федоровна, имп-ца— 23 — 24, 41, 138.
Михаил Александрович, в. к. — 277.
Николай I, имп. — 176, 185, 187.
Николай II, — III, V — VIII, 3 — 13, 17 — 25, 30 — 34, 40 — 45, 49, 51, 52, 58 — 60, 64, 66, 67, 76, 77, 86 — 93, 97 — 117, 119, 121, 122, 124 — 126, 129, 130, 136, 137, 162, 165 — 166, 169 — 171, 173, 175—183, 191, 194, 196 —202, 207, 224, 227, 247 — 250, 255, 256, 258, 259, 265, 267 — 270, 274, 276 — 278, 285 — 287, 290 — 293.
Николай Михайлович, в. к.— 198.
Николай Николаевич, в. к., верховн. главноком., потом—наместник кавказский — 35 — 40, 165, 172, 174, 200, 201, 222, 258, 268, 269, 274.
Петр I Алексеевич, имп. — 141.

Сергей Михайлович, в. к., ген.-инсп. артилл. при верховн. главноком. — 68, 69, 257.
Татьяна Николаевна, в. к. — 199.

Ромен, полк., итальянск. воен. агент в России — 252, 253.
Ронжин, С. А., ген. нач. воен. сообщ. на театре воен. действ. — 159, 244.
Рубинштейн, Д. Л., банкир, директор Рус.-франц. банка — 111, 142 — 144.
Руджери-Ладерни, гр., итальянск. ген. — 68.
Рузский, Н. В., ген.-адъют., главноком. сев.-зап. фронтом — 155.
Руманов, А. В., журналист — 143.
Русин, А. И., адм., нач. морск. штаба верх. главноком. — 68.
Рухлов, С. В., чл. Г. С., б. мин. п. с. — 162.

Саблер, В. К., об.-прок. синода — 94, 102, 108.
Савенко, А. И., чл. Г. Д. — 230.
Савич, Н. В., чл. Г. Д. — 275, 281.
Сазонов, С. Д., м-р иностр. д., чл. Г. С. — 4, 5, 11, 13 — 15, 17, 18, 21, 66 — 68, 73, 105, 108, 109, 162, 175 — 179, 183, 187, 191, 192, 194, 198 — 204, 206, 208, 214, 218.
Салтыков, А. А., тамбовск. губ. — 239.
Самойленко, Б. Н., предс. минск. губ. земск. упр. — 230.
Саррайль, франц. ген., главноком. салоникской армией — 41, 42, 71.
Сверчков, Д. Н., чл. Г. Д. — 275.
Семиградов, Д. Н., чл. Г. С. — 232.
Серафим, архиеп. смоленск. — 226, 239.
Скобелев, М. И., чл. Г. Д., с.-д. меньш. — 163, 164.
Смирнов, А. В., чл. Г. Д., протоиерей — 234.
Соколовский, И. Н., астрах. губ. — 240.
София, королева греч. — 41.
Стахович, М. А., член Г. С. по выборам — 234.
Степанов, А. В., тов. мин. вн. д. — 158.
Стишинский, А. С., чл. Г. С. — 144.
Столыпин, П. А., б. предс. Сов. м-ров — 88, 89, 104, 143.
Страховский, И. М., б. вятский губ. — 236.
Стремоухов, П. П., варшав. губ. — 119.
Стрижевский, М. В., б. казанск. губ. — 234.
Струве, П. Б., экономист — 150.
Стурдза, румынск. журналист — 220, 221.
Суворин, А. С., издатель «Нового Времени» — 99.
Судзиловский, В. А., предс. могилевск. земск. упр. — 231.
Сухомлинов, В. А., б. воен. м-р — 111, 133.
Сухомлинов, Н. А., ген., б. оренб. губ. — 240.
Сухомлинов, Н. Ф., чл. Г. С., херсонск. предв. дв. — 232.

Танеев, А. С., главноупр. «собственной е. и. в. канцелярией» — 119.
Татаринов, полк., военный агент в Румынии — 51, 55 — 57.
Татищев, Д. Н., гр., ген., командир корпуса жандармов, а ранее Яросл. губ. — 157, 239.
Тверской, С. Д., саратовск. губ. — 238.
Тимашев, С. И., чл. Г. С., б. м-р торг. и пром. — 279.
Тодоров, болгарск. полит. деят., лидер «народников» — 51, 56, 57.
Толстой, А. А., пензенск. в.-губ. — 234.
Толстой-Милославский, С. С., казан. предв. дв. — 234.
Тома, А., франц. полит. деят., м-р воен. снабж. и помощн. госуд. секрет. — VII, 3 — 10, 163, 176, 177.
Трепов, А. Ф., м-р пут. сообщ., затем — предс. Сов. м-ров — 21, 159, 282.
Трепов, Ф. Ф., ген.-адъют., чл. Г. С., б. киевск. ген.-губ. — 229.
Тройницкий, А. Н., тульск. губ. — 235.
Трубецкой, Г. Н., кн., нач. ближневосточн. отд. мин. ин. д. — 216.
Трубецкой, Е. Н., кн., чл. Г. С. — 237, 238.
Тюлин, М. С. ген., оренб. губ. — 240.

Урусов, Н. П., кн., сенат., екатериносл. предв. дв. — 148, 232.

Феофан, еписк. полтавск. — 237.
Фердинанд (Кобург), болгарский царь — 50, 52, 53, 55 — 57, 149.
Фердинанд (Гогенцоллерн), румынский король — 217.
Фере, В. Ю., смолен. в.-губ. — 238.
Филипп, «доктор» — 87.
Филиппеско, румынский госуд. деят., б. воен. м-р — 210, 213.

Флавиан, митроп. киевский — 229.
Фогель, Евг. С., нач. отд. канц. Сов. м-ров — 158.
Франкфурт, С., уполномоч. м-ва земледелия — 289.
Фролов, П. А., ген., пом. воен. м-ра — 130, 136, 137, 140.

Харитонов, П. А., госуд. контролер — 98.
Харузин, А. Н., б. тов. м-ра вн. д. — 232.
Хаустов, В. И., чл. Г. Д., с-д. меньш. — 164.
Хвостов, А. А., м-р юст., затем — м-р вн. д. — 143, 144, 154, 179.
Хвостов, А. Н., м-р вн. д., чл. Г. Д. — 116, 143, 154, 157, 162, 163, 166, 223 — 227.
Хозиков, И. В., костромск. губ. — 240.
Холдэн, лорд, англ. госуд. деят., б. воен. м-р — 26, 28.
Хомяков, Н. А., чл. Г. Д. — 238.
Храповицкий, В. С., владим. губ. предв. дв. — 233.
Христиан IX, датский король — 23.
Христиан X, датский король — 22, 23, 28.

Ченыкаев, Н. С., калужск. губ. — 237.
Чихачев, Д. Н., чл. Г. Д. — 275.
Чхеидзе, Н. С., чл. Г. Д., с.-д. меньш. — 118, 162, 163.

Шалойя, чл. итальянск. каб. м-ров — 68, 69, 71.
Шателен, С. А. тов. м-ра фин. — 68.
Шаховской, В. Н., кн., м-р торг. и пром. — 159, 282.
Шведов, Н. К. ген., — 141.
Шебеко, Н. Н., б. русский посол в Австро-Венгрии — 216.
Шидловский, С. И., чл. Г. Д. — 162, 164.
Шиловский, П. П., б. костромск. губ. — 240.
Шингарев, А. И., чл. Г. Д. — 269, 275.
Ширинский-Шахматов, А. А., кн., б. сарат. губ. — 238.
Шмурло, Г. Ф., чл. Г. С. по выб. — 240.
Шрамченко, М. Н., б. вологодск. губ. — 234.
Штюрмер, Б. В., предс. Сов. м-ров (с января по ноябрь 1916 г.), м-р вн. д. (с марта по июль), м-р ин. д. (июля по ноябрь) — III — IV, 5 — 7, 11, 13 — 15, 17 — 19, 21, 42, 43 — 45, 51, 52, 98, 99, 107 — 117, 119 — 122, 124 — 126, 130, 132, 134, 136, 137, 155, 160, 162 — 164, 167, 169 — 171, 176, 178 — 182, 191, 194, 197, 226 — 228, 241, 243, 256, 258, 277, 282.
Шуваев, Д. С., ген., воен. м-р — 134, 145, 161, 280.
Шульгин, В. В., чл. Г. Д. — 275.
Шумахер, А. Д., чл. Гос. Сов. по выб. — 235.
Шумовский, К. А., смоленск. губ. — 238.

Щегловитов, И. Г., м-р юст., чл. Г. С. (потом его председатель) — 101 — 103, 108, 162, 293.
Щербатов, Н. Б., кн., м-р вн. д. — 102, 103, 230.

Эверт, А. Е., ген., главноком. зап. фронтом — 159, 244, 248.
Эдуард VII, англ. король — 26.
Эллершау, англ. ген. — 280.
Эллиот, англ. послан. в Греции — 47, 48.
Энгель, полк., русск. воен. агент в Италии 250 — 253.
Энгельгардт, В. П., чл. Г. С. — 238.
Эрдели, Я. Е., б. минский губ. — 230.
Эренталь, австр. м-р ин. д. — 16.
Эрнст-Людвиг, в. герцог Гессенский — 31.
Эрцбергер, герм. полит. деят. — 52, 53.
Эттер, Н. С., русск. послан. в Персии — 142.

Юаншикай, — 258.
Юсупов, Ф. Ф., кн. — 106.

Якунин, В. В., б. екатеринославск. губ. — 232.
Янушкевич, Н. Н., ген., пом. наместн. кавказск. — 244.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловие	III
Миссия Альбера Тома (Письмо Пуанкарэ к Николаю II)	3
Русско-английские трения 1916 г.	11
Мирное посредничество датского короля	22
Переписка Николая II с королем шведским Густавом V	30
Из области русской политики на Балканах:	
I. Россия и Сербия	35
II. Россия и Греция	40
III. Россия и Болгария	50
Конференция «союзников» в Петрограде 1917 г.	58
Из переписки Николая II с министрами	86
Доклады Штюрмера Николаю II	109
Польский вопрос	172
К истории выступления Румынии («Измена» русского посланника)	198
Проект выборов в V Гос. думу	223
К истории наступления армий Брусилова	246
План военной диктатуры (1916 г.)	255
Государственная дума и военные поражения 1915 г.	267
Ген. Алексеев и Гучков	276
Николай II и «правые»	283
Приложения:	
I. Подлинники главнейших иностранных документов, напечатанных в тексте книги в переводе	294
II. Перечень документов, напечатанных в настоящей книге	302
Указатель личных имен	304

312 d